МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 4 / 2017

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2017

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – ректор СКФУ (председатель); **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Авидзба В. Ш.** – к-т филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Ерохин А. М.** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Старилов Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Федотов О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Крючков И. В. – д-р ист. наук, профессор (председатель); **Апрыщенко В. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Амбарцумян К.Р.** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В**. – д-р филол. наук, профессор; **Ежова Е. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Лепилкина О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Ломтева Т. Н.** – д-р пед. наук, профессор; **Московская Н. Л.** – д-р пед. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебряков А. А.** – д-р филол. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор, **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.
Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017

HUMANITIES AND LAW STUDIES
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief
Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief
Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Sumskoy D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Avidzba V. Sh.** – PhD in Philology, the Head of the D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities of the Abkhazian Academy of Sciences; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Erokhin A. M.** – Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Professor; **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Fedotov O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor (chairman); **Apryshchenko V. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Ambartsumyan K. R.** – PhD in History (executive editor); **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Ezhova E. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Lepilkina O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Lomteva T. N.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Moskovskaya N. L.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakov A. A.** – Doctor of Philology, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.
Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus Federal University”, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Гладышева А. С. Венгерская революция 1956 г. и некоторые аспекты внутренней политики коммунистического режима в Румынии 8
Гущян Л. С. Четыре послания армянских вардапетов по поводу армяно-латинских соглашений XIV–XV вв. 15
Дудайти А. К. Мирный процесс на Ближнем Востоке: западноевропейская дипломатия и арабо-израильский конфликт в начале 90-х гг. XX в. 22
Зайцева Е. С., Скворцов А. М. Поздняя Римская империя в отечественной историографии XIX – первой половины XX вв. 29
Захарченко О. Н. Социально-экономические и политические изменения во Франции в последней трети XIX – начале XX в. как фактор развития богемы 41
Кажаров А. Г., Цолоев Т. С. Общественно-политическая деятельность горской интеллигенции на Северном Кавказе в условиях русской революции 1917 г. 47
Крючков И. В. Ирак и Аравия во внешней торговле России в конце XIX – начале XX вв. в донесениях российских дипломатов 54
Кузьминов П. А., Мамсиров Х. Б., Венков А. В. Либеральная историография северокавказских сословных отношений в XIX в. 62
Култышев П. Г. Весна 1917 года в России: революционная эйфория и революционное насилие как маркеры общественных настроений и поведенческих практик 69
Лиховид А. А., Сердюкова А. И., Шальнев В. А. История изучения природы и животного населения Предкавказья в XIX – начале XX веков 75
Любушкина Е. Ю. Миссионерская деятельность на Ставрополье во второй половине XIX – начале XX вв. 81
Моисеева Е. Н. Память об античном прошлом во французском колониальном дискурсе последней трети XIX в.: «места памяти» в контексте колониальной пропаганды 87
Островская И. В. Русские и пророссийские общественные объединения, общественно-политические движения Севастополя и Крыма (1991–1997 гг.) 94
Пантюхина Т. В. Октябрьская революция 1917 года в освещении газеты «Нью-Йорк таймс» 100
Покотилова Т. Е. Народное образование в Ставропольской губернии в конце XIX века в контексте «стабилизирующих контрреформ» 107
Романова Н. В. Реализация культурной политики на Ставрополье в эпоху «оттепели». По материалам Ставропольского краевого управления культуры 113
Трапш Н. А. Российские герои Отечественной войны 1812 года в абхазской истории первой половины XIX века 120
Чомаев З. А. Статус военнопленных в религиозно-правовой системе мусульман в период раннего ислама 127

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Золоева З. Т., Койбаев Б. Г. Глобализация международных отношений и ее влияние на развитие международного права 133
Рыженков А. Я. Принципы обращения с отходами: проблемы и пути решения 138
Смирнов Д. А., Боташева Л. Э. Запреты в финансовом праве: понятие, виды и формы реализации 145
Трофимов М. С., Диреганова А. В. Правовое закрепление права на образование в Южной Осетии и технические характеристики системы общего образования в условиях масштабного реформирования 150
Шишкин В. А. Особенности закрепления норм об ответственности за лесонарушения в «Уставе лесном» (Ч. 1. Т. VIII «Свода законов российской империи») 156

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Борисов А. А. Доминантные типы пейзажных описаний в вербализации категории текстовой когерентности 163
Головко Н. В. Особенности формирования словника ассоциативно-метафорического словаря русского языка для нужд автоматизированных систем обработки текстов (АМС-АСОТ) 168
Грушевская Е. С. Стратегический потенциал успешной коммуникации в дискурсивном пространстве 174
Гусаренко С. В. Прагматика релевантности в современном русском тексте-описании (на материале художественных и учебно-научных текстов) 179
Кабылкина Н. С. Роль прагматического эффекта языковой игры в тексте анимационного сериала как специфического языкового жанра 183
Каменский М. В. Дискурсивные средства прагматического воздействия в цикле графических романов Арта Шпигельмана «Maus» 189
Купреева И. В. Ценностная доминанта категории насилия в новейшей русской драматургии 195
Мнацаканян Е. Ж. Путешествие Валерия Брюсова на Кавказ, атнология «Поэзия Армении» и Ованес Туманян 203
Нагамова Н. В., Чепурина И. В. Функциональная и транслатологическая специфика поэтического текста как вербализатора эстетического смысла 210
Ходус В. П., Багдасарян А. Г. Влияние языка драм А.П. Чехова на структурно-семантическую организацию драматургических текстов Т. Уильямса 215
Шейко Д. В. Смысловые градации в рамках синонимических отношений группы слов со значением «непроверенная, недостоверная информация» 221

РЕЦЕНЗИИ

Беликов А. П. Новый полезный учебник. Рецензия на учебное пособие Никишина В. О. «История Древнего Мира. Древний Рим: учеб. пособие для академического бакалавриата». М.: Изд-во Юрайт, 2017. 299 с. 226
Рощупкин А. Ю. Рецензия на книгу Тропина Н. А. «Н. А. Ридингер – калужский полицмейстер середины XIX века». Воронеж: Научная книга, 2017. 72 с. 234

ЮБИЛЕИ

Трапш Н. А., Трут В. П. «Археолог факта» и «прилежный летописец» донской истории: к 70-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Агафонова 238

Информация об авторах 242

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Gladysheva A. The Hungarian revolt of 1956 and some aspects of the internal policy of the communist regime in Romania 8
Gushchian L. S. Four charges of the Armenian Vardapets' regarding the Armenian-Latin consents in the XIV–XV centuries 15
Dudaiti A. K. The peace process in the Middle East: western diplomacy and the Arab-Israeli conflict in the early 90s of the XX century 22
Zaytseva E. S., Skvortsov A. M. The late Roman Empire in the reflection of domestic historiography (XIX – first half of the XX centuries) 29
Zakharchenko O. N. Socio-economic and political changes in France in the last third of the XIX – early XX centuries as a factor of bohemianism development 41
Kazharov A. G., Tsoloev T. S. Public-political activity of the mountain intellectuals in the North Caucasus in the conditions of the Russian revolution of 1917 47
Kruichkov I. V. Iraq and Arabia in Russian foreign trade at the end of the XIX – beginning of the XX centuries in the reports of Russian diplomats 54
Kuz'minov P. A., Mamsirov Kh. B., Venkov A. V. The liberal historiography of North Caucasus class relations of the XIX century 62
Kultyshev P. G. The spring of 1917 in Russia: revolutionary euphoria and revolutionary violence as markers of public sentiment and behavioral practices 69
Likhovid A. A., Serdyukova A. I., Shalnev V. A. The history of the study of nature and animal population in the Pre-Caucasus in the XIX – the beginning of the XX centuries 75
Luybyshkina E. Yu. Missionary activity in the Stavropol territory in second half XIX – early XX century 81
Moiseeva E. N. Memory of the antique past in the French colonial discourse of the last third XIX century: the "memory sites" in the colonial propaganda 87
Ostrovskaya I. V. Russian, proporsional public associations, socio-political movements of Sevastopol and Crimea (1991–1997) 94
Pantyukhina T. V. New York times on the October revolution of 1917 100
Pokotilova T. E. National education in Stavropol province at the end of the XIX century in the context of "stabilizing counter-reform" 107
Romanova N. V. Cultural policy in Stavropol territory in the Khrushchev's thaw. On materials of Stavropol regional department of culture 113
Trapsh N. A. Russian heroes of the 1812 Patriotic war in the Abkhazian history of the first half of the XIX century 120
Chomaev Z. A. The status of prisoners of war in the religious and legal system of Muslims in the early period of Islam 127

LEGAL SCIENCES

Zoloeva Z. T., Koybaev B. G. Globalization of international relations and its impact on the development of international law 133
Ryzhenkov A. J. Principles of waste management: problems and solutions 138
Smirnov D. A., Botasheva L. E. Prohibitions in financial law: the concept, types and forms of implementation 145
Trofimov M. S., Direganova A. V. Legal assignment of the right to education in South Ossetia and technical characteristics of the system of general education in the conditions of large-scale reform 150
Shishkin V. A. Features of fixing the norms of responsibility for forestry violations in "The forest charter" (P.1 Vol. VIII "Code of laws of the Russian Empire") 156

PHILOLOGICAL SCIENCES

Borisov A. A. Dominant types of landscape descriptions in verbalizing the text category of coherence 163
Golovko N. V. Peculiarities of vocabulary construction in the associative-metaphoric dictionary of the Russian language designed for the needs of automated text processing systems (AMD-ATPS) 168
Grushevskaya E. S. Strategic potential of successful communication within the discursive dimension 174
Gusarenko S. V. Pragmatics of relevance in modern Russian text-description (derived from literary and educational scientific texts) 179
Kabylkina N. S. The role of pragmatic effect of play of words in the text of animation series as a specific speech genre 183
Kamensky M. V. Discursive means of pragmatic influence in the series of graphic novels “Maus” by art Spiegelman 189
Kupreeva I. V. A value dominant of violence in contemporary Russian drama 195
Mnatsakanyan E. J. The Caucasian trip of Valeri Bryusov, the anthology of ‘’Armenian poetry’’ and Hovhannes Toumanyan 203
Nagamova N. V., Chepurina I. V. Functional and translational specifics of poetic text as aesthetic sense verbalization 210
Khodus V. P., Bagdasaryan A. G. The influence of A.P. Chekhov’s drama language on the structural-semantic organisation of T. Williams’ dramatic texts 215
Sheiko D. V. Meaning gradations in a synonymic group of words “unreliable information” . 221

REVIEW

Belikov A. P. New useful textbook. Book review: Nikishin V. O. “Ancient world history. Ancient Rome: Textbook for academic baccalaureate”. M.: Yurayt Publishing House, 2017. 299 p.] 226
Roshchupkin A. Yu. Book review: Tropin N. A. “N.A. Ridinger – Kaluga police in the middle of the XIXth century”. Voronezh: scientific book, 2017. 72 p. 234

ANNIVERSARIES

Trapsh N. A., Trut V. P. «Archaeologist of fact» and «diligent chronicler» OF the Don history: to the 70th anniversary of the birth of Anatoly Ivanovich Agafonov 238

Information about the authors 245

УДК 94(439)08

А. С. Гладышева

ВЕНГЕРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1956 Г. И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В РУМЫНИИ[1]

Статья посвящена отклику в румынском обществе на венгерские события осени 1956 г. и раскрывает меры, принятые коммунистическим режимом в Румынии в целях нейтрализации венгерского влияния на ситуацию в стране. Как показывает автор, антиправительственные выступления в Румынии в дни венгерской революции, хотя и носили локальный характер, представляли серьезную угрозу для режима Румынской рабочей партии. Негласное объявление в стране чрезвычайного положения, привлечение сил МВД и Министерства обороны для охраны правопорядка, ряд репрессивных мер, грамотная политическая работа с населением, принятие важных экономических решений, помогли партийному руководству страны удержать ситуацию под контролем и предотвратить повторение венгерского сценария в Румынии. В статье отмечается, что венгерская революция вошла в число внешних факторов, повлиявших на формирование специфической румынской модели социализма с ее более независимой внешней политикой и стремлением оградить страну от разрушительных для правящего режима веяний извне.

Ключевые слова: венгерская революция 1956 г., Румыния, Трансильвания, Г. Георгиу-Деж, Н. Чаушеску.

A. S. Gladysheva

THE HUNGARIAN REVOLT OF 1956 AND SOME ASPECTS OF THE INTERNAL POLICY OF THE COMMUNIST REGIME IN ROMANIA

The article is devoted to the response to the Hungarian events of the autumn of 1956 in Romanian society and reveals the measures taken by the communist regime in Romania in order to neutralize the Hungarian influence on the situation in the country. As the author shows, anti-government demonstrations in Romania in the days of the Hungarian revolution, although of a local nature, posed a serious threat to the regime of the Romanian workers' party. The latent announcement of emergency state in the country, the involvement of the Interior Ministry and Ministry of Defense forces to protect law and order, a number of repressive measures, competent political work with the population, and also the adoption of important economic decisions helped the party leadership to keep the situation under control and prevent the recurrence of the Hungarian scenario in Romania. The article notes that the Hungarian revolution was one of the external factors that influenced the formation of a specific Romanian model of socialism with its more independent foreign policy and the desire to protect the country from destructive influences from the outside world.

Key words: the Hungarian revolt of 1956, Romania, Transylvania, Gheorghe Gheorghiu-Dej, Nicolae Ceauşescu.

Румыния в буквальном смысле вмешалась в венгерские события осени 1956 г., продемонстрировав Москве приверженность внутриблоковой политике. Активная позиция Бухареста была обусловлена рядом факторов. В немалой мере она была вызвана страхом коммунистического лидера этой страны Г. Георгиу-Дежа стать жертвой политики десталинизации,

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 17-18-01728 «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР.

а это, в свою очередь, вынуждало его безоговорочно поддерживать политические шаги Н. С. Хрущева и его окружения на венгерском направлении. Кроме того, Бухарест был обеспокоен возможным усилением ирредентистских, ревизионистских настроений в самой Венгрии и возобновлением румыно-венгерского территориального спора за право на обладание Трансильванией. Внутри страны ситуация усугублялась присутствием сильной и во многом самодостаточной венгерской диаспоры в Трансильвании, которая в любой момент могла солидаризироваться с венгерскими повстанцами.

В статье рассмотрена внутренняя политика режима Румынской рабочей партии (РРП) осенью 1956 г., ставшая реакцией на оживленные отклики в разных слоях населения (среди рабочих, крестьян, интеллигенции, военных, но особенно среди студентов, а также среди выходцев из так называемых эксплуататорских классов) на венгерские события. Хронологические рамки исследования не ограничиваются 1956 г., т.к. репрессивная политика, ставшая следствием событий в Венгрии, продолжалась в Румынии вплоть до 1959 г. Весьма велико также влияние венгерской революции на формирование начиная со второй половины 1950-х годов специфической румынской модели социализма со всеми особенностями ее внешней и внутренней политики.

Для румынских граждан СМИ являлись главным источником информации о происходящем в соседней стране. Материалы прессы и радио находились в дни революции под контролем группы функционеров «идеологического фронта» во главе с И. Кишиневским (П. Никулеску-Мизил, М. Апостол, В. Думитреску) [2. p. 95]. Официальная пресса не давала полной картины событий, сообщения из революционного Будапешта носили скудный характер. Несмотря на это, выпуски главной партийной газеты “Scânteia” («Искра») раскупались в невиданных ранее масштабах (это было отмечено и издательством), а люди, читая между строк, начинали осознавать сложность ситуации в Венгрии [3, p. 615]. Многим был доступен и другой канал информации – радиовещание, причем не только румынское и венгерское, но также и западное. Именно обсуждение информационных сводок зарубежных радиостанций дало повод для неформальных молодежных собраний, заставляло людей задуматься о возможности повторения венгерского сценария в Румынии, порождало самые нелепые слухи о положении в Венгрии.

Самую большую активность осенью 1956 г. проявили студенты, причем не только венгры, но и румыны. Наиболее яркие отклики в Румынии на венгерские события произошли в университетской среде Бухареста, Клужа и Тимишоары. Оппозиционные настроения в студенческой среде Бухареста усилились в сентябре 1956 г., т.е. ещё до начала венгерской революции. Информацию о событиях в Польше и Венгрии студенты получали из репортажей зарубежных радиостанций. Информаторы румынской политической полиции (Секуритате) из университетской среды докладывали о встречах студентов в коридорах факультетов и общежитий, в ходе которых они комментировали последние услышанные новости. На университетских стенах появлялись надписи, призывавшие румынских студентов занять собственную позицию и поддержать своих сверстников в других странах. По мнению И. Боки, бездействие властей только обострило ситуацию в студенческой среде. Возникают студенческие общества и ассоциации, на заседаниях которых молодежь позволяла себе выступать с открытой критикой условий студенческой жизни. Но оппозиционные настроения, конечно, не ограничивались студенческой молодежью. Примечательно, что первыми участниками протестных акций были члены Объединения рабочей молодежи (ОРМ) [4, p. 172].

В румынской столице ядром оппозиционных настроений стал филологический факультет Бухарестского университета. 23 октября студент 5-го курса Т. Лупаш выступил перед своими коллегами в коридоре факультета, проинформировав их о событиях в Венгрии. Более того, он написал статью о решениях XX съезда КПСС в отношении «культа личности», связав их с ситуацией в Румынии. В сопровождении своего друга Ш. Негря он передал статью в редакцию газеты “Scânteia Tineretului” («Молодежная искра»). 25 октября оба молодых человека были арестованы. На следующий день были задержаны и подвергнуты допросу еще три студента-филолога, участвовавших в дискуссии 23 октября. Ш. Негря и Т. Лупаш были осуждены на 3 года по обвинению в «публичном подстрекательстве» в соответствии со статьей 327 УК РНР. Студенты планировали организовать открытое собрание 5 ноября, но 3 ноября его руководители были арестованы [4, p. 174–175].

24 октября протесты начались в трансильванском городе Клуже в стенах Института изобразительных искусств (ИИИ), где в этот день состоялось несанкционированное руководством заведения студенческое собрание.

В нем приняли участие около 300 студентов из клужских университетов Бабеша и Бойяи. Его инициировал студент ИИИ этнический венгр Имре Балаж, только что вернувшийся из поездки в Будапешт. Он призвал собравшуюся публику поддержать студенческие манифестации в Венгрии. 25 октября в Клуж приехал член партийного руководства М. Константинеску, чтобы урегулировать обстановку в студенческой среде. Инициаторы протестного движения И. Балаж и А.В. Тырнован были арестованы в тот же день. По решению суда они получили по пять лет исправительной колонии и были досрочно освобождены в 1959 г. [4, p. 175].

Обострение ситуации в Венгрии совпало с ответным визитом Г. Георгиу-Дежа в Югославию во второй половине октября 1956 г. Эта поездка стала важным шагом в процессе нормализации партийно-государственных отношений с Белградом, прервавшихся вследствие советско-югославского конфликта 1948 г. Получив из Бухареста информацию о положении в Венгрии, румынский лидер, не дожидаясь окончания переговоров, покинул делегацию и вернулся в Бухарест. Несмотря на то, что обострилась обстановка в студенческой среде Бухареста, Клужа и Тимишоары, руководство страны, хотя и пошло на довольно радикальные меры, официально режим чрезвычайного положения всё же не провозгласило. Для нас представляют интерес решения, принятые на заседаниях Политбюро, состоявшихся 24, 26, 30, 31 октября, 15 ноября 1956 г. и посвященных анализу внутриполитической и внутриэкономической ситуации.

24 и 26 октября экстренные заседания Политбюро ЦК РРП проводились без участия Г. Георгиу-Дежа под председательством Г. Апостола. На заседании от 24 октября после получения информации о событиях в студенческой среде Бухареста были приняты превентивные меры по охране правопорядка в РНР, а также по укреплению румыно-венгерской границы силами МВД (в случае необходимости планировалось привлечение и ресурсов Министерства обороны), в т.ч. по ее закрытию для свободного перемещения без паспортов с визами и аннулированию текущих запросов на поездки в Венгрию из РНР. Л. Сэлэжану и А. Дрэгичу было поручено оценить боеготовность армии, в т.ч. состояние военной техники, и усилить контроль над воздушным пространством страны. Органы Секуритате и милиция должны были предпринять меры по охране телекоммуникаций (радиовещание, почта, телефон, телеграф), важных предприятий и учреждений, зданий партийных и государственных органов в центре и регионах [2, p. 75–76].

Для предотвращения протестных настроений и открытых антиправительственных выступлений в регионы были направлены некоторые члены Политбюро и ЦК РРП. В Клужскую область, как говорилось выше, поехал М. Константинеску, в Венгерскую автономную область (ВАО) в Восточной Трансильвании – секретарь ЦК РРП Я. Фазекаш, в Орадю – А. Сенкович, в Байя Маре – М. Мужик, в Тимишоару – П. Лупу, в Констанцу – Г. Стойка. Одновременно в Трансильванию были направлены партактивисты, хорошо известные в соответствующих ее регионах, для помощи местным органам в разъяснении местным парторганизациям ситуации в Венгрии, а также для осуществления контроля над прессой, выходившей на венгерском языке, тем более что редакция газеты “Előre” («Вперед») колебалась в вопросе о поддержке официальной оценки венгерских событий как контрреволюционного мятежа [2, p. 53–54]. Внимание было обращено на настроения не только венгров, но также и немцев Трансильвании и Баната. После возвращения в Банат лиц, депортированных в Бэрэганскую степь в годы советско-югославского конфликта, среди немцев стали ходить слухи о возможной эмиграции в ГДР с целью воссоединения семей. Для пресечения этих слухов в соответствующие общины были направлены немецкие партактивисты, в частности Ф. Гельтц и А. Брейткнхофер. Под усиленным контролем в эти дни оказалась и католическая церковь в РНР [2, p. 76–77].

Особое внимание члены Политбюро уделили мерам по организации разъяснительной работы в первичных парторганизациях, региональных комитетах Объединения рабочей молодежи (ОРМ), а также в профсоюзах, университетах, на предприятиях, в армии, среди крестьян и т.д. [2, p. 77, 92]. События в Венгрии интерпретировались в соответствии с позицией румынского правительства, обсуждалась лишь та информация, которая публиковалась в официальной прессе, партактив пресекал на собраниях попытки связать венгерские события с польскими (активизацией в те же недели в Польше движения за расширение национального суверенитета). Стоит подчеркнуть довольно грамотный подход руководства страны к проведению этих мероприятий. В частности, работа осуществлялась не единовременно во всех учреждениях, а пошагово. Для этого собрания проводились при участии небольших групп людей. Политбюро видело в этом возможность оценить на-

строения интеллигенции, военных, рабочих, крестьян и принять соответствующие меры [2, p. 77]. Однако в этом можно усмотреть и другую цель – предотвратить одновременные скопления большого количества людей, которые могли бы дать организованный отпор властям в случае обострения ситуации. Разъяснительную работу на крупных предприятиях проводили руководители профсоюзных комитетов, со студентами общались активисты партии, ОРМ и преподаватели вузов, являвшиеся членами партии. К обсуждению ситуации в Венгрии были привлечены и лица, вступившие в партию еще в годы ее подпольной деятельности.

На заседании Политбюро от 26 октября было принято решение учредить при каждом местном партийном и государственном органе временный комитет из 3-4 человек, который отвечал бы за исполнение решений партии и правительства. Такие комитеты собирались два раза в день для анализа ситуации в регионе и дважды в день передавали наиболее важную информацию в Секретариат ЦК РРП [2, p. 77]. Отдел партийных органов ЦК РРП на основании данных региональных комитетов партии практически ежедневно готовил информационные бюллетени о реальной ситуации на местах. В первую очередь давалась характеристика положению в регионах с венгерским населением (Сталин (Брашов), Тимишоара, Клуж, Байя Маре, Орадя, ВАО), где, по понятным причинам, возник наибольший интерес к событиям в Венгрии. Кроме того, информация о т.н. нездоровых настроениях поступала из регионов Галац, Сучава, Питешти, Крайова, Бухарест. В ходе проведения разъяснительной работы в первичных организациях на заседаниях поднимались острые вопросы, касающиеся ситуации в ВНР, например: каковы реальные причины мятежа в Венгрии, кто снабдил мятежников оружием, почему к студентам присоединились рабочие, зачем было необходимо советское вторжение, как известный уклонист И. Надь мог стать главой Совета министров, не желают ли венгры присоединить Северную Трансильванию и т.п. [2, p. 86]. Поступала информация о распространении антиправительственных листовок, воззваний, прокламаций, о появлении надписей на стенах университетов, жилых домов, в общественных туалетах и т.п. Бюллетени являлись важнейшим источником информации о настроениях жителей Румынии и их реакции на события в Венгрии. Они свидетельствовали о неоднозначных оценках происходящего в соседней стране, о догадках людей об истинных причинах революционных брожений в Будапеште. На основании этих аналитических материалов Политбюро принимало ключевые внутриполитические решения, направленные на усиление охраны правопорядка по всей стране.

Не менее грамотной была оценка экономической ситуации в стране. Уже 24 октября члены Политбюро затронули проблему продовольственного снабжения городов, особенно крупных промышленных центров с большим скоплением рабочих. Для улучшения продовольственного снабжения населения и пресечения в новых условиях фактов спекуляции продтоварами Политбюро 26 октября постановило сформировать в каждом регионе специальную группу, в которую должны были войти заместитель председателя народного совета, руководитель торгового отдела народного совета, региональный представитель по закупкам, глава регионального объединения потребительских кооперативов, член бюро или секретарь комитета партии, отвечающий за решение экономических вопросов. Региональные группы ежедневно информировали о своей деятельности Бухарест, где при Совете Министров была учреждена группа во главе с А. Могиорошом. Она занималась решением проблем со снабжением на высшем государственном уровне и состояла из компетентных сотрудников Министерства пищевой промышленности, Министерства торговли, Министерства закупок и продовольственных кооперативов, Центрального совета профсоюзов, отделов потребительских товаров, транспорта и телекоммуникаций ЦК РРП [2, p. 93]. Хотя меры по улучшению продовольственной ситуации в стране были приняты в кратчайшие сроки, из регионов продолжала поступать информация о нехватке продуктов (мука, сало, рис, растительное и сливочное масло) или об их неудовлетворительном качестве [2, p. 115, 117].

Среди экономических мер, направленных на стабилизацию обстановки в стране, обострившейся под влиянием венгерских событий, было решение о контроле за своевременной выплатой зарплат и проведении единовременных расчетов с крестьянами при закупке сельскохозяйственной продукции [2, p. 93]. 27 ноября Совет министров принял постановление об увеличении бюджетов ВАО (НСМ 2221/27.10.1956) и Тимишоарской области (НСМ 2221/27.10.1956), а также бюджета Народного совета Бухареста. Так была заложена база для увеличения зарплат рабочим в самых неспокойных регионах. 28 ноября из Сталинской области в ЦК поступила информация

о проблемах с выплатой зарплат, озадачившая местные власти. Официально зарплаты были подняты, но в запланированных фондах не было необходимого количества денег [2, p. 121]. 2 ноября Совет министров принял постановление о выплате зарплат сотрудникам почтово-телеграфно-телефонной службы Румынии в соответствии с установленными нормами, чтобы не провоцировать недовольство людей, ответственных за ключевые каналы поступления информации.

В конце октября – начале ноября 1956 г. по всей стране МВД проводит мероприятия по проверке т.н. неблагонадежных элементов (выходцев из эксплуататорских классов, бывших легионеров, бывших членов либеральных и монархических партий, лиц, репатриированных из капстран в РНР и т.п.). Первым репрессиям в дни венгерской революции в Румынии подверглись несколько студентов филологического факультета Бухарестского университета, задержанных 25–26 октября по подозрению в публичном подстрекательстве к дестабилизации внутриполитической ситуации. Большинство задержанных было отпущено на свободу с подачи Политбюро ЦК РРП. Партийное руководство в дальнейшем решило пресекать аресты, не санкционированные Политбюро (его представителем Г. Апостолом), чтобы не усугублять положение в стране и не давать повода для новых протестов. Аресты без санкции Политбюро могли проводиться только в особых случаях, но при условии обязательного уведомления руководства партии в течение 24 часов [2, p. 94].

Информационные бюллетени от 27–29 декабря свидетельствовали о том, что в ряде регионов продолжала сохраняться нестабильная ситуация, особенно это касалось Тимишоары. Там центром студенческого движения стал инженерный факультет Политехнического университета, где инициативная группа 27 октября начала подготовку к студенческому собранию, запланированному на 30 октября. В назначенный день в столовую Политехнического университета, где проходило собрание, пришло около 3000 студентов. Власти в последний момент узнали о собрании, поэтому в его работе приняли участие ректор университета, деканы факультетов, заместитель министра образования К. Дрэгулеску, член ЦК РРП П. Лупу и кандидат в члены ЦК И. Вердец. На заседании была озвучена специально подготовленная программа, состоявшая из 12 пунктов по аналогии с прокламациями будапештских студентов, обнародованными в канун венгерской революции. Наряду с классическими студенческими требованиями (стипендии для всех студентов, университетская автономия) были выдвинуты и более радикальные: изъятие русского языка из обязательной программы обучения в вузах, сокращение часов на изучение марксизма. В программе были представлены также экономические (отмена обязательных для крестьян квот сдачи государству продовольствия, повышение зарплат рабочим, отмена налогов с зарплат) и выходившие далеко за рамки университетской жизни политические (вывод советских войск из страны, реальная ликвидация последствий «культа личности») требования [5, p. 689]. Показательно появление требования внешнеэкономического характера, в известной мере предвосхитившего новый вектор в политике РРП, четко обозначившийся с начала 1960-х годов – речь идет о развитии равноправных экономических отношений со всеми странами, в т.ч. капиталистическими.

В самый момент проведения собрания Политбюро, боясь развития событий по тому же сценарию, который воплотился в жизнь в Будапеште 23 октября, приняло решение предпринять аресты студентов. Здание университета было окружено военными и после завершения собрания его участников задерживали либо сразу, либо уже в общежитиях. 31 октября был организован марш протеста, в котором приняли участие 1000 студентов. Продолжались массовые аресты. Арестованные по решению Политбюро были изолированы и сосредоточены в специальном месте Бучикерул Мик, откуда после допросов на проверку благонадежности и подписания заявления об отказе солидаризироваться с простестующими многих отпускали. Перед судом предстало лишь 30 человек [3, p. 627]. Тем временем, среди рабочих в Тимишоаре стали распространяться слухи, что если бы они поддержали студентов, те не подверглись бы арестам. Член Политбюро ЦК РРП А. Могиорош характеризовал в эти дни ситуацию в Банате как крайне нездоровую [3, p. 653].

Вечером 30 октября состоялось заседание Политбюро под председательством Г. Георгиу-Дежа. Ввиду дальнейшего осложнения ситуации в ВНР и манифестаций в Тимишоаре было решено усилить политработу среди рабочих и молодежи, принять дополнительные меры по охране зданий региональных парткомов и народных советов, важных госучреждений, предприятий, организовать специальные вооруженные группы для их охраны с привлечением надежных членов партии, ОРМ и профсоюзов [2, p. 144]. Для координации

действий и принятия оперативных мер на основании решения Политбюро было создано с 22 часов 30 октября Главное Управление (ГУ) под руководством члена Политбюро Э. Боднэраша, находившееся в непосредственном подчинении Политбюро (Г. Георгиу-Деж) и Совета министров (К. Стойка). В его состав вошли Н. Чаушеску, А. Дрэгич, Л. Сэлэжан. ГУ получило право принимать любые меры, необходимые для охраны порядка, включая право прерывать учебный процесс в вузах, право применения огня против оппозиционеров режима и право провозглашения чрезвычайного положения в отдельных регионах (последнее – с одобрения Политбюро). Для заслушивания отчета ГУ Политбюро решило собираться каждый день [2, p. 144–145].

На следующий день на заседании Политбюро был одобрен уже вступивший в действие проект постановления ЦК и Совета министров о создании ГУ. Его функции были прописаны четче: принятие мер по охране партийных и государственных органов, транспорта и телекоммуникаций, фабрик и заводов, зернохранилищ, складов с медикаментами, оружием и т.п.; приведение войск и службы безопасности в боевую готовность на случай необходимости предотвращения волнений; организация вооруженных отрядов на предприятиях. В подчинение ГУ перешли Министерство обороны, МВД, Военная прокуратура, военные суды, отряды, охранявшие партийные и государственные структуры, а также предприятия и пр. учреждения. Главой оперативной структуры ГУ был назначен генерал-лейтенант И. Тутовяну, а руководителем секретариата Н. Муйкэ [2, p. 150].

Исходя из данных информационных бюллетеней, можно сделать вывод, что в последующие дни в регионах продолжались общественные брожения. Перелом наступил лишь после провозглашения в Венгрии 4 ноября Венгерского рабоче-крестьянского революционного правительства во главе с Я. Кадаром, приведенного к власти при прямой советской военной помощи. 5–7 ноября на партсобраниях, собраниях ОРМ, а также коллективов предприятий, университетов и т.д. обсуждалось формирование нового правительства в ВНР, доводилось до публики письмо ЦК РРП от 5 ноября, адресованное этому правительству, началась подготовка к празднованию очередной годовщины октябрьской революции в России. Информационный бюллетень от 7 ноября отражал начавшуюся стабилизацию ситуации в Галаце, Констанце, Питешти, Сталине (Брашов), Крайове, Ораде, Клуже, Байя Маре, Плоешти, Бакэу, Сучаве и ВАО. Отдельные «провокации» были засвидетельствованы лишь в Тимишоаре и Бухаресте. В целом, оппозиционные настроения в обществе пошли на спад.

Итоги деятельности партии и правительства в условиях возникновения в Румынии «нездоровых» откликов на венгерские события Политбюро подвело 15 ноября. На заседание был приглашен Я. Фазекаш, отчитавшийся о проведенной им политработе в ВАО, где он возглавлял областную парторганизацию. М. Константинеску поделился результатами своей деятельности в Клуже, а А. Дрэгич рассказал о мерах, принятых ГУ. Работа членов партии и деятельность органов, созданных в дни революционных событий, оценивалась положительно. Было решено продолжить политработу среди молодежи и студентов, позаботиться об активизации деятельности организаций ОРМ, принять новые, в том числе превентивные меры против «вражеских элементов». Вследствие того, что главным очагом оппозиционных настроений стали университеты, Политбюро постановило сменить руководство Министерства образования. Его временно возглавил член Политбюро (!) М. Константинеску, кстати, выросший в Трансильвании, знавший реалии этого края и неплохо владевший венгерским языком. Министерству было поручено принять конкретные меры по улучшению системы воспитания и образования молодежи [2, p. 242–243]. В дальнейшем, по следам венгерских событий, в 1956–1959 гг. репрессиям в Румынии продолжали подвергаться как студенты, так и профессорско-преподавательский состав университетов – власти пытались полностью искоренить революционные настроения в обществе [2, p. 629]. Предпринятая в 1959 г. ликвидация самостоятельного венгероязычного университета в Клуже, слияние его с румыноязычным университетом, а по сути вливание в него поставили точку в процессе университетских реформ, предпринятых под влиянием опыта венгерской революции.

Важным моментом стало то, что, несмотря на «оздоровление» ситуации в стране, экономические проблемы, рассматривавшиеся партийным руководством в дни венгерской революции, не были сняты с повестки дня. В ноябре Советом министров были приняты постановления о сокращении плана закупок фруктов в регионе Клуж (HCM 2357 / 15.11.1956), сокращении плана закупок зерна государством (HCM 2385 / 19.11.1956), об улучшении системы оплаты труда в добывающей промышленности (HCM 2464/23.11.1956). В декабре с

крестьян была снята задолженность (по 1955 г. и предыдущим годам) по обязательным квотам на сельскохозяйственную продукцию растительного и животного происхождения (HCM 2692/22.12.1956). К концу 1956 г. политическое и экономическое положение в стране в целом стабилизировалось.

Антиправительственные выступления в Румынии в дни венгерской революции, хотя и носили локальный характер, представляли серьезную угрозу для режима РРП. Негласное объявление режима чрезвычайного положения, привлечение сил МВД и Министерства обороны для охраны правопорядка, ряд репрессивных мер, грамотная политическая работа с населением, принятие важных экономических решений, помогли партийному руководству страны удержать ситуацию под контролем и предотвратить повторение венгерского сценария в Румынии. Опыт венгерской революции и звучавшие в те дни в Будапеште программные требования (не в последнюю очередь, о повышении внешнеполитической самостоятельности страны, ослаблении советского влияния, более многовекторной внешнеэкономической политике) принимались во внимание румынской коммунистической элитой в процессе корректировки в последующее десятилетие своего курса.

Источники и литература / References

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 230.

The Russian State Archive of Contemporary History (RGASPI). F. 5. Inv. 30. D. 230. (In Russian).

2. 1956 Explozia. Percepții române, iugoslave și sovietice asupra evenimetelor din Polonia și Ungaria / ed. de C. M. Lungu și M. Retegan. București, Editura Univers Enciclopedic, 1996. 466 p. (In Romanian).

3. Analele Sighet 8: Anii 1954–1960. Fluxurile și refluxurile stalinismului. Comunicări prezentate la Simpozionul de la Sighetu Marmaţiei (2–4 iulie 2000) / Editor Romulus Rusan, Bucureşti, Fundaţia Academia Civică, 2000. 1066 p. (In Romanian).

4. Boca I. 1956 în România // Ungaria 1956: revolta minților și sfârșitul mitului comunist / ed. de Jela, V. Tismăneanu. București, Editura Curtea veche, 2006. (In Romanian).

5. Muțiu C., Stanca T., Baghiu A. Mișcările studențești anticomuniste din octombrie 1956 din Timișoara, văzute și prezentate de inițiatorii și principalii organizatori // Analele Sighet 8: Anii 1954–1960. Fluxurile și refluxurile stalinismului. Bucureşti, Fundaţia Academia Civică, 2000. (In Romanian).

УДК 008 (281.6)

Л. С. Гущян

ЧЕТЫРЕ ПОСЛАНИЯ АРМЯНСКИХ ВАРДАПЕТОВ ПО ПОВОДУ АРМЯНО-ЛАТИНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ XIV–XV вв.

Статья посвящена религиозно-культурной сфере деятельности армянских духовных лиц в период проникновения католического учения в армянскую церковную и образовательную среду в XIV–XV вв. Наиболее авторитетные мыслители средневековой Армении, в том числе епископы области Сюник (Восточная Армения) и города Каффы (Крым), а также ректор признанного в образовательных кругах Гладзорского университета, в своих посланиях отразили основные аспекты догматических, практических и календарных различий армянской и латинской церквей. Признавая общность христианства, сформировавшего как армянскую, так и европейскую культуры, авторы посланий, тем не менее, оставались сторонниками идеи самостоятельности Армянской апостольской церкви. Диспут с приверженцами католического учения давал возможность нового развития армянской религиозной мысли, однако, составители писем, будучи хранителями армянских религиозно-культурных традиций, также видели в проникновении католицизма в свою среду угрозу для сохранения самобытной армянской культуры.

Ключевые слова: армянское духовенство, католицизм, Средневековье, религиозно-культурные различия.

L. S. Gushchian

FOUR CHARGES OF THE ARMENIAN VARDAPETS' REGARDING THE ARMENIAN-LATIN CONSENTS IN THE XIV-XV CENTURIES

The article studies religious and culture activity of Armenian clergy during pervasion of the Catholic doctrine in the Armenian ecclesiastic and educational ambiance in the XIV-XV centuries. The most authoritative thinkers of the medieval Armenia, including bishops of the Syunik region (East Armenia) and the city of Kaffa (Crimea), as well as the principal of the well-known in the educated circles Gladzor University, reflected the basic aspects of dogmatic, practical and calendar differences between the Armenian and the Latin churches in their charges. Admitting the solidarity of Christianity, which formed both the Armenian and the European cultures, the authors of the charges, nevertheless, remained to be the adherents of the idea of independence of the Armenian apostolic church. Dispute with the adherents of the Catholic doctrine gave an opportunity for the new development of the Armenian religious thought, although the authors of the letters, being the representatives of Armenian religious and culture traditions, saw a menace in Catholicism' pervasion in their ambiance for the preservation of the original Armenian culture.

Key words: Armenian clergy, Catholicism, Middle Ages, religious and cultural differences.

В XIII – XIV вв., благодаря миссионерской деятельности магистров католических орденов, в частности, францисканского и доминиканского, в малоазийско-ближневосточный ареал начинает приникать католическое учение. Армянская культурная традиция, в частности, ее религиозный аспект, получает возможность развития в более широком круге христианской культуры. С другой стороны, по мере активизации католического клира в регионе, армянское духовенство приобретает новых оппонентов и новую дискуссионную платформу в обсуждении различий между христианскими церквями, а также места Армянской апостольской церкви в глобальном христианском мире.

С католицизмом армянское духовенство познакомилось еще в период крестовых походов. К концу XIII в., он находит своих сторонников как среди высших иерархов армянской церкви, так и среди членов царской фамилии Киликийского армянского царства, имевшего тесные контакты с государствами крестоносцев и со многими европейскими странами. Впоследствии, на соборах в киликийских горо-

дах Сис (собор 1307 г.) и Адана (1316/17(?) г.) был провозглашен союз армянского католикосата с папством. Постановлениями на этих соборах глава армянской церкви и некоторые епископы признавали отдельные догмы и обряды католической церкви. Эти соглашения, заключенные из политических соображений, должны были стать первым этапом сближения Киликийского государства и Западной Европы для борьбы с мусульманскими государствами, созданными в результате вытеснения крестоносцев с Ближнего Востока.

В дальнейшем, политические осложнения и угрозы, возникшие для всего христианского Востока, привели к новой волне униатских настроений в регионе, поддерживаемой папским престолом. Результатом политически обусловленных причин был проведен новый собор, который должен был объединить все христианские церкви под властью папы – Феррaро-Флорентийский (1438–1439 гг.).

Между тем, ряд представителей армянской церкви не приняли ни киликийские, ни феррaро-флорентийские соглашения. Как воспринимала эта часть армянского духовенства католицизм, какими были, на их взгляд, основные различия между двумя церквями, какие доводы приводили против унии известные деятели армянской церкви – ответы на эти вопросы можно найти в ценнейших источниках – посланиях, составленных епископами Степаносом Орбеляном, Ованнесом Орбелом, ректором Есайей Ничеци (XIV в.) и епископом Мкртичем Нагашем (XV в).

Статус указанных духовных лиц в армянском сообществе определялся не только высоким положением церковных иерархов, но и тем значением, которое предавалось в нем получившим университетское образование магистрам теологии – вардапетам. Поскольку в данной среде образование имело исключительную значимость, руководители учебных заведений пользовались авторитетом, сравнимым с высшим клиром армянской церкви. В частности, таким авторитетом обладал Есайа Ничеци – рабунапет (т.е. «руководитель наставников») и руководитель университета в области Сюник, в «обители Гладзор, которая есть вторые Афины», как называет этот монастырь-университет его воспитанник Мкртич [7, с. 5].

О вардапетах и их положении в церковной иерархии говорится в одной из притч Вардана Айгекци, писателя и государственного деятеля XIII в. «Совершил один мирянин грех и привели его к саркавагу [дьякону] и саркаваг сказал, что здесь есть ерец [священник], который выше, чем я, и имеет большую власть, отведите к нему, и отвели, и сказал ерец, что здесь епископ, отвели к нему, и епископ сказал, что католикос здесь, отведите к нему, и отвели и католикос сказал, здесь вардапет, отведите к нему, отвели и вардапет наложил по закону заслуженное [мирянином] наказание» [9, с. 423]. Эта притча показывает, какую значительную роль играли в церковной жизни армянские вардапеты.

Степень вардапета давалась духовным лицам, получавшим университетское образование в монастырях-университетах. Как указывает историк церкви А. Албояджан, «образование, которое получали вардапеты, не было связано с духовным саном. Образование вардапета приобреталось после рукоположения в священники, а присуждение вардапетской степени было совершенно независимо от церковных чинов ... и всегда считалось более высоким титулом ... являясь показателем учености» [5,с. 276].

Следует отметить, что в духовных школах-университетах, в которых обучались вардапеты, были достаточно независимы от епископской власти и действовали самостоятельно, рассылая своих выпускников «проповедовать и преподавать» [1, с. 45] в различные области Армении.

В начале XIV в., в период первых переговоров о союзе армянской и латинской церкви, духовным правителем области Сюник являлся Степанос Орбелян, ставший первым после долгого перерыва митрополитом, объединившим под своей властью все епископства, находящиеся в этой области, в том числе и два крупных монастыря – Татевский и Нораванкский. Став единоправным духовным правителем, он положил конец соперничеству епископов, возглавлявших эти монастыри, за главенство в области. В указанный период архиепископы и епископы областей исторической Армении чаще всего не назначались главой церкви – киликийским католикосом, а лишь утверждались им при рукоположении в сан. Примером этого служат обстоятельства, при которых Степанос Орбелян стал митрополитом Сюника. «В 1286 г., – пишет Г.Г. Григорян, – церковный собор области выдвинул кандидатом на пост главы сюникской епархии нораванкского вардапета Степаноса Орбеляна, который незамедлительно отправился в Киликию... Посланник восточноармянского духовенства должен был ... добиться от верховного патриарха права носить титул митрополита края» [2, с. 214].

Преемник Степаноса Орбеляна, Ованнес Орбел, был выбран митрополитом в годы,

когда киликийский католикосат принял унию с папством. Вероятно по этой причине, осложнившей взаимоотношения между киликийским престолом и не принявшими унию иерархами, Орбел не последовал традиции, согласно которой митрополиты Сюника отправлялись в Киликию для получения благословления на этом престоле, по крайней мере, Г. Овсепян говорит лишь об избрании Ованнеса Орбела главой Сюникской епархии [13, с. 187–188].

Представителем следующего поколения вардапетов, являвшихся противниками унии с латинской церковью, является епископ Мкртич Нагаш – ученик Товмы Мецопеци, последователя рабунапета Есаи. В начале XV в. центром армянских сторонников унии становится генуэзский город Каффа, куда Нагаш прибыл в 1430-х гг. в качестве руководителя епархии армян-апостоликов.

Таким образом, рассматриваемые ниже послания были составлены наиболее авторитетными представителями армянской церкви XIV–XV вв. В текстах посланий рассматриваются важные с точки зрения их авторов разногласия в догматике, практике и календарях в традициях армянской и латинской церквей.

Первое послание составлено Есайей Ничеци и архиепископом Ованнесом Орбеломком, в ответ на официальное провозглашение унии на Сисском соборе в 1307 г. и адресовано католикосу Константину II Кесараци [10].

Второе письмо, написанное в начале XIV в. (до 1303 г.) архиепископом области Сюник Степаносом Орбеляном, является ответом на попытки ввести католические обряды в практику армянской церкви, предпринятые католикосом Григором Анаварзеци [11].

Ответом на вопросы, касающиеся правил армянской и католической церквей, епископа Маттеоса из Тавриза является третье письмо, написанное Есайей Ничеци, вероятно, в 1330 или в 1331 г. [12].

Епископ Мкртич Нагаш со ссылкой на рабунапета Товму Мецопеци и католикоса Константина VI Вахкеци (1430–1439) написал 16 мая 1438 г. ответ на приглашение папы Евгения IV принять участие во Флорентийском соборе [6].

«Вера, – пишет Есайа Ничеци, – есть одно название [одна идея], но имеет двойную силу. Первое – исповедание веры, ... что принимает каждый, кто крещен. Второе, вера есть то, о чем Святой Дух говорил устами пророчеств апостолов и вардапетов [здесь – учителей] церкви, чтобы то, что в Святом Писании написали, не считали вымыслом и ложью, а чтобы верили, что это истинно и верно, так, как если бы видели своими глазами все что есть, что было и что будет... [Но] если имеет Бог только слово исповедания, но не имеет дело, такая вера мертва» [12, с. 160–161]. Таким образом, согласно рабунапету Есайе, вера состоит из догм, учения и «дела», то есть обрядов, который признает и совершает принадлежащий к той или иной церкви христианин. Ими определяется его принадлежность к христианской церкви.

Первым и наиболее существенным различием между армянской и католической церквями, вызвавшее разногласие, был догмат о двух или одной природе Христа и связанный с ним вопрос о вселенских соборах.

Католическая, как и православная греческая церковь, участвовавшая в первых четырех вселенских соборах, то есть Никейском (325 г.), Константинопольском (381 г.), Эфесском (431 г.) и Халкедонском (451 г.), признавала две природы во Христе: божественную и человеческую. «Следуя святым отцам все единогласно поучали исповедовать ... единого ... Христа, Сына Господа единородного в двух естествах, неслитно, неизменно, неразлучно познаваемого» [4, с. 159].

Этот догмат был принят на четвертом вселенском соборе в Халкедоне в 451 г., в котором армянская церковь не участвовала, оставаясь верной постановлениям третьего вселенского, Эфесского собора (431 г.), провозгласившего формулу о «неизречимом единстве [природ Христа], то есть Слова с Телом, с ним объединенным, как пламя с железом божественное с телесным одно Лицо, один Сын, один Господь Иисус Христос во славу Бога Отца, как пишет Кирилл Александрийский о единстве его природ», – говорит Есайа Ничеци [12, с. 163].

Оба собора, и Эфесский, и Халкедонский, были ответом на появившиеся в первые века христианства споры, в первом случае вызванные «ересью Нестория и его последователей», разделявших две природы Христа, подрывая веру в искупление, так как человеческое в этом учении доминировало над божественным. «В одном Христе, – пишет Есайа. – они [несториане] две природы узнали, приобщенное и почитаемое лишь о теле сказали и не объединенное неизречимо и несмешанное соединением с Божественной Природой, единое и обожествленное» [12, с. 163].

После осуждения ереси Нестория и принятия на Эфесском вселенском соборе формулы о единстве двух природ Христа, архимандрит Евтихий выдвинул новое учение о соединении их вплоть до смешения и полного слияния, что

приводило к растворению и «исчезновению человеческой природы и отрицалось небесное происхождение Тела Христа» [3, с. 33]. В связи с этим и был созван четвертый вселенский собор в Халкедоне, осудивший Евтихия и его последователей, провозгласив «неслитность» двух природ.

Не признавшая Халкедонский собор армянская церковь была обвинена в приверженности «ереси Евтихия», несмотря на то, что всегда это отрицала и в подтверждение этого имеет второй, составленный позже общего для двух церквей Никейско-Константинопольского символа символ веры, который «произносят священники при посвящении их в сан... Эта формула была сочтена необходимой, чтобы отклонить обвинения в евтихианстве» [3, с. 99]. Ибо, как пишет Есайа Ничеци, Евтихий говорил о полном смешении, а армянская церковь признает единение без смешения двух природ: «Бог очеловеченный и ставший телесным неизречимо и несмешанно, как душа человека и тело, став единым Сыном и единым Господом» [12, с. 210]. Тогда как последователи Халкедонского собора армянской церковью обвинялись в возврате к несторианству: Халкедонский собор, « не понимая, утвердил ересь Нестория, прокляв себя», – говорит митрополит Степанос Орбелян [11, с. 453]. С ним соглашается и Есайа: «Франкские [т.е. западноевропейские, католические] вардапеты, следуя Несторию, одного Христа и Господа на два разделяют и только человека исповедуют, говоря не «Бог очеловеченный и ставший телесным «неизречимо и несмешанно»» [12].

В своем послании Степанос Орбелян напоминает о соборах армянской церкви, состоявшихся в первые века после Халкедонского собора, «которые [рассуждали] о злой секте несторианской [и] разрушившем мир нечестивом Халкедонском соборе», а также собор, на котором была сделана попытка объединения с греческой церковью и решения «Святого Вопроса», как стали называть вопрос о природе Христа в армянской религиозной литературе: «Собор ... в Теодополисе Армян и Ромеев об объединении во время [католикоса] Езры, по приказу императора Ираклия, с которым сговорился Езра» [11, с. 455].

Проводя параллели между прежними армянскими соборами и духовенством, которое «ересь дрожжей очистила и [тогда] многие преданные анафеме ушли от нас к Ромеям» [11, с. 456] и современным положением, митрополит говорит: «И вновь церковь Божья [т.е. армянская] не даст место телесному столу, необходимо смело садиться и судить и двери незапертыми не оставлять... Снова не входить в римскую [т.е. католическую, тоже Халкедонскую] церковь» [11, с. 458].

Необходимо отметить, что расхождения в догматах, касающиеся принятия filioque, вызывающие разногласия и споры между католической и греческой православной церквями, не стали предметом особого внимания в рассматриваемых посланиях. Хотя Есайа Ничеци в своем письме при подробном изложении Никейско-Константинопольского символа веры, принятого в обеих церквях, за исключением filioque, и говорит о том, что у католической церкви «Св. Дух от Отца и Сына дан не делаясь, не сотворенно, а исходящее» [6, с. 159], но далее признания существования этого догмата в католической церкви и отсутствия его в армянской речь не идет.

Вызвавшим резко отрицательную реакцию со стороны армянских вардапетов стало расхождение по поводу учений двух церквей о таинствах и исполнении литургии, во время которой в католической церкви причащались вином, смешанным с водой, а в армянской – только вином.

Степанос Орбелян, связывая две церкви, греческую и римскую, при противопоставлении им армянской, говорит о том, что необходимо «отвергнуть и всячески закрыть всякое незаконное смешение в святом таинстве [литургии] бренного теста [т.е. дрожжей, как в православной церкви] и воды [как в католической], которой в чаше отрицается милость Божья и уничтожается Таинство очищения [т.е. искупления], то, что с рождения нам дано» [11, с. 457].

Вопросу о таинстве евхаристии посвящено послание Ованнеса Орбела и Есайи к католикосу Константину Кесараци.

Так как после Сисского синода 1307 г. были частыми случаи отказа от причащения смешанными вином и водой, католикос Константин приказал «тем, кто с водой согласен исполнять литургию..., тем дать миро и благословлять, а кто не желает в святом таинстве воду лить..., тем миро не давать и не благословлять» [10, с. 43].

Отказываясь принять смешение вина с водой, авторы послания ссылаются на то, «что это [т.е. причащение только вином] и во всех других церквях христианских, которые во вселенной, было, начиная от апостолов. Так имела – раньше и особенно – Римская церковь... И –, продолжают они, – что сказать: или не прав был наш Просветитель [Григор Просветитель], который взял у них [апостолов, общих для армянской и римской церквей] и нам завещал?» [10, с. 40].

Кроме различий в таинстве причастия, расхождения касались и таинства соборования или елеосвящения, совершаемого в католической церкви для облегчения духовной и телесной немощи больных и умирающих. «Таинство помазания больных уделяется больным через помазание на лбу и на ладонях оливковым маслом или, в зависимости от обстоятельств, другим растительным маслом, должным образом освященным» [8, с. 360]. Установление этого таинства относится католической церковью ко времени апостолов, со ссылкой на евангелиста Марка и апостола Иакова [8, с. 359]. Следует отметить, что таинства соборования в армянской церкви никогда не существовало. Об этом говорит в своем послании митрополит Сюника: «хотя мы знаем апостольское правило маслом благословлять больных и умирающих. Но не имеем обычая, переданного нам, и нам кажется слишком смелым ... пятнать душу, вверяя ее маслу» [11, с. 459].

Еще в XIII в. киликийским престолом была сделана попытка перенесения дня празднования Пасхи, который в католической и армянской церквях определялся согласно разным традициям. Вероятно, впоследствии день Пасхи вновь стали определять по армянской традиции, так как в рассматриваемых посланиях, относящихся к XIV в., об этом ничего не говорится. Однако имеются свидетельства о том, что в 1307 г. после Сисского синода было перенесено празднование другого важного христианского праздника – Рождества. «И не будьте незнающими, братья, – пишет Есайа Ничеци. – Что армянская традиция не чужая, а Апостольская [т.е. восходящая к апостолам] в том, что праздник Рождества и Богоявления Христа мы празднуем 6 января ... Так раньше было во всех церквях Христа, и Апостольский великий престол Римский так праздновал 6 января, до царствования Гонория и Аркадия, которые самовольно приказали изменить на 25 декабря» [12, с. 162–163].

Несомненно, мнение Есайи о том, что католическая церковь праздновала Рождество до Гонория и Аркадия 6 января неверно, но указанное им обстоятельство первоначального единства обычаев христианских церквей, касается это литургии или праздников, говорит о том, что, несмотря на разногласия, рабунапет Есайа не разделяет категорично католическую и армянскую церкви. Этим объясняется и ссылка Ничеци на «великого Бенедикта Латинянина» [12, с. 162] в связи с вопросом о посте, соблюдаемом в обеих церквях в среду и пятницу. На это указывает и совет, данный им епископу Маттеосу: «А если из франков [т.е. европейцев] ... к вам придут вардапеты или монахи или священники, со всякой честью их примите, как братьев во Христе», в то же время, «если [они] противоречить пойдут вам и захотят вас повернуть от заветов Святой Веры и первых вардапетов [учителей церкви], не принимайте их как учеников Христа» [12, с. 162].

Сохранение традиций, переданных отцами армянской церкви, являлось для авторов посланий наиболее важной причиной отказа от объединения с католической церковью. «Синоды великим осуждением постановлений очистили Армянскую церковь от плевел, закон веры правило церкви нерушимым завещанием передали нам. Поэтому нужно всячески крепко придерживаться этого закона, не увеличивая и не уменьшая и всегда читать написанное ими и снова обращать и обрабатывать Армянскую церковь в исповедании веры и в правиле праздников и в законах..., которые от Св. Григора и сыновей его... и в святом вопросе предков наших, которые... огромным старанием, кровью и потом [святой вопрос] праведным учредили» [11, с. 451, 456], – пишет митрополит Орбелян. Таким же образом Есайа Ничеци объяснял причины, побудившие его написать послание: «об этом пишу я в первую очередь [для тех], кто старается исказить истину, которую от Св. Просветителя [Григора] мы приняли и, к тому, что имели... прибавилось то, что в Никее взято и нам передано» [12, с. 159].

Более ста лет спустя после Есайи Ничеци епископ Мкртич Нагаш при участии известного рабунапета, вардапета Товмы Мецонеци пишет ответ на письмо папы Евгения IV, приглашающее принять участие во Флорентийском соборе, когда вновь встал вопрос об объединении церквей и была провозглашена уния между католической и православной церквями. «Ответ на письма латинян Мкртича Нагаша, который он написал по требованию католикоса армян и великого вардапета Товмы» [6] начинается словами: «Мы получили и ознакомились с посланием того, кто изначально и естественно является выдающимся из наших святых и высших священнослужителей, который является блаженным и великим среди великих, наместником Божественного учителя Иисуса, который избран как достойный престол благодати..., послание ... начертанное божественной десницей, той, которую созерцает, читая, читатель, принадлежащий к армянской церкви. В этом письме мы нашли обновление дружбы» [6, с. 136]. После этого Мкртич Нагаш так же, как и его предшественник, повествует о латинской

и армянской церквях и их правилах: «Партев [Григор Партев Просветитель], который изначально осуществил наше крещение, который нас принял в церковь ..., даровал нерушимую печать, окружил нас постоянным валом, это то же самое, что сохранила латинская церковь: три священных собора, единство веры, сущностное единство Бога, переданное апостолам, и которое апостолы передали [нам], получив от Св. Духа. Вот почему Армения равным образом прочно основывается на той же вере, которая была установлена Св. Духом» [6, с. 137]. Далее говорится о ересях первых веков христианства и о трех соборах – Никейском, Константинопольском и Эфесском, в которых участвовали обе церкви, и передается история Халкедонского собора, который, по мнению Мкртича Нагаша, провозгласил учение о двух природах Христа благодаря вмешательству в церковные дела византийской императорской четы – Марциана и Пульхерии: «Через пытки Марциан и Пульхерия добились согласия епископов, [чтобы те]... основывались на вере Нестория, который передавал Христа как простого человека, рожденного Марией, и говорил, что Христос имеет две природы, две воли и два действия». Но «армянская церковь оставалась неизменной во все времена, основываясь на Никейском соборе». Армянские духовные лица «не придерживались того, что и Несторий, и не принимали Халкедонского собора» [6, с. 139].

Провозглашая равноправие двух церквей, освященное Никейским собором, Мкртич Нагаш приводит предание, повествующее о встрече в то время армянского царя Тиридата и императора Константина с одной стороны – и предводителями армянской и римской церквей папой Сильвестром и Григором Просветителем с другой. «Два независимых суверена, Константин и наш Тиридат, как и борцы за церковь Святой Сильвестр и Святой Григорий Партев, подписали своей кровью» каноническое письмо Никейского собора [6, с. 140]. В письме дается понять, что армянская церковь была независимой и придерживалась собственных традиций, которые не изменялись ни при каких обстоятельствах. «Мы благодарны Богу, – пишет епископ Мкртич. – так как церковь армян уже обладает большим наследством, крепким домом и апостольским престолом, патриархами и митрополитами и епископами от округа к округу ... И эта церковь стояла без изменений на основе верности, и даже если останется единственный армянин, то и он не последует за Халкедонским собором». При сохранении равноправия двух церквей, которое символизирует, в частности, Никейский собор, авторы послания считают возможным воссоединение «Церкви Армян с Церквями Латинян и Греков и всех других христианских народов ... Но если мы хотим внести то, что является чуждым элементом, и начать отклоняться от того, что есть незыблемое, то это будет неприемлемо» [6, с. 140].

Итак, для армянской церкви невозможно отречение от своих культурных традиций, переданных ее основоположниками, что является основным доводом против объединения двух церквей под главенством папы. Во всех рассмотренных письмах именно эта мысль проходит красной нитью.

Таким образом, в XIV–XV вв. наблюдается определенная самостоятельность отдельных армянских церковных общин, позволяющая в некоторых случаях избегать полного подчинения решениям киликийских католикосов. При этом независимость, в частности, монастырей-вардапетаранов позволяла бороться «против чужеродных веяний, которые исказили бы и разложили не только армянскую церковь, но и армянский язык», – замечает А. Албояджан [5, с. 257]. К его словам следует добавить, что эта же независимость дала возможность появлению в 30-е гг. XIV в. армянских католических монастырей в тех областях, которые активно боролись против союза двух церквей. С другой стороны, в условиях, когда большинство армянских областей находилось под властью различных завоевателей-мусульман, армянская церковь была единственным институтом, объединяющим армянский народ и сохранявших его культуру. Этим объясняется признание верховенства киликийского католикоса той частью духовенства, которая не была согласна с киликийскими соборами.

Армянское духовенство, не примкнувшее к унии, признавая «франкских вардапетов» своими единоверцами-христианами, тем не менее, не могло отказаться от традиций армянской церкви, в первую очередь в догматических вопросах, которые были предметом многовековых споров между армянской церковью и греческой, ее давним оппонентом в вопросе о Халкедонском соборе. Отступление от этих позиций значило бы полное политическое, религиозное и культурное подчинение западному соседу – Византийской империи.

Принятие догматов, правил и обычаев католической церкви, замена ими армянских церковных традиций, в исследуемый период воспринимался авторами посланий как угроза существованию армянской церкви и культуры в целом.

Источники и литература / References

1. Аревшатян С. С., Матевосян А. С. Гладзорский университет – центр просвещения средневековой Армении. Ереван: Айастан, 1984. 65 с.

Arevshatyan S. S., Matevosyan A. S. Gladzorskii universitet – tsentr prosveshcheniya srednevekovoi Armenii (*Gladzor University as the center of education of medieval Armenia*). Erevan: Aiastan,1984. 65 p. (In Russian).

2. Григорян Г. Г. Очерки по истории Сюника IX–XV вв. Ереван: АН АрмССР, 1990. 390 с.

Grigoryan G. G. Ocherki po istorii Syunika IX–XV vv. (*Essays on the history of Syunik IX–XV centuries*). Erevan: SA ArmSSR publ., 1990. 390 p. (In Russian).

3. Орманян М. Армянская церковь: Ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. М.: А. М. Будагов, 1913. 217 с.

Ormanyan M. Armyanskaya tserkov': Ee istoriya, uchenie, upravlenie, vnutrennii stroi, liturgiya, literatura, ee nastoyashchee (*The Armenian Church: Its History, Teaching, Management, Internal Structure, Liturgy, Literature, Its Present*). Moscow: A. M. Budagov, 1913. 217 p. (In Russian).

4. Тальберг Н. История христианской церкви. М.: Интербук; Нью-Йорк: Астра, 1991. 494 с.

Tal'berg N. Istoriya khristianskoi tserkvi (*The history of the Christian church*). Moscow: Interbuk; N'yu-lork: Astra, 1991. 494 p. (In Russian).

5. Alboyadzhan A. Patmowt'iwn hay dproci. Vol. I. Cairo: Nor Asth, 1946. 626 p.

6. Esbroeck M. La representativite de la delegation armenienne a Florence: de Sargis de Caffa a Nagash d'Amid // Annuarium Historiae Conciliorum. 1990. No. 2. P. 131–145.

7. JD dari hayeren dzeragreri hishatakaranner. Yerevan: HSSR' KA hratarakowt'yown, 1950. 756 p.

8. Katechizm Kosciola Katolickiego. Poznan: Pallattinum. 1994. 738 p.

9. Khachikyan L. Gladzori hamalsarany' ev nra saneri avartakan atenakhosowt'yownnery'// Petakan hamalsarani gitakan ashxatowt'yownner, 1946. T. XXIII. P. 423–450.

10. Namak Hovhannow Orpeli ew ayl episkoposac ew vardapetac i pataskhan t'ght'oy Kostandni B kat'oghikosi Hayoc // Chraqagh. T.2. 1860. P. 39–43.

11. Orbelyan C. Patmowt'yown nahangin Sisakan. Tiflis: tp. N. Aghaneani, 1910. 618 p.

12. T'owght' Essayeay vardapeti ar Ter Matt'eos // Chraqagh. T.2. 1860–1861. P. 157–164; 205–211.

13. Yovsepean G. Khaghbakeanq ew Prosheanq Hayoc patmowt'ean mej. Patma-hnagitakan owsowmnasirowt'iwn. Vol. I. Vagharshapat: Gosizdat, 1928. 523 p.

УДК 94(430) + 93(5-012)

А. К. Дудайти

МИРНЫЙ ПРОЦЕСС НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ В НАЧАЛЕ 90-х гг. XX в.

В статье рассматривается сложный и противоречивый путь развития мирного процесса на Ближнем Востоке в начале 90-х гг. минувшего столетия. Прослеживается политика ведущих стран-членов ЕЭС в этом регионе, раскрывается их высокая заинтересованность в ослаблении напряженности на Ближнем Востоке, снижении опасности возникновения нового вооруженного арабо-израильского конфликта. Прослеживается стремление Франции к тесной координации своих ближневосточных действий с партнерами по Европейскому Сообществу, призванных усилить западноевропейское влияние на палестино-израильский переговорный процесс. Рассматриваются конкретные шаги ЕЭС в этом направлении, в частности, анализируется принятое им решение об оказании значительной материальной и финансовой помощи Палестинской автономии при одновременном расширении торгово-экономического сотрудничества с Израилем, активизации взаимодействия с ним в научно-технической сфере. Выявлена сложность решения указанных задач вследствие сохраняющихся разногласий ЕЭС с Израилем в вопросах, касающихся урегулирования ближневосточного конфликта и решения палестинской проблемы. Отмечено негативное воздействие этих разногласий на ближневосточные акции ведущих западноевропейских стран, призванные содействовать переговорному процессу и заключению сбалансированного, взаимоприемлемого соглашения между конфликтующими сторонами, способствующего установлению справедливого и прочного мира в этом регионе.

Ключевые слова: Ближний Восток, палестино-израильский конфликт, палестинская проблема, мирный процесс, страны-члены ЕЭС, координация действий, Израиль, разногласия.

A. K. Dudaiti

THE PEACE PROCESS IN THE MIDDLE EAST: WESTERN DIPLOMACY AND THE ARAB-ISRAELI CONFLICT IN THE EARLY 90s OF THE XX CENTURY

The article describes the complex and contradictory way of development of the peace process in the Middle East in the early 90-ies of the last century. The author traces to the policies of the leading member countries of the EEC in this region, reveals their strong interest in easing tensions in the Middle East, reducing the risk of a new armed Arab-Israeli conflict. The article highlights the desire of France to closely coordinate their actions in the Middle East with partners in the European Community, designed to strengthen Western influence in the Palestinian-Israeli negotiation process. It discusses the specific steps of the EEC in this direction, in particular, it will analyze the decision made on the provision of significant material and financial assistance to the Palestinian authority while expanding trade and economic cooperation with Israel, and stepping up cooperation with it in scientific-technical sphere. The complexity of these tasks owing to persisting disagreements EES with Israel as regards the Middle East conflict and the solution to the Palestinian problem is revealed. The article notes negative impact of these differences on Middle East stocks of the leading Western European countries, which were supposed to facilitate the negotiation process and conclusion of a balanced, mutually acceptable agreement between conflicting parties, promoting the establishment of a just and lasting peace in the region.

Key words: the Middle East, the Palestinian-Israeli conflict, the Palestinian problem, the peace process, the member countries of the EEC, coordination, Israel, differences.

Переходный период, наступивший в мировой политике и международных отношениях в начале 90-х гг. XX в. в результате прекращения существования советского центра силы харак-

теризовался значительным влиянием США и их союзников по НАТО на ситуацию в разных регионах мира, включая Ближний Восток. В этом регионе наблюдался заметный рост усилий мирового сообщества по мирному разрешению арабо-израильского конфликта, сердцевиной которого продолжала оставаться палестинская проблема. Новая политическая линия, озвученная руководителем ООП Я. Арафатом на XIX сессии Национального совета Палестины (Алжир, ноябрь 1988 г.) и подтвержденная затем на сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Женева, 1988 г.), создала благоприятные условия для начала американо-палестинского диалога [10, p. 91]. Он продолжался до лета 1990 г., а затем был прекращен из-за выдвинутых властями США обвинений, якобы террористы из группировки «Фронт освобождения Палестины» во главе А. Аббасом совершали попытки проникнуть на территорию Израиля [13, p. 134–135]. В свою очередь Я. Арафат также был вынужден отказаться от диалога из-за критики со стороны лидеров радикальных палестинских организаций.

В августе 1990 г. обстановка на Ближнем Востоке резко обострилась из-за вторжения иракских войск в Кувейт. Общественность многих стран выразила решительный протест этим агрессивным действиям Ирака. На своем экстренном заседании Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 660, осуждающую режим С. Хусейна и требующую немедленного вывода иракских войск из Кувейта [14, p. 53]. 29 ноября 1990 г., после безуспешных попыток заставить Ирак пойти на мирное разрешение кризиса, Советом Безопасности ООН была принята резолюция №678, предусматривающая применение военной силы, если не будут выведены иракские войска из Кувейта. Был назначена также конечная дата вывода оккупационных войск – 15 января 1991 г. В случае невыполнения этого условия коалиция во главе с США должна была начать военную операцию против Ирака [1, с. 17].

В Западной Европе неоднозначно отреагировали на это решение ООН. Среди стран-членов ЕЭС только Великобритания высказалось в пользу силового решения кувейтского вопроса [1, с. 17]. Другие члены Сообщества, в целом не исключая силовой сценарий разрешения кризиса, старались найти выход из него дипломатическими средствами. Наибольшую активность в этом направлении проявляла Франция. Стараясь предотвратить угрозу войны в регионе, президент страны Ф. Миттеран убеждал С. Хусейна выполнить условия резолюции Совета Безопасности ООН № 678, но безуспешно [1, с. 18].

17 января 1991 г. войска коалиции начали операцию по освобождению Кувейта. Через полтора месяца она завершилась разгромом иракской армии и освобождением территории Кувейта. Но в Израиле не считали войну полностью законченным, так как враждебный в их отношении режим С. Хусейна сохранился и продолжал исправно функционировать. В этих условиях неучастие в войне в Персидском заливе воспринималось в высших военных кругах Израиля весьма болезненно [2, с. 258]. Учитывая это, администрация США усилила нажим на руководство страны, чтобы склонить его к участию в работе международной мирной конференции по Ближнему Востоку. При этом в Белом доме настаивали, чтобы Израиль не противился палестинскому представительству на переговорах, пусть даже в составе иорданской делегации [7, p. 490–493; 15, p. 290–321].

В Москве идея скорейшего созыва международной конференции встречала понимание и поддержку. Так, во время визита в Италию 17–18 марта 1991 г. глава МИД СССР Э. А. Шеварднадзе подчеркнул, что руководство страны полностью одобряет усилия администрацию Дж. Буша, направленные на поиск путей к установлению прочного и долговременного мира на Ближнем Востоке и созыв для этих целей международной мирной конференции. Министр сообщил также, что в советском руководстве рассматривают возможность восстановления дипломатических отношений СССР с Израилем [1, с. 20; 5, с. 286].

Между тем подготовка к проведению международной конференции по Ближнему Востоку проходила в сложных условиях. Главным образом этому упорно противился Израиль: его руководство всячески старалось отдалить время созыва конференции, свести к минимуму ее практические результаты. Израильское руководство не желали иметь дело с делегацией палестинских представителей, связанных с ООП и кроме того, выступали против участия в ней представителей Восточного Иерусалима [10, p. 99; 6, p. 492]. Одновременно оно было убеждено в необходимости продолжения строительства поселений на оккупированных территориях. Однако в Израиле уже не могли рассчитывать на безусловную поддержку США в вопросах ближневосточного урегулирования, так как авторитет американцев в регионе Ближнего Востоке после удачно проведенной военной операции против Ирака значитель-

но возрос. Выряжая свое недовольство из-за упрямства Израиля, администрация США пригрозила, что не пойдет на выдачу ему финансовых средств, необходимых для абсорбции прибывающих в Израиль сотен тысяч иммигрантов из СССР, где в условиях перестройки произошла либерализация эмиграционного законодательства [16, p. 755–819; 4, с. 336–354].

В поддержку усилий США по созыву международной конференции по Ближнему Востоку наряду с Россией выступили ведущие западноевропейские страны. В ходе заседания Совета Европы в Люксембурге (28–29 июня 1991 г.) лидеры ведущих стран-членов ЕЭС приняли обращение к конфликтующим сторонам, в котором содержался призыв продолжить усилия для поиска путей достижения прочного мира в регионе. При этом в документе подчеркивалось право палестинского народа на самоопределение, а Израиль призывался к прекращению строительства поселений на оккупированных территориях [5, с. 290]. Страны-члены ЕЭС, оказавшись на вторых ролях в решении комплекса вопросов, связанных с мирным урегулированием конфликта на Ближнем Востоке, вынуждены были внести коррективы в свою политику в регионе. Прежде всего, в западноевропейских столицах пришли к общему мнению, что для повышения роли ЕЭС в продвижении ближневосточного мирного процесса следует использовать финансово-экономические рычаги воздействия на прямых участников переговоров. В этой связи было принято решение о предоставлении Израилю, а также Западному берегу Иордана и Сектору Газа значительной материальной и финансовой помощи [12, p. 95–96]. Таким образом, финансово-экономический аспект становился ключевым в ближневосточной политике ЕЭС. Но в целом, на фоне быстро растущей активности США на Ближнем Востоке возможности ЕЭС продолжали оставаться ограниченными [11, p.193–194].

30 октября 1991 г. в Мадриде была созвана международная конференция, в работе которой впервые принимали участие прямые участники конфликта – Израиль, Египте, Иордания и Сирия (кроме ООП). В качестве сопредседателей на ней выступили США и СССР. В своем вступительном слове президент США Дж. Буш призвал конфликтующие стороны к достижению территориального компромисса и решению палестинской проблемы. При этом в его речи не были затронуты такие острые вопросы, как строительство израильских поселений на оккупированных территориях и статус Иерусалима. В свою очередь, советский руководитель М. С. Горбачев подчеркнул, что появилась реальная возможность установления прочного мира на Ближнем Востоке и что этим шансом нужно воспользоваться [6]. Выступивший затем представитель ЕЭС Х. Брук призвал Израиль прекратить строительство поселений на оккупированных территориях, а арабские страны – отказаться от торгового бойкота еврейского государства.

В столицах многих стран начало работы международной конференции расценивалось как важное историческое событие, поскольку за стол переговоров впервые сели непосредственные участники ближневосточного конфликта. Этот факт являлся главным достижением международной конференции в Мадриде. В рамках принятой на ней схемой работы предполагалось сочетание пленарных заседаний с двусторонними «треками». При этом делегации ряда стран, включая СССР, отмечали приоритетность пленарного формата: в основном на пленарных заседаниях можно было достичь договоренностей, согласованных ранее в ходе двусторонних контактов. В конечном счете, переговоры в двустороннем и многостороннем формате были нацелены на достижение в течение одного года соглашения о введении пятилетнего переходного периода, во время которого должны были состояться переговоры о постоянном статусе, основанном на резолюциях №242 и №338. Был обсужден также ряд других вопросов, таких как водные ресурсы, экология, контроль над вооружениями, проблема беженцев, экономическое развитие региона. Таким образом, на Мадридской конференции была создана своеобразная двухколейная система, в рамках которой затем велись переговоры по ближневосточному урегулированию.

Но в целом итоговые результаты работы конференции оказались более чем скромными. Прежде всего, не был достигнут положительный результат в ходе переговоров израильской делегации с палестинцами. Последние выражали свое недовольство тем, что израильская делегация и некоторые другие участники форума старались делать упор на отсутствии у палестинцев государственно-правового статуса. Не было согласия между сторонами и в вопросе о том, где должна пройти следующая встреча: израильтяне считали, что необходимо перенести ее на Ближний Восток, арабы же предлагали провести переговоры в одном из западноевропейских городов.

Вскоре после окончания работы мадридской конференции администрация США разо-

слала приглашения участникам переговоров в Вашингтон на 4 декабря 1991 г. Поскольку этот вопрос не был согласован заранее с израильтянами, он вызвал их нескрываемое недовольство и раздражение. Как следствие, делегация Израиля прибыла в американскую столицу с опозданием. В ходе переговоров стало очевидным, что наиболее острые проблемы урегулирования продолжают оставаться сильно запутанными. Среди факторов, мешающих развитию мирного процесса, выделялись две важные проблемы, которые предстояло решить:

1. Палестинское представительство на переговорах (палестинцы настаивали на выходе из состава иордано-палестинской делегации и самостоятельном ведении переговоров, однако этому противилась израильская сторона);

2. Продолжающееся строительство поселений на оккупированных территориях и категорический отказ Израиля прекратить эту практику.

В целом вашингтонский раунд палестино-израильских переговоров прошел в изнурительных спорах по процедурным вопросам. Только в результате сильного давления администрации США израильская делегация согласились, чтобы палестинцы проводили переговоры самостоятельно (при символическом присутствии на них двух делегатов из Иордании). Но проблему поселений она отказалась обсуждать до определения окончательного статуса этих территорий. Не было никакого продвижения на иордано-израильских, сирийско-израильских переговорах, отсутствовал прогресс также на ливано-израильском направлении. В немалой степени такой результат стал следствием затягивания переговоров со стороны израильтян. С одной стороны, они стремились продемонстрировать готовность продвигать мирный процесс, чтобы получить финансовую помощь из США, а с другой – правительство И. Шамира было ограничено в действиях из-за давления со стороны правых партий в кнессете. Только к четвертому раунду переговоров (24 февраля – 4 марта 1992 г.) израильская делегация смогла представить свои предложения о проведении муниципальных выборов на Западном берегу Иордана и в Секторе Газа. В них предусматривалось предоставление ограниченной автономии палестинцам, но при сохранении над их территориями контроля Израиля. По сути это означало, что законодательство Израиля по-прежнему должно распространяться на палестинские территории; за Израилем оставались вопросы безопасности, внешних сношений Палестинской автономии; наконец, в документе подчеркивалась необходимость продолжения строительства поселений на оккупированных территориях.

Предложенный план был подробно обсужден в руководстве Исполкома ООП. Там вспоминали муниципальные выборы, проведенные еще в 1976 г. с предварительного согласия израильских властей и то, чем они закончились – смещением, арестами и депортацией мэров-сторонников ООП. Исходя из этого, Я. Арафат отклонил этот план. В результате, вырисовывалась мрачная картина отсутствия хотя бы малозаметного прогресса в рамках израильско-палестинских переговорах. Тем не менее, администрация США настаивала на их продолжении, чтобы сохранить инерцию хода мирного переговорного процесса. Аналогичный интерес проявлял Европейский Союз (он был создан на базе ЕЭС в феврале 1992 г.). Западноевропейские руководители продолжали призывать Израиль прекратить практику строительства поселений на оккупированных территориях и выступали за улучшение там жизненных условий палестинских арабов, строгое соблюдение прав человека. В Евросоюзе считали необходимым привлечение ООН к переговорному процессу и выражали заинтересованность в участии в них.

Среди ведущих стран-членов Евросоюза наибольшую активность в ближневосточном направлении проявляла Франция. После войны в Персидском заливе она была отодвинута США на второй план, хотя именно она с давних пор последовательно выступала за налаживание конструктивного диалога между палестинскими арабами и израильтянами. Однако лавры урегулирования арабо-израильского конфликта достались США, одержавшей во главе коалиции победу над Ираком. С этого времени все мирные договоренности между израильтянами и арабами заключались под патронажем Соединенных Штатов. Что же касается Франции, то она даже не была приглашена на Мадридскую конференцию и вынуждена была безучастно наблюдать, как Вашингтон передает Сирии опеку над Ливаном – давней зоной французского влияния. Общественность Франции была травмирована ущемлением интересов страны на Ближнем Востоке. Раньше позицией Франции в вопросе урегулирования конфликта в регионе (несмотря на трудности, возникающие в ходе реализации ее ближневосточной политики) удавалось объединить две важные вещи, а именно: признание права Израиля на безопасность и признание права палестинского народа на самоопределение. Но в новой ситуации стремление Франции сы-

грать посредническую роль в диалоге между конфликтующими сторонами не реализовывалось. Исходя из этого французское руководство прилагало усилия, чтобы объединить в одно целое разрозненные действия своих западноевропейских партнеров на Ближнем Востоке при сохранении среди них лидирующих позиций Франции.

Следуя в этом направлении, в Париже выдвинули программу налаживания с помощью Евросоюза партнерских связей между израильтянами, палестинцами и иорданцами в социально-экономической сфере. Однако в Израиле прохладно отнеслись к этой инициативе, будучи недовольными позицией Франции в вопросе участия ЕС и палестинцев в мирном переговорном процессе. По этой же причине Израиль отказался участвовать в работе экономического форума в Брюсселе (май 1992 г.), на котором обсуждались вопросы сотрудничества между Европейским Союзом и ближневосточными государствами в области развития сельского хозяйства, охраны окружающей среды, сотрудничества в сфере туризма. Израильский отказ мотивировался также тем, что на брюссельский форум были приглашены палестинцы с оккупированных территорий.

Тем не менее, в Евросоюзе продолжали прилагать усилия для содействия ближневосточному мирному процессу. Руководители ведущих стран-членов ЕС настаивали на западноевропейском участии в многосторонних переговорах по безопасности и разоружению на Ближнем Востоке, запланированным на май 1992 г. в Вашингтоне. В этой связи спецпредставитель ЕС Л. Матиас во время поездки на Ближний Восток прямо указывал, что Европейский Союз является правомочными обсуждать в рамках переговорного процесса вопросы контроля над вооружениями в регионе. «Мы полагаем, что европейская безопасность тесно связана с Ближним Востоком. Но непонятно, почему Израиль возражает против нашего участия в мирном процессе», – сокрушался он [3, с. 123].

В основе негативного настроя Израиля к перспективе участия стран-членов Евросоюза в переговорах по ближневосточному урегулированию лежало то, что его взаимоотношения с этими странами были заметно ухудшены. Прежде всего, в них сказывалась возросшая диспропорция между экономикой и политикой: с одной стороны, успешно развивались торгово-экономические связи Израиля с ведущими западноевропейскими странами. Последние занимали исключительно важное место во внешнеэкономических связях Израиля и кроме того, эта страна пользовалась облегченным доступом на торговые площадки Западной Европы. В то же время, в ходе ближневосточного конфликта некоторые страны-члены Евросоюза (Франция, ФРГ, Италия) занимали позицию, не устраивающую Израиль. В частности, эти страны не были готовы считать Иерусалим единой и неделимой столицей Израиля; признавалось ими право Израиля на безопасное существование, но в то же время, отстаивалось право палестинского народа на самоопределение и создание своего независимого государства; наконец, подвергалось критике строительство израильских поселений на оккупированных территориях. Исходя из этого, израильские лидеры отказывались видеть в ЕС объективного и беспристрастного партнера в многосторонних переговорах. Они предпочитали иметь дело прежде всего с США и СССР – «конспонсорами» мирного процесса и намеревались ограничиться в его рамках двусторонними переговорами с арабскими странами.

Застой в мирном переговорном процессе сохранялся до конца лета 1992 г. Единственным утешительным событием стала победа на выборах в Израиле Партии труда во главе с И. Рабином. Известие об этом с удовлетворением было встречено в США, России и ведущих западноевропейских странах. В заявлении Совета ЕС от 26 июня 1992 г. по поводу выборов в Израиле подчеркивалось, что они «укрепят мирный процесс и дадут новый импульс усилиям в поисках мира» [5, с. 297]. Новое правительство выступило за территориальный компромисс с палестинцами; оно считало также необходимым начать прямые контакты с ООП, в противном случае невозможно было наладить связи с теми представителями палестинцев, которые не входили в эту организацию. Двусторонние контакты начались в январе 1993 г. в столице Норвегии Осло. Этот канал был задействован не случайно: над налаживанием израильско-палестинских контактов уже многие годы работала норвежская дипломатия, используя выгодное положение страны. Норвегия поддерживала Израиль со времени его создания, между норвежской Рабочей партией и израильской Партией труда существовали дружеские отношения. В то же время, норвежцы признавали ООП и поддерживали с ней постоянные связи. Таким образом, Норвегия имела дружеские отношения и с Израилем, и с палестинцами, но при этом не была связана с ними какими-либо обязательствами. В норвежском МИД была разработана концепция разрешения конфликтных ситуаций

с помощью секретных переговоров, ограничивающих разрушительный потенциал воздействия на ход мирного процесса той части населения, которая по разным причинам выступала против его продвижения.

После нескольких месяцев секретных переговоров 13 сентября 1993 г. в Вашингтоне была подписана израильско-палестинская Декларация принципов, предусматривающая постепенный вывод израильских войск с оккупированных территорий (прежде всего из Газы и района вокруг Иерихона); проведение выборов, а затем формирование местных органов палестинского самоуправления (Законодательного совета и Национальной администрации); определение в течение пяти лет окончательного статуса Западного берега Иордана и Сектора Газа. За неделю до подписания этого документа произошел обмен письмами между Я. Арафатом и премьер-министром Израиля И. Рабиным. Лидер ООП вновь подтвердил признание своей организацией права Государства Израиль на существование, а также принятие ООП резолюций Совета Безопасности ООН №242 и №338. В свою очередь И. Рабин заявил, что его правительство признает ООП в качестве представителя палестинского народа и выражает готовность вести с ней переговоры [9, p. 10–11]. Но в ходе них так и не удалось решить ряд важных вопросов, касающихся Сектора Газа и Иерихона. С ними Я. Арафат ознакомил представителей Совета ЕС, прибывших в Тунис с целью получения информации о ходе палестино-израильских переговоров. Палестинский лидер не скрывал недовольства тем, что Евросоюз, ратовавший за реализацию законного права палестинского народа на самоопределение, не прилагает усилий, чтобы повлиять на ход переговоров и пассивно наблюдает за обсуждением израильско-американского проекта, всего лишь в общих чертах содержащего положение о палестинской автономии. Я. Арафат прямо указал, что роль западноевропейцев в мирном процессе продолжает оставаться пассивной. Эта критика вызвала озабоченность в руководстве Евросоюза и оказала стимулирующее воздействие на активизацию усилий этой организации в переговорном процессе. При этом в ее руководстве считали, что западноевропейская политика на Ближнем Востоке должна развиваться в следующих направлениях:

1. Содействие урегулированию конфликта и продвижению мирного процесса;

2. Помощь в проведении выборов на автономных палестинских территориях;

3. Принятие мер по ускорению темпов региональной кооперации;

4. Реализация программы материальной и финансовой помощи автономным палестинским территориям.

Между тем, существующие разногласия между ООП и Израилем были детализованы в ходе встречи их делегаций в Каире (май 1994 г.). Сторонам удалось завершить переговоры и парафировать договор (он получил название «Осло-2») о реализации второй стадии введения автономии. Он касался вывода израильских военных подразделений из палестинских населенных пунктов и проведения прямых выборов в Совет Палестинской автономии. Таким образом, правительство Израиля согласилось передать под контроль палестинцев Сектор Газа и Иерихон. Это позволило Я. Арафату после долгих лет изгнания вернуться в Палестину (июль 1994 г.). В январе 1996 г. прошли первые выборы в Совет Палестинской автономии. В его ведение вошли вопросы образования, культуры, социального обеспечения, туризма, здравоохранения, налогообложения. В рамках подписанного сторонами Протокола палестинской администрации также были переданы вопросы торговли и промышленности, сельского хозяйства.

В ходе мирного процесса постепенно стали ослабевать санкции, введенные против Израиля арабскими странами. После заключения иордано-израильского мирного договора в декабре 1994 г. восемь стран-членов ЛАГ установили с Израилем дипломатические отношения. Но затем мирный процесс был прерван из-за действия экстремистских сил с обеих сторон. В Израиле были проведены теракты боевиками радикальных организаций ХАМАС и «Исламский джихад». В ответ израильские экстремисты провели ряд терактов против палестинских арабов, а 4 ноября 1995 г. во время митинга в Тель-Авиве от рук одного из них погиб премьер-министр И. Рабин [8, p. 283]. Этим событиям предшествовало принятое Советом ЕС решение, согласно которой одновременно с оказанием материальной и финансовой помощи Палестинской автономии следовало начать переговоры с Израилем о заключении нового, более масштабного соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве и научно-технической кооперации. В политических и деловых кругах Западной Европы активно обсуждался вопрос о принятии Израиля в структуры ЕС, что должно было способствовать реализации совместных научно-исследовательских проектов, внедрению в производство высокотехничных опытных разработок.

В Израиле были заинтересованы в получении доступа к исследовательским программам ЕС, сотрудничестве в банковской сфере, в области культуры, борьбе с наркотиками и т.д. Указанные положения предусматривалось отразить в новом соглашении, но его заключение затягивалось. При всей важности экономических вопросов масштабы планируемого соглашения определяли спорные моменты между Израилем и ведущими странами-членами ЕС вокруг ближневосточного урегулирования и решения палестинской проблемы. Они негативно сказывались на внешнеполитической деятельности ведущих западноевропейских стран на Ближнем Востоке, создавали препоны усилиям, направленным на продвижение переговорного процесса и достижение прочного мира в этом регионе.

Источники и литература / References

1. Дудайти А. К. Кувейтский кризис в ближневосточной политике стран-членов ЕЭС начала 90-х гг. XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 1. С.15–21.

Dudajti A. K. Kuvejtskij krizis v blizhnevostochnoj politike stran-chlenov ES nachala 90-h gg. XX v. (*The Kuwait crisis in the middle East policy of the countries members of the EEC in the early 90-ies of the twentieth century*) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2015. No. 1. P. 15–21. (In Russian).

2. Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 560 с.

Zvjagel'skaja I. D., Karasova T. A., Fedorchenko A. V. Gosudarstvo Izrail' (*The State of Israel*). Moscow: Institute of Oriental Studies RAS publ., 2005. 560 p. (In Russian).

3. Панкратьев В. П. Сложный путь от Мадрида к Осло (эволюция палестино-израильских отношений) // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке и политика России на рубеже XXI века. М.: Изд-во «Немыкин & Шулек Ко», 2000. 324 с.

Pankrat'ev V. P. Slozhnyj put' ot Madrida k Oslo (jevoljucija palestino-izrail'skih otnoshenij) (*A challenging way from Madrid to Oslo (evolution of Palestinian-Israeli relations*) // Mezhdunarodnye otnoshenija na Blizhnem i Srednem Vostoke i politika Rossii na rubezhe XXI veka. (*International relations in the Middle East and Russian policy at the turn of the XXI century*). Moscow: Nemykin & Shulek Ko, 2000. 324 p. (In Russian).

4. Пырин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М.: РОССПЭН, 2002. 512 с.

Pyrlin E. D. Trudnyj i dolgij put' k miru: Vzgljad iz Moskvy na problemu blizhnevostochnogo uregulirovanija (*A long and difficult way to peace: the view from Moscow on the settlement of Middle East problem*). Moscow: ROSSPEN, 2002. 512 p. (In Russian).

5. Рубби А. Палестинский марафон. 30 лет борьбы за мир на Ближнем Востоке / пер. с итал. М.: Международные отношения, 2001. 360 с.

Rubbi A. Palestinskij marafon. 30 let bor'by za mir na Blizhnem Vostoke (*The Palestinian marathon. 30 years of struggle for peace in the Middle East*) / translated from the Italian. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2001. 360 p. (In Russian).

6. Хроника внешнеполитических событий в СССР URL: http://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29328/ (Дата обращения 16.10.17).

Hronika vneshnepoliticheskih sobytij v SSSR (*Chronicle of foreign policy events in the Soviet Union*) URL: http://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29328/ (Accessed 16.10.17). (In Russian).

7. Baker J. A. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace 1989–1992. New York: Putnam, 1995.

8. Byman D. A High Price: The Triumphs and Failures of Israeli Counterterrorism. Oxford: Oxford University Press, 2011. 463 p.

9. Deeb D. J. The Collapse of Middle East Peace: The Rise & Fall of the Peace Accords. New York: iUniverse, Inc., 2003. 132 p.

10. Eisenberg L., Caplan N. Negotiating Arab-Israeli Peace: patterns, problems, possibilities. Bloomington: Indiana University Press, 2010. 419 p.

11. European Foreign Policy: Key Documents / ed. by Hill Ch., Smith K. London: Taylor & Francis Group, 2000. 476 p.

12. Kaya T.Ö. The Middle East Peace Process and the EU: Foreign Policy and Security in International Politics. New York: I.B. Tauris & Co Ltd, 2012. 259 p.

13. Lukacs Y. Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record, 1967–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 551 p.

14. Munro A. Arab Storm: Politics and Diplomacy behind the Gulf War. London: I. B. Tauris & Co Ltd. 427 p.

15. Quandt W. B. Peace Process: American Diplomacy and Arab-Israeli Conflict Since 1967. Washington: Brookings Institution Press, 2001. 488 p.

16. Tessler M. A. A History of the Israeli-Palestinian conflict. Bloomington: Indiana University Press, 2009. 995 p.

УДК 930.1:94(37)

Е. С. Зайцева, А. М. Скворцов

ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX вв.[1]

В статье рассматриваются оценки Поздней Римской империи в работах дореволюционных и советских исследователей. Этот период редко становился предметом специального интереса со стороны историков, однако данная тема оказалась довольно подробно освещена, особенно в дореволюционный период. Несмотря на то, что период Поздней Римской империи стал объектом пристального внимания ученых, работы, охватывавшей все сферы позднеантичного общества, создано не было. Однако если рассматривать дореволюционную историографию в совокупности многие аспекты жизни общества конца III–V вв. оказались освещены. Советские историки продолжили социально-экономическое направление в исследовании поздней Римской империи, но с марксистских позиций, предпринимая попытки включить период домината в последний этап «революции рабов». Периоду поздней античности отводилась решающая роль в этой теории, поскольку именно в III–V вв. социальная борьба должна была максимально обостриться и привести к крушению рабовладельческого строя. В свою очередь политическая сторона домината отечественными историографами трактовалась без бурных дискуссий как абсолютная военно-бюрократическая монархия, начавшая складываться еще в период принципата, и только окончательно завершившая свое оформление в IV веке.

Ключевые слова: доминат, Римская империя, Диоклетиан, Константин Великий, поздняя античность, историография домината.

E. S. Zaytseva, A. M. Skvortsov

THE LATE ROMAN EMPIRE IN THE REFLECTION OF DOMESTIC HISTORIOGRAPHY (XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURIES)

The article considers the interpretation of the Late Roman empire by pre-revolutionary and Soviet researchers. The subject attracted special interest in the antiquity rarely. Nevertheless it was covered in some detail, especially in the pre-revolutionary period. Despite the fact that the period of the Late Roman Empire became the object of careful attention of scientists, work that covered all spheres of the late-antique society was not created. However many aspects of the life of the society of the end of the III–V centuries were covered in pre-revolutionary historiography as a whole. Soviet historians continued the socio-economic direction in the study of the history of the Late Roman Empire, attempting to include it in the last stage of the “slave revolution”. The period of late antiquity (III–V centuries) was assigned a decisive role in this theory, since the social struggle was to be exacerbated precisely during this period. The political aspect of the dominant was interpreted by domestic historiographers as an absolute military-bureaucratic monarchy, which began to take shape even during the Principate period, and finally took shape in the fourth century.

Key words: the Dominate, Roman Empire, Diocletian, Constantine the Great, Late Antiquity, historiography of the Dominate.

Переходные эпохи в истории человечества вызывают большой интерес со стороны исследователей. Период поздней античности стал временем, в котором сплелись воедино черты отживавшей свой век классической античности и зарождающейся средневековой цивилизации. Происходило постепенное разложение традиционных римских государственных структур под влиянием самых различных факторов. Сложные трансформационные процессы, как правило, не имеют однозначной оценки в среде историков, часто вызывают бурную полеми-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-33-01035).

ку, но неизменно привлекают внимание. В данной статье ставится задача проанализировать взгляды на явления эпохи Поздней Римской империи и определить основные ее трактовки в дореволюционной и зарождающейся советской исторической науке, а также факторы, повлиявшие на их изменения.

Впервые к поздней античности обратились не собственно историки, а публицисты. Представителю революционно-демократического направления середины XIX вв. Н. Г. Чернышевскому принадлежит сочинение «О причинах падения Рима» [34]. Автор, будучи общественным деятелем, не ставил специальной задачи исследование причин падения Западной Римской империи. Тема оказалась выбрана в связи с необходимостью выстраивания доказательной базы при определении положения дел в России и Западной Европе в середине XIX в. Революционные события 1848–1849 гг. вызвали спор между Н. Г. Чернышевским и А. И. Герценом о путях дальнейшего развития России [27]. Первый отстаивал необходимость преобразования российского общества на основе западного опыта, отмечая самодостаточность Европы: «…у Европы свой ум в голове, и ум гораздо более развитый, чем у нас, и учиться ей у нас нечему, и помощи нашей не нужно ей…» [34]. Для иллюстрации этого тезиса автор и обратился к истории Рима. Остановимся на указанном сочинении подробнее, поскольку оно стало одним из первых в исследовании Поздней Римской империи.

Н. Г. Чернышевский попытался обозначить причины, приведшие некогда самое могущественное государство Средиземноморья к закату. Автор оспаривает мнения Ш. Монтескье и Ф. Гизо, предлагая свою трактовку причин падения Рима [34]. Для этого он обращается к истокам, ко времени ранней республики, когда Рим только начинал выстраивать свое господство в Средиземноморье: «Сначала, когда эти обширные страны [варварские – *Е. З., А. С.*] стояли еще слишком низко, небольшие цивилизованные страны, бывшие двумя центрами [Древний Рим и Древняя Греция – *Е. З., А. С.*], из которых разливался прогресс, легко сохраняли свое владычество над ними, вроде того, как англичане в Ост-Индии довольно долго не встречали опасности своему господству от народа, как только был он раз покорен» [34]. Постепенно варвары становились цивилизованными, у них развилась способность сражаться, и возникло стремление к независимости. Вот эти мысли о независимости, по мнению автора, и стали своего рода идеологической основой для борьбы с Империей.

Уже на примере этого отрывка можно обозначить характерные особенности, присущие всему сочинению Н. Г. Чернышевского. Во-первых, он, действуя в русле позитивистского направления историографии, постоянно использует термины «цивилизация», «прогресс». Во-вторых, автор находит много общего между Римской и Британской империями. Такие параллели характерны для многих британских историков конца XVIII в. (с Э. Гиббона) и XIX в. В это время Великобритания находилась на пике своего могущества, и ее судьба вызывала явные ассоциации с судьбой Рима.

«К чему это приведет раньше или позже? – продолжает рассуждения Н. Г. Чернышевский, – спросите у самих англичан, они скажут: ост-индцы цивилизуются; когда они оцивилизуются настолько, что не будут нуждаться в нашем руководстве, Ост-Индия сделается независимою от Англии. Добровольно ли мы уйдем из нее, прогонят ли нас, этого в точности рассказать наперед нельзя; вероятно, будет отчасти добровольная уступка, отчасти – принужденное вытеснение» [34]. Ожидавшееся вытеснение римлян «после долгих бесплодных попыток к возвращению национальной независимости [варварами – *Е. З., А. С.*]…» и началось в период Империи.

Важная особенность трактовки Н. Г. Чернышевским интересующего нас периода заключается в том, что он не видит в истории Поздней империи упадка и разложения государственных структур, напротив – разделение Империи на четыре префектуры, в его представлении, стало прогрессом, ступенью к дальнейшему развитию на основе этих областей новых государств. В подтверждение этому публицист отмечает ряд новых черт общественной жизни: переход от рабства к крепостному состоянию, увеличение прав у рядовых жителей государства и заявляет: «Не раньше XVII в., быть может только в половине XVIII в., успела континентальная Европа снова подняться до того положения, до какого достигала в конце III, в начале IV в.» [34]. По его мнению, именно «азиатские варвары» прервали самодостаточное и независимое течение европейской истории и стали причиной ни с чем несравнимого упадка Европы.

Таким же остросоциальным сочинением, хотя и написанным профессиональным ученым, профессором словесности Московского университета П. М. Леонтьевым, стала работа «О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме» [19]. Автор не специализировался на истории Позднего Рима. Но, вероятно, инте-

рес к римским аграрным отношениям появился у него в связи с дискуссиями в российском обществе об отмене крепостного права. Автор обращается к истории колоната в Римской империи, отождествляя этот древний институт с российским крепостничеством, и видит в колонате основную причину гибели гегемона Средиземноморья. Поэтому, несмотря на наличие профессиональной подготовки у историка, мы не находим в сочинении подробного и скрупулезного анализа колоната. Это довольно тенденциозная публицистическая работа с предельно прозрачными аналогиями – колонат привел к гибели Римское государство, а крепостничество погубит Российскую империю.

В середине XIX в. бурными темпами начинает развиваться университетское антиковедение и именно тогда появляется специальное исследование по истории поздней античности. Такой работой стала магистерская диссертация С. В. Ешевского «К. С. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V в.» [4]. С. В. Ешевский являлся учеником П. Н. Кудрявцева и Т. Н. Грановского. Интерес к истории поздней античности, если и возникал в среде русских историков, то был характерен в основном для представителей Московского университета, Петербургский же университет, под влиянием М. С. Куторги и его учеников основное внимание сосредоточил на истории Греции. Правда, С. В. Ешевского, скорее, следует причислить к медиевистам. С помощью исследования об Аполлинарии он пытался отыскать в периоде поздней античности истоки европейского феодализма.

Избрав биографический метод в качестве основного, С. В. Ешевский предпринял попытку через призму истории, судьбы одного человека показать положение позднеримского, а именно галло-римского, общества начиная с середины V в., щедро сдабривая свое сочинение множеством подробностей о быте галльской аристократии. С. В. Ешевский проанализировал политическую деятельность Сидония Аполлинария, однако в начале работы имеются отступления, затрагивающие более ранние события. Автор отмечает, что установление новой формы власти в конце III в. позитивно отразилось на судьбе Римской империи, продлив ее существование, а IV в. стал временем стабильного развития, периодом плодотворным для литературы, образования, вообще духовной, еще языческой по наполнению жизни [4, с. 31].

Однако в целом духовная жизнь поздней античности в трактовке С. В. Ешевского характеризуется упадком и разложением по сравнению со временем классической древности. Такие выводы следует отнести, по его мнению, к системе управления, экономике, общественному развитию, но при этом сохранялся моральный авторитет, римский дух: «Все племена, огнем и мечом опустошавшие области Римской империи... обязывались свято чтить величие римского народа… Так велико было еще чарующее влияние Рима. Когда ясна была политическая беспомощность Римской империи, за ней оставалось огромное нравственное и умственное превосходство» [4, с. 144]. В позднюю античность, считает С. В. Ешевский, не возникло ничего полезного и созидательного, за исключением повсеместного распространения христианства. Но все же новая форма власти задержала падение Рима на некоторое время. В связи с этим, в трактовке историка, IV в. предстает как время стабильности, процветания наук и искусств, вообще духовной жизни на фоне разложения политических институтов [4, с. 31; 50; 62]. Однако он признает корректность такого утверждения только в связи со сравнением с III и V вв. Очевидно, что у С. В. Ешевского, получившего классическое образование в гимназии и университете, основанное на изучении классических образцов античной литературы, сформировалось априорное негативное суждение о духовной жизни поздней античности. Поэтому, по сравнению с III и V вв., когда образование, литература и искусства находились в полнейшем упадке, IV в. представляет определенный контраст и заставляет исследователей обращать на себя внимание. Сочинение С. В. Ешевского обозначило, таким образом, основные векторы в трактовке духовной стороны позднего Рима. Остальные сферы общественной жизни еще не подвергались изучению.

Конец XIX – начало XX вв. стали «золотым веком» русской науки об античности. По причине огромного множества работ, вышедших в этот период из-под пера историков, дальше имеет смысл останавливаться уже не на конкретных исследованиях отдельных ученых, а посмотреть, как представителями разных направлений в изучении древнего мира трактовалась Поздняя Римская империя [35].

В русле культурно-исторического направления несколько авторов обратились к интересующему нас периоду. Прежде всего следует отметить работу М. П. Драгоманова «Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого» (1865) [3]. Он не считал время Поздней Римской империи упадком: «время Диоклетиана не совсем без основания называ-

ли «золотым веком»» [3, с. 19]. Автор оправдывает необходимость введения новой системы государственного управления, поскольку она обеспечила «Римской империи внутренний мир». Однако этой системе были присущи и недостатки: коррупция, огромные траты на содержание войска и податная система [3, с. 12].

Другой представитель культурно-исторического направления Ю. А. Кулаковский занялся специально поздней историей Рима в связи с проблемой взаимоотношения христианской церкви и античного государства [18]. Автор считал, что они не были напряженными, а вполне ровными и терпимыми, чем вызвал недовольство со стороны Киевской Духовной Академии. Его статья оказалась раскритикована, и Ю. А. Кулаковскому пришлось отбиваться от нападок со стороны церкви. Хотя автор назвал свою работу «Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков», однако он добрался в своих рассуждениях до времени Константина. «Отмечу прежде всего, что утверждение, будто «гнет не был снят ни одним императором до Константина Великого» вызывает недоумение. Как мог историк церкви позабыть хотя бы про эдикт императора Галлиена, которым было прекращено гонение императора Валериана и возвращены христианам их кладбища». [18, с.43]. Наконец, можно отметить в ряду трудов культурно-исторического направления работы общего характера. Ф. Ф. Зелинским проблемы римской литературы и религии рассмотрены в работе «Римская империя», правда, вышедшей уже после эмиграции [6]. И. В. Нетушил в «Лекциях по римской истории» (1907–1909) и «Обзоре римской истории» (1912) довел повествование до разделения Империи в 395 г. [23; 24].

Всех этих авторов объединяет общий взгляд на Позднюю Римскую империю. Они называют эту эпоху доминатом в связи с тем, что dominus стал неотъемлемой частью титулатуры римских императоров, а придворный церемониал принял формы восточного этикета. Указанные историки видели в доминате форму абсолютной монархии, вызревшей в недрах кризиса III в., и свободную от формальностей принципата. Авторами характеризовались система управления, административная, финансовая, монетная, военная реформы Диоклетиана, отмечалось распространение по всей империи бюрократических порядков. Правление Константина представало как продолжение начатых Диоклетианом реформ. К концу IV в. в представлении историков доминат окончательно сложился как режим, уже полностью отличный от порядков III в [24, с. 322]. Таким образом, в период домината «… римская держава явилась не только политической наследницей эллинистического востока, но приняла на себя целиком и экономическое наследие эллинистических государств, образовавшихся после Александра Македонского, в том числе и Египта…» [24].

Значительное внимание исследователями культурно-исторического направления уделялось духовной жизни имперского Рима. Отмечалась важность такого шага, как уравнение христианства в правах с другими верованиями, а затем и принятие его в качестве государственной религии [24, с. 332–333].

Следующее направление, социально-политическое, представлено именами Э. Д. Гримма и Л. П. Карсавина. В работе «Исследования по истории развития римской императорской власти» Э. Д. Гримм охватывает период от Октавиана Августа до Марка Аврелия, хотя изначально задумывал довести сочинение до правления Феодосия II [2]. Здесь он трактует систему принципата как изначально монархическую, а не дуалистическую, сочетавшую в себе республиканские и монархические черты, и не доводит повествование до времени поздней античности [2, с. 248–249]. Если развить основную авторскую идею дальше, можно предположить, что доминат, в его представлении, стал логичным и плавным завершением системы правления, установившейся с начала Империи, как вариант окончательной абсолютизации монархии.

Л. П. Карсавин вслед за С. В. Ешевским обратился к исследованию галльской аристократии периода домината. Сочинение «Из истории духовной культуры падающей Римской империи. Политические взгляды Сидония Аполлинария» (1908) основано на панегириках Сидония в честь римских императоров [9]. Трактуя их, Л. П. Карсавин демонстрирует свое видение периода поздней античности, правда, главным образом в V в. Можно рассмотреть его взгляды, основываясь на нескольких характерных отрывках: «Магнаты желали видеть на римском престоле могущественного монарха». «…как мальчики состарили империю, так доблестный принцепс, может быть, сможет ее возродить». И чуть дальше: «Являясь воплощением единства империи, принцепс западной половины в глазах Сидония и других магнатов является национальным… государем именно западной части государства. Воображаемое единство империи не потеряло свое значение» [9, с. 34]. Здесь Л. П. Карсавин вроде и называет позднеантичного императора «монархом», однако не

проводит четкого разделения в терминологии, обозначавшей правителей в разные периоды империи. В приведенных отрывках неоднократно встречается титул «принцепс». У Л. П. Карсавина принцепс времени домината больше не магистрат, а уже ничем не ограниченный монарх. Он – могущественная сильная фигура, и, что важно, монарх является олицетворением единства всего государства, а не только западной его части, поэтому особенно значима фигура именно западного правителя. Следовательно, с падением императорской власти на Западе заканчивается история всей Римской империи. Согласно Л. П. Карсавину, Рим ослабили не внутренние распри, а варварские вторжения; главными врагами стали вандалы: «Как неудержимо и незаметно разлагалось римское государство, также неудержимо, но незаметно для своих носителей, блистая своеобразным расцветом упадка, растворялась духовная культура в море варварства…» [9, с. 54].

Наибольшее значение и развитие в дореволюционной историографии получило социально-экономическое направление, которое связано с именами И. М. Гревса и М. И. Ростовцева. Правда, И. М. Гревса доминат интересовал в основном как переходный период между античностью и средневековьем. Причем, тема его первого лекционного курса звучала как «История государства и общества в период падения Римской империи» [1], но позже интересы историка стали касаться истории римского землевладения во времена Империи, поэтому основной акцент в русле этого направления мы сделаем на другом историке.

Труды М. И. Ростовцева стали для многих поколений исследователей классическими. Все его работы, затрагивающие период домината, вышли в свет уже после революции и эмиграции [35, с. 365], но, нам кажется, остановиться на трактовке им периода домината имеет смысл именно здесь, поскольку творчество М. И. Ростовцева во многом представляет собой квинтэссенцию развития дореволюционной исторической мысли. Его интересы в истории Рима сосредотачивались на социально-экономической жизни периода принципата, однако в заключительной главе «Общества и хозяйства Римской империи» М. И. Ростовцев высказывает несколько мыслей о доминате, правда, отмечая, что для полного раскрытия темы, необходим еще один труд, сопоставимый по объему с написанным.

Положение в Империи конца III в. М. И. Ростовцев соотносит с ситуацией в римском государстве после Гражданских войн I в. до н.э., выделяя при этом некоторые различия двух кризисов в истории Рима. В частности, перед установлением принципата Августа, по его мнению, не были затронуты «жизненные центры империи», римский полис, основа античной цивилизации – гражданская община – смогла выйти из смуты I в. до н.э., сохранив свои основные черты. Всеобъемлющий кризис III в., напротив, не оставил шансов полисной системе – «теперь [после III в. – *Е. З., А. С.*], – пишет М. И. Ростовцев, – нет места для той роли городов, которую они играли при Августе и Антонинах» [28, с. 211], в период домината главной опорой режима стало крестьянство.

По мнению М. И. Ростовцева, целью Диоклетиана стало восстановление порядка как можно более простыми способами, при этом учитывая новую социальную основу государственной власти. Одной из важнейших проблем стала необходимость возвращения авторитета центральной власти, «т.е. самому институту императоров» [28, с. 213], поскольку только с помощью него можно было удержать «целостность здания империи». «Понятие императорства в том виде, в каком оно сложилось в течение первых двух веков, было слишком утонченным, сложным и изощренным, чтобы его смысл доходил до крестьянских масс… Срочно требовалось более простое понятие, более ясная и доступная идея, которую понял бы каждый» [28, с. 214]. По мнению М. И. Ростовцева, Диоклетиан, осознав это, предпринял попытки продвинуться в необходимом направлении, придав сверхъестественный характер власти, «нашедшей свое выражение в восточном церемониале при императорском дворе» [28, с. 214]. Однако этот император все еще отстаивал идею о том, что правитель является верховным магистратом. Константин же, напротив, смог осознать усиление христианской церкви, расположение к ней общества и поставил ее на службу укреплению государственной власти. Христианство и государство нуждались в помощи друг друга [28, с. 215]. Институт императорства полностью утратил конституционный характер, который был для него характерен в период принципата, встав в один ряд с монархией Сассанидов. «Его основами были, с одной стороны, насилие и принуждение, с другой – религия», и далее «императорство было вечным как церковь, на которую оно опиралось, и это была всемирная власть, также как церковь была всемирной церковью» [28, с. 215]. Таким образом, в представлениях М. И. Ростовцева, политическая реорганизация власти и установление системы домината

оказались самыми успешными из дел Диоклетиана и Константина. Остальные реформы (как например, попытки стабилизации валюты) позволили лишь на некоторое время улучшить положение в Империи [28, с. 228]. После смерти Константина из-за развала в экономической жизни произошло разложение и всего государства. М. И. Ростовцев говорит о закрепощении античного общества настолько, что сложились касты: «… Римская империя позднего периода, будучи демократией рабов, на деле была менее демократична, чем империя раннего периода. Тогда не было никаких каст» [28, с. 229]. Таким образом, подъем императорской власти в IV в. на недосягаемую высоту и придание всем жителям Империи статуса подданных, вроде бы, предполагало определенную нивелировку, их уравнение в правах. На деле же, считает М. И. Ростовцев, вместо прежних общественных классов возникли новые, с более жесткими границами, сравнимые с касто-во-варновой системой Индии [28, с. 232].

М. И. Ростовцев с многочисленными подробностями описывает это состояние общества. По его мнению, революция III в., «разрушившая фундамент экономической, социальной и интеллектуальной жизни старого мира» по определению не могла привести к позитивным результатам и позволить правителям провести действенные преобразования. Она поглотила знаменитую римскую стройную государственную организацию, основанную на древней классической культуре и, главное, гражданской общине. На оставшихся руинах возникло государство «построенное на всеобщей неосведомленности, на принуждении и насилии, на порабощении и кабале, на взяточничестве и нечестности» [28, с. 235].

Таким образом, кризис III в. разрушил систему самоуправления римских городов, поэтому произошел упадок духовной жизни, античной культуры, носителями которой выступали именно города [28, с. 237]. В этом М. И. Ростовцев видит главную беду позднеантичного Рима.

Помимо отмеченных исследователей, свою лепту в разработку проблем римской истории периода домината внесли медиевисты и специалисты по новой истории. На рубеже XIX–XX вв. ими были созданы общие труды историко-социологического характера: Н. И. Карееву принадлежат книги «Государство – город античного мира» (1903), «Монархии Древнего Востока и греко-римского мира» (1904); М. С. Корелину – «Падение античного миросозерцания: Культурный кризис в Римской империи» (1895); Д. М. Петрушевскому «Очерки из истории средневекового общества и государства» (1913) [7; 8; 14; 25]. В этих сочинениях названные авторы выступали скорее в качестве популяризаторов античной истории. Их трактовка периода домината была отнюдь не нова, они подчеркнули все те черты, которые уже были отмечены до них: влияние на становление системы домината эллинистических монархий, деспотический, ничем не ограниченный характер власти императора, изменение статуса простых жителей Империи с «граждан» на «подданных» [8, с. 243]. Исследователи говорят о кризисе традиционных римских верований, начавшемся задолго до установления домината, отмечая в периоде поздней античности преобладающее значение христианства [14].

Подводя итог развитию интереса к Поздней Римской империи в дореволюционной историографии, можно выделить несколько наиболее важных черт. Во-первых, интерес к истории поздней Римской империи и периоду домината зародился еще в среде русской интеллигенции. В дореволюционной историографии преобладал интерес к истории Древней Греции, история же Древнего Рима, тем более поздняя, оказалась разработана значительно слабее. Если историки и обращались к ней, то рассматривали отдельные регионы древнеримского государства, в частности, позднеантичной Галлии (труды С. В. Ешевского, Л. П. Карсавина), что объясняется состоянием источниковой базы – необходимые данные для создания исторических сочинений содержалась в панегириках и житиях галльских святых.

Во-вторых, зачастую к исследованию проблем позднего Рима обращались не столько антиковеды, сколько медиевисты. Последние пытались отыскать в Поздней Римской империи истоки феодализма и черты, определившие лицо европейской цивилизации позднее.

Общим местом в трудах историков было то, что кризис III в. трактовался в качестве исходного пункта всех бедствий поздней античности. Политическая система стала сравниваться с восточной монархией, деспотией. Исследователи находили в ней и черты эллинизма. Они усматривали в установлении домината историческую необходимость, позволившую затормозить процесс падения Западного Римского государства.

В первое десятилетие советской исторической науки создавались главным образом работы научно-популярного характера. С. А. Жебелев в 1923 г. издал научно-популярное пособие по истории Рима; С. И. Ковалев выпустил «Курс всеобщей истории» (1923–1925);

В. С. Сергеев – «Историю Древнего Рима: Культурно-исторический очерк в научно-популярном изложении» (1922). В последнем сочинении имеется ряд трактовок, берущих свое начало в дореволюционной традиции. В истории Рима В. С. Сергеев находит черты капитализма. Отсутствие представлений о четкой смене формаций и жестко определенного канона в написании истории еще позволяло подобным образом трактовать экономическую сферу древнего мира. Так, по его мнению, усиление и рост капиталистических отношений характеризуют весь имперский период римской истории. Действие на общество «разрушительных факторов», порожденных капитализмом, усугубилось во время кризиса III в. Римской империи удалось преодолеть его только благодаря установлению Диоклетианом и Константином «железного режима» домината. Однако стабилизация оказалась непродолжительной: полный развал экономической сферы дополнялся ухудшением природных условий. «Естественное положение плодородия почвы, истощение рудников и усиленный выпуск низкопробной монеты, производивший настоящую революцию цен» стали причиной отчаянно тяжелого положения простого народа. К тому же, в последние века римской истории особенно активно начали себя проявлять христиане, сталкивавшие полярные общественные группы и подстрекавшие бедняков восстать против богачей [29, с. 656]. В этом фрагменте среди объяснения причин развала позднеантичного общества, безусловно, уже заметно доминирование экономического фактора над остальными, однако, во-первых, В. С. Сергеев еще продолжает отыскивать черты капитализма в Риме, а, во-вторых, дополняет экономический фактор влиянием религиозной борьбы.

Из пособия В. С. Сергеева также можно получить важные и интересные сведения по поводу положения сенаторского сословия и не только в период домината [29, с. 694]. Но к источниковой базе он подошел крайне избирательно – им проанализированы исключительно христианские авторы, критиковавшие систему домината. Они негативно относились к положению дел в Поздней империи, поскольку простые христиане подвергались якобы невыносимому гнету со стороны властей. И здесь направления критики христианских авторов и первых советских историков совпадали [29, с. 649].

Еще одна черта, характерная для трактовки домината 20-х гг. XX в. (ее отмечает не только В. С. Сергеев, но и, например, С. И. Ковалёв) – характеристика поздней Римской империи как абсолютной монархии, основанной на «торговом капитале» и опиравшейся на «дворянство, чиновничество и армию» [13].

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. стала все отчетливо проявляться впервые проявились попытки жесткая регламентация вопросов, которые необходимо освещать; устанавливалось определенное единообразие [16, с. 225]. Первым делом была раскритикована теория «торгового капитализма» М. Н. Покровского и установлена последовательность пяти формаций – первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической, – сменявших одна другую по мере развития исторического процесса [16, с. 226].

В результате этого из сочинений советских историков пропали рассуждения о феодализме и капитализме в древности. О капиталистических отношениях теперь позволялось писать только с XVI в. Взамен этого во времени принципата и домината необходимо было отыскать черты кризиса античного общества, а в отношении периода поздней античности – моменты крушения старой рабовладельческой формации и зарождения новой феодальной. В связи с этим исследователей главным образом интересовали экономическая (как базис) и социальная (в плане зарождения недовольства в среде граждан и ростков будущей революции, которая привела к смене формаций) сферы [16, с. 226].

Следующий этап формирования советского канона историописания для периода древности начинается в 1933 г. И. В. Сталин, выступая на съезде колхозников-ударников, произнес речь, содержащую в частности следующие слова: «История народов знает немало революций… [в результате которых – *Е. З., А. С.*] сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации… Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» [33]. Так возникла теория, согласно которой смена рабовладельческой формации на феодальную произошла в результате «революции рабов». Причем, нужно отметить, что советские антиковеды сами были заинтересованы в формировании канона, к которому можно было бы безопасно апеллировать. Утверждение этой теории нельзя сводить исключительно к влиянию сверху, поскольку в среде медиевистов идея «крестьянской революции» при переходе от феодальной к капиталистической формации, также высказанная И. В. Сталиным, не прижилась. Таким образом, случайная фраза, оброненная вождем, легла

в основание новой трактовки периодов принципата и домината, произошел окончательный отказ от комплексного рассмотрения причин гибели Римской империи.

Далее необходимо было развить высказанную мысль о рабской революции, поместив ее во времени более конкретно. Этот вопрос стал наиболее дискуссионным среди советских антиковедов, акценты предлагалось расставить на нескольких периодах в истории Древнего Рима.

С. И. Ковалев, обвиняемый до этого в подражании М. И. Ростовцеву в вопросе о характере социальной революции III в., поспешил отреагировать на слова И. В. Сталина. В статье «Классовая борьба и падение античного общества» (1933) и учебнике «История античного общества. Ч. 2. Эллинизм. Рим» (1936) [10, 12] в «революции рабов» он выделял два этапа: II–I вв. до н.э. (сицилийские восстания и восстание Спартака) и III – V вв. н.э., хотя и рассматривал их как единый процесс. Причем, второй этап являлся ключевым, поскольку именно в ходе него должна была произойти революция и смена формаций. В этом аспекте история поздней античности и период домината и начали привлекать внимание исследователей. В III–V вв. было необходимо найти черты ожесточенной классовой борьбы. Восстание багаудов в Галлии, последняя волна стабилизации при Диоклетиане и Константине, вторжение варваров и падение рабовладельческого строя – таким виделось развитие исторического процесса при доминате [12].

Н. А. Машкин чуть позже предложил сузить время революции до IV – V вв., поскольку после III в. Римская империя просуществовала почти два столетия, следовательно, «революция» не смогла еще уничтожить рабовладельческую формацию, и должна быть, по его мнению, датирована более поздним временем. В IV в. наблюдается относительно стабильное общественное развитие, говорить о революции в это время не представляется возможным, следовательно, необходимо искать ее основные проявления в V в. [20]. Однако здесь проблема заключалась в необходимости наполнить созданную теоретическую схему конкретным историческим содержанием. Поскольку в течение V в. с трудом можно отыскать восстание, в котором бы принимали участие только рабы, согласно трактовке Н. А. Машкина, к рабам подключаются все недовольные слои римского общества – колоны, крестьяне, солдаты. Причем колонов историк понимал как бывших рабов, освобожденных по причине низкой рентабельности рабского труда. К напряженной социальной ситуации добавились варварские вторжения, что окончательно подорвало позднеантичное общество.

А. В. Мишулин написал ряд «программных» статей – «За передовую науку по древней истории», «О бдительности на фронте древней истории», «О наследстве русской науки по древней истории», «Советская историография и задачи древней истории», – показывавших, на какие аспекты стоит ориентироваться при разработке проблем истории Древнего Рима, в том числе периода домината. В его трактовке также была важна революция рабов, но акцент необходимо было делать, по его мнению, на восстании Спартака [21, 22]; но в этом случае дальнейшее развитие исторического процесса не соответствовало крушению рабовладельческого строя, поэтому его подход не стал распространённым.

Возможно, именно сложность подкрепления теории конкретными историческими данными из источников обусловили отсутствие особой заинтересованности со стороны советских исследователей в изучении периода поздней античности. К тому же, источников по социальной борьбе IV–V вв. мало [20]. Затем уже С. И. Ковалев, Е.М. Штаерман в послевоенный период развивали другие теории падения античного общества, в частности особое внимание они уделяли кризису III в., снова возвращаясь к его понимаю в качестве исходной точки падения Римской империи. Таким образом, теория «революции рабов» наспех внедренная в марксистскую трактовку исторического процесса, не смогла прижиться, и после непродолжительного ажиотажа, историки в последующем лишь вскользь касались ее в своих работах.

Примечательно, что учебник С. И. Ковалева 1948 г. Работа написана тоже в русле теории «революции рабов», правда, максимально «корректно», без перегибов. Проводя параллели с революционным движением II–I вв. до н.э., обусловившим создание режима принципата, С. И. Ковалев говорит о том, что подавление движения багаудов стало возможно только благодаря новому усилению монархического начала и, таким образом, система домината стала необходимостью для дальнейшего успешного существования Римского государства. В его трактовке, доминат – «рабовладельческая военно-бюрократическая монархия восточного типа, практически лишенная всяческих республиканских форм и пережитков» [11, с. 771]. Далее, характеризуя реформы домината, С. И. Ковалев предельно краток

и дает мало собственных трактовок, ограничиваясь практически исключительно изложением фактов. Фактически для учебника характерна только вынужденная декларация тех положений, которые уже утвердились в советском антиковедении.

Согласно трактовке С. И. Ковалева, Диоклетиан, а затем Константин, лишь завершили процесс абсолютизации власти в Империи, начавшийся еще при Северах и продолженный императорами III в. Римская империя понималась вотчиной императора, должностные лица – слугами монарха, дворец – копией восточных дворцов, «в особенности персидского». «Подобно персидским царям римского императора называли повелителем» [11, с. 785]. Правление Константина С. И. Ковалев трактует как более прагматичное и дальновидное, нежели Диоклетиана. Первый поставил на службу Империи и государственной идеологии христианство, от влияния которого уже невозможно было избавиться. Абсолютную власть позднеантичного монарха, земного бога, отмечает С. И. Ковалев, «должна была санкционировать такая же абсолютная власть единого небесного императора, бога христианской религии» [11, с. 798]. Таким образом, видение С. И. Ковалёвым политической стороны системы домината вполне традиционное для отечественного антиковедения, но это и не удивительно, поскольку основной акцент требовалось сделать на социальной борьбе в последние века Западной империи. В этом вопросе он, в основном, опирался на свидетельства Сальвиана из сочинения «Об управлении Божием» [11, с. 812]. И здесь цель – показать угнетенное положение низов римского общества – у обоих авторов (Сальвиан, С. И. Ковалев) совпадала. Правда, Сальвиан руководствовался несколько иными соображениями – демонстрируя бедственное положение простых римлян, он хотел доказать необходимость торжества христианства, как религии, которая спасет угнетенных.

В «Истории Рима» практически единственная отсылка к утратившей интерес со стороны исследователей «революции рабов» дается, когда С. И. Ковалев завершает работу обзором состояния позднеантичного общества в конце IV в. Согласно установившемуся канону, требовалось упомянуть нарастание революционных настроений в низах римского общества и подкрепить их варварскими вторжениями на территорию Империи [11, с. 815]. С. И. Ковалёв говорит об «ударе революции изнутри [Империи – *Е. З., А. С.*] и напоре варваров извне, но затрудняясь, видимо, на конкретных примерах осветить «революционные события», он сосредотачивается на восстании готов 378 г., битве при Адрианополе, разграблениях Рима готами и вандалами и, наконец, перевороте Одоакра [11, с. 816–818; с. 820–822].

Таким образом, время поздней античности как отдельный самодостаточный период в истории Рима снова не попадал в сферу интересов отечественных исследователей. Особенно в начале становления советского антиковедения, когда создавались общие труды, которые должны были задавать вектор дальнейших исследований. Основное внимание историков привлекали только отдельные аспекты домината – проблемы гражданских войн, восстаний рабов, колонат.

По этой причине опять же отсутствуют в этот период конкретно-исторические исследования. Для начала необходимо было создать теоретическую канву для будущих исследований и обозначить основные моменты исторического процесса в марксистской интерпретации. Советские историки пытались вписать период домината в схему «революции рабов», с этой точки зрения его требовалось интерпретировать, подбирая подходящий материал и отбрасывая ненужный.

Таким образом, проанализировав труды дореволюционной и советской историографии середины XIX – первой половины XX вв., мы пришли к следующим выводам: Период Поздней Римской империи стал объектом пристального внимания ученых, однако работы, охватывавшей все сферы позднеантичного общества, создано не было. Но если рассматривать дореволюционную историографию в совокупности многие аспекты жизни общества конца III–V вв. оказались освещены.

В советской же исторической науке наибольшее развитие получило социально-экономическое направление, в дореволюционной историографии особенно ярко представленное работами М. И. Ростовцева. По иронии судьбы, его исторические труды отрицались, но, дело продолжалось в Советском Союзе, причем при написании первых трудов антиковеды вслед за ним находили в обществе Римской империи черты капитализма.

Политическая сторона домината отечественными историографами трактовалась, без бурных дискуссий. Это абсолютная военно-бюрократическая монархия, начавшая складываться еще в период принципата, и только окончательно завершившая свое оформление в IV веке.

А вот экономическая сфера жизни позднеантичного общества побудила особенно жаркие дискуссии, связанные с попытками советских исследователей локализовать в истории Древнего Рима этапы «революции рабов». Периоду поздней античности отводилась решающая роль, поскольку именно в III–V вв. социальная борьба должна была максимально обостриться и привести к крушению рабовладельческого строя. Однако трудности с подбором фактического материала заставили исследователей отойти от активного использования этой схемы, «революция рабов» оказалась впоследствии невостребованной. Однако создание в первые десятилетия советской власти общих работ, посвященных марксистскому пониманию исторического процесса и активная разработка советскими антиковедами вопросов экономической жизни – системы колоната, рабовладения – а также социальной сферы общества, в том числе позднеантичного, стала достаточно плодотворной и породила уже в послевоенной историографии множество работ, ставших классическими.

Источники и литература

1. Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 651 с.
2. Гримм Э. Д. Исследования по истории римской императорской власти Т. 1. 1-е изд-е. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1900–1901. 474 с.
3. Драгоманов М. П. Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Университетские известия. 1865. №2. С. 6–21.
4. Ешевский С. В. К. С. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. М.: Издание К. Солдатенкова, 1870. 342 с.
5. Жебелёв С. А. Древний Рим. Часть II. Императорская эпоха. Пг.: Наука и школа, 1922. 142 с.
6. Зелинский Ф. Ф. Римская империя. СПб.: Алетейя, 2016. 488 с.
7. Кареев Н. И. Государство – город античного мира. 3-е изд-е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. 348 с.
8. Кареев Н. И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. Очерк политической, экономической и культурной эволюции Древнего мира под господством универсальных монархий. 2-е изд-е. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. 405 с.
9. Карсавин Л. П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи. (Политические взгляды Сидония Аполлинария). СПб: Сенатская типография, 1908. 54 с.
10. Ковалёв И. С. История античного общества. Эллинизм. Рим. М.-Л.: Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1936. 317 с.
11. Ковалёв С. И. История Древнего Рима: курс лекций. Л.: ЛГУ, 1948. 858 с.
12. Ковалёв С. И. Классовая борьба и падение античного общества // Из истории докапиталистических формаций. М.-Л.: Издательство Государственной академии истории материальной культуры, 1933. С. 345–354.
13. Ковалёв С. И. Курс всеобщей истории: Т. 1–2. Пг.; Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1923–25.
14. Корелин М. С. Падение античного миросозерцания: Культурный кризис в Римской империи. СПб.: Типография о-ва Брокгауз и Эфрон, 1901. 177 с.
15. Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. 320 с.
16. Крих С. Б. «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века // Диалог со временем, 2006. №17. С. 224–246.
17. Крих С. Б. Упадок древнего мира в творчестве М. И. Ростовцева. Омск: Издательство ИП Загурский С. Б., 2006. 253 с.
18. Кулаковский Ю. А. Христианская церковь и римский закон в течение первых двух веков. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1892. 58 с.
19. Леонтьев П. М. О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме // Русский вестник. 1861. №1. С. 5–92.
20. Машкин Н. А. Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия // Вестник Древней истории. М.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1938. № 1. С. 82–92.
21. Мишулин А. В. За передовую науку по древней истории // Вестник Древней истории. 1938. №2. С. 5–17.
22. Мишулин А. В. Советская историография и задачи древней истории // Вестник Древней истории. 1938. №1. С. 3–12.
23. Нетушил И. В. Обзор римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьк. высших женских курсах. Харьков: Общество взаимопомощи студентов-филологов Харьковского унивресита, 1912. 410 с.
24. Нетушил И. В. Обзор римской истории. Харьков: Типография «Печатник», 1912. 410 с.
25. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М.: Государственное Издательство, 1922. 300 с.
26. Покровский И. А. История римского права. 3-е изд-е. Пг.: Право, 1917. 530 с.
27. Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский и его время. Книга 1 [Электронный ресурс]. URL: http://litresp.ru/chitat/ru/П/plehanov-georgij-valentinovich/n-g-chernishevskij-kniga-pervaya/2 (Дата обращения: 31.10.2017).
28. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство Римской империи. Т. 2. 2-е изд-е. М.: Наука, 2001. 411 с.
29. Сергеев В. С. История Древнего Рима: Культурно-исторический очерк в научно-популярном изложении. М.: Государственное издателство, 1922. 240 с.
30. Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. Ч. 2. М.: ОГИЗ. Госоцэкономиздат, 1938. 464 с.

31. Скворцов А. М. М. С. Куторга и его антиковедческая школа (к 200-летию со дня рождения Михаила Семёновича Куторги) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №12. С. 125–130.

32. Скворцов А. М. Подготовка и защита магистерских диссертаций в XIX в.: опыт учеников М. С. Куторги // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2010. №9. С. 451–468.

33. Сталин И. В. Собрание сочинений. Т.13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 236–256.

34. Чернышевский Н. Г. О причинах падения Рима [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0600.shtml (Дата обращения: 1.11.2017).

35. Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. 2-е. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 608 с.

References

1. Grevs I. M. Ocherki iz istorii rimskogo zemlevladeniya (preimuschestvenno vo vremya imperii) *(Essays from the history of Roman landowning (mainly during the Empire)*. Vol. 1. St.Peterburg: M.M. Stasyulevich's printing office, 1899. 651 p. (In Russian).

2. Grimm E. D. Issledovaniya po istorii rimskoy imperatorskoy vlasti *(Studies on the history of the Roman imperial power)*. Vol. 1. 3-e izd. St.Petersburg: M.M. Stasyulevich's printing house, 1900–1901. 474 p. (In Russian).

3. Dragomanov M. P. Gosudarstvennye reformy Diokletiana i Konstantina Velikogo *(State reforms of Diocletian and Constantine the Great)* // Universitetskie izvestiya. 1865. No. 2. P. 6–21. (In Russian).

4. Eshevskij S. V. K. S. Apollinarij Sidonij, ehpizod iz literaturnoj i politicheskoj istorii Gallii V v. *(Apollinary Sidonius, an episode from the literary and political history of Gaul of the 5th century)*. Moscow: K. Soldatenkov's printing house, 1870. 342 p. (In Russian).

5. Zhebelyov S. A. Drevnij Rim. Chast' II. Imperatorskaya ehpoha *(Ancient Rome. Part II. Period of Empire)*. Petrograd.: Nauka i shkola, 1922. 142 p. (In Russian).

6. Zelinskij F. F. Rimskaya imperiya *(The Roman Empire)*. St.Petersburg: Aletejya, 2016. 488 p. (In Russian).

7. Kareev N. I. Gosudarstvo – gorod antichnogo mira *(State-city of the ancient world)*. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich's printing office, 1910. 348 p. (In Russian).

8. Kareev N. I. Monarhii Drevnego Vostoka i greko-rimskogo mira. Ocherk politicheskoj, ehkonomicheskoj i kul'turnoj ehvolyucii Drevnego mira pod gospodstvom universal'nyh monarhij *(Monarchy of the Ancient East and the Greco-Roman world. An essay of the political, economic and cultural evolution of the Ancient World under the rule of universal monarchies)*. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich's printing office, 1908. 405 p. (In Russian).

9. Karsavin L. P. Iz istorii duhovnoj kul'tury padayushchej Rimskoj imperii. (Politicheskie vzglyady Sidoniya Apollinariya) *(From the history of the spiritual culture of the falling Roman Empire. (Political views of Sidonia Apollinaria))*. St.Petersburg: Senat printing office, 1908. 54 p. (In Russian).

10. Kovalyov I. S. Istoriya antichnogo obshchestva. Ehllinizm. Rim *(History of ancient society. Hellenism. Rome)*. Moscow–Leningrad: Socehkgiz, Leningradskoe otdelenie, 1936. 317 p. (In Russian).

11. Kovalyov S. I. Istoriya Drevnego Rima: kurs lekcij *(History of ancient Rome:lecture course)*. Leningrad: LSU publ., 1948. 858 p. (In Russian).

12. Kovalyov S. I. Klassovaya bor'ba i padenie antichnogo obshchestva *(Class struggle and the fall of ancient society)* // Iz istorii dokapitalisticheskih formacij. Moscow–Leningrad: State academy of history of material culture publ., 1933. P. 345–354. (In Russian).

13. Kovalyov S. I. Kurs vseobshchej istorii *(The course of general history)*. Vol. 1-2. Petrograd–Leningrad: Rabochee izdatel'stvo «Priboj», 1923–25. (In Russian).

14. Korelin M. S. Padenie antichnogo mirosozercaniya: Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii *(The fall of the ancient world outlook: Cultural crisis in the Roman Empire)*. St. Petersburg: Brokgauz and EHfron, 1901. 177 p. (In Russian).

15. Krih S. B. Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii *(The image of antiquity in Soviet historiography)*. Moscow: KRASAND, 2013. 320 p. (In Russian).

16. Krih S. B. «Revolyuciya rabov» v sovetskoj istoriografii 30-h godov XX veka *(«Revolution of slaves» in the Soviet historiography of the 30-ies of the XX century)* // Dialog so vremenem. 2006. No. 17. P. 224–246. (In Russian).

17. Krih S. B. Upadok drevnego mira v tvorchestve M. I. Rostovceva *(The decline of the ancient world in the works of M. I. Rostovtsev)*. Omsk: Zagurskij S.B., 2006. 253 p. (In Russian).

18. Kulakovskij Y. A. Hristianskaya cerkov' i rimskij zakon v techenie pervyh dvuh vekov *(Christian church and Roman law during the first two centuries)*. Kiev: Imperial university St. Vladimir publ., 1892. 58 p. (In Russian).

19. Leont'ev P. M. O sud'be zemledel'cheskih klassov v Drevnem Rime *(On the fate of agricultural classes in ancient Rome)* // Russkij vestnik. 1861. No.1. P. 5–92. (In Russian).

20. Mashkin N. A. Agonistiki ili cirkumcelliony v kodekse Feodosiya *(Agonists or circumcellions in the Code of Theodosius)* // Vestnik Drevnej istorii. 1938. No. 1. P. 82–92. (In Russian).

21. Mishulin A. V. Za peredovuyu nauku po drevnej istorii *(For advanced science in ancient history)* // Vestnik Drevnej istorii. 1938. No. 2. P. 5–17. (In Russian).

22. Mishulin A. V. Sovetskaya istoriografiya i zadachi drevnej istorii *(Soviet historiography and the tasks of ancient history)* // Vestnik Drevnej istorii. 1938. No. 1. P. 3–12. (In Russian).

23. Netushil I. V. Obzor rimskoj istorii po lekciyam, chitannym v Har'kovskom universitete i na Har'k. vyssh. zhen. kursah *(A review of Roman history on lectures delivered at Kharkov University and Kharkov Higher Women's Courses)*. Har'kov: society of mutual aid of students of philologists of Kharkov University publ., 1912. 410 p. (In Russian).

24. Netushil I. V. Obzor rimskoj istorii *(A Review of Roman History)*. Har'kov: Pechatnik, 1912. 410 p. (In Russian).

25. Petrushevskij D. M. Ocherki iz istorii srednevekovogo obshchestva *(Essays from the history of medieval society and the state).* Moscow: Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1922. 300 p. (In Russian).

26. Pokrovskij I. A. Istoriya rimskogo prava *(History of Roman Law).* Petrograd: Pravo, 1917. 530 p. (In Russian).

27. Plekhanov G. V. N. G. Chernyshevskij i ego vremya. Book 1. *(N. G. Chernyshevskij and his time)*, available at: http://litresp.ru/chitat/ru/P/plehanov-georgij-valentinovich/n-g-chernishevskij-kniga-pervaya/2, accessed 31.10.2017. (In Russian).

28. Rostovcev M. I. Obshchestvo i hozyajstvo Rimskoj imperii *(Society and economy of the Roman Empire).* Vol. 2. Moscow: Nauka, 2001. 411 p. (In Russian).

29. Sergeev V. S. Istoriya Drevnego Rima: Kul'turno-istoricheskij ocherk v nauchno-populyarnom izlozhenii *(History of Ancient Rome: Cultural and historical essay in a popular scientific presentation).* Moscow: Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1922. 240 p. (In Russian).

30. Sergeev V. S. Ocherki po istorii Drevnego Rima *(Essays on the history of ancient Rome).* Part. 2. Moscow: OGIZ. Gosocehkonomizdat, 1938. 464 p. (In Russian).

31. Skvorcov A. M. M. S. Kutorga i ego antikovedcheskaya shkola (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Mihaila Semyonovicha Kutorgi) *(M. S. Kutorga and his school of antique study (to the M.S. Kutorga's bicentenary of the birth)* // Vestnik Chelyabinckogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. No 12. P. 125–130. (In Russian).

32. Skvorcov A. M. Podgotovka i zashchita magisterskih dissertacij v XIX v.: opyt uchenikov M. S. Kutorgi *(The preparation and the defense of the master dissertations in the 19th century: experience of the M. S. Kutorga's pupils)* // Mnemon: issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. 2010. No. 9. P. 451–468. (In Russian).

33. Stalin I. V. Sobranie sochinenij. Vol. 13. *(Collected Works. Vol. 13).* Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1951. P. 236–256. (In Russian).

34. Chernyshevskij N. G. O prichinah padeniya Rima *(On the causes of the fall of Rome)*, available at: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0600.shtml, (Accessed 1.11.2017). (In Russian).

35. Frolov E. D. Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki *(Russian science of antiquity. Historiographical essays)*. St. Peterburg: IC Gumanitarnaya Akademiya, 2006. 608 p. (In Russian).

УДК 94(44).08

О. Н. Захарченко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX в. КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ БОГЕМЫ

Статья исследует политические, экономические и социальные причины развития богемы во Франции в период Третьей республики (конец XIX – начало XX вв.). Принятие конституционных актов 1875 г., законов о свободе собраний, печати 1881 г. и социальном обеспечении превратили Францию в одно из самых демократичных государств мира того времени. Ослабление влияния католической церкви и практически полное отсутствие цензуры обеспечило необходимые условия для принятия обществом богемного образа жизни, отличающегося нетрадиционным и эпатажным поведением. Социальная структура французского общества в XIX в. претерпела изменения. Буржуазия потеснила аристократию не только в экономической, но также в политической и культурной сферах. Улучшение качества жизни и рост доходов населения вследствие промышленного переворота и развития капиталистических отношений привели к повышению спроса на произведения искусства, что в свою очередь способствовало возрастанию в стране числа художников и формированию новой институциональной системы «торговец – критик», изменившей положение и статус художника. Роль покровителя или мецената играл торговец, критики стали теоретиками искусства, государство и Академия перестали быть арбитрами вкуса.

Ключевые слова: третья республика, реформы, светскость, антиклерикализм, урбанизация, богема.

O. N. Zakharchenko

SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL CHANGES IN FRANCE IN THE LAST THIRD OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES AS A FACTOR OF BOHEMIANISM DEVELOPMENT

This article deals with the political, economic and social reasons for the development of bohemianism at the end of the XIXth century and at the beginning of the XXth century. The adoption of The French Constitutional Laws in 1875, a new liberal press law in 1881, work laws and etc. turned France into one of the most democratic states in the world at that time. The weakening of the influence of the Catholic Church and almost the total absence of censorship provided necessary conditions for the society to adopt the bohemian way of life characterized by unconventional and outrageous behavior. The social structure of French society changed. The bourgeoisie pressed the aristocracy not only in the economic, but also in the political and cultural spheres of life. The improvement of the quality of life and income growth as a result of the industrial revolution and the development of capitalist relations led to the increasing demand for works of art, which in return contributed to the increase in the number of artists and the formation of a new institutional system, which changed the status of the artist. A merchant played the role of a patron, art theorists became critics, the state and the Academy ceased to be arbiters of taste.

Key words: French Third Republic, reforms, the separation of church and state, anti-clericalism, urbanization, bohemianism.

В XIX в. в Западном мире начинает формироваться образ художника как талантливого творца, посвятившего себя служению искусству, и окруженного ореолом гениальности, блеска и мученичества. Богема играла ключевую роль в создании и продвижении данного мифа. Богема как образ жизни представителей творческих профессий и их окружения, характеризовался эксцентричным, нетрадиционным поведением, свободными нравами, отождествлением искусства и жизни, маргинальностью, бедностью, пьянством, анархическими или левыми политическими взглядами, враждебным отношением к буржуазным правилам.

Богемный образ жизни не был исключительно французским феноменом. Аналогично парижским районам Монмартр и Монпарнас, в Лондоне существовал богемный квартал Сохо, в Нью-Йорке – Гринвич-Виллидж. Но именно во Франции XIX в. богема достигла расцвета, а её представители перешли в общественном восприятии на новый уровень: от героя маргинального полукриминального мира к статусу независимого художника, бунтаря против коммерции и утилитарности. Изучение истории Франции XIX – начала XX вв. позволяет выявить причины данной трансформации. Богема являлась феноменом XIX в., в то время как в XX в. на первое место выходят модернистские и авангардистские течения, впитавшие в себе многие богемные характеристики.

Для существования богемы необходим высокий уровень политических и гражданских свобод, борьба за расширение которых активно велась во Франции XIX в. В первые годы существования Третьей Республики при президентах А. Тьере (1871–1873 гг.) и П. Мак-Магоне (1873–1879 гг.) фактически у власти находились представители консервативных течений. Несмотря на попытки монархических партий противостоять созданию Конституции в республиканском духе, в феврале – июле 1875 г. принимаются три Конституционных закона, создавших основу политического устройства страны: закон 24 февраля 1875 г. об организации Сената [7, с. 537–538], закон 25 февраля 1875 г. об организации государственной власти и закон 16 июля 1875 г. об отношениях между государственными властями [6, с. 535–537].

Избираемый на 7 лет президент имел широкие полномочия: законодательная инициатива, распоряжение вооруженными силами, назначение должностных лиц, роспуск с согласия Сената палаты депутатов до истечения законного срока ее полномочий, заключение и ратификация международных договоров и т.д. [6, с. 535–537].

Законодательная власть осуществлялась Палатой депутатов, избираемой на 4 года всеобщим голосованием, и Сенатом, состоящим из 75 сенаторов, сохранявших свои мандаты пожизненно, и 225 сенаторов, избираемых на 9 лет особыми коллегиями выборщиков департаментов. Сенат и Палата депутатов обладали правом законодательной инициативы, контроля за деятельностью правительства [7, с. 537–538]. Заседания палат проходили одновременно, но каждая из них работала самостоятельно. На общем заседании палат, именуемом Национальным собранием, избирали президента или пересматривали конституцию.

Исполнительная власть сосредотачивалась в Совете министров, который нёс ответственность перед парламентом. Председателя Совета министров назначал президент.

Во Франции устанавливается мажоритарная система выборов с голосованием в 2 тура. От участия в выборах отстранялись женщины, военнослужащие, население колоний, лица, проживавшие в избирательном округе менее 6 месяцев или не достигшие 21 года [9, с. 548–549]. Таким образом, из 40 млн. французов избирательным правом пользовалось 12 млн [2, с. 79].

Большая часть Национального собрания в 1870-е – начале 1880-х гг. состояла из монархистов, но потенциальная возможность реставрации монархии и установления режима личной власти стала невозможной во многом из-за разногласий между монархистами и отсутствием у них парламентского большинства. Принятые в 1884 г. конституционные поправки, закрепляли, что республиканская форма правления не может быть предметом пересмотра [20], ликвидировали институт пожизненных сенаторов [22] и сокращали полномочия президента. 23 июля 1886 г. принимается закон об изгнании глав правивших во Франции королевских фамилий и их ближайших наследников. К тому же, в 1891 г. монархисты лишились сильной опоры: 27 марта умер принц Наполеон, а 30 сентября застрелился генерал Ж. Буланже. В целом, первоначальная редакция Конституционных актов выглядела достаточно консервативно, но ввиду принятия последующих поправок и законов, она стала более либеральной.

Важным достижением Третьей Республики становится закон 1 июля 1901 г. об ассоциациях и религиозных конгрегациях, его первый и второй отделы провозглашали право образования без разрешения правительственной власти и даже без предварительного заявления различных союзов, преследующих нематериальные цели (политические, благотворительные, научные, литературные, художественные и т.п.), а также свободу их целей, устава и внутренней организации [13, с. 270–296]. В результате смогли официально оформиться первые политические партии.

Политическая система страны в 1870–1910-е гг. отличалась многопартийностью, что, с одной стороны, демонстрировало либерально-демократическое развитие государства, а с другой стороны, ввиду борьбы между парламентскими фракциями, вело к политической нестабильности и частой смене правительственных кабинетов [3, с. 79–80]. Монархические партии с 1880-х гг. постепенно сошли с политической арены, возникло большое разно-

образие республиканских партий. Например, на выборах в палату депутатов 1881 г., республиканцы заняли 450 мест, а бонапартисты, орлеанисты и легитимисты – 98, в то время как на выборах 1875 г. республиканцы получили 360, а монархисты 170 мандатов [8, с. 10–18].

В Конституционных актах 1875 г. отсутствовало декларирование прав человека и гражданина. Соответствующие законы принимаются позднее: о свободе собраний и печати (1881 г.) [21], разрешении развода (1883 г.) [14], легальный статус получили профессиональные объединения предпринимателей и рабочих (1884 г.) [24]. Развивалось и социальное законодательство: ограничение продолжительности рабочего дня 10 часами для подростков и 11 часами для женщин (1892 г.) [17]; возмещение рабочим ущерба, причиненного их здоровью производственными травмами (1898 г.) [18]. Проводились меры по демократизации французской армии. В 1905 г. срок военной службы снизили с трех лет до двух.

Принятие закона о свободе собраний и печати 1881 г. позволило французской прессе стать одной из самых демократичных в мире в указанный период. По сути, цензура касалась только морально-нравственных запретов, например, печатания порнографических материалов [5, с. 81], кроме этого запрещалось подстрекать к преступлениям, оскорблять общественное мнение, частных лиц и иностранных граждан. Печать носила независимый характер, будучи выразителем различных политических настроений и направлений. Возникло многообразие печатных изданий разных жанров. Популярные журналы «Пти Журналь», «Пти Паризьен», «Матен», «Журналь» в 1900 г. выходили общим тиражом до 2 млн 400 тыс. экз. в день [4, с. 371]. Существовали и «богемные» печатные издания. Например, популярное среди художников и поэтов кабаре «Черный кот», основанное в 1881 г., выпускало одноименный журнал, провозглашавший себя «представителем интересов Монмартра». Его первый номер вышел 14 января 1882 г. и открывался статьей Жака Лихарди «Монмартр», в ней квартал претенциозно назывался «колыбелью человечества» и «центром мира» [15, p. 1].

Средства массовой информации играли важную роль в мире искусства, привлекая внимание к художественным течениям, непосредственно влияя на создание репутации того или иного художника. В 1860–1870-е гг. на новые картины пресса откликалась быстрее, чем на литературные новинки [11, с. 152].

Третья республика обеспечивала гражданам широкие политические и гражданские права, а также свободу нравов, что тесно связывалось со значительным ослаблением влияния церкви. Исследуемая эпоха характеризовалась пиком антиклерикализма во Франции. Правые и левые по-разному представляли роль церкви в современном обществе. Консерваторы считали её одной из опор общественного порядка. Республиканцы, напротив, выражали недовольство деятельностью многочисленных религиозных конгрегаций (монашеских объединений) и их ролью в жизни общества, радикалы видели в церкви консервативную и монархическую силу.

В 1881 г. и 1882 г. «большие законы» министра просвещения Ж. Ферри сделали начальное образование обязательным, бесплатным и светским [25]. В соответствие со статьей 2 закона 1882 г., религиозное обучение детей в возрасте от 6 до 13 лет, посещавших публичную школу, могло осуществляться только во внешкольное время [25]. Закрывались учебные заведения Ордена иезуитов, все другие конгрегации обязали получать разрешение правительства на свою деятельность. Закон Л. Гобле 30 октября 1886 г. предписывал вести преподавательскую деятельность в школах исключительно светским учителям [23]. Помимо повышения образовательного уровня, результатом реформ явилась замена христианской морали светской.

Наиболее жёсткие антиклерикальные меры предпринимались в годы правления кабинета Э. Комба (1902–1905 гг.). 7 июля 1904 г. религиозным конгрегациям ввели запрет на преподавание. Закон 1905 г. о разделении церквей и государства прекратил действие Конкордата от 1801 г. и установил взаимную экономическую, организационную и политическую независимость церквей и государства [19, с. 33–55]. Несмотря на опасения правительства, массовых беспорядков данный закон не вызвал. Причина этого заключалась в «успехах антикатолической пропаганды, но более всего – в глубокой индифферентности французов к религии и упадке религиозности» [10, с. 25] к началу XX в. В следующие годы принимается ещё несколько законов, регулирующих положение католической церкви во Франции.

Открытость французского общества и либеральная система пересечения иностранцами государственных границ Франции и их нахождения на её территории способствовали притоку иностранцев в страну, в том числе тех, кто пополнял ряды богемы.

Помимо политических причин, формирование художественной богемы тесно связывается и с экономическими изменениями в стране.

Британский исследователь Э. Вильсон указывает на прямую связь между капиталистическим производством и развитием мифа о богеме, создаваемый в попытке примирить индустриальное общество и мир искусства [26, с. 3].

К концу 1860-х гг. завершилась промышленная революция в хлопчатобумажной, химической, металлургической, машиностроительной, угледобывающей отраслях. Расширенная сеть железных дорог способствовала развитию обмена и возникновению новой географии промышленности. Изменилась и сфера торговли. Рост массового производства и доходов населения олицетворяли магазины модных товаров и универмаги, потеснившие традиционные ярмарки и лавки.

Первые годы существования Третьей Республики характеризовались экономическим спадом, вызванным последствиями Франко-Прусской войны, потерей Эльзаса и Лотарингии, большими убытками в виноградарстве из-за распространения филлоксеры [3, с. 274–275]. Успешная внешняя политика президента А. Тьера, сумевшего в короткие сроки выплатить контрибуцию, позволила приступить к восстановлению экономики. Меры государственной поддержки экономики выражались в политике протекционизма, повышались таможенные тарифы в 1892, 1897, 1910 гг., были организованы программы по борьбе с безработицей, активно развивалась колониальная экспансия.

Экономическая ситуация в 1880-е – 1910-е гг. стабилизировалась. Проводимые в предшествующее время меры, такие как реорганизация налогового ведомства и основание Французского банка, привели к оздоровлению финансовой системы. Банковская революция, активизировавшая мобилизацию капиталов, сделала Францию вторым финансовым рынком мира после Великобритании. Возрос приток частных инвестиций в промышленность.

Начиная с середины 1890-х гг. наметился подъём промышленного производства, достигший в 1905–1914 гг. в среднем почти 5 % в год. Росло экономическое благополучие и уровень жизни населения. Например, повысилось потребление мяса с 26 кг. на жителя в 1862 г до 35 кг в 1892 г. [3, с. 276]. В 1896–1913 гг. страна вступила в новую фазу Промышленной революции в автомобилестроении и энергетике.

В начале XX в. Франция занимала лидирующие позиции в области автомобильной, велосипедной, авиационной, электроэнергетической отраслях. Отмечалось повсеместное снижение цен, благодаря внедрению достижений научно-технического прогресса и расширению географии производства. В то же время, низкая концентрация капитала, рабочей силы и производства вызвали отставание Франции от Германии, Великобритании и США на мировом рынке. Экспорт страны специализировался скорее на изделиях «изысканного вкуса», чем на промышленных товарах.

Наблюдался активный рост городов и городского населения, составившего, по переписи 1892 г. 49 % [3, с. 277]. Одним из последствий миграций из города в деревню, являлась потеря человеком связей с большой патриархальной семьёй. Городская жизнь предлагала практические преимущества для богемы. Она продвигала уход от ответственности перед семьёй, и делала возможным формирование новых групп и дружеских отношений на основе интереса и работы, нежели родства [4, с. 366]. Богемные писатели и художники проявляли интерес к изнанке общества и городскому дну, делая их сюжетами своих произведений, изображая картины жизни публичных домов, ночных посетителей кафе, закулисную жизнь артистов театра, цирка и кафе-шантанов [26, с. 29].

Важной предпосылкой формирования богемы как явления урбанистической культуры являлись социальные изменения, начавшиеся в стране с конца XVIII в. Отмена сословных привилегий и феодальных повинностей в годы Революции 1789 г. способствовала тому, что традиционные формы организации общества разрушаются, привычные патерналистские отношения между хозяином и прислугой оказались подорванными. Ведущие позиции в политической и экономической жизни страны занимала буржуазия, практически вытеснившая представителей аристократии Старого порядка. Относительно новым феноменом для XIX в. становился слой «новых промышленников», имевших американский эквивалент self-made-man. Наряду с ними возник и слой зажиточного среднего класса, в том числе из выпускников политехнических школ [12, с. 368]. Стирание жестких социальных границ в обществе способствовало притоку в ряды богемы представителей из разных социальных групп.

Социально-экономические изменения повлияли на преобразование институциональной системы мира искусства[1]. Материальное и

[1] Институциональная система – это устойчивая сеть представлений, обычаев и формальных процедур, которые все вместе образуют более или менее выраженную социальную организацию с признанной главной целью – в данном случае, это создание и признание произведений искусства. Эта цель реализуется посредством рекрутирования, обучения, непрерывной идеологической обработки, последовательного процесса оценки и постепенного признания, упорядоченного предоставления экономической поддержки извне, четкой системы дисциплины и наказания,

культурное господство буржуазии значительно выросло, она являлась основным потребителем предметов искусства. Значение Парижа как мирового культурного центра также благоприятствовало тому, что количество художников в стране в XIX в. значительно увеличилось, изменился и их статус.

Богема представляет собой коллективную инициативу, и её развитие было реакцией на возрастание числа художников, обучить и устроить которых, Академия изящных искусств не имела возможности. На смену академической, пришла рыночная система отношений «торговец – критик», где место высокого покровителя занял торговец предметами искусства – маршан. Салон позволял художникам выставлять свои работы, и был главным инструментом формирования их репутации в предшествующие годы, в то время как во второй половине XIX в. эту функцию выполняли критики и общение в кафе [11, с. 127]. Если при Старом порядке художник воспринимался в обществе как государственный муж, то к концу XIX в. его положение могло меняться от предпринимателя до наемного работника [11, с. 12].

С накоплением богатства росли эстетические запросы населения. Класс буржуазии требовал картины, декор, текстиль и обои для своих домов и формировал образованную публику, жаждущую литературы, живописи, музыки, требуя культурных мероприятий всех видов для развлечения и назидания. Результатом этого стало увеличение числа издательств, открытие большого количества театров, концертных залов, галерей, библиотек и музеев. В итоге развивалась коммерческая культура, предназначенная для масс. Данные перемены имели неоднозначные последствия для художников. С одной стороны, политические и гражданские свободы, ослабление цензуры и утрата Академией изящных искусств своих позиций, привели к свободе творческого самовыражения. Но с другой стороны, рост числа художников, разрушение системы патронажа, сделали их положение экономически нестабильным. Богемный образ жизни демонстрировал парадоксальную ситуацию, когда художник стремился быть независимым от мнения тех, кто обеспечивал его существование.

Результатом рассмотренных выше преобразований стало превращение Франции в начале XX в. в одно из самых демократичных государств в мире. Была создана благодатная почва для расцвета на рубеже XIX–XX вв. многочисленных творческих групп и объединений, демонстрировавших свободу самовыражения и образа жизни. Процессы индустриализации и урбанизации способствовали изменению социальной структуры общества, ведущие позиции в экономической и политической жизни перешли от аристократии к буржуазии, сформировался обширный, хотя и неоднородный слой «интеллектуального» пролетариата, который на рубеже XIX–XX вв. стал играть важную роль общественной жизни Франции. Буржуазия выступает в качестве основного потребителя результатов деятельности представителей культурного мира.

Источники и литература / References

1. Дайси А. В. Основы государственного права Англии. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1907. 707 с.

Daisi A. V. Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii *(Foundations of Public Law in England)*. Moscow: I.D. Sytin's printing office, 1907. 707 p. (In Russian).

2. История государства и права зарубежных стран / под ред. Н. А. Крашенинниковой и О. А. Жидкова. Ч. 2. М.: МГУ,1991. 336 с.

Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran *(History of State and Law of Foreign Countries)*. Part. 2. / ed by N. A. Krasheninnikova and O. A. Zhidkov. Moscow: MSU publ.,1991. 336 p. (In Russian).

3. История XIX в. под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. Т.8. М.: ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 554 с.

Istoriya XIX v. pod redakciej professorov Lavissa i Rambo *(The history of the XIX-th century by Laviss and Rambo)*. Vol. 8. Moscow: OGIZ Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939. 554 p. (In Russian).

4. История Франции / под общ. ред. Ж. Карпантье, Ф. Лебрена в сотрудничестве с Э. Карпантье и др. СПб.: Евразия, 2008. 607 с.

Istoriya Frantsii *(History of France)* / ed by Zh. Karpant'e, F. Lebren and ect. St.Petersburg.: Evraziya, 2008. 607 p. (In Russian).

5. Лихоманов А. В. Развитие законодательства о печати в России и Франции в конце XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2007. №1. С. 78–90.

Likhomanov A. V. Razvitie zakonodatel'stva o pechati v Rossii i Frantsii v kontse XIX – nachale XX vv.: sravnitel'nyi analiz» *(The development of legislation on the press in Russia and France in the late XIX – early XX centuries: a comparative analysis)* // Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni. 2007. No.1. P. 78–90. (In Russian).

признанного механизма легитимизации разного рода изменений и управляемой связью с обществом [11, с. 26].

6. Конституционный закон об организации государственных властей, 25 февраля 1875 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т.2: Федерации и Республики. СПб.: Право, 1907. С. 535–537.

Konstitutsionnyi zakon ob organizatsii gosudarstvennykh vlastei Frantsii, 25 fevralya 1875 g. *(The Act of 25 February 1875 – The organization of government)* // Sovremennye konstitutsii. Sbornik deistvuyushchikh konstitutsionnykh aktov *(Modern Constitutions. Collection of Acts of Constitutional Acts).* Vol. 2: Federatsii i Respubliki *(Federation and Republics).* St.Petersburg: Pravo, 1907. P. 249–250. (In Russian).

7. Конституционный закон об организации сената, 24 февраля 1875 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т.2: Федерации и Республики. СПб.: Право, 1907. С. 537–538.

Konstitutsionnyi zakon ob organizatsii senata Frantsii, 24 fevralya 1875 g. *(The Act of 24 February 1875 – The organization of the Senate)* // Sovremennye konstitutsii. Sbornik deistvuyushchikh konstitutsionnykh aktov *(Modern Constitutions. Collection of Constitutional Acts).* Vol. 2: Federatsii i Respubliki *(Federation and Republics).* St.Petersburg: Pravo, 1907. P. 248–249. (In Russian).

8. Новейшая история Франции: 1871–1895 гг. Краткий очерк событий. Одесса: Международной библиотеки, 1895. 55 с.

Novejshaja istorija Francii: 1871–1895 gg. Kratkij ocherk sobytij *(Contemporary French history: 1871–1895).* Odessa: Izdanie «Mezhdunarodnoj biblioteki», 1895. 55 p. (In Russian).

9. Органический закон об избрании депутатов, 30 ноября 1875 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т.2: Федерации и Республики. СПб.: Право, 1907. С. 548–549.

Organicheskii zakon ob izbranii deputatov, 30 noyabrya 1875 g. *(The Organic Law on the Election of Deputies, November 30, 1875)* // Sovremennye konstitutsii. Sbornik deistvuyushchikh konstitutsionnykh aktov *(Modern Constitutions. Collection of Acts of Constitutional Acts).* Vol. 2: Federatsii i Respubliki *(Federation and Republics).* St.Petersburg: Pravo, 1907. P. 254. (In Russian).

10. Понкин И. В. Столетие французского закона о разделении церквей и государства. М.: Издательство Учебно-научного центра довузовского образования, 2005. 80 с.

Ponkin I. V. Stoletie frantsuzskogo zakona o razdelenii tserkvei i gosudarstva *(The centenary of the 1905 French law on the Separation of the Churches and State)*. Moscow: Educational and Scientific Center of Pre-University Education publ., 2005. 80 p. (In Russian).

11. Уайт Х. С., Уайт С. А. Холсты и карьеры / общ. ред. и вступительная статья М. Л. Магидович. СПб.: Центр социологии искусства, 2000. 192 с.

Uajt H. S., Uajt S. A. Holsty i kar'ery *(Canvases and Careers)* / ed by M.L. Magidovich. St. Petersburg: Art sociology's center publ., 2000. 192 p. (In Russian).

12. Феррo М. История Франции. М.: Весь мир, 2015. 832 с.

Ferro M. Istoriya Frantsii *(History of France)*. Moscow: Ves' mir, 2015. 832 p.

13. Французский закон 1 июля 1901 г. об ассоциациях и религиозных конгрегациях и относящиеся к нему декреты 16 августа 1901 года // Журнал Министерства Юстиции. 1901. №8 (Октябрь). С. 270–296.

Frantsuzskii zakon 1 iyulya 1901 g. ob assotsiatsiyakh i religioznykh kongregatsiyakh i otnosyashchiesya k nemu dekrety 16 avgusta 1901 goda *(French Law of 01.07.1901 on associations)* // Zhurnal Ministerstva Yustitsii. 1901. No. 8 (October). P. 270–296.

14. La loi du divorce URL: http://webmediation.free.fr/Alfred_Naquet/Loi_du_divorce-Ouvrage_de_Alfred_NAQUET_1903.pdf (Accessed: 17.10.2017).

15. Le Chat noir / organe des intérêts de Montmartre.1882/01/15. - Source gallica.bnf.fr // Bibliothèque nationale de France URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1055082z/f7.item.r=Le+Chat+noir.zoom (Accessed: 17.10.2017).

16. Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association // Digithèque de matériaux juridiques et politiques URL: http://mjp.univ-perp.fr/france/1901association.htm (Accessed: 17.10.2017).

17. Loi du 2 novembre 1892 sur le travail des enfants, des filles et de femmes dans les établissements industriels // Ministere du Travail, de L'Emploi, de la Formation professionnelle et du Dialogue social URL: http://travail-emploi.gouv.fr/IMG/pdf/Loi_du_2_novembre_1892.pdf (Accessed: 17.10.2017).

18. Loi du 9 avril 1898 sur les responsabilités des accidents dont les ouvriers sont victimes dans leur travail (Bulletin de l'Inspection du travail, n°2, 1898) // Ministere du Travail, de L'Emploi, de la Formation professionnelle et du Dialogue social URL: http://travail-emploi.gouv.fr/IMG/pdf/Loi_du_9_avril_1898.pdf (Accessed: 17.10.2017).

19. Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l'Etat // Legifrance.gouv.fr URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000508749 (Accessed: 17.10.2017).

20. Loi du 14 août 1884 portant révision partielle des lois constitutionnelles // Digithèque de matériaux juridiques et politiques URL: http://mjp.univ-perp.fr/france/co1875r.htm#84 (Accessed: 17.10.2017).

21. Loi du 30 juin 1881 sur la liberté de reunion // Digithèque de matériaux juridiques et politiques URL: http://mjp.univ-perp.fr/france/1881reunion.htm (Accessed: 17.10.2017).

22. Loi portant modification aux lois organiques sur l'organisation du Sénat et les élections de sénateurs // Wikisource la bibliotheque libre URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Loi_du_9_d%C3%A9cembre_1884 (Accessed: 17.10.2017).

23. Loi portant sur l'organisation de l'enseignement primaire (dite Loi Goblet) // Psychologie, éducation & enseignement spécialisé URL: http://dcalin.fr/textoff/loi_goblet_1886.html (Accessed: 17.10.2017).

24. Loi relative a la création des syndicats professionnels (du 21 mars 1884) // Institut D'Histoire Sociale URL: http://www.ihs.cgt.fr/IMG/pdf/loi_1884.pdf (Accessed: 17.10.2017).

25. Loi n° 11 696 du 28 Mars 1882 // Psychologie, éducation & enseignement spécialisé URL: http://dcalin.fr/textoff/loi_1882_vo.html (Accessed: 17.10.2017).

26. Wilson E. Bohemians: The Glamorous Outcasts. London: Taurisparke Paperbacks, 2002. 278 p.

УДК 93/94(470.6)

А. Г. Кажаров, Т. С. Цолоев

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В данной статье проанализированы этнополитические процессы, развернувшиеся на Северном Кавказе в условиях революции 1917 г. Февральская революция оказала существенное влияние на ход и характер социально-исторического развития региона. Актуальными становятся вопросы трансформации национально-государственного и административно-территориального статуса горских народов в рамках нового Российского государства. Горская интеллигенция попыталась реализовать в регионе либерально-демократический потенциал русской революции. Она была ориентирована на укрепление основ российской государственности и поиск форм автономии горских народов в составе будущей Российской Республики. На достижение указанной цели была направлена деятельность созданной представителями горской интеллигенции организации – Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Их мировоззренческие установки получили политическое оформление на первом съезде горских народов в мае 1917 г., на котором были приняты основополагающие документы: Политическая программа и Конституция, а также резолюции по актуальным вопросам повестки дня. На этом съезде фактически было легитимировано вхождение народов Северного Кавказа в состав Российского государства. Горская интеллигенция способствовала укреплению власти Временного правительства. Ее представители вошли в состав российских органов власти и способствовали укреплению государственных структур в регионе. Провал либерально-демократического проекта привел к изменению позиции горской интеллигенции по вопросу о государственном единстве с Российским государством и потере ею политических перспектив в регионе.

Ключевые слова: революция, горская интеллигенция, Временное правительство, национальная автономия.

A. G. Kazharov, T. S. Tsoloev

PUBLIC-POLITICAL ACTIVITY OF THE MOUNTAIN INTELLECTUALS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

This article analyzes ethnopolitical processes which were underway in the North Caucasus during the revolution of 1917. The February revolution had a significant impact on the course and nature of the socio-historical development of the region. The issues of transformation of the national-state and administrative-territorial status of the mountain peoples within the framework of the new Russian state are becoming topical. The mountain intellectuals tried to implement the liberal democratic potential of the Russian revolution in the region. It was aimed at strengthening the foundations of Russian statehood and the search for forms of autonomy of the mountain nations as the part of the future Russian Republic. The activity of the Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan was aimed at achieving the stated goal. Their ideological attitudes received political registration at the first congress of the Mountain peoples in May 1917, at which the basic documents were adopted: the Political Program and the Constitution, as well as resolutions on topical issues on the agenda. At this congress, the entry of the nations of the North Caucasus into the Russian state was legitimized. The mountain intelligency helped to strengthen the power of the Provisional Government. Its representatives were part of the Russian government and contributed to the strengthening of state structures in the region. The failure of the liberal-democratic project led to a change of the position of the mountain intellectuals on the issue of state unity with the Russian state and the loss of its political perspectives in the region.

Key words: revolution, mountain intellectuals, Provisional government, national autonomy.

Исследование проблемы общественно-политической деятельности горской интеллигенции в условиях российской революции 1917 г., несомненно, имеет важное научное значение для понимания истоков, характера и направлений социально-исторического развития народов Северного Кавказа в новейшее время. Их деятельность в этот период была направлена на сохранение и укрепление российской государственности в регионе, решение национального вопроса и формирование национально-государственных основ социокультурного и политического развития горских народов в рамках нового Российского государства.

Февральская революция 1917 г. оказала самое непосредственное воздействие на формирование новой политической реальности на Северном Кавказе. Крушение Российского государства привело к серьезным потрясениям в регионе [6, с. 132]. Исторический контекст в этот период характеризовался усилением в общественно-политических процессах роли национальных элит, а также идей и политических структур, имевших региональный характер. Часть национальных деятелей сформулировала общегорские политические цели и задачи.

В марте 1917 г. горская интеллигенция объявила о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и необходимости созыва съезда горских народов [24, с. 4]. Союз объединенных горцев не только включился в региональный политический процесс, но и во многом стал фактором его развития. Представители горской интеллигенции приняли активное участие в формировании органов власти и управления Временного правительства. Это было закономерным, продуманным и осознанным шагом политического позиционирования в новых политико-идеологических условиях. Горская интеллигенция попыталась реализовать демократический потенциал российской революции на Северном Кавказе.

Анализ национальных и политических взглядов представителей горской интеллигенции свидетельствует о том, что для них в основном были характерны пророссийские настроения. В частности, один из лидеров горского национального движения в условиях революции и гражданской войны П. Коцев писал, что воспринимал Россию как свое отечество [14, с. 182]. Это подтверждается и тем, что Союз объединенных горцев связывал решение национальных проблем горских народов с Учредительным собранием [30, л. 51].

Первый в истории горских народов съезд начал свою работу 1 мая 1917 г. во Владикавказе. Были также представители народов Южного Кавказа. В работе съезда принимал участие М. А. Караулов, который еще в марте был назначен комиссаром Временного правительства в Терской области [28, с. 23]. Делегаты съезды обсудили весь комплекс актуальных вопросов, включенных в повестку дня [2, с. 37]. С точки зрения анализа национально-государственной составляющей политических процессов большой интерес вызывает тот факт, что на съезде обсуждался вопрос об автономии горских народов. Деятели Союза объединенных горцев были уверены в том, что новое российское государство предоставит всем народам право на самоопределение, самоуправление и автономию [24, с. 29].

В Политической программе отмечалась необходимость установления в России федеративной демократической республики. Было признано, что «для отстаивания в Учредительном собрании принципов федеративной республики и организации Кавказской Федерации требуется единение всех горцев не только Терской области, но и всего Кавказа, и союз всех народностей, стоящих за федеративную республику» [24, с. 50].

Многие исследователи горского национального движения считают, что весной 1917 г. горская интеллигенция предприняла попытку сформировать северокавказскую государственность, что выразилось, в том числе в создании Союза объединенных горцев. При этом большое значение придается принятию первым съездом Конституции и тому факту, что она была, по их мнению, представлена А. Ф. Керенскому и одобрена им [11, с. 17]. Однако анализ содержания Конституции не дает оснований делать вывод о том, что Союз объединенных горцев Северного Кавказа являлся формой государственности, а представители горской интеллигенции претендовали на государственную и политическую власть в регионе в этот период. Члены Союза не были готовы к такой ответственности.

Деятельность Союза объединенных горцев весной-осенью 1917 г. свидетельствует о том, что он зарекомендовал себя национально-политической организацией, твердо ориентированной на конструктивный и тесный диалог с органами власти нового Российского государства. Члены Союза объединенных горцев не только принимали непосредственное участие в конституировании органов власти Временного правительства на Северном Кавказе. Они являлись движущей силой проведения инициированных центральной властью решений в

регионе в составе ее областных и окружных структур.

П. Коцев стал председателем Терского областного гражданского исполнительного комитета, который, как указывалось в «Положении о временном самоуправлении Терской области», являлся «высшей исполнительной властью на Тереке» [5], а Б. Шаханов был старшим помощником комиссара Терской области [27, с. 69]. В состав Президиума комитета вошел также В.-Г. Джабагиев [19, с. 156].

П. Коцев заявил, что Терский областной гражданский исполнительный комитет в своих действиях целиком и полностью будет руководствоваться указами и распоряжениями Временного правительства [1, с. 45]. Таким образом, Союз объединенных горцев непосредственно способствовал укреплению позиций Временного правительства, а значит, новых общероссийских государственно-политических реалий на Северном Кавказе.

На первом съезде народов Северного Кавказа вопрос о горской автономии в рамках новой демократической России действительно звучал, но он не стоял в плоскости немедленной практической реализации, то есть провозглашения. Возможность ее формирования и функционирования напрямую связывалась с решением Учредительного собрания, и речь шла в большей степени о ее «даровании» центральной российской властью горским народам.

Союз объединенных горцев твердо и последовательно, вплоть до углубления кризиса осенью 1917 г., придерживался своей программной установки на сохранение целостности России и отстаивал необходимость ее федеративного переустройства [18].

Конституцию Союза объединенных горцев необходимо рассматривать в комплексе с другими документами, принятыми первым горским съездом: телеграммами, резолюциями, политической программой и т.д. Содержание телеграмм, отправленных от имени съезда в адрес лидеров Российского государства М. В. Родзянко, Г. Е. Львова и Н. С. Чхеидзе, не оставляет сомнений в отсутствии сепаратистских или «автономистских» устремлений. Представители горской интеллигенции заверяли их в полной поддержке политики центральных органов власти [24, с. 33]. В резолюциях, принятых, в частности, 6 мая 1917 г., горский съезд признал необходимым «всемерно поддерживать все начинания Временного правительства России» [25, с. 158–160].

В первой Конституции целью Союза объединенных горцев объявлялось «обеспечение мирного сосуществования всех народов Кавказа и России; защиту и упрочение свобод, завоеванных революцией; претворение в жизнь демократических принципов; защиту общих для всех горских племен политических, культурных и национальных интересов» [9, с. 74], но нигде не декларировалось, что он провозглашается национально-государственной автономией или независимой государственностью.

Отношение горского съезда к России было обозначено в принятой 7 мая Политической программе, в которой указывалось, что Союз «сознает себя нераздельной составной частью Великого Российского государства». В ней Временное правительство было названо «единственным носителем верховной власти в России» [24, с. 72]. Это было программной установкой, которая определяла содержание деятельности Союза объединенных горцев [13, с. 12].

Конституция, принятая на первом съезде народов Северного Кавказа, напоминает механизм институционализации национально-политической структуры, которую они не называли партией в силу негативного отношения к сути подобной организации. Они особо подчеркивали, что Союз объединенных горцев – организация непартийная [4, с. 129].

Весной-летом 1917 г. Союз объединенных горцев имел все возможности для реализации самостоятельных национально-политических, социально-экономических и идеологических проектов. Была возможность приобретения «государственных суверенитетов и независимости» [7, с. 36]. Серьезной политической силы противодействия в лице иных организаций регионального происхождения у горской интеллигенции в этот период не было. Временное правительство практически самоустранилось от организации власти в национальных округах Северного Кавказа [12, с. 6].

В таких условиях национально-государственные перспективы народов Северного Кавказа во многом были предопределены потенциалом и способностями представителей Союза объединенных горцев решать конкретные проблемы региона.

6 июля 1917 г. во Владикавказе произошел масштабный конфликт с участием казаков и ингушей, в ходе которого были убитые и раненые с обеих сторон. На заседании Владикавказского совета представители казаков выступили с открытым требованием «санкционировать поход казаков на Ингушетию» [16, с. 54].

Союз объединенных горцев попытался предложить действенный механизм разрешения казачье-горских противоречий. Благодаря усили-

ям всех заинтересованных в мире политиков с 5 по 8 августа во Владикавказе прошел общий съезд ингушей, казаков Сунженского отдела и иногородних, живших на территории этого отдела и Назрановского округа, под председательством П. Коцева. Съезд принял решение судить преступников по шариату (в том числе убийц за кровную месть), образовать капиталы для удовлетворения потерпевших (но лишь при отделах), создавать смешанные комиссии по каждому случаю преступлений (по двое представителей от казаков и ингушей). Однако положение не изменилось: межэтнические столкновения еще более усилились [15, с. 31].

Пристального внимания требовал и земельный вопрос. Он был напрямую связан также с казачьим вопросом, что было продиктовано аграрно-колониальной политикой имперских властей, которые давали казакам, составлявшим около 20% населения, и русскому крестьянству значительные преимущества. Результатом такой политики стало земельное неравенство народов Северного Кавказа. Накануне Февральской революции 70–75 % казачьих хозяйств считались «зажиточными», 10–15 % – «маломощными», и лишь 5–10 % – «бедняцкими» [29, с.79].

В связи с этим после Февральской революции 1917 г. важным аспектом земельного вопроса в регионе стало требование о перераспределении земли между горцами и казаками. Необходимость решения земельного вопроса становилась определяющим фактором развития политической ситуации на Северном Кавказе. Но, «признавая в принципе, что земля должна принадлежать трудящемуся населению», первый горский съезд отложил решение данного вопроса до Учредительного собрания [25, с. 15].

Отсутствие понятной, реальной и результативной аграрной политики привело к сужению социальной базы Союза объединенных горцев [17, с. 184]. Укреплению его позиций не способствовало и начавшееся размежевание в среде горской общественности. Исламские круги Чечни и Дагестана вынашивали идею восстановить имамат – шариатское государство. Но обозначившийся раскол единого фронта горской интеллигенции, сформировавшийся после свержения российского самодержавия в условиях проведения и работы первого съезда народов Северного Кавказа, на этом этапе был приостановлен. В.-Г. Джабагиев впоследствии писал, что итогом второго съезда горцев была ликвидация попыток радикального крыла мусульманского духовенства «установить шариатское управление с выборным имамом во главе» [32].

Таким образом, попытка создания теократического государства на Северном Кавказе в августе 1917 г. провалилась. Однако размежевание в среде горской этноэлиты было делом времени. Второй горский съезд показал глубину противоречий между духовенством и представителями интеллигенции.

Летом 1917 г. политическая ситуация в России начинает катастрофически ухудшаться. Временное правительство теряло свои позиции и на Северном Кавказе, что выражалось в изменении отношения к нему со стороны горской интеллигенции. Для исправления ситуации Временное правительство активизировало свою деятельность. Популярность лозунгов национального самоопределения, федеративного устройства России и областной автономии отразилась и в его политике. 11 июля оно образовало Особое совещание по разработке областной реформы для представления проекта Учредительному собранию [8, с. 17].

Это повлияло на позицию Союза объединенных горцев, который во время выступления генерала Л. Г. Корнилова в конце августа 1917 г. объявил о своей лояльности Временному правительству [21]. Комиссар Дагестанской области Б. Шаханов обратился к населению с воззванием, в котором заявил о безусловной поддержке А.Ф. Керенского [10]. На основании телеграммы, разосланной ЦК Союза объединенных горцев, комиссар Нальчикского округа Х. Чижоков сделал для населения объявление, в котором указывалось, что «комитет твердо стоит за завоевание революции…» [31, л. 17].

Союз объединенных горцев Северного Кавказа для решения существующих проблем приступил к формированию новых национально-политических структур. В сентябре 1917 г. состоялся съезд горских народов, который некоторые исследователи считают продолжением второго съезда, сорванного религиозными деятелями еще в августе.

Важное значение имеет отчетный доклад, сделанный Р. Х. Капланoвым от имени Центрального комитета Союза объединенных горцев. В нем дан анализ деятельности со времени проведения Первого съезда народов Северного Кавказа. Докладчик затронул вопрос об «организации нашей территории в смысле обеспечения ее цельности и установления системы управления». Р. Х. Капланов подчеркнул, что национально-государственные вопросы, как это было определено еще на Первом съезде, будут решаться на Учреди-

тельном собрании. «И ввиду этого, – продолжил он, – мы не задавались мыслью о выделении всей нашей территории в особую единицу» [19, с. 139].

По докладу Б. К. Далгат «О сущности федерации и федеративной единице Кавказских гор», съезд постановил «избрать немедленно комиссию из семи лиц для выработки, до созыва Учредительного собрания, проекта Союзной Конституции Горцев Кавказа как федеративной единицы Русских Соединенных штатов» [23, с. 535].

Политические взгляды горской интеллигенции претерпели определенную эволюцию, но она еще не была готова на самостоятельные и радикальные шаги по формированию национальной автономии и связывала надежды на улучшение ситуации с Временным правительством и Учредительным собранием. Однако ситуация вышла из-под контроля как центральных, так и региональных органов власти и национально-политических структур. Горская интеллигенция попыталась найти выход в объединении с другими национально-политическими силами на Северном Кавказе. 20 октября 1917 г. был образован Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, главной целью которого было объявлено «достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики с признанием членов союза отдельными ее штатами» [3, с. 9–13].

В объединенное правительство Юго-Восточного Союза во главе с атаманом Донского казачества А. М. Калединым от Союза объединенных горцев вошли В.-Г. Джабагиев и П. Т. Коцев. На заседании правительства 6 ноября 1917 г. было принято постановление: «Всю полноту местной государственной власти на территории Союза горцев Кавказа признать принадлежащей съезду делегатов ЦК объединенных горцев, а на территории Терского казачьего войска – Войсковому кругу и его правительству» [22, с. 16].

Падение Временного правительства не вызвало быстрых изменений в политической ситуации на Тереке [26, с. 18]. Россия, в том числе и Северный Кавказ, к этому времени уже вступила в полосу глубокого социально-экономического, политического, национального и идеологического кризиса. Поэтому свержение Временного правительства, ставшее следствием этого кризиса, не имело большого значения с точки зрения развития ситуации в регионе. Но наступил переходный период, когда институты либерально-демократической власти окончательно развалились, а процесс конструирования органов власти леворадикальных политических и национальных сил был далек от своего завершения.

Социально-политический контекст диктовал необходимость активной самостоятельной политической борьбы для реализации национально-государственного потенциала горской интеллигенции. Однако она слишком тесно была связана с политикой и идеологией Временного правительства и не была готова вести самостоятельную линию по существующему спектру проблем в регионе, в том числе по формированию горской государственности. После падения Временного правительства стало очевидно, что национальная автономия в составе российского государства по проекту Союза объединенных горцев не может быть реализована.

Таким образом, горская интеллигенция стала национально-политической силой, транслирующей государственно-политический проект российской либерально-демократической революции с учетом исторических и этнокультурных особенностей региона. Общенациональный политический и социально-экономический кризис, Октябрьская революция 1917 г. и приход к власти большевиков, а также начало гражданской войны заблокировали возможности мирного политико-идеологического оформления национально-государственных устремлений горских элит.

Источники и литература

1. Апшева М. И. Динамика национального самосознания кабардинцев (XX – начало XXI века). М.: ООО «Оргсервис-2000», 2009. 200 с.

2. Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.

3. Владикавказская конференция Юго-Восточных областей 16-21 октября 1917 года. Владикавказ: [б.и.], 1917.

4. Габисов А. Г. История политических событий 1917-1920 гг. в национальных республиках Северного Кавказа: дис. … канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2003. 194 с.

5. Газета «Терский вестник». 1917. 25 мая.

6. Генерал А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Продолжение // Вопросы истории. 1991. №7–8. С. 119–138.

7. Доного Х. М., Гусейнов Г. М. Последний военный губернатор Дагестанской области Владимир Викторович Ермолов (К 100-летию Февральской революции 1917 года) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. №1(194). С. 33–40.

8. Жданова И. А. Проблема федеративного устройства государства в Февральской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2007. №7. С. 17–29.

9. Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны / сост. и вступительная статья А. Х. Кармова. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2006. 132 с.

10. К населению Дагестанской области // Голос Дагестана (Темир-Хан-Шура), 1917. 3 сентября.

11. Какагасанов Г. И. Первые съезды горцев Северного Кавказа и Дагестана // Сборник материалов научно-практической конференции на тему «История горских народов Кавказа (1917–1920) и независимая Горская республика 11 мая 1918 г.» (г. Махачкала, 18–19 мая 1992) / сост. Г.И. Какагасанов, Д.Ш. Халидов. Махачкала: Типография Дагестанского научного центра РАН, 1992. С. 11–23.

12. Кармов А. Х. В поисках решения общегорских проблем. Вместо предисловия // Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана. Нальчик: Издательский отдел КБ ИГИ, 2014. С. 5–24.

13. Кармов А. Х. От составителя // Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны / сост. и вступит. статья А. Х. Кармова. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2006. С. 3–16.

14. Коцев П. Черкесы и воинская повинность // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / сост. Р. Х. Хашхожева. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», издательский центр «Эль-Фа», 2005. С. 181–184.

15. Кулумбекова А. К. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе в 1917 г. // Вестник Владикавказского научного центра РАН. Т.13. Владикавказ: Владикавказский научный центр РАН, 2013. №1. С. 27–35.

16. Магомедов Ш. М. Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1965. 224 с.

17. Мамаев О. М. Аграрная политика Горского правительства в 1917–1919 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №26(60). С. 181–184.

18. Матвеев В. А. Российское самоопределение и сепаратизм на Северном Кавказе в 1917 г. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008 URL: http://www.slavakubani.ru/history/1917-1920/rossiyskoe-samoopredelenie-i-separatizm-na-severnom-kavkaze-v-1917-g/ (Дата обращения: 26.11.2017).

19. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост., автор вступительной статьи А. Х. Кармов. Нальчик: Издательский отдел КБ ИГИ, 2014. 168 с.

20. Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М.: Патрия, 2007. 520 с.

21. Объявление ЦК Союза объединенных горцев // Горская жизнь (Владикавказ), 1917, 31 августа.

22. Османов О. И. Возникновение, функционирование и ликвидация государственных образований на Северном Кавказе: исторический опыт: март 1917-апрель 1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2014. 194 с.

23. Революционное движение в России в сентябре 1917 г.: Общенациональный кризис. Документы и материалы. М.: Издательство АН СССР, 1961. 631 с.

24. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). (Документы и материалы). Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1994. 440 с.

25. Тахо-Годи А. А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1927. 236 с.

26. Ткачев Е. А. Терское казачество в годы революций и гражданского противостояния (1917–1923): участие, политические приоритеты, итоги: автореф. дис. … канд. ист. наук. Пятигорск: ПГУ, 2005. 26 с.

27. Улигов У. А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1936). Нальчик: Эльбрус, 1979. 354 с.

28. Филатова Ж. В. Трансформация органов местного управления и самоуправления в Ставропольской губернии и Терской области (март 1917 – март 1918 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Пятигорск: СКАГС, 2009. 29 с.

29. Филатова Ж. В. Трансформация системы органов местного управления и самоуправления в Ставропольской губернии и Терской области в марте-апреле 1917 г.: динамика и особенности преобразовательных процессов // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе, 2009. №15. С. 78–86.

30. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (ЦДНИ КБР). Ф. 25. Оп. 1. Д. 38.

31. ЦДНИ КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 36.

32. Яндиева М., Газиков Б. Ингушская политическая публицистика 50-х гг. В.-Г. Джабагиев на страницах журнала «Свободный Кавказ» URL: https://ghalghay.com/2010/03/10/ (Дата обращения: 26.11.2017).

References

1. Apsheva M. I. Dinamika natsional'nogo samosoznaniya kabardintsev (XX – nachalo XXI veka) *(Dynamics of national self-consciousness of Kabardians (XX – the beginning of the XXI century)*. Moscow: Orgservis-2000, 2009. 200 p. (In Russian).

2. Borov A. KH., Dumanov Kh. M., Kazharov V. KH. Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problem *(Modern statehood of Kabardino-Balkaria: sources, ways of becoming, problems)*. Nal'chik: El'-Fa, 1999. 184 p. (In Russian).4

3. Vladikavkazskaya konferentsiya Yugo-Vostochnykh oblastey 16–21 oktyabrya 1917 goda *(The Vladikavkaz Conference of the South-Eastern Regions on October 16–21, 1917)*. Vladikavkaz, 1917. (In Russian).

4. Gabisov A. G. Istoriya politicheskikh sobytiy 1917–1920 gg. v natsional'nykh respublikakh Severnogo Kavkaza *(History of political events of 1917–1920. in the national republics of the North Caucasus)*. Vladikavkaz: NOSU Publ, 2003. 194 p.

5. Newspaper "Terskiy vestnik". 1917. 25 May. (In Russian).

6. General A. I. Denikin. Ocherki russkoy smuty. Prodolzheniye *(Essays on the Russian Revolt. Continuation)* // Voprosy istorii. 1991. No. 7–8. P. 119–138. (In Russian).

7. Donogo KH. M., Guseynov G. M. Posledniy voyennyy gubernator Dagestanskoy oblasti Vladimir Viktorovich Yermolov (K 100-letiyu Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda) *(The last military governor of the Dagestan region Vladimir Viktorovich Ermolov (To the 100th anniversary of the February Revolution of 1917)* // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 1(194). P. 33–40. (In Russian).

8. Zhdanova I. A. Problema federativnogo ustroystva gosudarstva v Fevral'skoy revolyutsii 1917 g. *(The problem of the federal structure of the state in the February Revolution of 1917)* // Voprosy istorii. 2007. No. 7. P. 17–29. (In Russian).

9. Istoricheskiy ocherk o gorskikh narodakh Kavkaza v period mirovoy voyny *(Historical essay on the mountain peoples of the Caucasus during the World War)* / ed by A. KH. Karmov. Nal'chik: KBSC RAS publ., 2006. 132 p. (In Russian).

10. K naseleniyu Dagestanskoy oblasti *(To the population of the Dagestan region)* // Golos Dagestana (Temir-Khan-Shura). 1917. 3 September. (In Russian).

11. Kakagasanov G. I. Pervyye s»yezdy gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana *(The first congresses of the mountaineers of the North Caucasus and Dagestan)* // Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii na temu «Istoriya gorskikh narodov Kavkaza (1917–1920) i nezavisimaya Gorskaya respublika 11 maya 1918 g.» (g. Makhachkala, 18–19 maya 1992) / ed by G. I. Kakagasanov, D. SH. Khalidov. Makhachkala: DSC RAS publ., 1992. P. 11–23. (In Russian).

12. Karmov A. KH. V poiskakh resheniya obshchegorskikh problem. Vmesto predisloviya *(In search of a solution to the problems common for mountain peoples. Instead of the preface)* // Materialy s»yezdov gorskikh narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana. Nal'chik: KB HIS publ., 2014. P. 5–24. (In Russian).

13. Karmov A. KH. Ot sostavitelya *(From the author)* // Istoricheskiy ocherk o gorskikh narodakh Kavkaza v period mirovoy voyny. Sost. i vstupit. stat'ya A. KH. Karmova. Nal'chik: KBSC RAS publ., 2006. P. 3–16. (In Russian).

14. Kotsev P. Cherkesy i voinskaya povinnost' *(Circassians and military service)* // Adygskaya publitsistika kontsa XIX – nachala KHKH veka (Izbrannoye) / ed by. R. KH. Khashkhozhev. Nal'chik: El'-Fa, 2005. P. 181–184. (In Russian).

15. Kulumbekova A. K. Terskoye kazachestvo v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh na Severnom Kavkaze v 1917 g. *(Terek Cossacks in interethnic relations in the North Caucasus in 1917)* // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra RAN. Vladikavkaz: Vladikavkazskiy nauchnyy tsentr RAN, 2013. T. 13. No. 1. P. 27–35. (In Russian).

16. Magomedov SH. M. Oktyabr' na Tereke i v Dagestane *(October on the Terek and in Dagestan).* Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1965. 224 p. (In Russian).

17. Mamayev O. M. Agrarnaya politika Gorskogo pravitel'stva v 1917–1919 gody *(Agrarian Policy of the Mountain Government in 1917–1919)* // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2008. No. 26 (60). P. 181–184. (In Russian).

18. Matveyev V. A. Rossiyskoye samoopredeleniye i separatizm na Severnom Kavkaze v 1917 g. *(Russian self-determination and separatism in the North Caucasus in 1917)* / Kazachestvo i narody Rossii: puti sotrudnichestva i sluzhba Rossii: materialy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2008 // URL: http://www.slavakubani.ru/history/1917-1920/rossiyskoe-samoopredelenie-i-separatizm-na-severnom-kavkaze-v-1917-g/ (Accessed: 26.11.2017). (In Russian).

19. Materialy s»yezdov gorskikh narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana 1917 goda *(Materials of congresses of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan of 1917)* / Sost., avtor vstupitel'noy stat'i A.KH. Karmov. Nal'chik: Izdatel'skiy otdel KB IGI, 2014. 168 p. (In Russian).

20. Muzayev T. M. Soyuz gortsev. Russkaya revolyutsiya i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 g. *(Union of Highlanders. The Russian Revolution and the Peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918)*. Moscow: Patriya, 2007. 520 p.

21. Ob»yavleniye TSK Soyuza ob»yedinennykh gortsev *(Announcement of the Central Committee of the Union of United Highlanders)* // Gorskaya zhizn' (Vladikavkaz), 1917, August 31. (In Russian).

22. Osmanov O. I. Vozniknoveniye, funktsionirovaniye i likvidatsiya gosudarstvennykh obrazovaniy na Severnom Kavkaze: istoricheskiy opyt: mart 1917 – aprel' 1920 gg. *(The emergence, functioning and liquidation of state entities in the North Caucasus: historical experience: March 1917 – April 1920).*Vladikavkaz: NOSU Publ., 2014. 194 p. (In Russian).

23. Revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii v sentyabre 1917 g.: Obshchenatsional'nyy krizis. Dokumenty i materialy. *(Revolutionary movement in Russia in September 1917: National crisis. Documents and materials).* Moscow: SA USSR publ., 1961. 631 p. (In Russian).

24. Soyuz ob»yedinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.), Gorskaya respublika (1918–1920 gg.). (Dokumenty i materialy). *(Union of United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918), the Mountain Republic (1918–1920). (Documents and materials)).* Makhachkala: DSC RAS, 1994. 440 p. (In Russian).

25. Takho-Godi A. A. Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya v Dagestane. *(Revolution and counter-revolution in Dagestan).* Makhachkala: Dagestan state publishing house, 1927. 236 p. (In Russian).

26. Tkachev Ye. A. Terskoye kazachestvo v gody revolyutsiy i grazhdanskogo protivostoyaniya (1917–1923): uchastiye, politicheskiye prioritety, itogi: avtoref. *(Terek Cossacks during the years of revolutions and civil confrontation (1917–1923): participation, political priorities, results).* Pyatigorsk: PSU Publ., 2005. 26 p. (In Russian).

27. Uligov U. A. Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Kabarde i Balkarii i sozdaniye natsional'noy gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1936) *(Socialist revolution and civil war in Kabarda and Balkaria and the creation of national statehood of the Kabardian and Balkar peoples (1917–1936).* Nal'chik: El'brus, 1979. 354 p. (In Russian).

28. Filatova ZH. V. Transformatsiya organov mestnogo upravleniya i samoupravleniya v Stavropol'skoy gubernii i Terskoy oblasti (mart 1917 – mart 1918 g.). *(Transformation of local government and self-government bodies in Stavropol Gubernia and Terek region (March 1917 – March 1918).* Pyatigorsk: SKAGS Publ, 2009. 29 p. (In Russian).

29. Filatova ZH. V. Transformatsiya sistemy organov mestnogo upravleniya i samoupravleniya v Stavropol'skoy gubernii i Terskoy oblasti v marte-aprele 1917 g.: dinamika i osobennosti preobrazovatel'nykh protsessov *(Transformation of the system of local government and self-government bodies in Stavropol Gubernia and Terek region in March-April 1917: dynamics and features of the transformation processes)* // Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy. Pyatigorsk: Institut regional'nykh problem rossiyskoy gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze, 2009. No. 15. P. 78–86. (In Russian).

30. Center for Documentation of Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic (TSDNI KBR). F. 25. Inv. 1. D. 38. (In Russian).

31. TSDNI KBR. F. 25. Inv. 1. D. 36. (In Russian).

32. Yandiyeva M., Gazikov B. Ingushskaya politicheskaya publitsistika 50-kh gg. V.-G. Dzhabagiyev na stranitsakh zhurnala «Svobodnyy Kavkaz» *(Ingush political journalism in the 50's. V.-G. Dzhabagiev in the pages of the magazine «Free Caucasus»)* URL: https://ghalghay.com/2010/03/10/ (Accessed: 26.11.2017). (In Russian).

УДК 94(47).083:94(567)

И. В. Крючков

ИРАК И АРАВИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ

В конце XIX – начале XX вв. Россия начинает проявлять интерес к развитию внешнеэкономической деятельности с окраинами Османской империи, в том числе с Ираком и Аравией. Российские дипломаты, работавшие в Турции и Персии, стремились привлечь внимание российских предпринимателей к данному региону и оказывать им посильную помощь. В данной статье проводится анализ донесений сотрудников дипломатических миссий России на Ближнем Востоке, где они выделяли специфику ведения торговли в Ираке и на Аравийском полуострове, проблемы с которыми столкнулись предприниматели из России и их практические рекомендации. Дипломаты признавали существенные успехи России в развитии торговли с Ираком и Аравией к 1914 г., несмотря на жесткую конкуренцию со стороны других европейских государств и доминирование в российском экспорте керосина.

Ключевые слова: внешняя торговля, Османская империя, Ирак, Аравия, Персидский залив, экспорт, импорт, керосин.

I. V. Kruichkov

IRAQ AND ARABIA IN RUSSIAN FOREIGN TRADE AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES IN THE REPORTS OF RUSSIAN DIPLOMATS

At the end of XIX – beginning of the XX centuires Russia took interest in the development of foreing economic activity with periphiries of Ottoman Empire, including Iraq and Arabia. In Turkey and Persia, Russian diplomats tried to attract attention of Russian entrepreneurs to this region and help them whith avaible methods. The article deals with reports Russian diplomatic officers from the Middle East. They emphasized the main features of Iraqi and Arabian trade and problems of Russian entrepreneurs and gave practical recommendations. Despite fierce competition from other European countries and domination of kerosene in Russian export, diplomats recognized significant success of Russian activity in the development of trade with Iraq and Arabia by 1914.

Key words: foreing trade, Ottoman Empire, Iraq, Arabia, the Persian Gulf, export, import, kerosene.

В начале XX в. проблема развития экономических связей России с Османской империи вызывала значительный интерес среди деловых кругов страны. Еще раньше необходимость расширения экономического присутствия России в Османской империи осознали российские дипломаты. Они понимали, что без активного экономического проникновения России на Балканы и Ближний Восток, невозможно было вести речь об укреплении военно-политических позиций России в данных регионах. Динамика развития торговли России с Османской империей в целом внушала оптимизм. С 1907 по 1911 гг. российский экспорт в Османскую империю увеличился с 19,3 млн руб. до 33,5 млн руб., в то время как импорт товаров из Турции в Россию возрос с 7,2 млн руб. до 10,2 млн руб. [10, с. 512–513].

Однако российские дипломаты стремились выявить причины, тормозившие внешнеэкономические связи России с Османской империей. Генеральный консул России в Стамбуле П. Понафидин главную причину видел в наличии емкого внутреннего рынка в России, поглощавшего значительную часть продукции обрабатывающей промышленности страны. Поэтому российские предприниматели не обращали пристального внимания на развитие внешней торговли [9, с. 120]. Только в неурожайные годы, когда падала покупательная способность населения в России, российская промышленность проявляла интерес к внешним рынкам,

в том числе к Османской империи. Однако при стабилизации внутреннего рынка отечественные промышленники вновь уходили с внешних рынков. В результате они не имели надежных зарубежных партнеров, ориентированных на заключение долгосрочных контрактов и систематическую реализацию продукции из России.

Более того, по мнению консула, только 4 % обращений российских предпринимателей к нему составлялось грамотно, а остальные показывали их неосведомленность в вопросах ведения торговых операций в Османской империи. В частности, большинство запросов не содержало прейскуранта товаров, а там, где он был, цены на товары указывались в рублях, и использовалась российская система мер, непонятные жителям империи Османов. Почти везде отмечался неприемлемый для Османской империи подход в организации торговли, так как россияне требовали оплату товара наличными или получения денег вперед. В Османской империи кредитная система отсутствовала как таковая. Поэтому европейцы предоставляли свои товары местным торговцам под их реализацию или с небольшой предоплатой, а при получении наличных сразу, торговец получал большую скидку. Несвоевременность поставок россиянами товара, или внезапное для торговцев из Османской империи повышение его стоимости, зачастую ставило их на путь разорения [9, с. 122].

Кроме этого П. Понафидин выделял еще несколько, по его мнению, «мелких» причин, препятствующих успеху российской торговли в Османской империи. В России не знали специфику турецкого рынка, и прежде всего, потому, что российские предприниматели не имели торговых агентов в Османской империи. Вместо этого они забрасывали консульства России различными просьбами об оказании помощи и предоставлении необходимой информации, забывая о том, что дипломаты не являлись коммерсантами, и не разбирались во всех тонкостях реализации того или иного товара [9, с. 121].

Одновременно консул отмечал позитивные изменения в отношении российских предпринимателей к рынку Османской империи. Ткани, россияне начали поставлять по качеству и художественному рисунку, соответствующие запросам местного населения, превзойдя многие зарубежные аналоги. Российский сахар по сладости и рафинированию превосходил продукцию большинства европейских конкурентов. Мука из России отличалась высоким качеством, поэтому ее приобретали для добавки в муку низших сортов. Керосин с Кавказа устраивал по ценовой категории местных жителей, в результате кавказскому керосину принадлежало более 60% рынка Османской империи. Большое будущее консул видел в перспективах поставок из России в Османскую империю каменного угля и продукции черной металлургии. Первым успешным примером становятся поставки из России рейсов для строительства железной дороги в Хиджазе [9, с. 122]. Для успешного развития взаимной торговли, на взгляд П.Понафидина, требовалось срочное открытие в Османской империи представительств российских банков для упрощения проведения финансовых операций между двумя государствами. В 1909 г. в Стамбуле открывается Отделение «Русского банка по внешней торговле», оно сразу приобретает обширную клиентуру и с 1911 г. начинает работать с прибылью [11, с. 128]. В заключении доклада П.Понафидин довольно оптимистично оценивал перспективы экономических связей между Россией и Османской империй по мере развития российской обрабатывающей промышленности и насыщения его внутреннего рынка.

Значительная часть внешнеэкономических связей Османской империи приходилась на Стамбул и Смирну. Другие порты (Яффа, Бейрут, Триполи (Ливан), Трабзон и др.) имели меньший торговый оборот, но они закрывали потребности в экспортно-импортных операциях многих провинций Османской империи. Российские товары были широко представлены на рынках данных городов, проникая через них в самые отдаленные районы Османской империи. К удаленным окраинам империи Османов с точки зрения реализации российских экономических интересов относились Арабский Ирак (так территорию современного Ирака называли российские дипломаты на рубеже XIX–XX вв. – *И. К.*) и западное побережье Аравийского полуострова.

Долгое время зона Персидского залива и Аравийский полуостров не относились к центрам международной торговли. Отсутствие значительных запасов сырья, представлявших интерес для европейской промышленности, низкий уровень жизни населения, не способствовавший распространению в регионе промышленной продукции ведущих государств Европы и США, тормозили развитие экономического сотрудничества Арабского Ирака и Аравии с Европой.

Большой вред развитию торговли в зоне Персидского залива нанесла политическая нестабильность. Португальцы, а затем гол-

ландцы в XVI–XVIII вв. проводили сознательную политику по изоляции зоны Персидского залива, не допуская туда другие европейские государства. Ситуация начинает меняться с конца XVIII в. с утверждением в заливе британцев. Одним из результатов политической нестабильности являлось развитие пиратства в Персидском заливе. В 1805, 1809 и 1819 гг. британский флот вместе со своими союзниками и прежде всего султаном Маската предпринимал рейды против пиратов. В 1853 г. шейхи Омана согласились покончить с пиратством. Таким образом, англичанам удалось победить пиратство и работорговлю в Персидском заливе, сделав его безопасным для плавания европейских торговых судов.

Развитию морской торговли в бассейне Персидского залива и Красного моря, кроме всего, способствовало еще несколько обстоятельств: открытие в 1869 г. Суэцкого канала; успехи российских коммерсантов на севере Персии; строительство Закаспийской железной дороги с последующим активным проникновением российских товаров в северо-восточные районы Персии; закрытие Россией Закавказья для транзита европейских товаров в 1883 г.; снижение тарифов на перевозку грузов и пассажиров ведущими мировыми судоходными компаниями; появление нового типа пароходов, способных быстро и без особых рисков осуществлять перевозки.

На протяжении второй половины XIX в. в развитии внешнеэкономических связей в зоне Персидского залива и Красного моря происходят позитивные изменения. Если в 1841 г. в порты Персидского залива зашли суда общим водоизмещением в 45 тыс. тонн, то в 1897 г. этот показатель превысил 330 тыс. тонн. К началу XX в. в торговле в бассейне Персидского залива и Красного моря доминировали Великобритания с Индией, Франция, Германия и Австро-Венгрия.

Одним из крупнейших портов Персидского залива являлась Басра, через которую товары из различных регионов мира поступали в Арабский Ирак, Западную Персию, включая Хамадан и Керманшах, Северо-восточные районы Аравийского полуострова. Практически все ведущие торговые компании имели собственные представительства в Басре. В 1897 г. в порт ввозится товаров на 472,8 тыс. фунтов ст. Главные статьи ввоза составляли хлопчатобумажные ткани (151,7 тыс. фунтов ст.), сахар (107,8 тыс. фунтов ст.), пряности (29 тыс. фунтов ст.) [7, с. 117]. Вывоз товаров из Басры в этом году достиг 1 млн. фунтов, в том числе шерсти на 357 тыс. фунтов ст., фиников на 307 тыс. фунтов ст., опиума на 116,4 тыс. фунтов [7, с. 117]. Причем Басра и окружающие ее районы экспортировали, только финики и зерновые культуры, а остальные товары шли транзитом из других регионов Арабского Ирака, Западной Персии, Аравии. Сам город не являлся крупным потребителем товаров, поскольку местное арабское население имело низкий уровень доходов. В начале XX в. ситуация несколько меняется, когда Басра и южная часть Арабского Ирака стали потреблять до трети всего импорта, завезенного в город [3, с. 52].

Между ведущими европейскими государствами происходила острая конкуренция за доминирование на местных рынках. Первыми на необходимость активного экономического проникновения России в Арабский Ирак и в Аравию обратили внимание российские дипломаты, работавшие в регионе. В 1857 г. в Багдаде создается вице-консульство России, преобразованное в 1881 г. в генеральное консульство, в 1882 г. начинает работу консульство в Мосуле, в 1890 г. в Джидде и в 1901 г. в Басре.

На рубеже XIX–XX вв. первые попытки проникновения в Басру предпринимают российские компании. Большим событием становится открытие «Российским обществом пароходства и торговли» регулярных рейсов Одесса-Басра, и назначение им своего торгового агента в городе для организации экономических операций России с портом Басра. Пароход «Корнилов», принадлежавший Обществу с января 1901 г. начинает совершать рейсы в порты Персидского залива, в том числе в Бендер-Аббас, Бушир, Бендер-Ленге и Басру. Первый рейс «Корнилова» окупил себя с трудом, следующие рейса стали приносить прибыль, что во многом было связано с началом поставок керосина из Батума. Большой проблемой становится загрузка «Корнилова» на обратном пути из портов Персидского залива в Европу. Постепенно данная проблема решается за счет погрузки на пароход фиников, хлопка из Персии, шерсти, риса из Арабского Ирака и Омана.

Однако в организации торговли на юге Арабского Ирака и в Аравии россиянам пришлось столкнуться с рядом серьезных препятствий. В России мало знали об Арабском Ираке и Басре, в лучшем случае проводя аналогии с Персией, не учитывая, что организация торговли в южной Персии существенно отличалась от аналогичного процесса на южных окраинах Османской империи. В частности, карантинные правила для судов, приходивших в Басру, устанавливались в Стамбуле, а не регламен-

тировались карантинными правилами, введенными британцами в зоне Персидского залива, персидская таможня, контролируемая бельгийцами, ориентировалась на европейские правовые нормы, а таможня в Басре находилась в ведении османского таможенного законодательства и т.д.

До начала XX в. в Басру не приезжали представители российских деловых кругов. Первые пытки направления в город образцов товаров российских предприятий закончились полным провалом. В 1901 г. представитель сахарозаводчиков Киевской губернии и два приказчика одной из лесопромышленных фирм оказались в Басре, но результаты их деятельности выглядели скромно [8, с. 502]. Россияне плохо знали специфику местного рынка, и потребности арабского населения региона. В России хорошо ориентировались в особенностях персидского рынка, полагая, что в Арабском Ираке и в Аравии можно будет распространять товары, сбываемые в Персии. К великому удивлению россиян потребности персов и арабов существенно отличались. Российская мануфактура, привезенная в Басру первым рейсом «Корнилова» не подходила для жаркого климата Арабского Ирака. Принципы ведения торговли у арабов имели собственную специфику в сравнении с персами. Растерянность российских коммерсантов в Басре дополнялось отсутствием в городе торгового представительства России, способного снабжать предпринимателей необходимой коммерческой информацией и содействовать налаживанию их связей с местными купцами. Российские дипломаты, работавшие в генеральном консульстве в Багдаде и в консульстве в Басре, призывали отечественных предпринимателей не отчаиваться и организовывать новые рекламные акции в Басре [8, с. 502].

Еще одной проблемой для развития российской торговли в регионе, как уже отмечалось в докладе П. Понафидина, являлось отсутствие банка способного своевременно производить платежи между российскими и местными предпринимателями. Для россиян это был неприятный сюрприз, так как в соседних портах южной Персии имелись отделения российских банков. Ближайшее отделение Оттоманского банка находилось в Багдаде, но и оно не имело связей с Россией. Российским фирмам приходилось осуществлять платежи с Басрой через лондонские банки и парижский банк «Crédit Lyonnais». По мнению российских дипломатов, опиравшихся на опыт организации британской торговли в Басре, представительство «Российского общества пароходства и торговли» могло бы взять на себя осуществление ряда платежей.

На Общество дипломаты возлагали еще одну обязанность. По их мнению, России требовалось глубокое исследование экономических возможностей Арабского Ирака и Аравии. Для реализации данной задачи следовало привлекать не случайных людей, коммерсантов, приезжавших на незначительный срок в регион, а опытных сотрудников Общества, которые в силу специфики своей деятельности могли профессионально оценить ситуацию в экономике Арабского Ирака и Аравии. Поэтому предлагалось в порядке исключения наделить агентов Общества дополнительными функциями, позволявшими им, отчасти осуществлять роль торгового представительства России в Басре. В данной связи событием в российской арабистике становится выход в 1912 г. книги А. Л. Адамова [1].

В начале XX в. остро стоял вопрос об организации поставок российских товаров в Багдад и в северную часть Арабского Ирака. Общество отказалось учреждать должность торгового представителя в Багдаде из-за дополнительных финансовых расходов, при значительных рисках организации торговли в северной части Арабского Ирака. Дипломаты предложили возложить обязанности торгового агента Общества в Багдаде на представителя местной деловой элиты [8, с. 505]. Для перевозки российских товаров из Басры до Багдада по р. Тигр дипломаты советовали Обществу заключить контракт с местной речной компанией «Оман-Оттоман». Данная компания расширяла собственный парк за счет новых пароходов, обеспечивая быструю перевозку грузов и пассажиров для своих партнеров. Следовательно, при организации регулярного сообщения между Россией и Басрой и оперативной доставки товаров до Багдада, России удалось бы увеличить собственное экономическое влияние в Арабском Ираке, в том числе за счет удешевления товаров, ранее перевозившихся в регион караванами через Персию.

В 1913 г. в порт Басры зашло шесть российских пароходов-рейсов общим водоизмещением в 17,4 тыс. тонн. По данному показателю Россия находилась на третьем месте после Великобритании (163 парохода-рейса) и Германии (20 пароходов-рейсов) [3, с. 53]. Российские суда перевозили не только отечественные товары или продукцию, предназначенную для ввоза в Россию, их услугами охотно пользовались Австро-Венгрия, государства Балканского полуострова и т.д.

В начале XX в. самым популярным товаром из России, привозившимся в Басру был керосин. Первая партия керосина из Батума в Басру поступила в 1888 г. по инициативе фирмы Манташева. Практически весь керосин шел через порты Карачи и Бомбея по заказу индийского купца Хаджи Алляна Мемени, который являлся монополистом в поставках керосина в Басру. Пользуясь такой ситуацией, Хаджи Аллени Мемени поддерживал цены на керосин довольно на высоком уровне 2,26 руб. – 3,15 руб. за условный ящик (72 фунта). Данный факт тормозил увеличение объемов поставок российского керосина в Басру. Однако даже, несмотря на это обстоятельство, объемы поставок керосина из России в Басру постепенно увеличивались, если в 1890 г. в порт завозится 45 тыс. пудов керосина из России, то в 1897 г. уже 190 тыс. пудов [78, с. 118].

Дипломаты предлагали начать прямые поставки керосина из Батума в Басру на судах «Российского общества пароходства и торговли» без помощи лондонских посредников к услугам, которых приходилось прибегать индийскому купцу. Данный факт привел бы к снижению цены на российский керосин и увеличению объемов его поставок в Басру. В 1901 г. «Товарищество братьев Нобель» попыталось самостоятельно выйти на рынок Басры. Однако эта попытка оказалась неудачной из-за банкротства британского партнера Товарищества. В начале XX в. российские производители нарастили экспорт керосина в Басру, но им не удалось вытеснить американских поставщиков, контролировавших почти 75 % поставок керосина в Басру [5, с. 30].

В начале XX в. российские предприниматели пробиваются на рынок строевого леса и досок Басры. Лес с Кавказа и других регионов России постепенно находил своего потребителя. В поставках продукции деревообрабатывающей промышленности в Басру вплоть до начала Первой мировой войны доминировала Австро-Венгрия, поставлявшая лес из Буковины и Галиции в Арабский Ирак, в том числе транзитом через Россию. Для перевозки леса в Басру империя Габсбургов охотно прибегала к услугам «Российского общества пароходства и торговли» [2, с. 55].

С конца XIX в. значительную часть экспорта Арабского Ирака составлял вывоз фиников. В Басре с приходом британских судоходных компаний начинается настоящий «финиковый бум». Все участники торговли финиками получали высокие прибыли. В Басре возник большой спрос на деревянные ящики для перевозки фиников. В год их требовалось от 800 тыс. до 1 млн. штук [13, с. 227]. Основная часть ящиков поставлялась Австро-Венгрией, на Россию на рубеже XIX–XX вв. приходилось около 5 % поставок ящиков. В последующем России удалось несколько увеличить свою долю. Все ведущие судоходные компании приняли участие в перевозке фиников, в том числе «Российское общество пароходства и торговли». Российские дипломаты полагали, что Россия имела все возможности для дальнейшего наращивания поставок ящиков и объемов вывозимых из Басры фиников.

Басра становится один из крупнейших рынков сахара на Ближнем Востоке. В 1900 г. в порт поступило 577,8 тыс. пудов сахара, в том числе 365 тыс. пудов рафинада, общей стоимостью в 1 млн 725 тыс. руб. [2, с. 7]. Более 80 % сахара, ввозившегося в Басру, направлялось в Багдад, а оттуда в Мосул, турецкий Курдистан и в Западную Персию (Керманшах, Хамадан). Ежегодно около 60 % сахара перевозившегося из Басры в Багдад уходило в Персию [2, с. 9]. Выгодные поставки сахара в Басру между собой поделили Франция, поставлявшая рафинад и австрийская половина империи Габсбургов, контролировавшая ввоз в Басру сахарного песка. Российский дипломат сетовал на нереализованный потенция России, имевшей все возможности для освоения сахарного рынка Арабского Ирака и Западной Персии. Для этого российским производителям необходимо было учесть запросы местных жителей в вопросах качества, расфасовки и упаковки сахара, а также создать материальную базу в Басре для продажи сахара, в том числе назначив специальных торговых агентов, представлявших интересы ведущих производителей сахара России [2, с. 31]. К 1912 г. России удалось добиться определенных успехов в организации поставок сахара в Басру, отвоевав до 10% всего ввоза сахара в порт [4, с. 35].

Итало-турецкая война, Балканские войны и последовавшие за этим беспорядки на Аравийском полуострове, неурожай 1913 г. негативно сказались на развитии экономики Арабского Ирака и его экспорта, который сократился с 30,8 млн руб. в 1912 г. до 18,4 млн руб. в 1913 г. Экспорт зерновых культур из Арабского Ирака практически полностью прекратился. Однако данные события не привели к сокращению импорта товаров в Басру. Город по данным российского консула в Басре буквально оказался заваленным различными европейскими товарами. Если в 1912 г. в порт завозится импортных товаров на 25 млн руб., то в 1913 г.

данный показатель увеличился до 37 млн руб. Выросли объемы поставок российских товаров с 275,5 тыс. руб. в 1912 г. до 337 тыс. руб. в 1913 г. [3, с. 54–55].

С большим трудом российские товары пробивали себе дорогу в портах Аравийского полуострова. На юге Аравии полуострова исключительное место занимал порт Аден. В эпоху средневековья Аден являлся «первым рынком» Аравийского полуострова, он вызывал восхищение у современников своим могуществом и богатством. В 1538 г. османские войска захватили Аден. С этого момента город приходит в полный упадок. В 1839 г. Аден захватили англичане. После открытия Суэцкого канала экономическое значение города вновь возрастает. Через Аден товары шли транзитом в другие регионы Аравийского полуострова, в том числе во владения Османской империи (Йемен, Асир).

В начале XX в. в порту Адена доминировала продукция, поступавшая сюда из Великобритании, Германии, Австро-Венгрии, Италии и Франции. С марта 1899 г. по апрель 1900 г. в Аден ввозится товаров из Австро-Венгрии на 828 тыс. франков (хлопчатобумажная пряжа, консервы, конфеты, мука, одежда, строевой лес), из Великобритании на 134,7 тыс. франков (оружие, уголь, продукция химической промышленности, пряжа и др.), Франции на 66,5 тыс. франков (свечи, хлопчатобумажные ткани) [6, с. 506]. Россия за отчетный период добилась неплохого результата, ввоз российских товаров вырос на 136 % и достиг 188,2 тыс. франков. Подавляющая часть российского экспорта в Аден приходилась на керосин. Правда, в Аден поступило из России 30 тыс. пуд. муки, где ей удалось отодвинуть на второй план Францию (15 тыс. пуд. муки) и несколько потеснить позиции Австро-Венгрии (60 тыс. пуд.) [6, с. 506].

Европейская торговля с Хиджазом имела значительную специфику. Для европейских торговых судов были открыты только два порта Джидда и Ямбо. Дальше товары перевозились на караванах, которые нередко становились объектом для нападения местных племен с целью грабежа [12, с. 5–6]. Организация выгрузки грузов с пароходов в портах Хиджаза не выдерживала никакой критики. Современники в этом плане в качестве эталона приводили порт Басры. В Джидде и особенно в Ямбо в деле организации разгрузки судов царил полный хаос, европейцы полностью зависели от местных лодочников, перевозивших товары с пароходов на берег, они работали очень медленно и небрежно, требуя за свои услуги неоправданно высокую цену [12, с. 6–7].

В портах Хиджаза господствовали британские судоходные компании. С марта 1904 по апрель 1905 гг. в Джидду прибыло 236 британских судов общим водоизмещением в 334,8 тыс. тонн. Среди европейцев на втором месте по данному показателю находились голландцы (19 судов с тоннажем в 40,8 тыс. тонн), на третьем месте расположилась Россия (14 судов с тоннажем 22 тыс. тонн) [12, с.8]. Кстати, по порту Ямбо М.Никольский не имел никакой статистики, что показывало полную анархию, царившие в регионе с точки зрения фиксирования прибывавших судов и количества завезенных товаров.

Главными статьями европейского экспорта в Хиджаз являлись керосин, мука, сахар, лес и мануфактура. Из Батума в Хиджаз поступал керосин, его продажу осуществляла группа из шести купцов во главе с греком Г. Чмерис. В среднем в Джидду завозилось от 50 до 60 тыс. ящиков керосина (по 72 фунта). Затем часть продукции перевозилась в турецкий Йемен через порт Ходейда. Некоторое время Россия доминировала на керосиновом рынке Хиджаза. Однако, в начале XX в. ей пришлось вступить в конкуренцию с американскими производителями. Керосин из США отличался в лучшую сторону по качеству, при горении он давал больше света и меньше копоти и был более экономичным. В тоже время минимальная стоимость российского керосина составляла 2 руб. 40 коп. за ящик, в то время как американский керосин стоил 2 руб. 96 коп. [12, с. 10]. Пароход из Батума в Джидду доходил за 10 дней, а из Нью-Йорка за 28–30 дней. Российским производителям приходилось внимательно следить за ценой, так как в случае подорожания их продукции, конкуренты из США могли отвоевать значительную часть аравийского рынка керосина. Местное население при покупке керосина ориентировалось не на его качество, а на стоимость, что объяснялось низким уровнем жизни жителей Хиджаза.

Большим спросом в регионе пользовались пшеница и мука. Только в Джидду ежегодно ввозилось от 500 до 600 тыс. мешков пшеницы (8 пудов) и более 40 тыс. мешков муки. Практически вся пшеница в Джидду поступала из Индии (400 тыс. мешков), Басры (100 тыс. мешков), Сирии. В поставках муки также доминировала Индия (около 40 тыс. мешков) [12, с. 10]. Россия в 1905 г. смогла ввезти всего 200 мешков муки для одного греческого торговца, имевшего в Джидде самую крупную пекарню. Он не вступал в контакты с российскими производителями непосредственно, приобретая

муку на пароходе в порту. Российская мука поступала в Джидду из России напрямую или из Бушира, когда после не реализации части продукции в Персии она направлялась в Стамбул.

Российская мука при ее превосходном качестве проигрывала индийской продукции в главном для местного рынка. Мешок (80 кг) российской муки стоил 12 руб. 80 коп., а мешок индийской муки (75–80 кг) стоил от 8 руб. до 9 руб. 60 коп. По сведениям российского консула, в Джидде, в Хиджазе не умели готовить хороший хлеб. Продукция из муки высшего сорта ничем не отличалась от хлеба, приготовленного из муки низших сортов [12, с. 10]. Поэтому все конкурентные преимущества российской муки на местном рынке нивелировались. Тем не менее, М. Никольский полагал, что предпринимателям их России следовало предпринять усилия по налаживанию экспорта в Хиджаз пшеницы, которая в отличии от муки хорошо хранилась и могла выдержать длительную перевозку к удаленным населенным пунктам Аравии.

Большим спросом в Хиджазе пользовался сахар, поступавший в регион из Египта и Индии. Все попытки организации продажи российского сахара в Джидде не увенчались успехов из-за нерасторопности сахарозаводчиков России. В тоже время, «Русское общество пароходства и торговли» контролировала значительную часть перевозок сахара в Хиджаз [12, с. 12]. Россия не смогла наладить поставки в Хиджаз лесоматериалов, отдав этот рынок полностью на откуп Голландской Индии и Австро-Венгрии. По мнению М. Никольского, Россия вполне могла организовать ввоз в Хиджаз сахара и лесоматериалов, отвоевав часть аравийского рынка для собственной продукции. Тем более ее возможности в торговле с Хиджазом другими товарами были весьма ограниченными. Россия не могла конкурировать с европейскими государствами в поставках в регион текстиля, обуви, изделий из металла, продовольствия. Некоторым исключение стал ввоз из России в Джидду чая. Правда, его в регион завозили паломники, направлявшиеся в Мекку, а не коммерсанты [12, с. 14].

Вывоз товаров из Хиджаза не имел значительных размеров, в виду бедности региона и не развитости его экономики. В небольших объемах из Хиджаза экспортировались кожа и перламутр. Россия практически ничего не вывозила из Хиджаза, за исключением товаров, приобретенных паломниками на местных рынках.

Разрушает внешнеэкономические связи Басры с европейскими государствами и Индией вступление в Первую мировую войну Османской империи. 7–10 ноября 1914 г. город и его окрестности становятся ареной боевых столкновений британской армии с османским гарнизоном. 10 ноября 1914 г. англичане полностью заняли Басру. Такая же участь постигла Западную Аравию, где с 1916 г. развернулись боевые действия между восставшими арабскими племенами и турецкими войсками.

Источники и литература

1. Адамов А. Л. Ирак арабский. Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем. СПб.: Типография Главного управления уездов, 1912. 625 с.

2. Вывоз сахара в порты Персидского залива (донесение управляющего генеральным консульством в Бендер-Бушире Г. Овсеенко) //Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. I. СПб.: Товарищество Художественной печати, 1903. С. 3–34.

3. Донесение Управляющего Императорского Российского консульства в Бассоре / Донесения Императорских Российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. Вып. 42. СПб.: Типография В.Ф.Киршбаума, 1914. С. 52–56.

4. Наше обозрение // Торгово-промышленный Юг (Одесса). 1913. № 14. С. 35.

5. Наше обозрение // Торгово-промышленный Юг (Одесса). 1913. №19. С. 30.

6. От французского консула в Адене. Судоходство и торговля в порту Адена (Аравия) за фискальный год с 1 апреля 1899 г. по 31 марта 1900 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1901. №9. С. 506.

7. Очерк международной торговли в Персидском заливе (донесение драгомана генерального консульства в Тавризе П. Понафидина) // Сборник консульских донесений за 1900 г. Вып. II. СПб.: Товарищество Художественной печати 1900. С. 95–124.

8. Русская торговля в Месопотамии (из донесений управляющих: генеральным консульством в Багдаде А.Адамова и консульства в Бассоре А. Савинова) // Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. VI. СПб.: Товарищество Художественной печати 1903. С. 502–509.

9. Русская торговля в Турции (из доклада генерального консула в Константинополе П. Понафидина, читанного на русской торгово-промышленной плавучей выставке) // Сборник консульских донесений за 1910 г. Вып. II. СПб.: Товарищество Художественной печати, 1910. С. 93–123.

10. Статистический ежегодник России за 1913 г. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1914. 565 с.

11. Сертчелик С. Экспорт России в Турцию в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. 2005. №4. С. 119–131.

12. Торговля Геджаза (донесение управляющего консульства в Джидде М. Никольского) // Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. I. СПб.: Товарищество Художественной печати 1906. С. 3–17.

13. Финиковый сезон 1902 г. в Басре (донесение из донесений управляющих: генеральным консульством в Багдаде А. Адамова) // Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. III. СПб.: Товарищество Художественной печати 1903. С. 219–230.

References

1. Adamov A. L. Irak arabskii. Bassorskii vilaiet v ego proshlom i nastoyashchem *(Iraq Arabic. The Baszer wilayet in its past and present).* St.Perersburg: Typography of the General Directorate of Counties, 1912. 625 p. (In Russian).

2. Vyvoz sakhara v porty Persidskogo zaliva (donesenie upravlyayushchego general'nym konsul'stvom v Bender-Bushire G. Ovseenko) *(Export of sugar to the ports of the Persian Gulf (report by G. Ovseyenko, manager of the general consulate in Bandar Bashir)* // Sbornik konsul'skikh donesenii za 1903 g. Issue I. St.Perersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoi pechati, 1903. P. 3–34. (In Russian).

3. Donesenie Upravlyayushchego Imperatorskogo Rossiiskogo konsul'stva v Bassore / Doneseniya Imperatorskikh Rossiiskikh konsul'skikh predstavitelei za granitsei po torgovo-promyshlennym voprosam. Issue 42. St. Perersburg: V. F. Kirshbaum's printing office, 1914. P. 52–56. (In Russian).

4. Nashe obozrenie // Torgovo-promyshlennyi Yug (Odessa). 1913. No. 14. P. 35. (In Russian).

5. Nashe obozrenie (*Our review*) // Torgovo-promyshlennyi Yug (Odessa). 1913. №19. P. 30. (In Russian).

6. Ot frantsuzskogo konsula v Adene. Sudokhodstvo i torgovlya v portu Adena (Araviya) za fiskal'nyi god s 1 aprelya 1899 g. po 31 marta 1900 g. *(From the French consul in Aden. Shipping and trade in the port of Aden (Arabia) for the fiscal year from April 1, 1899 till March 31, 1900)* // Vestnik finansov, promyshlennosti i torgovli. 1901. No. 9. P. 506. (In Russian).

7. Ocherk mezhdunarodnoi torgovli v Persidskom zalive (donesenie dragomana general'nogo konsul'stva v Tavrize P. Ponafidina) *(Outline of International Trade in the Persian Gulf (the report of dragoman of the Consulate General in Tabriz P. Ponafidina)* // Sbornik konsul'skikh donesenii za 1900 g. Issue II. St. Perersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoi pechati 1900. P. 95–124. (In Russian).

8. Russkaya torgovlya v Mesopotamii (iz donesenii upravlyayushchikh: general'nym konsul'stvom v Bagdade A.Adamova i konsul'stva v Bassore A. Savinova) *(Russian trade in Mesopotamia (from the reports of the governors: the general consulate in Baghdad, A. Adamov and the consulate in Bassor A. Savinov)* // Sbornik konsul'skikh donesenii za 1903 g. Issue VI. St.Perersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoi pechati 1903. P. 502–509. (In Russian).

9. Russkaya torgovlya v Turtsii (iz doklada general'nogo konsula v Konstantinopole P.Ponafidina, chitannogo na russkoi torgovo-promyshlennoi plavuchei vystavke) *(Russian trade in Turkey (from the report of the Consul General in Constantinople P. Ponafidin, read at the Russian commercial and industrial floating exhibition)* // Sbornik konsul'skikh donesenii za 1910 g. Vyp. II. St. Perersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoi pechati, 1910. P.93-123. (In Russian).

10. Statisticheskii ezhegodnik Rossii za 1913 g. *(Statistical Yearbook of Russia of 1913).* St. Perersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD, 1914. 565 p. (In Russian).

11. Sertchelik S. Eksport Rossii v Turtsiyu v kontse XIX – nachale XX vv. *(The export of Russia to Turkey in the late XIX – early XX centuries)* // Voprosy istorii. 2005. No. 4. P. 119–131. (In Russian).

12. Torgovlya Gedzhaza (donesenie upravlyayushchego konsul'stva v Dzhidde M. Nikol'skogo) *(Trade of Gedjaz (the report of the manager of the consulate in Jeddah M. Nikolsky)* // Sbornik konsul'skikh donesenii za 1906 g. Issue I. St.Perersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoi pechati 1906. P. 3–17. (In Russian).

13. Finikovyi sezon 1902 g. v Basre (donesenie iz donesenii upravlyayushchikh: general'nym konsul'stvom v Bagdade A. Adamova) *(The date season of 1902 in Basra (report from the reports of the Governors: A. Adamov, General Consulate in Baghdad)* // Sbornik konsul'skikh donesenii za 1903 g. Issue III. St.Perersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoi pechati 1903. P. 219–230. (In Russian).

УДК 930.1 (470.6)

П. А. Кузьминов, Х. Б. Мамсиров, А. В. Венков

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIX ВЕКЕ

В статье анализируется либеральная историография северокавказских социальных отношений и их трансформация в 1860-х – 1870-х гг. Данная историографическая проблема все еще мало изучена, и авторы сделали успешную попытку в ее исследовании. Они определили и охарактеризовали 3 группы исследователей северокавказских общественных отношений: это офицеры Кавказской армии (К. Красницкий, Н. Ф. Грабовский, В. Масловский, Н. П. Тульчинский); горские офицеры и чиновники, посвятившие жизнь служению своим народам на ниве просвещения (А.-Г. Кешев, Д. Кодзоков, Б. Шаханов-Джанхотов); ученые-кавказоведы (В. Б. Пфаф, Ф. И. Леонтович, М. М. Ковалевский, Д. Я. Лавров, Я. В. Абрамов и др).

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, историография, либеральное направление, кавказоведение, социальные отношения, горцы.

P. A. Kuz'minov, Kh. B. Mamsirov, A. V. Venkov

THE LIBERAL HISTORIOGRAPHY OF NORTH CAUCASUS CLASS RELATIONS OF THE XIX CENTURY

The article analyzes the liberal historiography of the North Caucasian social relations and the transformation of these relations in the 1860s and 1870s. This historiographic problem is still poorly understood and the authors made a successful attempt in its study. They defined and characterized 3 groups of researchers of the North Caucasus social relations: the officers of the Caucasian army (K. Krasnitsky, N. F. Grabovsky, V. Maslovsky, N. Tulchinsky); the officers-mountaineers and the school officials-mountaineers (A. G. Keshev, D. Kodzokov, B. Shakhanov-Dzhankhotov); Caucasians Studies researchers (V. B. Pfaf, F. I. Leontovich, M. M. Kovalevsky, D. Ya. Lavrov, Y. V. Abramov and others).

Key words: North Caucasus, Russia, historiography, liberal direction, Caucasian Studies, social relations, mountaineers.

Глубокий кризис феодально-крепостнической системы в России в первой половине XIX в. обусловил не только острые социально-экономические конфликты в обществе, рост протестных и революционных движений, но и способствовал кристаллизации идеологических позиций внутри научного сообщества, в связи с чем менялись подходы и тематика исторических исследований. Формирующиеся историографические школы, течения отстаивали «свои» методологические представления, но независимо от принадлежности к тому или иному кругу ученых, их объединяло обостренное внимание к жизни крестьян. Взаимоотношения крестьян с владельцами стали объектом пристального внимания как современников, так и последующих поколений дореволюционной России.

Эмансипация крепостных в России в 1861 г. не коснулась горских народов Северного Кавказа. Проблемой ограничения, а потом и ликвидации рабских и зависимых отношений власти занялись в середине 60-х годов XIX в. Объектом анализа стали работы либерального крыла науки, т.к. в них не только освещались официальные мероприятия правительства, но и критически анализировалась деятельность местной администрации, предлагались альтернативные варианты решения злободневных вопросов общественного развития, выяснялась специфика сословных отношений и их изменение в ходе реформ 60-х годов XIX в.

Не менее важен для современной истории науки сам процесс освоения проблематики социальных отношений. Введенный в научный оборот материал, получивший обобщенное звучание в концептуальных построениях авторов, стал ядром формирующегося кавказоведения – особого научного направления в

науке, исследующего процесс самопознания в изучении истории народов Кавказа, определил рост региональной истории [10, с. 5].

Концептуальные построения либеральной историографии известны: свобода личности, свобода собственности, свобода слова и др., но отнесение того или иного представителя исторической мысли к либеральной традиции зачастую представляет собой научную проблему. Либералами в строгом смысле слова многих из них признать затруднительно. Тем не менее, по ряду признаков, главным из которых является демонстрация уважения к человеческой свободе и достоинству, они могут быть причислены к либеральному паттерну [3, с. 778].

Особенности сословных отношений в горском социуме, построенные на непреложном авторитете старшего в семье, роде, ауле, казалось бы, напрочь отрицают свободу личности, а значит, не представляют интереса для либеральных подходов, но многочисленные работы кавказоведов этого течения свидетельствуют о пристальном внимании исследователей к жизни горцев.

К. Красницкий, освещая мероприятия кавказской администрации по ослаблению противоречий в Осетии, отметил, что выйти из ситуации острого социального конфликта было возможно путем создания раздельных поселений зависимых крестьян и феодалов в Дигории в начале 50-х гг. XIX в., но это еще сильнее «… разжигало между враждующими сторонами ненависть, готовую разрешиться страшной резней» [9, 25 апреля], поскольку не решало главной проблемы между враждующими сословиями, т.е. не давало свободу зависимым сословиям. Для решения вопроса создавались сословно-земельные комитеты и комиссии, предлагающие паллиативные решения. Но Красницкий не ограничился описанием их работы, а подверг анализу, вскрыл недостатки и упущения, и отметил плодотворную работу только двух: под председательством генерала барона Вревского в 1851 г. и подполковника Карякина в 1859 г. [9, 29 апреля]. Эти факты ценны тем, что автор сам был в течение двух лет «председателем комиссии по выяснению сословных и поземельных прав и отношений у осетин» [1, с. 28] и квалифицированно мог судить об истинном положении дел. Текст статьи наглядно отражает симпатии автора, который с радостью ждет время, когда будут ликвидированы зависимые отношения: «На счастье осетин подоспело новое время с новыми взглядами на вещи. … Нельзя не поздравить народ осетинский с этим счастливым исходом» [9, 2 мая]. Этой мыслью очерк заканчивается, и редакция газеты отметила, что окончание следует. Но завершение так и не появилось, поскольку статья предвосхищала будущие события.

Работая в сословно-поземельной комиссии под председательством И. В. Карякина, Красницкий в 1859 г. подготовил оригинальный проект решения сословного вопроса в Осетинском округе [21], который состоял из девяти разделов. В соответствии с правовым статусом все жители делятся, по его данным, на четыре разряда. Первые три – владельцы, старшины, черные свободные люди. В четвертый разряд он включил крепостных людей и холопов [21, л. 2]. Для облегчения жизни последних, Красницкий предложил «лишить права осетин 1-го и 2-го разрядов требовать платы от лиц прочих сословий ни прежде существовавших, ни личных повинностей, ни праздничных приношений» [21, л. 2 об.], что де-факто означало уничтожение формы зависимости населения от владельческой верхушки. Но радикальное предложение ограничено примечанием 1 к § 16, где автор проекта подчеркнул, что «каждый имеющий средства по обычаям имеет право владеть холопами, и лишить осетин этого права, без соблюдения постепенности, преждевременно» [21, л. 3].

Желание освободить зависимых, столкнувшись с правом собственности на движимое и недвижимое имущество, бесславно проиграло в гипотетической конструкции автора. Собственность – священная «корова» либерализма, отсюда отступление автора от первоначальной заявки. Интересно предложение автора выкупить у владельцев крепостных крестьян с помощью государства. Представленный проект в ряде пунктов сливается с «Проектом правил о выкупе крепостных людей у туземцев Кубанской области», озвученный начальником Кубанской области графом Н. И. Евдокимовым [20, л. 100–114], но тогда же раскритикованный коллежским советником Сухаревым [20, л. 128].

Низкое качество публикаций представителей официально-охранительного течения о крестьянской реформе у горцев заставило Н. Ф. Грабовского взяться за перо. «В настоящей статье, – пишет исследователь, – я намерен изложить теперешнее материальное положение освобожденных в сравнении с прошлым по имеющимся фактическим данным. … Считаю, это тем более необходимым, что г. Е. С-ва… [16] проходит совершенным молчанием имущественную сторону бывших крепостных» [2, с. 1]. На основании официальных данных

управления Кабардинского округа автор уточнил картину освобождения крестьян, привел данные о численности зависимых по Баксанскому, Черекскому, Малокабардинскому и Горскому участкам и отметил, что из «общего числа зависимых (21 221 чел.) было освобождено бесплатно 1 238 чел., за выкуп с рассрочкой до 6 лет – 9044 чел., за выкуп при освобождении по условиям 2 770 чел. (все – жители Горского участка), с оставлением в обязательной работе – 3 447 чел. и 4 722 чел. каракишей в Горском участке прекратили нести поземельную повинность в пользу таубиев, существовавшую до 1867 г.» [2, с. 2].

Использование материалов посреднических судов, которые фиксировали точные условия выкупа личности, позволило Грабовскому дать жесткую оценку мероприятиям правительства: положение освобожденных крестьян в горах надо признать катастрофическим. Грабовский не выявил зависимость экономики крестьянских хозяйств от существующих социально-экономических условий, в которых они оказались после крестьянской реформы, но исследование имущественного положения освобожденных и дифференцированный подход к проблеме – новые черты в историографии реформы [2, с. 5].

В том же «Сборнике» помещена статья, представляющая «отрывок из трудов Комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области» [14]. По мнению М. О. Косвена, автором статьи был член Терской сословно-поземельной комиссии В. Масловский [8, с. 238]. В ней обстоятельно освещена социальная структура кабардинского общества, рассмотрена иерархия привилегированных сословий и их роль в управлении народом, причем «… тираническая власть и высокое звание кабардинских князей не ограничивались пределами их родины» [14, с. 6]. Детальное знакомство со сложной системой социальных отношений в предреформенный период помогает лучше осознать те изменения, которые были сделаны в ходе перестройки социальных отношений в 60-е годы XIX в.

Среди многочисленных работ Н. П. Тульчинского особое место занимают статьи, опубликованные в газете «Казбек», которая по своему духу и идейной направленности вплотную подходила к демократическому решению ряда социальных вопросов. В опубликованных работах исследователь не только осветил особенности сословных отношений в северокавказском крае, но и негативно оценил действия администрации по освобождению зависимых, поскольку «давая свободу своим холопам, владельцы получали от них в виде выкупа 2/3 движимого и недвижимого имущества и деньгами за каждую душу от 16 до 50 лет, в горах – 200 руб. и в Кабарде – 250 руб.» [17, 18 мая]. Эти данные противоречат официальным утверждениям, что освобождение проводилось в основном по «правилам», и свидетельствуют о тех материальных трудностях, которые ложились на плечи крестьян при выплате установленной выкупной платы за получаемую свободу. Кропотливый труд по изучению всех заключённых крестьянами выкупных сделок дал возможность исследователю обобщить данные о количестве денег и имущества, перешедшего к владельцам Кабарды и Балкарии в ходе эмансипации крестьян: «215 горских владельцев получили с 3 888 д.об.п. 385 лошадей, 3 705 голов рогатого скота, 22 409 овец, 135 ослов, 1 мула, 8 каравашей (женщин-холопок. – Авт.), 6 казаков (мужчин-холопов. – *Авт.*), 12 2/3 зимовников, 5 1/2 амбара, 3 шашки, 1 медный таз, 2 места для домов и деньгами 231 325 рублей. 1 247 кабардинских владельцев получили с 9 627 зависимых 78 лошадей, 1 532 головы рогатого скота, 607 овец, 92 сапетки пчел, 31 ружье, 15 пистолетов, 26 медных котлов, 1 шашку и деньгами 1 175 747 руб.» [17, 18 мая]. Выполнив необходимые расчеты по определению стоимости полученного владельцами имущества, автор подытожил: «Горские владельцы (числом 215) получили с 3888 душ 1 518 344 рубля, что в среднем составляет 390 рублей, а кабардинские (числом 1247) получили с 9627 душ 1 203 989 руб., что в среднем составляет на крепостную душу 125 руб.» [17, 18 мая]. Эти цифры значительно точнее тех, которые привел Н. Грабовский сразу же после проведения реформы, делавший выборку данных об имущественном положении освобожденных крестьян в том же управлении Кабардинского округа. Горские привилегированные классы, обобщает приведенные данные исследователь, составлявшие 14,7 % общего числа владельцев, вместе с Кабардой, взяли 55,8 % общего выкупного капитала, тогда как в Кабарде 85,3 % владельцев получили 44,2 % общего капитала. Данные Тульчинского интересны и с другой стороны. Во-первых, удивляет небольшая численность скота, перешедшего к владельцам (9627 чел. отдали 2217 голов, то есть каждый четвертый); во-вторых, большое количество денег в руках зависимого крестьянства (всего 1 175 747 руб. или по 122 рубля на каждого); в-третьих, исследователь не указал, сколько крестьян заплатили налич-

ными, а сколько обязались отработать в хозяйстве владельца. Эти сведения подчеркивают высокую себестоимость труда в Кабарде и Балкарии и выявляют особенность освобождения зависимых. С другой стороны, они развенчивают утверждения «охранителей» о якобы необременительных условиях освобождения.

Тульчинский не ограничился констатацией фактов тяжелого экономического положения освобожденных горцев, а провел сравнительный анализ с положением освобожденных крестьян в России, что дало ему право утверждать: «несомненно … здешние крепостные при своем освобождении находились в неизмеримо худших условиях, чем русские крестьяне» [19, 25 марта]. Положение о грабительском характере крестьянской реформы прочно вошло в работы советских кавказоведов.

Северокавказская интеллигенция второй половины XIX в., интеллектуально и эмоционально переживающая драму своей интеллигентской маргинальности после завершения Кавказской войны и насильственной адаптации региона к российским реалиям, стремилась обрести национальную «почву», пыталась понять свой народ. Они стремились совместить европейские формы жизни с сохранением национальной специфики местных культур, ставили вопрос не только о преодолении архаичных традиций, но и предлагали не забывать накопленный тысячелетиями опыт жизнедеятельности народов Кавказа.

Реализация программы «европеизации» как формы приобщения к иным общественным отношениям требовала изучения этнического облика горских народов, их фольклора, этнографии, истории. К этому призывала и немало для этого делала кавказская администрация. Совпадение векторов деятельности формирующейся горской интеллигенции с потребностями государства определило вехи развития кавказоведения во второй половине XIX в.

В 1863 г. вместо многочисленных комитетов и комиссий, изучающих общественные отношения у народов Терской области, была создана Комиссия по разбору личных и поземельных прав жителей Терской области, на которую кавказская администрация возложила задачу подготовки и проведения аграрно-крестьянской реформы. Председателем комиссии был назначен выпускник Московского университета, один из образованнейших людей Кавказа, чиновник особых поручений при наместнике Кавказа, кабардинский просветитель Д. С. Кодзоков. У него нет опубликованных работ, освещающих историю сословных отношений в крае, но его «записки», «мнения», «отчеты» и другие материалы, являются не только ценными историческими источниками, но довольно полно раскрывают отношение автора к освобождению крестьян.

Взгляды Кодзокова о реформе неоднозначны. С одной стороны, он горячий сторонник ликвидации феодальных преимуществ в вопросе о землевладении, с другой – выступает за освобождение крестьян по обычаю, то есть с уплатой выкупа и передачей феодалам части движимого имущества.

Как представляется, дело здесь в том, что, получив воспитание в семье известных славянофилов Хомяковых, историческая концепция которых идеализировала общину, Кодзоков стал сторонником общинного землевладения, в котором видел, как и другие представители славянофильства, залог самобытного и счастливого существования народа. «Выкуп, – указывал он, – не может совершиться для всех одновременно, потребуются промежутки нескольких лет, такая постепенность способствует еще и тому, что владельцы будут застигнуты врасплох новым порядком и могут приспособить свой домашний быт к условиям наемного труда» [12, с. 109]. Это высказывание сближает его с крепостниками, против которых он так резко выступал в вопросе о землевладении в Кабарде. Возникает вопрос, почему известный либеральный общественный деятель Кавказа высказывает типичный консервативный взгляда?

Освобождение крестьян не по адату, по мнению просветителя, нарушило бы вековой уклад народной жизни, а это, в свою очередь, изменило бы самобытный путь народов. Вполне вероятно, что, как и в вопросе об общинном землепользовании, Кодзоков был солидарен со славянофилами и в крестьянском вопросе. В проектах славянофилов об освобождении крестьян указывалась необходимость введения временнообязанных отношений как переходного периода, а выкуп крестьян на волю должен явиться источником средств для перестройки помещичьего хозяйства. «Вся линия славянофилов в определении размера выкупной суммы направлена на обоснование максимальных платежей в пользу помещиков» [4, с. 391].

1 октября 1866 г. наместник Кавказа великий князь Михаил приказал начальнику Терской области немедленно приступить к освобождению крестьян в Кабардинском округе, «сообразуясь с желанием населения края». 18 ноября в укрепление Нальчик были приглашены представители всех аулов Кабарды и Балкарии. Открыл собрание начальник области гене-

рал-адъютант М. Т. Лорис-Меликов. При стечении большого количества людей был отслужен торжественный молебен в церкви и мечети и объявлено предписание Его Императорского Высочества Михаила Николаевича о начале освобождения зависимых сословий.

С этой даты начались практические мероприятия администрации по освобождению зависимых сословий в Терской области. Ко второй годовщине этого события газета «Терские ведомости» поместила обширную статью [13], автор которой решил остаться неизвестным. Ряд косвенных фактов дают нам основание предположить, что ее автором был редактор неофициальной части «Терских ведомостей», видный адыгский общественный деятель и просветитель А.-Г. Кешев [11, с. 28].

Рассматривая социальные отношения в дореформенной Кабарде, автор подробно осветил жизнь бесправных унаутов Кабарды, которые фактически были на положении рабов. Тем не менее «… в патриархальном быту горцев не могли выработаться те унизительные для достоинства человека понятия об исключительном положении несвободных людей, какие слагались в более развитых обществах» [13, 11 ноября]. В этих словах слышится открытая критика крепостнических порядков, еще недавно царивших в России. Несколько лучшее положение зависимых в Кабарде, чем в России, не являлось отражением более мягкого отношения владельцев к своим крестьянам, причины такого положения автор видел в другом – в отстаивании ими своих прав: «… значительное по численности сословие крепостных людей не могло не выгородить себя путем непрерывной борьбы, хотя частично и пассивной, некоторых облегчений и лежавших на нем их обязанностях» [13, 11 ноября]. В данном случае автор имел ввиду те нормы адата, которые защищали некоторые права этой категории населения.

В статье приведены условия освобождения различных категорий крестьян по обычному праву и по правилам, утвержденным администрацией. Последние были несколько легче, чем по адату. Это позволило автору утверждать, что «крестьяне охотно заключали договоры с владельцами» [13, 23 декабря]. Как заметил автор в начале статьи, он не был причастен к проведению реформы, поэтому, вероятно, не знал, что практически все крестьяне Кабарды были освобождены по адату.

В очерке, как и во многих других статьях того времени, проводилась мысль о сотрудничестве всех сословий в период проведения реформы и отсутствии социальных конфликтов. Ярким показателем содружества сословий в проведении реформы, по мнению автора, является незначительный срок, в который мировые посреднические суды закончили свою работу. В частности, в Кабарде с 18 ноября 1866 г. по 15 марта 1867 г. освободили 21221 чел., в Осетии освободили 1445 душ обоего пола. На Кумыкской плоскости с 15 января 1867 г. по 14 июля – 932 чел.; в Чеченском округе с 17 апреля по 15 мая 1867 г. – 338 чел., в Ингушском – 35 чел., в Нагорном – пять [13, 26 февраля].

Идейно близок к этой статье очерк А.-Г. Кешева [6] «На холме», в котором рисуя картины социального неравенства в горском обществе, автор призывает освободить крестьян на волю за справедливый выкуп, и тогда крестьяне заживут счастливо [6, с. 228]. То есть это типичный либеральный подход к острой проблеме современности.

Известным представителем либеральной просветительской мысли в Осетии второй половины XIX в. был Инал Кануков, оставивший заметный след в истории культуры своего народа. В статье «Горцы-переселенцы» [5], анализируя причины переселения горцев Северного Кавказа в Турцию, Кануков связал их с социальным положением инициаторов переселения. Узнав о мероприятиях администрации по подготовке освобождения зависимых сословий, высшие сословия делали все, чтобы уйти в Турцию, где надеялись сохранить свои права над холопами. Но, когда была проведена реформа и освобождены их холопы, они почти перестали думать о переселении: «… теперь обстоятельства жизни с освобождением крестьян, – подчеркнул просветитель, – этих даровых рук, на которые все заботы семьи (алдаров) слагались, переменились» [5, с. 72].

Басият Шаханов-Джанхотов – известный балкарский общественный деятель конца XIX – начала XX в., был возмущен предложением Н. П. Тульчинского конфисковать земли, полученные таубиями за освобождение зависимых крестьян. «Отчуждение это, – апеллировал автор статьи, – явится актом крайней несправедливости, если произойдет без всякого вознаграждения её теперешних владельцев» [22, 17 октября]. Обращаясь к данным, приведенным Тульчинским, он заметил, что из полутора миллионов рублей, полученных балкарскими феодалами, около миллиона составила стоимость перешедшей к ним земли: «Что же бы вышло, если бы теперь эти земли признать общественными? Не явилось бы это равносильным принудительному освобождению зависимых

классов почти без вознаграждения их владельцев? Считает ли эту меру г. Тульчинский отвечающей требованиям справедливости?» [22, 17 октября]. Тульчинский не оставил этот вопрос без ответа, заявив, что, действительно это было бы справедливым решением: «Ведь и в этом случае за каждого освобожденного балкарские феодалы получили бы по 130 руб., в то время как в Кабарде в среднем 125 руб., а в других районах еще меньше» [18, 10 ноября].

В отличие от первых двух исследовательских подходов, основанных на эмпирическом сборе документальных материалов, ученые-кавказоведы ставили, как правило, теоретические вопросы возникновения социального неравенства в горских патриархальных обществах [15], доминирования Кабарды среди народов Центрального Кавказа [7] и др.

Активный сторонник концепции однотипного развития народов мира, Ковалевский и в вопросе формирования феодальных отношений у горцев последовательно отстаивает эти положения. Отсюда его заявление, что «по самой своей природе крепостное право всюду проявлялось в одинаковых формах и вело к возникновению одинаковых прав и одинаковых обязательств». В качестве примера он привел Северо-Восточный Кавказ, где «положение крепостных в Дагестане представляло много общих черт с тем, какое мы встречаем на Западе в средневековую эпоху и в России четверть века назад» [7, с. 229]. При таком подходе особенности социальной стратификации у горцев нивелируются, а нормы обычного права подтверждают только положения схемы исследователя, а не реальные отношения.

Анализ историографических источников позволяет утверждать, что проблематика дореволюционных либеральных исследований, анализирующих особенности социальных изменений на Северном Кавказе была обусловлена различными факторами. Во-первых, событиями, происходившими в регионе; во-вторых, уровнем развития отечественного кавказоведения; в-третьих, вниманием российского общества к жизни горцев; в-четвертых, внутренней культурой автора и др.

Либеральное течение в кавказоведении представительно. Глубокие изменения в общественной и экономической жизни народов Кавказа, обусловившие размежевание общества в политической и идеологической сфере, определили характер и структуру теоретических построений историков данного течения, что, в свою очередь, отразилось на качестве исследований. Заметно расширилась проблематика затрагиваемых вопросов о качестве социальных отношений в первой половине XIX в., эмансипации зависимых сословий, привлечены новые источники, которые позволили сделать ряд интересных обобщений. Именно эта сторона их деятельности имела наибольшее значение для развития кавказоведения.

Источники и литература

1. Васильева Л. М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века. Историографический очерк. Орджоникидзе: Ир, 1975. 174 с.

2. Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горца (далее – ССКГ). Вып. 3. Отд. I. Тифлис: [б.и.], 1870 С. 1–27.

3. Журтова А. А., Кузьминов П. А., Коновалов А. А., Муратова Е. Г. Проблема российско-кавказского исторического взаимодействия в отечественной либеральной историографии конца XVIII–XIX вв. // Былые годы, 2017. Том 45. Выпуск 3. С. 776–784.

4. История русской экономической мысли. В 2 т. М.: Мысль, 1958. Т. 1. 627 с.

5. Кануков И. Горцы-переселенцы // Сочинения. Орджоникидзе: Ир, 1963. С. 48–65.

6. Кешев А.-Г. На холме // Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 69–91.

7. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1890. Т. 1. 290 с.; Т. 2. 304 с.

8. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Т.2. М.: АН СССР, 1958. С.140–274.

9. Красницкий К. Кое-что об осетинском округе и о правах туземцев его // Кавказ. 1865. 25 апреля

10. Кузьминов П. А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13–14 октября 2005 г.). Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2006. С. 5–34.

11. Кузьминов П. А. К вопросу об идентификации статьи А.-Г. Кешева // Роль национального языка и культуры в формировании и развитии личности. Нальчик: Институт, усовершенствования учителей, 1993. С.26–28.

12. Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 178 с.

13. Освобождение крестьян, 1868, 1869 – Освобождение крестьян в туземном населении Терской области // Терские ведомости. 1868. 11 ноября, 25 ноября, 2 декабря, 16 декабря, 23 декабря; 1869, 8 января, 26 февраля.

14. Привилегированные сословия Кабардинского округа // ССКГ. Вып. 3. Отд. 1. Тифлис: [б.и.], 1870. С. 1–12.

15. Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССКГ. Тифлис: [б.и.], 1871–1872. Т. 1. С. 179–220. Тифлис: [б.и.], 1872. Т. 2. С. 258–325.

16. С…в Е. Крепостные в Кабарде и их освобождение // ССКГ. Вып. 1. Отд. VIII. Тифлис: [б.и.], 1868. С. 15–36.

17. Тульчинский Н. П. Кабарда // Казбек. 1899. 18 мая, 19 мая, 21 мая.

18. Тульчинский Н. П. Мой ответ г. Шаханову-Джанхотову // Казбек. 1899. 7 ноября, 10 ноября, 11 ноября, 12 ноября.
19. Тульчинский Н. П. К сословному вопросу туземцев Северного Кавказа // Терские ведомости. 1901. 25 марта.
20. Центральный государственный архив Республики Кабардино-Балкария. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 23. Л. 100–114.
21. Центральный государственный архив Республик Северная Осетия-Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–30.
22. Шаханов-Джанхотов Б. Этюды из туземной жизни // Казбек. 1899. 17 октября

References

1. Vasil'eva L. M. Problemy istorii Osetii v russkoi nauke XIX veka. Istoriograficheskii ocherk *(Problems of the history of Ossetia in n science of the XIX century. Historiographical sketch).* Ordzhonikidze: Ir, 1975. 174 p. (In Russian).
2. Grabovskii N. F. Ekonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimykh soslovii Kabardinskogo okruga *(Economic situation of the former dependent classes of the Kabardinsky district)* // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsah. Issue 3. Division I. Tiflis, 1870. P. 1–27. (In Russian).
3. Zhurtova A. A., Kuz'minov P. A., Konovalov A. A., Muratova E. G. Problema rossiisko-kavkazskogo istoricheskogo vzaimodeistviya v otechestvennoi liberal'noi istoriografii kontsa XVIII–XIX vv. *(The problem of Russian-Caucasian historical interaction in the domestic liberal historiography of the late XVIII–XIX centuries)* // Bylye Gody, 2017. Vol. 45. Issue 3. P. 776–784. (In Russian).
4. Istoriya russkoi ekonomicheskoi mysli *(History of Russian economic thought).* In 2 Vols. Vol. 1. Moscow: Mosl, 1958. 627 p. (In Russian).
5. Kanukov I. Gortsy-pereselentsy *(Mountaineers-settlers)* // Works. Ordzhonikidze: Ir, 1963. P. 48–65. (In Russian).
6. Keshev A.-G. Na kholme *(On the Hill)* // Selected Works. Nal'chik: El'brus, 1976. P. 69–91. (In Russian).
7. Kovalevskii M. M. Zakon i obychai na Kavkaze *(Law and custom in the Caucasus).* Vol. 1. Moscow: A. I. Mamontov printing office, 1890. 290 p.; Volume 2. 304 p. (In Russian).
8. Kosven M. O. Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke *(Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science)* // Caucasian ethnographic collection. Moscow: SA USSR, 1958. Vol. 2. P.140-274. (In Russian).
9. Krasnitskii K. Koe-chto ob osetinskom okruge i o pravakh tuzemtsev ego *(Something about the Ossetian district and the rights of its natives)* // Kavkaz. 1865. April 25. (In Russian).
10. Kuz'minov P. A. Kavkazovedenie na grani vekov *(Caucasus Studies on the Edge of Ages)* // Kavkazovedenie: opyt issledovanij. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Vladikavkaz, 13–14 oktjabrja 2005 g.) Vladikavkaz: V. Gassiev's printing house, 2006. P. 5–34. (In Russian).
11. Kuz'minov P. A. K voprosu ob identifikatsii stat'i A.-G. Kesheva *(On the identification of the article A.-G. Keshev)* // Rol' natsional'nogo yazyka i kul'tury v formirovanii i razvitii lichnosti. Nal'chik: Institute for the Improvement of Teachers, 1993. P. 26–28. (In Russian).
12. Kumykov T. Kh. Dmitrii Kodzokov *(Dmitry Kodzokov).* Nal'chik: El'brus, 1985. 178 p. (In Russian).
13. Osvobozhdenie krest'yan v tuzemnom naselenii Terskoi oblasti *(Emancipation of peasants in the native population of the Terek region)* // Terskiye vedomosti. 1868. November 11, November 25, December 2, December 16, December 23; 1869, January 8, February 26. (In Russian).
14. Privilegirovannye sosloviya Kabardinskogo okruga *(Privileged estates of the Kabarda district)* // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsah. 1870. Issue 3. Dep. 1. P. 1–12. (In Russian).
15. Pfaf V. B. Narodnoe pravo osetin *(People's right of Ossetians)* // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsah. Tiflis, 1871–1872. Vol. 1. P. 179–220. Tiflis, 1872. Volume 2. P. 258–325. (In Russian).
16. S…v E., 1868 – S…v E. Krepostnye v Kabarde i ikh osvobozhdenie *(Serfs in Kabarda and their liberation)* // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsah. Issue. 1. Tiflis, 1868. P.15–36. (In Russian).
17. Tul'chinskii N. P. Kabarda *(Kabarda)* // Kazbek. 1899. May 18, May 19, May 21. (In Russian).
18. Tul'chinskii N. P. Moi otvet g. Shakhanovu-Dzhankhotovu *(My answer to Mr. Shakhanov-Dzhanhotov)* // Kazbek. 1899. November 7, November 10, November 11, November 12. (In Russian).
19. Tul'chinskii N. P. K soslovnomu voprosu tuzemtsev Severnogo Kavkaza *(To the class question of the natives of the North Caucasus)* // Terskiye vedomosti. 1901. 25 March. (In Russian).
20. TsGA KBR *(Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic)*. F.P-1209. Inv. 7. Case 23. Sheets 100–114. (In Russian).
21. TsGA RSO-A *(Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania)*. F. 291. Inv. 1. Case 25. Sheets 1–30. (In Russian).
22. Shakhanov-Dzhankhotov B. Etyudy iz tuzemnoi zhizni *(Etudes from the native life)* // Kazbek. 1899. October 17. (In Russian).

УДК 947

П. Г. Култышев

ВЕСНА 1917 ГОДА В РОССИИ: РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭЙФОРИЯ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСИЛИЕ КАК МАРКЕРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК

В статье рассматриваются особенности и содержание революционной эйфории и революционного насилия в России в период весны 1917 года. Данные показатели во многом составили реакцию российского общества на свершившиеся события и стали определяющими для дальнейшей истории 1917 года. Эмоциональная окраска российского общества накануне 1917 года заключала в себе различные показатели деструктивного начала, усугубляемые сложным политическим фоном и тяжёлым финансовым положением обычных людей. Для массовых настроений весны 1917 года были характерны завышенные ожидания и крайняя степень активности. Крах завышенных ожиданий от свершившихся перемен и активность масс в самых различных направлениях грозили тяжелым разочарованием, сопровождаемым актами немотивированного насилия. Объектами насилия выступали не только отдельные граждане, не принявшие новых перемен, но и приметы старого мира, символы свергнутого режима. Борьба с прошлым, поиск врагов и эмоциональная нестабильность людских масс приводили к погромам и грабежу. Более того, общественные настроения и поведенческие практики данного периода характеризовались явной амбивалентностью и дихотомией, проявлявшейся в тяге к разрушению и самоорганизации.

Ключевые слова: 1917 год, революция, насилие, эйфория, настроения, поведение.

P. G. Kultyshev

THE SPRING OF 1917 IN RUSSIA: REVOLUTIONARY EUPHORIA AND REVOLUTIONARY VIOLENCE AS MARKERS OF PUBLIC SENTIMENT AND BEHAVIORAL PRACTICES

The article examines the features and content of revolutionary euphoria and revolutionary violence in Russia during the spring of 1917. These indicators largely formed the reaction of Russian society to the events that took place and became decisive for the further history of 1917. The emotional coloring of Russian society on the eve of 1917 contained various indicators of the destructive beginning, aggravated by the complex political background and heavy financial situation of ordinary people. For the mass moods of the spring of 1917, high expectations and an extreme degree of activity were characteristic. The collapse of the inflated expectations of the changes that have taken place and the activity of the masses in various directions threatened with heavy disappointment, accompanied by acts of unmotivated violence. The objects of violence were not only individual citizens who did not accept new changes, but also signs of the old world, symbols of the overthrown regime. The struggle with the past, the search for enemies and the emotional instability of the masses led to disorder and robbery. Moreover, the public moods and behavioral practices of this period were characterized by obvious ambivalence and dichotomy, manifested in the craving for destruction and self-organization.

Key words: 1917, revolution, violence, euphoria, sentiment, behavior.

Русская революция 1917 года является одним из самых значимых событий в отечественной и мировой истории. Долгое время в российской историографии революционные события 1917 года рассматривали только через призму советской исторической школы, но в связи с известными геополитическими и идеологическими переменами претерпели изменения и взгляды историков. К настоящему моменту особой актуальностью обладают темы, затрагивающие вопросы массовых настроений и поведенческих реакций людей прошлого, оказавшихся

в самых различных экстремальных ситуациях и ставших звеньями кардинальных перемен не только в плане социально-политического устройства постреволюционного общества и государства, но и мировоззренческого перерождения человека.

В современной отечественной историографии данная проблематика начала активно разрабатываться с 90-х гг. XX века. Одним из первых кто обратил внимание на особенности массовых настроений и моделей поведения в условиях революционного кризиса стал В. П. Булдаков. Его ключевая работа – «Красная смута: природа и последствия революционного насилия» – сразу же вызвала массу различных откликов и обрела статус знаковой книги по русской революции 1917 года [4]. А спустя несколько лет, в 2010 году, работа В. П. Булдакова вышла в переработанном и дополненном варианте [5]. В своём труде автор широко использует понятийный аппарат теории модернизации, но важным для него являются не макропоказатели страны, а столкновение традиционного и модернистского в поведении и сознании «людей второго плана». Данный акцент послужил отправной точкой для исследований, объектом научных интересов которых стал «маленький человек» со своими страстями, страхами, переживаниями и отношением к власти. В смежной проблематике написана работа и Б. И. Колоницкого [10]. В своём труде автор обращает внимание на особенности политической культуры России в революционный период. Важным для Б. И. Колоницкого стало изучение конфликтов в российском обществе вокруг «старых» и «новых» символов власти и государства. В свое монографии автором заявлен тезис о том, что атмосфера революционного общества, «сложившаяся в стране после Февраля, стимулировала процесс создания новых политических символов» [10, с. 306]. Не менее важным с историографической и научной точки зрения является диссертация В. Б. Аксёнова, посвящённая повседневной жизни Москвы и Петрограда в 1917 году [1]. Данная работа убедительно раскрывает не только психологическую атмосферу, царящую в двух крупных очагах революции, но и демонстрирует причины эмоционального характера, позволившие большевикам так легко захватить власть в октябре 1917 года. Наличие данных работ позволяет говорить о том, что проблема поведения людских масс в условиях русской революции 1917 года вызывает постоянный интерес у отечественных исследователей и требует дальнейшего изучения.

Всякая революция как социально-политическое явление, начиная с английской буржуазной революции XVII века и заканчивая квазиреволюциями начала XXI века, несёт в себе мощный потенциал для смены ментального слоя в сознании людей и трансформации их поведения. Более того, каждая революция, являясь своеобразным механизмом для слома старого мира и построения нового, сублимирует в себе деструктивно-созидательное начало, которое способно пробудить в общественных массах сильное чувство эйфории, сопряжённое с завышенными ожиданиями от перемен и непримиримую борьбу с любыми проявлениями дореволюционной картины мира. Не избежала этого поворота и отечественная история, подарившая миру неповторимый опыт Русской революции 1917 года.

К концу 1916 – началу 1917 гг. Российская империя в её «человеческом» измерении переживала весьма сложный и опасный период. Общество было не довольно властями по причине затягивания войны и осложнения материального положения. Власть же не располагала необходимым объёмом общественного доверия и была не способна решить наиболее серьёзные проблемы государства. Всеобщее недовольство и раздражительность стали спутниками общественных настроений того времени. В одном письме, чётко отразившем переживания людей, значатся следующие строки: «… жизнь в России очень тяжёлая по улицам так и видно что люди всё ждут чего-то небывало страшного, струны так натянуты, что стоит только ветерку прикоснуться и они все лопнут» [7, л. 238.]. Другой современник описываемых событий позже вспоминал, что люди «выглядели озлобленными и угрюмыми. Они набивались в трамваи плотной массой, толкались и были готовы вцепиться друг другу в горло по малейшему поводу» [12, с. 36]. В записках армейского офицера, приехавшего в Петроград на время отпуска, значилась следующая запись: «Атмосфера в городе была какая-то нервозная. Всюду говорили как бы между прочим, что «через две недели будет революция». Но никто особенно не вникал в смысл этих слов» [6, с. 115]. Дополнительным и немаловажным фактором, усугублявшим атмосферу общего беспокойства, становились многочисленные слухи и бессилие властей. Более того, тень вины и пособничества в развязывании войны и обострении материального положения людей легла и на семью Николая II. Его мать и супруга обвинялись в немецком засилии и потворстве своим «братьям-немцам». Слухи, прино-

симые из города, говорили о фантастических, но правдивых, в глазах народа, представлениях о роли двух «немок». Эти представления об измене, проникшей в высшие круги власти, били по авторитету последней сильней, чем поражения на фронтах мировой войны. Массовая усталость от войны, нежелание мириться с безволием властей и раздражительность выливались в тусклые ожидания перемен, которые со временем приобретали всё более чёткие и бескомпромиссные очертания. К началу 1917 года всеобщее брожение в умах и чувство назревших перемен заставили 1 января 1917 года известного московского профессора истории М. М. Богословского записать в своём дневнике следующие слова: «Что-то даст нам наступивший год? Надо надеяться, что часть этого года будет мирной. А внутри? Всякие ползучие слухи отравляют меня и приводят в какое-то подавленное состояние. Все время ждешь, что вот-вот должна совершиться какая-то катастрофа» [2]. И катастрофа не замедлила себя долго ждать.

События конца февраля – начала марта 1917 года стали особой гранью отечественной истории и привели в движение силы, до селе дремавшие внутри русского человека. Первым эмоциональным откликом на свершившуюся революцию стало глубокое удивление и радость. Большинство авторов воспоминаний, дневников и писем с растерянным видом констатируют череду нахлынувших перемен и известий из Петрограда. Вопреки тому, что ощущение предстоящих изменений было весьма устойчивым, произошедшие события всё же воспринимались как нечто неожиданное и экстраординарное. Записи конца февраля – начала марта 1917 года полны восторженного оптимизма и искренней веры в скорое решение наиболее насущных проблем. Особенно обращает на себя внимание дневник офицера русской армии Иосифа Ильина, который 3 марта делает следующую запись: «Какое счастье, какая радость! – пишет Ильин, – Новое правительство! (…) Министры – вся эта банда, предатели и мерзавцы во главе со Штюрмером, Щегловитовым, Протопоповым и др. арестованы. Так досадно, так обидно не быть сейчас в Петрограде» [8, с. 190]. Те же, кто в эти дни находился в столице, были несколько иного мнения. Большая часть авторов, несмотря на сочувственное отношение к революции остерегалась выходить из квартир, сторонилась больших скоплений людей и скромно негодовала по поводу закрытых магазинов, неработающих учреждений и отсутствующего транспорта. Характерными в этом отношении являются воспоминания князя Н. Д. Жевахова: «Ни трамваев, ни извозчиков уже не было, и я с большим трудом вынужден был пробираться через толщу крайне возбуждённой и озлобленной толпы, собиравшейся на улицах, в разных частях столицы» [9, с. 56]. В автобиографии П. А. Сорокина также есть множество острых и ярких характеристик того, что происходило в Петрограде в конце февраля – начале марта 1917 года. Сорокин пишет в своих воспоминаниях о закрытом университете, о праздношатающихся толпах людей, о всеобщем волнении и ожидании перемен [14, с. 10–12]. Улицы столицы были наводнены солдатами и студентами, которые под красными полотнищами разъезжали на автомобилях и ликовали, празднуя победу революции: «И в Москве и в Петербурге население радуется и веселится, как на Пасху. Все буквально приветствуют новый режим и Республику. «Свобода! Священная свобода!» – кричат повсюду и воют песни» [14, с. 13]. Всеобщее счастье от произошедших перемен и чувство единения от сопричастности к великим делам захлестнуло улицы Петрограда и привело к формированию в сознании людей ярких позитивных эмоций и переживаний. Описывая своё эмоциональное состояние, Виктор Шкловский заметил: «Я был счастлив с этими толпами. Это была Пасха и весёлый масленичный наивный безалаберный рай» [15, с. 18]. В данной цитате более всего обращает на себя внимание сравнение революционных событий с одним из значимых христианских праздников. Отождествление Пасхи и Революции стало одним из главных лейтмотивов в мемуарном и поэтическом наследии русской интеллигенции и говорило, скорее всего, об ожиданиях воскрешения России после царского правления. Весьма любопытным в этом отношении является и то, что подобные ожидания абсолютно не соответствовали революционной действительности весны 1917 года и вполне могут быть охарактеризованы как завышенные и неоправданные. Однако, психологическая окраска подобных настроений проистекала не только от особенностей человеческого сознания, но и от словоохотливости политиков, обещавших не только политические свободы, но и нравственное перерождение общества. «Мы должны создать царство справедливости и правды», – заявлял с высокой трибуны А. Ф.Керенский, по-видимому, совершенно не отдавая себе отчёта в сказанных словах [13, с. 29].

Необыкновенным выглядит описание и того, что происходило вблизи Таврического дворца

и внутри самого здания в конце февраля 1917 года: «… вокруг Думы творилось нечто невообразимое. Вся улица перед дворцом была забита грузовыми автомобилями, полными солдат. Толпа стояла такая, что было трудно протиснуться. … туда несли всё: и захваченное на станции серебро, и пулемёты, и какие-то огромные несгораемые кассы, и ружья без конца, и ручные гранаты. Какие-то матросы принесли даже мину Уайтхеда» [3, с. 57]. Подобные описания неразберихи и паралича власти встречаются у многих современников и очевидцев событий рубежа февраля-марта 1917 года. Причиной народной активности было стойкое желание не быть безучастным по отношению к происходящим событиям и осознание важности момента. Более того, дополнительным фактором, обуславливающим инициативность людей, стал накопившийся за долгие годы нереализованный потенциал к самоорганизации и правотворчеству. В Петрограде стали стихийно возникать самые различные формы объединений, групп и комитетов, решавших самые различные вопросы: от пропитания скопившихся на улицах города солдат и рабочих до определения районов патрулирования. Подобная самоорганизации пугала и настораживала, но ещё больше заставляла волноваться масса людей, хлынувшая к Таврическому дворцу и заполнившая его коридоры и кабинеты. В воспоминаниях Сорокина, Шульгина и значительной части политической и научно-творческой интеллигенции нередко проскальзывает недоумение относительно того, с какой целью к Таврическому дворцу стягивались столь многочисленные толпы солдат, рабочих и прочей публики. Большое количество вооружённого народа пугало и вызывало самые невообразимые подозрения и страхи. Большинство современников не могли каким-либо логичным образом объяснить себе столь массовый наплыв людей к зданию Государственной Думы. Это, в свою очередь, порождало нервозную обстановку, усугубляло недоверие и создавало благоприятную атмосферу для быстрого политического роста, поскольку толпа, по своей природе, легко восприимчива, податлива и ведома за любым, кто силой слова или действия готов взять её под свой контроль, манипулируя ею в угоду своим интересам.

Вместе с этим, дополнительным отягощающим фактором происходящих событий стал разрастающийся по Петрограду погром магазинов, лавок, складов и прочих учреждений. Волна погромов на рубеже февраля-марта 1917 года стала первым тревожным сигналом к тому, что русская революция выйдет за рамки нескольких ружейных выстрелов и перерастёт в нечто более кровавое и разрушительное. Погромы февраля-марта 1917 года характеризовались и массовым уничтожением царской символики, которая выступала неким политическим раздражителем для разгоряченной публики и приводила людские массы в состояние неописуемого гнева и решительности. Уничтожение символов старой власти, растратившей кредит народного доверия, являлось своеобразной вещной фиксацией падения царизма. Живописную картину петроградского погрома рисует в своих воспоминаниях П. А. Сорокин: «Мы видели, что другие правительственные здания, в том числе и полицейские участки, также охвачены огнем, и никто не прилагал ни малейших усилий, чтобы погасить его. Лица смеющихся, танцующих и кричащих зевак выглядели демонически в красных отсветах пламени. Тут и там валялись резные деревянные изображения российского двуглавого орла, сорванные с правительственных зданий, и эти эмблемы империи летели в огонь по мере возбуждения толпы» [14, с. 10]. Однако, говоря о погроме как о своеобразной форме протеста, не стоит забывать и о чисто хулиганском и криминальном подтексте данного явления. В Москве и Петрограде погрому подвергались ювелирные магазины и продовольственные лавки, из которых пропадали наиболее ценные предметы роскоши и пропитания. Но наиболее привлекательными для толпы стали винные магазины, склады и аптеки. Тот же П. А. Сорокин с прискорбием и удивлением констатировал: «Дважды я натыкался на группы солдат и уличных бродяг, громивших винные магазины. Никто не пытался остановить их» [14, с. 10]. Толпа, заполучившая в свои руки разнообразную алкогольную продукцию, теряла всякий, даже минимальный самоконтроль, и превращалась в пугающую и нестабильную силу, наполненную энергией разрушения. Объектом насилия толпы могли стать не только символы былой власти или магазины с малодоступными товарами, но и люди заранее не побеспокоившиеся о прояснении своей гражданской позиции. Человек, не явивший заметного одобрения революционному процессу, сразу же вызывал недоверие. Здесь следует привести в пример один из таких случаев подозрения в «революционной несознательности», который вспоминает Иосиф Ильин: к нему с провокационными расспросами об отсутствии красных бантов на форме обратился в вызывающей манере один из уличных демагогов [8, с. 196]. В худшем

случае объект таких придирок и подозрений становился потенциальной целью для скорой расправы. Особую остроту этот конфликт приобрёл на базах Балтийского флота в Кронштадте и Гельсингфорсе, где промедление высшего командования с публикацией известий из Петрограда привело к непоправимым последствиям: за несколько мартовских дней там погибло более 50 морских офицеров, ставших жертвами матросского самосуда [11, с. 183]. Удивительным здесь кажется именно то, что массы людей тяготели к порядку и в тоже время стремились к насилию и разрушению. Данная дихотомия в эмоциональном настрое и общественных настроениях, усугубляемая слухами, подозрительностью и политической неопределённостью, расшатывала русское общество, приводя его в состояние крайнего беспокойства. Эмоциональная нестабильность и завышенные ожидания от свержения царской власти грозили обществу массовым разочарованием, фрустрацией в тех силах, которые оказались в марте 1917 года не гребне революционной волны.

Помимо солдат и рабочих главными действующими лицами революции 1917 года было и российское студенчество. Профессор М. М. Богословский и другие свидетели данных событий не раз в своих воспоминаниях и дневниках указывали на активную роль студентов и гимназистов в событиях весны 1917 года. Именно из среды студенчества создавалось некое подобие милиции, которая наравне с солдатами разъезжала по улицам крупных городов на автомобилях и броневиках. О надёжности этой «милиции» хорошо высказался в своём дневнике Иосиф Ильин: «Милиция образована главным образом из каких-то гимназистов, которые не хотят учиться, и уличных хулиганов» [8, с. 194]. Тот же М. М. Богословский, комментируя ситуацию в своём университете, пишет следующее: «Но студенты уже «завладели университетом», как они выражаются. Все новое здание занято помещением для милиции; туда свозят захваченных городовых и приставов. В старом здании также захвачена лаборатория проф. Гулевича» [2]. Активизация российского студенчества и свойственная данной группе оппозиционность и радикальность поддерживали в обществе бунтарские и хулиганские настроения.

Нарастание революционной эйфории и заострение гипертимности и демонстративности в поведении населения могут быть условно отнесены к концу марта – началу апреля 1917 года. Именно к этому времени в российском обществе всё более явными становятся протестные выступления против Временного правительства, именно к этому времени стала понятна бессмысленность жертв, именно в это время приходит стойкое осознание того, что революция не решила всех проблем. Последнее было особенно значимым, поскольку массовая фрустрация и приобщение к насилию, как к форме достижения цели, привели к подрыву морально-нравственных устоев и дезавуировали общественные табу самого разного характера.

Таким образом, анализ массовых настроений весны 1917 года позволяет говорить о том, что реакция общественности на революционные события была крайне амбивалентной. С одной стороны, свержение самодержавия и установление Временного правительства привели к формированию неоправданных, и во многом иллюзорных ожиданий позитивной окраски с ярко выраженной гипертимностью массовых настроений, а с другой стороны, сформировавшиеся переживания эйфории, характеризуемые безмятежностью, определённым чувством счастья и восторга от произошедших перемен, сливались в поведении людей с повышенной профессиональной, политической и личной активностью. Это нашло своё выражение в многочисленных политических инициативах и желании принять деятельное участие в данных событиях. Безмятежность массовой эйфории неминуемо трансформировалась в более опасную и непредсказуемую гипертимию. В тоже время, в массовом поведении и восприятии возникло и обострённо настороженное отношение к тем, кто оставался в стороне от всеобщего ликования и одобрения революционных перемен весны 1917 года. Массовое обострение акцентуаций подобного рода раскалывало революционное общество изнутри, выталкивая наружу радикализм во взглядах, импульсивность в решениях и жестокость в поступках.

С другой стороны, падение царского режима вызвало в массах нетерпимое отношение ко всему, что олицетворяло «старую Россию». Наслоение этих и других факторов привело к резкому и быстрому росту агрессивности и первых проявлений насилия. Революционное насилие весны 1917 года, как правило, сопровождалось вещной фиксацией падения царизма, что приобретало формы погромов и самосудов. При этом, для революционного насилия, творимого не отдельными людьми, а толпой, находящейся в измененном психическом состоянии, характерны были такие факторы: импульсивность, податливость, легковерие,

нетерпимость и изменчивость. Переплетаясь в разной степени и превалируя в поведении толпы в зависимости от различных обстоятельств, данные показатели приводили к расшатыванию морально-нравственных устоев общества и закрепляли в сознании людей губительные установки вседозволенности и безнаказанности.

Источники и литература

1. Аксёнов В. Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дисс. … канд. ист. наук. М.: МПГУ, 2002. 231 с.

2. Богословский М. М. Дневники (1913–1919). М.: Время, 2011. 797 с.: URL:http://az.lib.ru/b/bogoslowskij_m_m/text_1919_dnevniki.shtml (Дата обращения: 15.06.2017).

3. Бубликов А. А. Русская революция: впечатления и мысли очевидца и участника. М.: Кучково поле, 2016. 224 с.

4. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.

5. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.

6. «В Петрограде революция! Поздравляю, господа!..»: из воспоминаний Г. А. Римского-Корсакова // Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 115–126.

7. Государственной архив Ростовской области. Ф. 826. Оп. 1. Д. 405.

8. Ильин И. С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М.: Книжица: Русский путь, 2016. 480 с.

9. Князь Жевахов Н. Д. Воспоминания Товарища обер-прокурора Св. Синода. Первые шаги революции // Февраль 1917 глазами очевидцев. М.: АЙРИС-пресс, 2017. С. 55–69.

10. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПБ.: Лики России, 2012. 320 с.

11. Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.: Эксмо, М.: Яуза, СПб.: Якорь, 2017. 448 с.

12. Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914–1919. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 288 с.

13. Речи А. Ф. Керенского. Киев; [б.и.], 1917. 56 с.

14. Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография // Великая русская революция глазами интеллектуалов: Хрестоматия. М.: Научный эксперт, 2015. С. 7–38.

15. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. 320 с.

References

1. Aksjonov V. B. Povsednevnaja zhizn' Petrograda i Moskvy v 1917 godu: thesis. *(The daily life of Petrograd and Moscow in 1917)*. Moscow: MPSU Publ., 2002. 231 p.

2. Bogoslovskij M. M. Dnevniki (1913–1919): *(Diaries (1913–1919))*. Moscow: Vremja, 2011. 797 p.: URL:http://az.lib.ru/b/bogoslowskij_m_m/text_1919_dnevniki.shtml (Accessed: 15.06.2017).

3. Bublikov A. A. Russkaja revoljucija: vpechatlenija i mysli ochevidca i uchastnika *(The Russian Revolution: the impressions and thoughts of an eyewitness and participant)*. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 224 p.

4. Buldakov V. P. Krasnaja smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija *(Red distemper. The nature and consequences of revolutionary violence)*. Moscow: ROSSPJeN, 1997. 376 p.

5. Buldakov V. P. Krasnaja smuta: Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija *(Red revolt: The nature and consequences of revolutionary violence)*. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010. 967 p.

6. «V Petrograde revoljucija! Pozdravljaju, gospoda!..»: iz vospominanij G. A. Rimskogo-Korsakova // Rossija 1917 goda v jego-dokumentah: Vospominanija *(«In Petrograd, the revolution! Congratulations, gentlemen!..»: from memories of G. A. Rimsky-Korsakov)* // Russia of 1917 in ego-documents: Memoirs). Moscow: Politicheskaja jenciklopedija, 2015. P. 115–126.

7. State Archives of the Rostov Region (GARO). F. 826. Inv. 1. D. 405.

8. Il'in I. S. Skitanija russkogo oficera: Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920 *(Wanderings of a Russian officer: Joseph Ilyin's diary. 1914–1920)*. Moscow: Knizhica: Russkij put', 2016. 480 p.

9. Knjaz' Zhevahov N. D. Vospominanija Tovarishha ober-prokurora Sv. Sinoda. Pervye shagi revoljucii // Fevral' 1917 glazami ochevidcev *(Memoirs of the Comrade Procurator of the Holy Synod. The first steps of the revolution // February 1917 through the eyes of eyewitnesses)*. Moscow: AJRIS-press, 2017. P. 55-69.

10. Kolonickij B. I. Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoj kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda *(Symbols of power and the struggle for power: to study the political culture of the Russian revolution of 1917)*. St. Petersburg: Liki Rossii, 2012. 320 p.

11. Nazarenko K.B. Baltijskij flot v revoljucii. 1917–1918 gg. *(The Baltic Fleet in the Revolution. 1917–1918 years)*. Moscow: Jeksmo, Moscow: Jauza, SPb.: Jakor', 2017. 448 p.

12. Reden N. Skvoz' ad russkoj revoljucii. Vospominanija gardemarina. 1914–1919 *(Through the Hell of the Russian Revolution. Memories of a midshipman. 1914–1919)*. Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2006. 288 p.

13. Rechi A. F. Kerenskogo *(Speeches A. F. Kerensky)*. Kiev, 1917. 56 p.

14. Sorokin P. A. Dal'njaja doroga. Avtobiografija // Velikaja russkaja revoljucija glazami intellektualov: Hrestomatija *(Long road. Autobiography // The Great Russian Revolution through the Eyes of Intellectuals: Reader)*. Moscow: Nauchnyj jekspert, 2015. P. 7–38.

15. Shklovskij V. Sentimental'noe puteshestvie *(Sentimental journey)*. St. Petersburg: Izdatel'skij dom «Azbuka-klassika», 2008. 320 p.

УДК 591.5: 94(470.6) “18–19”

А. А. Лиховид, А. И. Сердюкова, В. А. Шальнев

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДЫ И ЖИВОТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДКАВКАЗЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В статье автор обращается к проблеме изучения животного населения и природы Предкавказья в XIX – начале XX вв. Исследование представляет собой пример междисциплинарного взаимодействия естественных и гуманитарных наук, что вполне соответствует современным тенденциям развития научного знания. Данная работа дает обзор работ в той или иной степени содержащих зоогеографические сведения о Предкавказье. Автор делит обозначенный хронологический период на два этапа. Спецификой первого периода стала активизация государства по всестороннему изучению кавказского края и составление преимущественно военно-топографических описаний, в контексте которых помещались сведения о зоогеографических особенностях. Содержание второго этапа определилось окончанием кавказской войны и началом «народной колонизации». Активная распашка земель стала фактором пристального внимания ученых к растительному миру естественных ценозов. Насущные потребности хозяйственного развития вскрыли скудость имеющихся зоогеографических сведений, военная мотивация в изучении Предкавказья сменилась экономической. С середины XIX в. стали изучаться различные элементы природы. Дифференциация научного знания в совокупности с практическими потребностями спровоцировала интерес не только государства, но и ученых географов, ботаников, зоологов к Предкавказью. Работы стали отличаться углублением специализации, вдумчивостью и большей фундаментальностью.

Ключевые слова: зоогеография, Предкавказье, история науки, интеллектуальная история, междисциплинарность.

A. A. Likhovid, A. I. Serdyukova, V. A. Shalnev

THE HISTORY OF THE STUDY OF NATURE AND ANIMAL POPULATION IN THE PRE-CAUCASUS IN THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

The article highlights the problem of studying the animal population and the nature of Ciscaucasia in the 19th – early 20th centuries. The study is an example of interdisciplinary interaction of natural and human sciences, which fully corresponds to the current trends in the development of scientific knowledge. The paper gives an overview of the works to some extent containing zoogeographical information about Ciscaucasia. The authors divides the indicated chronological period into two stages. A peculiar feature of the first period was the activation of the state in the comprehensive study of the Caucasus region and the compilation of predominantly military topographical descriptions, in the context of which information on zoogeographic features was placed. The content of the second stage was determined by the end of the Caucasian war and the beginning of “people’s colonization”. Active plowing of land has become a factor of scientists’ close attention to the plant world of natural cenoses. The pressing needs of economic development revealed the scarcity of the available zoogeographical information, the military motivation for the study of the Ciscaucasia was replaced by an economic one. From the middle of the XIX century different elements of nature began to be studied. The differentiation of scientific knowledge in combination with practical needs provoked the interest to Ciscaucasia not only on the part of the state, but also on the part of geographers, botanists, and zoologists. The works became more specified in specialization, thoughtfulness and fundamental basis.

Key words: zoogeography, Ciscaucasia, history of science, intellectual history, interdisciplinarity.

В современной науке обращение к становлению и развитию представлений о животном населении вызвано активным развитием исторической биогеографии. Изучение опыта предшественников дает возможность обобщить накопленные сведения, выявить сильные сто-

роны, проделанной работы, учесть сделанные ошибки и наметить перспективы для будущих исследований. Актуальность статьи основана на междисциплинарности как тренде развития современного научного знания. В этой связи историческое исследование существующих наработок по изучению географических условий Предкавказья вносит весомый вклад в создание базы для практической деятельности в области природопользования и охраны природы.

История геозоологии как самостоятельная научная отрасль оформилась в середине прошлого века. Российскими и зарубежными исследователями сформирован целый комплекс литературы, которая демонстрирует плодотворное междисциплинарное взаимодействие гуманитарного и естественнонаучного знаний. Изучение регионального опыта практик изучения животного мира и географических особенностей вписывается не только в историю геозоологии, но и такое направление исторической науки, как интеллектуальная история. Она позволяет выявить особенности формирования научных представлений о Предкавказье в конкретных исторических условиях.

В основе традиции изучения животного мира Центрального Предкавказья имеется много схожего с мировой практикой. Предложенный хронологический период логично делится на два этапа. Первый этап продолжался примерно до 1860-х годов, когда исследования преимущественно в интересах военного ведомства носили характер специальных рекогносцировочных работ. Второй, соответственно, ограничивается рамками с 1860-х гг. до начала XIX века.

В 1829–1830 гг. по инициативе генерала И. И. Дибича и под руководством Академии наук на Кавказ была направлена экспедиция «для сбора точных сведений о стране той в отношении к естественному положению и произведениям оной» [11]. В ее состав вошли видные ученые своего времени: академик А. Я. Купфер, физик Э. Х. Ленц, зоолог Э. П. Менетрие и ботаник К. А. Мейер.

В 1829 г. Эдуард Петрович Менетрие проводил зоологические исследования в верховьях реки Малки и окрестностях городов Пятигорска и Грозного. В 1832 г. он издал каталог, где, к примеру, приводит 205 видов птиц, наблюдавшихся им на Кавказе. В своей работе он впервые осуществил попытку охарактеризовать распространение животных на Кавказе. Его вклад в изучение фауны региона трудно переоценить, так как именно Э. П. Менетрие стал автором каталога, который имел статус первоисточника изучения животных региона.

В период с 1830 по 1843 гг. Предкавказье посетил ряд натуралистов. В 1830 г. Э. Н. Эверсман предпринял путешествие по Кавказу и провёл наблюдения в районе Кисловодска; 1835–1837 гг. ординарный профессор Императорского Харьковского университета И. Криницкий путешествовал в бассейнах рек Терека и Кубани; 1843 г. на Кубани побывал австрийский зоолог Ф. А. Коленати. В его работе, опубликованной в 1845 г. содержится много интересных сведений о птицах региона.

В 1850-х гг. Русское географическое общество совместно с Министерством государственных имуществ под руководством К. М. Бэра организовало экспедицию на Каспий для изучения его рыбных богатств. К. М. Бэр посетил Манычскую долину, интерес к которой был вызван в связи с предложениями соединения Черного и Каспийского морей через Маныч, и составил ее подробное описание.

В изучение Предкавказья в рассматриваемый период большой вклад внесли офицеры Генерального штаба. Их наследие трудно переоценить. Было проведено огромное количество топографических съемок, их наблюдения и собранные сведения обобщены в нескольких сериях военно-географических описаний. На современном этапе развития науки они востребованы широким кругом ученых.

С конца 1820-х гг. начались топографические съемки в предгорных районах, в частности в пределах Кавказских Минеральных Вод. Главной причиной стало активно развернувшееся изучение минеральных источников. Представитель Генерального штаба – полковник Озерский осуществлял общее руководство топографическими работами. В 1827–1828 годах им выполнен «План кавказских горячих серных источников с окрестным местоположением» в масштабе 50 сажен в английском дюйме [20]. В примечании зафиксировано состояние лесов и отмечаются случаи их уничтожения жителями ближайших станиц.

В 1832 году была сформирована особая рота топографов при Кавказском корпусе, что положило начало топографическим съемкам. В 1833–1835 гг. руководство ими осуществлял штабс-капитан Кламберг, работа проводилась в Пятигорском округе. В 1840-е гг. съемки проходили в районе Кисловодска и руководил ими поручик Горшков. В целом, работа велась различных районах Предкавказья [19]. На основании результатов съемок первой половины XIX в. была составлена карта Кавказского края, которая включала Предкавказье, Кроме того, топографические съемки первой половины XIX в.

легли в основу 10-верстного масштаба карты Кавказского края, включающую Предкавказье. Издали её в 1847 году, объем составил 21 лист.

Помимо проводимых топографических и картографических работ, Генеральный штаб активно собирал сведения и формировал военно-топографические описания губерний и областей Российской империи [2]. По сути своей это были сводки географических сведений. В 1812 г. полковник А. М. Буцковский составил «Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей» [10. Данный военный деятель является автором карты высокой степени точности. Согласно оценке Г. И. Танфильева она была первой примерно верной картой кавказского региона [25]. В данном труде мы находим поверхностное описание климата и его медицинскую характеристику. Подробно представлена гидрографическая сеть кавказского региона. Достаточно внимательно автор отнесся к почвам, лесам и главным лесообразующим породам.

Ценным источником стало обозрение Кавказской области из серии издания «Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты губерний, областей и военодств». Данный цикл представлял собой исследования, которые прилагались к картам соответствующей территории. Сведения о животном мире помещены в контекст данных о хозяйственной деятельности местного населения. Поэтому перечисляются виды промысловых зверей, птиц и рыб.

Наиболее полные обозрения третьей серии были составлены по детально разработанной программе. Описание Ставропольской губернии было составлено капитаном Генерального штаба Забудским [15]. В свой труд включил обширный географический материал. Описание Ставропольской возвышенности в контексте поднимаемой нами проблемы представляет наибольший интерес. «На описываемой нами плоскости – сообщает Забудский – горные хребты образовали несколько значительных высот, возвышающихся над всей местностью и которые служат как бы узлами всех возвышенностей, проходящих по губернии, они суть: Воровсколесские, Круглолесские и Темнолесские высоты» [15]. С точки зрения Н. П. Барбота де Марни [3] описание Забудского Ставропольской возвышенности наиболее детальное для той эпохи. Обратившись к работе, мы можем в этом убедиться. Подробно дано описаний лесов, степных участков, пахотных земель и других угодий Ставрополья.

Содержание второго этапа обозначенного в статье хронологического периода определилось двумя факторами. С одной стороны, резкий демографический рост в Предкавказье наблюдается во второй половине XIX в. С другой стороны, к концу столетия отмечается диссонанс между уровнем изученности природы Предкавказья и практическими потребностями. С началом интенсивного освоения природных богатств и активным развитием земледелия это расхождение становилось все более очевидным. Поэтому усиливалась тенденция, наметившаяся еще в первой половине XIX в. – стали активно изучаться отдельные элементы природы и формироваться специальные «тематические» изыскания, востребованный в практической хозяйственной деятельности. Данного подхода требовала логика развития научного знания в целом, а именно его дифференциация. Итак, развитие специализированных научных исследований – новый тренд в истории географического изучения района Предкавказья во второй половине XIX в.

В работу вовлекался ряд государственных научных учреждений, в том числе Геологический комитет, Академия наук, министерства. Помимо этого, большее значение стали иметь научные сообщества общественного характера – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Вольное Экономическое Общество, Московское общество испытателей природы. В географическое освоение Предкавказья большой вклад внес Кавказский отдел Императорского русского географического общества, организованный в 1851 г.

Начались геоморфологические, геологические, климатические, почвенные изыскания. Их отличали от предшествующих работ более вдумчивый характер и солидная научная основа, что позволяет их называть фундаментальными.

Нельзя не отметить в этом контексте историко-географический труд Д. Л. Иванова – «Влияние Русской колонизации на природу Ставропольского края» [16]. В нем автор представил читателю детальный анализ демографических изменений, новых явлений в хозяйственной деятельности и природе Центрального Предкавказья. В 1962 г. выдающий советский ученый А. Н. Формозов дал высокую оценку работе, проделанной дореволюционным исследователем: «История изменений природы Ставрополья, вызванных процессов его освоения, описана Д. Л. Ивановым (1886) с такой глубиной и блеском, что каждый биогеограф должен ознакомиться с этим замечательным произведением» [26].

В процессе исторической реконструкции изучения животного населения Предкавказья следует обратить внимание на историю исследования флоры и растительности региона. Хозяйственное освоение Предкавказья, распашка гигантских площадей целинных степей спровоцировали внимание ученых к растительному миру естественных ценозов. Ботанико-географические работы по Предкавказью во второй половине XIX в. носили, в основном, флористический характер, и лишь к концу столетия в отдельных из них большее развитие приобретает геоботаническое направление.

Ф. И. Рупрехт и Г. И. Радде собрали репрезентативный и обширный материал по растительности. Последний написал обобщающий труд по флоре Кавказа, в которой дал характеристики разнотипных степей. Геоботаническое обследование Центрального Предкавказья проводили А. П. Норман и А. Н. Краснов [17].

На основе трудов Н. Я. Динника, А. П. Нормана, К. Н. Россикова известный ученый академик В. И. Липский написал обобщающее исследование «Очерк растительности Предкавказья» [18]. В нем автор подчеркнул, что Предкавказье в ботаническом отношении имеет мало общего с Кавказом. Оно в большей степени является продолжением южно-русских степей.

Ботаник И. Я. Акинфиев в работе «Ботанические исследования Ставропольской губернии; верховья Калауса и Ставропольское поднятие» [1] отметил, что «степи Калауса не принадлежат к типичным южно-русским, настоящим ковыльным степям, а составляют нечто среднее между ковыльною и полынною степью, причем последняя особенно резко выражается по низким местам котловины».

В конце XIX в. исследователи обратили свое внимание на состояния лесных массивов. Именно в это время были заложены основы искусственного лесоразведения в Предкавказье. В региональных архивах собрано большое количество подробных материалов, которые дают специалисту возможность оценить состояние лесных угодий Предкавказья в конце XIX – начале XX веков.

Зоогеографические, в основном фаунистические исследования в Предкавказье заметно усилились во второй половине XIX столетия. С 1863 г. начал работу на Кавказе Г. И. Радде. Однако большую часть времени он провел в Закавказье, а районы Предкавказья посещал эпизодически. Поэтому в сводку «Орнитологическая фауна Кавказа» [21] материалов о птицах этого региона вошло мало.

Обширнейшие сведения о животном мире Предкавказья содержатся в трудах известного кавказоведа, «кавказского Брема» Николая Яковлевича Динника. Его основные работы – «Звери Кавказа» [12], «Орнитологические наблюдения на Кавказе» [14], «Общие замечания о фауне Кавказа» [13] изобилуют большим фактическим материалом о фауне, численности и распространении зверей и птиц.

Изучение животного мира Предкавказья проводил русский зоолог М. Н. Богданов. В его работах «Птицы Кавказа» [8] и «Обзор исследований отдела позвоночных кавказской фауны» [9] содержится много ценных сведений по фаунистическому составу и распространению животных.

В конце XIX столетия подобные работы проводит Т. К. Лоренц. Свои наблюдения он изложил в «Beitrag zur Kenntnis der ornithologischen Fauna an der Nordseite Kaukasus» [27].

Значительный вклад в изучение животного мира внес специалист в области прикладной зоологии и охотоведения К. А. Сатунин. Он осуществил ряд поездок по Предкавказью с целью изучения распространения вредителей сельскохозяйственных культур. В числе прочих им были опубликованы «Материалы к познанию птиц Кавказского края» [22] и «Систематический каталог птиц Кавказского края» [24]. В 1912 году К. А. Сатунин опубликовал работу «О зоогеографических округах Кавказского края» [23], в которой проявился экологический подход исследователя к изучению животного мира.

Подавляющее большинство исследований животных в 20–30-е годы XX столетия связаны с именем Льва Борисовича Беме. Однако его многочисленные работы [4–7] в основном охватывали территорию, граничащую с юга с Центральным Предкавказьем – Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, горные районы Чечни и Ингушетии. В то же время, им впервые для региона описываются зоокомплексы позвоночных животных, что, по сути, – первая попытка обозначить схему видовой структуры животного населения.

Следует отметить, что исследователи животного мира Центрального Предкавказья второй половины XIX – начала XX веков не оставили нам точных сведений о численности различных видов животных. Хотя ее оценка и проводилась, но в общих чертах, в категориях «многочисленный», «обычный», «редкий» без конкретизации значений, вкладываемых в эти понятия.

Таким образом, исторический контекст определил деление предложенного хронологиче-

ского этапа на два периода. Второй период логично начинается с окончанием кавказской войны и с активизацией хозяйственного освоения кавказского региона. В 1861 г. произошла отмена крепостного права, что стало отправной точкой для «народной колонизации». Поэтому, если в первой половине XIX в. пристальное внимание к Кавказу определялось военными нуждами, то во второй половине столетия уже экономическими и политическими мотивами. Для того, чтобы быстро и органично консолидировать весь Кавказ и в таком единстве включить в тело Российской империи, регион нужно было хорошо знать, в том числе природную специфику. Это определило усиление зоогеографических исследований, которые позволяли составить максимальное представление о природе края. Отсюда большая детализация и специализация трудов, их количественный рост и фундаментальность.

Источники и литература

1. Акинфиев И. Я. Ботанические исследования Ставропольской губернии; верховья Калауса и Ставропольское поднятие // Записки Кавказского отдела Русского географического общества (далее – РГО). 1894. Т. 16. С.112–187.

2. Андреев Н. В. Географические труды офицеров Генерального штаба: Материалы для географии и статистики России // Труды НИИГАиК. 1962. Вып. 51.

3. Барбот де Марни Н. Н. Геолого-орографический очерк Калмыцкой степи и прилежащих к нему земель // Записки Кавказского Отдел РГО. 1862. Т. 3.

4. Беме Л. Б. Движение птичьего населения города Орджоникидзе // Известия Северо-Кавказского педагогического института. 1935. Т. 12. С. 88–105.

5. Беме Л. Б. Материалы к биологии кавказских птиц. Владикавказ: Северо-Кавказкий институт краеведения, 1925. 41 с.

6. Беме Л. Б. Осенний перелет охотничьих птиц под Владикавказом // Украинский охотник и рыболов. 1925. №10. С. 36–37.

7. Беме Л. Б. Птицы Северной Осетии и Ингушии (с прилежащими районами) // Ученые записки Северо-Кавказского института краеведения. 1926. Т.1. С. 175–274.

8. Богданов М. Н. Обзор исследований отдела позвоночных кавказской фауны // Известия Кавказского отдела императорского РГО. 1886. Т. IX.

9. Богданов М. Н. Птицы Кавказа // Труды общества испытателей природы Императорского Казанского университета. 1879. Т. 8. Вып. 4.

10. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей // Центральный государственный военно-исторический архив (далее – ЦГВИА). Ф. 414. Ед. хр. 300.

11. Дело Кавказской экспедиции профессора Купфера, адъюнкта Ленца, хранителя Зоологического Музея Менетрие и Мейера // Архив Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 4.

12. Динник Н. Я. Звери Кавказа. Тифлис: [б.и.], 1910. Ч. 1. 246 с.

13. Динник Н. Я. Общие замечания о фауне Кавказа // Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края. 1911. Вып. 1. С. 3–14.

14. Динник Н. Я. Орнитологические наблюдения на Кавказе // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1886. Т. 18. Вып. 1.

15. Забудский Н. Н. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. 1851. Т. 16. Ч. 1.

16. Иванов Д. Л. Влияние Русской колонизации на природу Ставропольского края // Известия русского географического общества. 1886. Т. 22. Вып. 3. С. 225–254.

17. Краснов А. Н. Геоботанические исследования в калмыцких степях // Известия РГО. 1886. Т. 22. Вып. 1.

18. Липский В. И. Очерк растительности Предкавказья // Записки Киевского общества естествоиспытателей. 1894. Т. 13. Вып. 1–2.

19. Новокшанова-Соколовская З.К. Картографические и геодезические работы в России в XIV – начале XX в. М.: Наука, 1967. 266 с.

20. План кавказских горячих серных источников с окрестным местоположением // ЦГВИА. ВУА. Ед. хр. 19487.

21. Радде Г. И. Орнитологическая фауна Кавказа. (Ornis Caucasica). Систематическое и биолого-географическое описание кавказских птиц. Тифлис: [б.и.], 1884. 451 с.

22. Сатунин К. А. Материалы к познанию птиц Кавказского края. Тифлис: [б.и.], 1907. 144 с.

23. Сатунин К. А. О зоогеографических округах Кавказского края (Предварительное сообщение) // Известия Кавказского музея. Тифлис, 1912. Т. 7. Вып. 1. С. 7–106.

24. Сатунин К. А. Систематический каталог птиц Кавказского края // Записки Кавказского отдела РГО. 1911. Кн. 28. Вып. 1. С. 1–86.

25. Танфильев Г. И. География России. Одесса: [б.и.], 1922. Ч. 2. 343 с.

26. Формозов А. Н. Проблемы экологии и географии животных. М.: Наука, 1981. 352 с.

27. Lorenz T. K. Beitrag zur Kenntnis der ornithologischen Fauna an der Nordseite Kaukasus. M., 1887. 62 p.

References

1. Akinfiev I. Ya. Botanicheskie issledovaniya Stavropol'skoi gubernii; verkhov'ya Kalausa i Stavropol'skoe podnyatie *(Botanical studies of the Stavropol Gubernia; the headwaters of Kalaus and the Stavropol Uplift)* // Zap. Kavk. otd RGO. 1894. Vol. 16. (In Russian).

2. Andreev N. V. Geograficheskie trudy ofitserov General'nogo shtaba: Materialy dlya geografii i statistiki Rossii *(Geographical works of the officers of the General Staff: Materials for Geography and Statistics of Russia)* // Tr. NIIGAiK. 1962. Issue 51. (In Russian).

3. Barbot de Marni N. N. Geologo-orograficheskii ocherk Kalmytskoi stepi i prilezhashchikh k nemu zemel' *(Geological and orographic sketch of the Kalmyk steppe and adjacent to it)* // Zap. Kavk. otd. russk. geogr. ob-va. 1862. Vol. 3. (In Russian).

4. Beme L. B. Dvizhenie ptich'ego naseleniya goroda Ordzhonikidze *(Movement of the bird population of the city of Ordzhonikidze)* // Izvestiya Severo-Kavkazskogo pedagogicheskogo instituta. Vladikavkaz, 1935. Vol. 12. P. 88–105. (In Russian).

5. Beme L. B. Materialy k biologii kavkazskikh ptits *(Materials for the biology of Caucasian birds).* Vladikavkaz: Severo-Kavkazkii institut kraevedeniya, 1925. 41 p. (In Russian).

6. Beme L. B. Osennii perelet okhotnich'ikh ptits pod Vladikavkazom *(Autumn flight of hunting birds near Vladikavkaz)* // Ukrainskii okhotnik i rybolov. 1925. No. 10. P. 36–37. (In Russian).

7. Beme L. B. Ptitsy Severnoi Osetii i Ingushii (s prilezhashchimi raionami) *(Birds of North Ossetia and Ingushetia (with adjacent areas))* // Uchenye zapiski Severo-Kavkazskogo instituta kraevedeniya. Vladikavkaz, 1926. Vol. 1. P. 175–274. (In Russian).

8. Bogdanov M. N. Obzor issledovanii otdela pozvonochnykh kavkazskoi fauny *(Survey of the studies of the department of vertebrates of the Caucasian fauna)* // Izvestiya Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Tiflis, 1886. Vol. IX. (In Russian).

9. Bogdanov M.N. Ptitsy Kavkaza *(Birds of the Caucasus)* // Trudy o-va ispytatelei prirody Imperatorskogo Kazanskogo un-ta. 1879. Vol. 8. Issue 4. (In Russian).

10. Voenno-topograficheskoe i statisticheskoe opisanie Kavkazskoi gubernii i sosedstvuyushchikh ei gorskikh oblastei *(Military topographical and statistical description of the Caucasian province and its neighboring mountain regions)* // Central State military and historical archive (TsGVIA). Inv. 414. D. 300. (In Russian).

11. Delo Kavkazskoi ekspeditsii professora Kupfera, ad»yunkta Lentsa, khranitelya Zoologicheskogo Muzeya Menetrie i Meiera *(The case of the Caucasian expedition of Professor Kupfer, adjunct Lenz, the keeper of the Zoological Museum Menetriye and Meyer)* // Russian Science academy archive. F. 2. Inv. 1. Ed. khr. 4. (In Russian).

12. Dinnik N. Ya. Zveri Kavkaza *(The beasts of the Caucasus).* 1910. Part 1. 246 p. (In Russian).

13. Dinnik N. Ya. Obshchie zamechaniya o faune Kavkaza *(General remarks on the fauna of the Caucasus)* // Tr. Stavrop. ob-va dlya izucheniya Severo-Kavk. kraya. 1911. Issue 1. P. 3–14. (In Russian).

14. Dinnik N. Ya. Ornitologicheskie nablyudeniya na Kavkaze *(Ornithological observations in the Caucasus)* // Trudy SPb. o-va estestvoispytatelei. 1886. Vol. 18. Issue 1. (In Russian).

15. Zabudskii N. N. Voenno-statisticheskoe obozrenie Stavropol'skoi gubernii *(Military statistical survey of the Stavropol province).* St.Petersburg, 1851. Vol. 16. Part 1. (In Russian).

16. Ivanov D. L. Vliyanie Russkoi kolonizatsii na prirodu Stavropol'skogo kraya *(The Influence of Russian Colonization on the Nature of the Stavropol Territory)* // Izv. russk. geogr. ob-va. 1886. Vol. 22. Issue 3. P. 225–254. (In Russian).

17. Krasnov A. N. Geobotanicheskie issledovaniya v kalmytskikh stepyakh *(Geobotanical studies in the Kalmyk steppes)* // Izv. russk. geogr. ob-va. 1886. Vol. 22. Issue 1. 52 p. (In Russian).

18. Lipskii V. I. Ocherk rastitel'nosti Predkavkaz'ya *(Essay on the vegetation of the Ciscaucasia)* // Zapiski Kievskogo obshchestva estestvoispytatelei 1894. Vol. 13. Issue 1–2. (In Russian).

19. Novokshanova-Sokolovskaya Z. K. Kartograficheskie i geodezicheskie raboty v Rossii v 14 – nachale 20 v *(Cartographic and geodetic work in Russia in the 14th – early 20th centuries)*. Moscow: Nauka, 1967. 266 p. (In Russian).

20. Plan kavkazskikh goryachikh sernykh istochnikov s okrestnym mestopolozheniem *(The plan of the Caucasus hot sulfur springs with the surrounding location)* // TsGVIA. VUA. D. 19487. (In Russian).

21. Radde G. I. Ornitologicheskaya fauna Kavkaza. *(Ornis Caucasica).* Sistematicheskoe i biologo-geograficheskoe opisanie kavkazskikh ptits *(Ornithological fauna of the Caucasus. (Ornis Caucasica). A systematic and biologo-geographical description of Caucasian birds).* Tiflis, 1884. 451 p. (In Russian).

22. Satunin K. A. Materialy k poznaniyu ptits Kavkazskogo kraya *(Materials for the knowledge of birds of the Caucasus region)*. Tiflis, 1907. 144 p. (In Russian).

23. Satunin K. A. O zoogeograficheskikh okrugakh Kavkazskogo kraya (Predvaritel'noe soobshchenie) *(On the zoogeographic regions of the Caucasus region (Preliminary communication)* // Izvestiya Kavkazskogo muzeya. 1912. T. 7. Issue 1. P. 7–106. (In Russian).

24. Satunin K. A. Sistematicheskii katalog ptits Kavkazskogo kraya *(A systematic catalog of birds in the Caucasus region)* // Zap. Kavk. otd. RGO. 1911. Vol. 28. Issue 1. P. 1–86. (In Russian).

25. Tanfil'ev G. I. Geografiya Rossii *(Geography of Russia)*. Odessa, 1922. Part 2. 343 p. (In Russian).

26. Formozov A. N. Problemy ekologii i geografii zhivotnykh *(Problems of ecology and geography of animals).* Moscow: Nauka, 1981. 352 p. (In Russian).

27. Lorenz T. K. Beitrag zur Kenntnis der ornithologischen Fauna an der Nordseite Kaukasus. Moscow, 1887. 62 p.

УДК 94(47)

Е. Ю. Любушкина

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СТАВРОПОЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Статья посвящена исследованию этапов становления миссионерской деятельности на Ставрополье во второй половине XIX – начале XX века, когда после окончания Кавказской войны, началось более активное заселение края, присоединение новых территорий, в связи с чем, расширились задачи миссионерской деятельности. В статье рассматриваются методы борьбы русской православной церкви с сектанством и старообрядчеством, поскольку непросвещенность населения была основной причиной ухода в сектантство. Показана эволюция развития миссионерской деятельности, когда для эффективной миссионерской работы в епархии создавались братства, миссионерские общества, общества трезвости, открывались миссионерские станы, школы, проводились миссионерские съезды церковнослужителей. Постепенно расширялись направления и задачи в миссионерской деятельности. В статье приведены данные архивных материалов, позволяющие проанализировать широкий спектр вопросов, связанных с развитием миссионерского дела на Ставрополье в досоветский период. Архивные документы подтверждают беспокойство властных структур за деятельностью сектантов, поскольку сектанство сеяло в сознании населения идеи отступничества, как от официальной религии, так и о ниспровержении существующего строя в империи. Отчеты Ставропольского Андреевско-Владимирского братства, Православного миссионерского общества, журналы заседаний съездов церковнослужителей показывают, насколько важной была миссионерская деятельность, раскрывают способы работы миссионеров и церковнослужителей, выявляют трудности, с которыми сталкивались миссионеры.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Ставрополье, вторая половина XIX – начало XX века.

E. Yu. Luybyshkina

MISSIONARY ACTIVITY IN THE STAVROPOL TERRITORY IN SECOND HALF XIX – EARLY XX CENTURY

The article investigates the stages of the establishment of missionary activities in the Stavropol territory in second half XIX – beginning of XX century, when after the end of the Caucasian war, began a more active colonization of this territory, the new territories are, therefore, expanded the tasks of missionary activity. The article discusses the methods of struggle of the Russian Orthodox Church with sectarianism and the old believers, as the people's unawareness was the main reason for leaving sectarianism. The evolution of missionary activity, when effective missionary work in the diocese was created brotherhood, missionary society, temperance societies, opened mission stations, schools, carried out missionary congresses of priests. Gradually expanded directions and objectives in missionary activities. The article presents data of archival materials, allowing to perform a wide range of issues related to the development of missionary works in the Stavropol region in the pre-Soviet period. Archival documents confirm the disturbing power structures over the activities of sects because of sectarianism were sown in the minds of the public the idea of an apostasy, from both the official religion and the overthrow of the existing order in the Empire. Records of Stavropol Andreevskoe-Vladimir brotherhood, the Orthodox missionary society, journals of the meetings of the congresses of the clergy show how important was the missionary activity, reveal the ways of working of missionaries and clergymen, bring to light the difficulties faced by the missionaries.

Key words: missionary activity, Stavropol, the second half of XIX – early XX century.

Миссионерская деятельность на Северном Кавказе и Ставрополье была важной составляющей политики государственной власти и заботы русской православной церкви. Одной из серьезных проблем на Кавказе и в Ставропольской губернии в дореволюционный период

была проблема борьбы с сектанством и старообрядчеством. Ссылались сектанты либо добровольно, либо в административном порядке. Поэтому на Кавказе были распространены секты адвентистов, жидовствующих, шалопутов, баптистов, молокан, хлыстов, духоборцев, белоризцев, скопцов. Кроме сектантов были раскольники (поповцы и беспоповцы), а также язычники.

Архивные материалы второй половины XIX – начала XX вв. свидетельствуют о крайнем беспокойстве существования этой проблемы властных структур и церковнослужителей. Например, в одном из документов, исходящим из Департамента полиции, начальникам губерний и областей от 7 марта 1915 г. предписывалось: «Предпринятое жандармским надзором на местах исследование вопроса о том, насколько в вероучениях сектантов заключаются революционные лозунги, а в действиях – угрожающие государственному и общественному порядку проявления, приводит к следующим выводам: между стремлениями революционеров и колебанием устоев господствующей в России православной церкви существует тесная связь, так как и другие усилия в конечном результате направляются к единой цели – ниспровержению существующего в империи строя. Поэтому сектантство в России, объединяющее на почве враждебного отношения к православию искони уже признается с государственной точки зрения явлением вредным» [6, л. 25]. Далее, в том же документе содержались сведения следующего характера: «сектантские массы в силу своей косности не дают должного отпора вращающимся в их среде крайним элементам, которые, в силу этого зачастую достигают руководящего положения в отдельных сектах и, таким образом, получают возможность прививать своим последователям социалистические воззрения и даже увлекать последних на путь активной противоправительственной пропаганды. Так, вероучению адвентистов, в основу которого положена идея полного отрицания всякой власти присущи стремления анархии; в духоборстве (духоборческом движении) под влиянием Льва Толстого нашли себе практическое применение антимилитаризм, социализм и космополитизм; в веровании штундистов резко проявляются социал-демократические тенденции… в возникших в Западной Европе и распространенных затем в России германскими проповедниками лжеучениях адвентистов и штундо-баптистов сильно сказывается влияние Германии… эти секты, особенно, баптистская является рассадниками германизма в России. Последователи баптистов высказывают явно отрицательное отношение к России. Так, во время русско-японской войны они не стеснялись открыто выражать пожелание русскому оружию поражения» [6, л. 25, об.].

На Ставрополье проблема борьбы с сектанством и расколом, развитие религиозно-просветительнойой деятельности среди туземцев впервые была поставлена при первом епископе Кавказском и Черноморском – епископе Иеремии (Соловьеве), возглавлявшим Кавказскую епархию в 1843-1849 гг. Однако в тот период времени, эта задача была трудновыполнимой по многим объективным причинам.

При епископе Кавказском Германе Осецком было создано Ставропольское Братство Св. Андрея Первозванного, учрежденное в 1873 г. Он же являлся почетным председателем этого общества. Братство просуществовало почти 20 лет. Основными задачами Братства были религиозно-просветительная и миссионерская деятельность. Поскольку епископ Герман был почетным председателем созданного Братства, то и часть функций по миссионерскому делу была возложена на эту организацию. Прежде всего, деятельность Братства была направлена на просвещение калмыков Большедербетовского улуса, где в ряде селений Андреевским Братством были открыты школы – в 1873 г. в с. Дербетовке и в с. Большая Джалга. Для обучения калмыков установлены стипендии [1, с. 138–139]. Кроме того, по инициативе Братства была открыта в 1874 г. в духовной семинарии кафедра калмыцкого языка для подготовки миссионеров, которая в 1881 г. была упразднена [1, с. 138]. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский в своем труде «История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России» указывал, что «епископ Герман распорядился, чтобы священники приходов, близких к калмыцким кочевьям, брали к себе на воспитание калмыцких мальчиков, и сам, за свой счет, содержал одного калмыка в духовном училище. Он первым из кавказских епископов посетил в 1874 г. калмыцкие стойбища, беседовал с владельцем Больше-Дербетовского улуса нойоном Д. Гахаевым, главным бакшей ставропольских калмыков Ивановым» [1, с. 139]. После поездки, епископ Герман составил план «о задачах миссии среди калмыков».

Братством Св. Андрея Первозванного предпринимались попытки к воздействию и на магометан. Так, при Ачикулакском приставстве была устроена при содействии Братства на средства инородцев походная церковь [11, с. 42].

Архипастырь уже Ставропольской кафедры (в 1885 г. произошло создание новой епархии - Ставропольской), первый епископ Ставропольский и Екатеринодарский Владимир (Петров), – «заложил правильную основу миссионерского дела в Ставропольской епархии» [1, с. 146]. В период пребывания миссионера – епископа Владимира на Ставропольской кафедре, по его предложению в епархии были открыты две миссионерские вакансии против сектантов и старообрядцев, а также две должности окружных миссионеров [1, с. 145].

Центральным местом противобуддийской миссии и миссионеров являлся Князе-Михайловский миссионерский стан, учрежденный в епархии епископом Владимиром в 1889 г., но утвержденный комитетом министров 7 июня 1890 г. в северо-восточной части Большедербетовского улуса [8, с. 11]. В октябре 1889 г. был построен храм в Князе-Михайловском стане, в 1890 г. – открыта школа.

При епископе Владимире начало свою деятельность Братство Св. равноапостольного князя Владимира, возникшее изначально для благотворительной помощи нуждающемуся населению г. Ставрополя в 1888 г. Братство преобразовалось из «Кружка учредителей бесплатных столовых», которые организовывали обеды для нуждающихся. Членами кружка были общественные деятели Г. Н. Прозрителев, Г. К. Праве, И. П. Кувшинский, И. В. Бентковский, Д. И. Евсеев, директор народных училищ М. В. Краснов, доктор медицины П. С. Лабенский, мировой судья И. А. Манжос-Белый, непременный член приказа общественного призрения В. М. Каптерман и др. Обеды организовывались в колокольне Кафедрального собора. 24 апреля 1888 г. столовая для бедных была открыта. В тот же день ее посетило 90 человек [7, с. 4, об.]. В последствии, организация обедов и учреждение столовых вошло в практику уже объединенного Ставропольского Андреевско-Владимирского братства, а также послужило примером для других благотворительных организаций Ставрополья.

При епископе Евгении (Шерешилове) было создано Ставропольское Андреевско-Владимирское Братство (в конце 1892 г.) путем объединения Братства Св. Андрея Первозванного и Братства Св. равноапостольного князя Владимира. Деятельность Ставропольского Андреевско-Владимирского Братства подразделялась по своему характеру на религиозно-просветительскую, миссионерскую и благотворительную.

В 90-е годы XIX в. расширялись направления в миссионерском деле. В 1897 г. на миссионерские средства епархии содержались противораскольчническая, противосектансткая и противобуддистская миссии. С середины 1897 г. началась противомусульманская миссия среди магометан-трухмян Ставропольской губернии и горцев Кубанской области [2, л. 5].

В это время основной задачей Андреевско-Владимирского Братства была миссионерская деятельность, которая к этому времени разделялась на «противосектантскую» (в Ставропольской губернии работало 10 миссионеров, а в Кубанской области – 21), «противораскольническую» (7 и 6 миссионеров, соответственно), противобуддийскую и противомусульманскую миссии. Миссионерская деятельность Братства заключалась в беседах священнослужителей, произносимых в храмах. Их поле деятельности выходило за пределы г. Ставрополя. К примеру, в 1900 г. миссионерами были посещены в общей сложности 90 мест: 31 селение в Ставропольской губернии и 59 в Кубанской области; всего было проведено 403 беседы [9, с. 18]. Деятельность противораскольнической и противосектанской миссии заключалась в беседах охранительного характера, произносимых в храмах. Окружными миссионерами распространялись миссионерские листы, катехизисы, противораскольнические и противосектантсткие брошюры.

Противобуддийская миссия была сосредоточена в северо-восточном районе Ставропольской губернии, которая была населена кочевым народом монгольского племени – калмыками (будд. религия) в форме ламаизма в Большедербетовском улусе.

В августе 1895 г. в г. Ставрополе проходил Епархиальный миссионерский съезд, на котором, рассмотрев цифровые данные, представленные членами съезда о количестве существующих в епархии сект и раскольнических толков, сообщения миссионеров о движении сектантства и раскола в епархии, было определено: «считать шалопутство и австрийский раскол особенно опасными по количеству последователей этих лжеучений» [10, с. 1]. В документе указывались села на Ставрополье, в которых были распространены различные секты.

На съезде были рассмотрены приемы, к которым прибегали раскольники: – «критически-ироническое отношение старообрядцев к представителям Православной церкви; распространение среди старообрядцев книг и брошюр, издание раскольническими наставниками с содержанием в защиту раскола и в похуление Православной церкви; наем хозяевами-старообрядцами работников из православных,

принятие ими на воспитание православных детей, смешанные браки со старообрядцами» [10, с. 9]. Указывалось, что «раскол в епархии силен нравственною поддержкою со стороны крупных российских центров старообрядства и потому представляет трудную область для миссионеров».

Далее, предлагались меры борьбы с расколом, среди которых предписывалось: «Поставить на должную высоту внебогослужебные собеседования, то есть придать им характер не сухих, безынтересных бесед на скорую руку, но характер дружеских, понятных, согретых теплотою пастыря с пасомыми о важнейших истинах христианской веры, с непреломным заведением на этих беседах общего пения молитвословий православной церкви, а контроль и наблюдение за исправным ведением этих бесед возложить на епархиальных и окружных миссионеров» [10, с. 17].

Расширяя функции миссионерской деятельности по инициативе епископа Агафодора в 1899 г. в Ставрополе был учрежден Епархиальный комитет Православного Миссионерского общества, который находился под председательством и непосредственным руководством епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора (с 1907 г. архиепископа). Он же являлся и пожизненным членом общества. Целью комитета была миссионерская деятельность в пределах епархии. Основные направления миссионерской деятельности Комитета – противобуддийская миссия в Большедербетовском улусе и проивомусульманская миссия в Туркменских степях Ставропольской губернии. В 1913 г. в Большедербетовском улусе было закончено строительство нового здания училища с 2-мя классами, а к 1914 г. в школе обучалось 80 учеников – мальчиков и девочек (русских – 61 чел., калмыков – 19 чел.) [8, с. 9]. Миссионерский стан посещали административные лица – тайный советник П. М. Кошкин, действительный тайный советник, вице-директор Департамента общих дел, министр внутренних дел Н.П. Харламов и др. Школьное здание было признано одним из лучших помещений Медвеженского уезда. С 1913 г. кроме обязательных предметов, преподавались уроки трезвости. С разрешения Епархиального училищного совета, Князе-Михайловскую миссионерскую школу стали именовать «школой трезвости».

Членами миссионерского общества 30 июня 1912 г. был заложен храм во имя святителя Алексия, митрополита Московского и всея России чудотворца и в память наследника цесаревича великого кн. Алексея Николаевича. На строительство храма миссионерское общество отчислило 35 142 руб. 69 коп., были собраны пожертвования, принесшие 3 000 руб. В конечном итоге, 26 октября 1914 г. состоялось его открытие. К успешному результату работы миссионерского общества можно отнести обращение калмыков в православную веру. Так, если в 1889 г. было крещено 67 калмыков, то за 25 лет с 1889 г. по 1914 г. – 282 чел. (мужчин – 162, женщин – 120) [8, с. 15]. «Противомусульманская» миссия была сосредоточена в Туркменских степях Ставропольской губернии. С 1898 г. религиозно-просветительская миссия среди туркмен велась в учреждении миссионерского причта при Николаевском храме в Летней Туркменской ставке. В 1912 г. в Летней ставке, был выстроен дом со службами для священника, на который миссионерским обществом было потрачено 4 399 руб. [8, с. 17].

Об известности и значимости миссионерского православного общества свидетельствует тот факт, что за помощью к нему обращались подобные комитеты из других регионов, которым общество помогало перечислением денег, к примеру, в 1914 г. было выслано тобольскому комитету Православного братства – 800 руб., Астраханскому комитету православного миссионерского общества – 500 руб. [8, с. 19]. К 1 января 1914 г. в наличии общества имелось 11 555 руб. 27 коп., а к концу года 15 551 руб. 8 коп. Всего расходы на пособия, жалования и другие нужды общества в среднем составляли от 4 000 до 10 000 руб. [8, с. 17].

25 ноября 1913 г. состоялся съезд депутатов от духовенства и церковных старост церквей Ставропольской епархии. В журнале епархиального съезда была сделана запись о рассмотрении вопроса, касающегося увеличения жалования миссионерам. Речь шла о том, что еще в 1910 г. уездные миссионеры ходатайствовали об увеличении им содержания перед Ставропольской епархией. Проблема заключалась в бедственных условиях жизни миссионеров: «тяжелый квартирный вопрос в городах и в селах, дороговизна жизни, усиление пропаганды сектантов и, соответственно, усиление деятельности православной миссии епархии с организацией в приходах и монастырях, краткосрочных курсов в целях охраны православия и возвращения заблудших – все это заставляет миссионеров думать, как сводить концы с концами» [5, л. 1].

Священнослужители в селах и станицах епархии, понимая сложность проблемы, связанной с сектанством инициировали создание обществ трезвости с религиозно-нравственной

целью. Так, 18 марта 1910 г. в консисторию Агафодору от св. Казанской церкви ст. Курганной Николая Михайлова был представлен акт об открытии церкви Общества трезвости из кружка ревнителей православия. Причины открытия священнослужители обосновывали следующими обстоятельствами: в настоящее время на православную церковь и народ надвинулось нашествие врагов. Предполагается по известной программе развратить молодое поколение, разрушить в нем авторитеты родителей, духовных отцов – пастырей церкви и т.д. Для цели все средства хороши, в том числе и убивающее религиозное чувство народные развлечения [3, л. 4]. В общество вошли Пимен Сухоруков, Никита Сухоруков, Евдоким Фролов, Марк Шаргов, Иван Игнатьев, Афанасий Колтунов, Андрей Рындин, – всего 31 человек [3, л. 6]. С подобными просьбами в Ставропольскую епархию обратился из Кубанской области Майкопского отдела, селения Натырбово, Покровской церкви священник Тимофий Демьянов 1 января 1911 г., который просил разрешения об открытии миссионерского кружка в составе 10 человек. В его просьбе были изложены следующие обоснования: «Пусть эти кружки будут как малые звёздочки во мраке мирских пороков и злобы, из которых потом возродится всеосвещающий свет Апостольской церкви, являющейся в лучезарном сиянии святыни христовой, освободившихся от вековых наслоений всяческих человеческих пороков и нечистоты» [4, л. 1]. Далее следовало: «Первым пунктом христианской жизни должна быть трезвость, потому что именно в нетрезвости гибнут многие дети церкви и в том же погибель всей Руси. Но следовало бы и трезвость поставить обязательным качеством для членов приходских миссионерских кружков, а где есть уже общества, или братства трезвости, то такие соединить с кружками» [4, л. 4].

В августе 1912 г. в Москве проходил Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, который постановил: в целях успешной борьбы с пьянством учредить в епархиях при архиерейских кафедральных соборах особых проповедников трезвости, которые бы, по поручению епископов, объезжая города и села вели противоалкогольные беседы и чтения [5, л. 2, об.]. Ставропольская Духовная консистория 7 марта 1913 г. постановила: «не открывая новой должности проповедника трезвости, ввести в круг непременных обязанностей наличного состава миссионеров и обязанность вести противоалкогольные беседы и чтения, что было учреждено 6 апреля 1913 г.» [5, л. 2, об.]. Кроме того, было отмечено, что: «Главнейшей причиной распространения сектантства является пьяная и беспутная жизнь православных. В сектанство привлекает трезвость и благообразие жизни. Поэтому необходимо включить в беседы миссионеров тематику о трезвости».

Таким образом, миссионерская деятельность в епархии развивалась, расширяя функции и совершенствуя методы работы. Каждый новый епископ, возглавлявший кафедру, вносил новые идеи по совершенствованию миссионерской деятельности. Расширялись задачи, функции миссионерской деятельности, совершенствовались и расширялись методы работы в этом направлении. Учреждались должности миссионеров, открывались миссионерские станы, создавались школы, в которых велась религиозно-просветительная работа, основывались братства, учреждались миссионерский комитет, общества трезвости. Руководство епархии неоднократно проводило миссионерские съезды, на которых обсуждались проблемы по реализации и выработке эффективных мер борьбы со старообрядчеством и сектанством, представлявших серьезную угрозу для населения, особенно для тех, кто слабо разбирался в вопросах религии и основных догматах Русской Православной Церкви.

Источники и литература

1. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск, 1992.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 439. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАСК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 21.
4. ГАСК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 54.
5. ГАСК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 135.
6. ГАСК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 205.
7. Обозрение деятельности Ставропольского братства св. вел. князя Владимира с 25 апреля 1888 г. по 1 января 1891 г. Ставрополь: С.Т. Тимофеева, 1891.
8. Отчет о деятельности Епархиального комитета православного миссионерского братства за 1914 г. Ставрополь, 1915.
9. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского Братства за 1900 г. Ставрополь, 1901.

10. Постановления Ставропольского Епархиального миссионерского съезда, бывшего по благословению преосвященного Агафодора, архипастыря Ставропольского и Екатеринодарского в августе 1895 г. в г. Ставрополь-Кавказском. Ставрополь: Тип. Т.М. Тимофеева, 1896 г.

11. Ставропольские епархиальные ведомости. 1893. №2.

References

1. Gedeon, Metropolitan of Stavropol and Baku. The history of Christianity in the North Caucasus before and after its joining Russia *(Gedeon, mitropolit Stavropol'skij i Bakinskij. Istorija hristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedinenija ego k Rossii).* Moscow-Pyatigorsk, 1992. (In Russian).

2. State archive of the Stavropol region (GASK). F. 439. Inv. 1. D. 1. (In Russian).

3. GASK. F. 439. Inv. 1. D. 21. (In Russian).

4. GASK. F. 439. Inv. 1. D. 54. (In Russian).

5. GASK. F. 439. Inv. 1. D. 135. (In Russian).

6. GASK. F. 439. Inv. 1. D. 205. (In Russian).

7. Review of activities of the Stavropol brotherhood of St. vel. Prince Vladimir from April 25, 1888 Jan 1, 1891 *(Obozrenie dejatel'nosti Stavropol'skogo bratstva sv. vel. knjazja Vladimira s 25 aprelja 1888 g. po 1 janvarja 1891 g.)*. Stavropol, 1891. (In Russian).

8. A report on the activities of the Diocesan Committee of the Orthodox missionary fraternity in 1914 *(Otchet o dejatel'nosti Eparhial'nogo komiteta pravoslavnogo missionerskogo bratstva za 1914 g.)*. Stavropol, 1915. (In Russian).

9. Report on the activities of Andreevskoe Stavropol-Vladimir Brotherhood for 1900 *(Otchet o dejatel'nosti Stavropol'skogo Andreevsko-Vladimirskogo Bratstva za 1900 g.)*. Stavropol, 1901. (In Russian).

10. The resolution of the Stavropol Diocesan missionary Congress, the former with the blessing of Archbishop Agathodoros, Archbishop of Stavropol and Ekaterinodar in August 1895 in the city of Stavropol Caucasus *(Postanovlenija Stavropol'skogo Eparhial'nogo missionerskogo sezda, byvshego po blagosloveniju preosvjashhennogo Agafodora, arhipastyrja Stavropol'skogo i Ekaterinodarskogo v avguste 1895 g. v g. Stavropol'-Kavkazskom).* Stavropol, 1896. (In Russian).

11. Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1893. No. 2. (In Russian).

УДК 94(44).081

Е. Н. Моисеева

ПАМЯТЬ ОБ АНТИЧНОМ ПРОШЛОМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ КОЛОНИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.: «МЕСТА ПАМЯТИ» В КОНТЕКСТЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Статья посвящена изучению французского колониального дискурса в последней трети XIX века. Если принять во внимание, что идеологи колонизации редко предавались отвлеченным размышлениям об Империи, то их аргументы в пользу колонизации Северной Африки и Индокитая могли отличаться. Римское прошлое отчетливо присутствовало на территории Северной Африки и служило ориентиром для французских колонизаторов. В этой связи, интерес представляет колониальный дискурс, связанный с актуализацией памяти об античном прошлом. В статье выявляются символы римского прошлого и места памяти в Северной Африке, которые помогали французским идеологам колонизации конструировать имперский дискурс и пропагандировать идею о том, что французы являются настоящими последователями римлян в Африке. Проведен анализ текстов историков, публицистов, которые в своих статьях и заметках о путешествиях ссылались на опыт римлян в деле колонизации Северной Африки. Значительное внимание уделяется анализу работ французского историка и филолога Гастона Буасье. В ходе исследования, было выявлено, что о завоеваниях в Северной Африке публике рассказывалось как о продолжении дела римлян. Идеологи колонизации подчеркивали историческую преемственность между римской и французской колонизациями, между задачами римлян и французов, акцентировали внимание на расовой близости двух народов. Римские развалины в местах французской колонизации способствовали, на мой взгляд, формированию у французов идеи пространственной близости Франции и Северной Африки. Тем острее переживалась во второй половине XX века потеря Североафриканских территорий в ходе деколонизации.

Ключевые слова: Французская империя, колониальный дискурс, цивилизаторская миссия, места памяти, Северная Африка, Тунис, Карфаген.

E. N. Moiseeva

MEMORY OF THE ANTIQUE PAST IN THE FRENCH COLONIAL DISCOURSE OF THE LAST THIRD XIX CENTURY: THE “MEMORY SITES” IN THE COLONIAL PROPAGANDE

The article studies French colonial discourse in the last third of the XIX century. The ideologists of colonization rarely surrendered to abstract thoughts about the Empire, their arguments for the colonization of North Africa and Indochina could differ. The Roman past was present in North Africa and served as reference points for the French colonialists. We are interested in the colonial discourse associated with the actualization of the memory of the ancient past. The article explores the discourse associated with the actualization of the memory of the Roman past; reveals the symbols of the Roman past and sites of memory in North Africa, which helped the French colonial ideologists construct an imperial discourse and propagate the idea that the French are true followers of the Romans in Africa. We studied the texts of historians, publicists, who in their articles and travel notes referred to the experience of the Romans in the colonization of North Africa. Great attention is paid to the analysis of the works of the French historian and philologist Gaston Bouasier. The study revealed that the conquests in North Africa were told to the public as the continuation of the mission of the Romans. The ideologists of colonization emphasized the historical continuity between the Roman and French colonizations, between the tasks of the Romans and the French, focused on the racial closeness of the two peoples. Roman ruins in places of French colonization contributed, in the author’s opinion, to the formation of the French idea of spatial proximity of France and North Africa. In the second half of the twentieth century, the French had a hard time with the loss of the North African territories in the course of decolonization.

Key words: French Empire, colonial discourse , civilizing mission, sites of memory, North Africa, Tunisia, Carthage.

Споры о колониальном прошлом не прекращаются во Франции до сих пор, но, если в начале XX в. французские историки восхваляли империю и имперское прошлое [10, 11], то в начале XXI в. растет число тех, кто, по меткому выражению М. Ферро, пишет «Чёрную книгу» колонизации, то есть концентрирует внимания на её негативных аспектах [14]. Дискурс вины, криминализация прошлого – вот что характеризует работы многих историков империи.

Третья Республика во Франции в последней трети XIX в., провозгласив свои ценности универсальными, и взяв на себя просветительскую, цивилизаторскую миссию, любое сопротивлении и неприятие своих ценностей со стороны покоренного населения рассматривала как доказательство варварства. В настоящий момент Франция столкнулась с необходимостью ответить на неудобные вопросы: нужны ли были эти ценности жителям Африки и Азии?

После выхода в свет трёхтомного издания П. Нора «Франция. Места памяти» [19] актуальным стало изучение колониальной памяти, а также мест памяти, связанных с имперским прошлым [4, 6, 9, 12, 17, 21, 22, 23]. По мнению П. Нора, потрясения истекшего века заставили все страны предъявить счета к своему собственному прошлому. Однако ни одна страна не испытывает таких противоречивых чувств к собственной истории, не переживает такой острый мемориальный шок, как Франция [1]. Колониальное прошлое, по мнению французской исследовательницей К. Кокери-Видрович находится «между Памятью и Историей», а колониальная история является частью индивидуальной памяти еще живущих людей [7, 8].

Проблема в том, что память о прошлом во Франции и, например, в Алжире, неодинакова [22, 23]. Франция не хочет отказаться от своей роли державы, выполняющей свою цивилизаторскую миссию. Тогда как в алжирском обществе колонизация – это трагический период истории, разрывающий единство алжирского общества [22, 23]. Неслучайно Николя Бансель и Паскаль Бланшар назвали сборник научных статей, посвящённых проблемам колониальной памяти, «Колониальный разлом» [12].

Такие сюжеты, как колониальные войны, являющиеся кульминационными точками французской колониальной истории, вызывают настоящие «войны памяти». Несмотря на то, что французские историки в настоящее время отказываются от позитивной или негативной трактовки колониализма (Б. Стора настаивает на необходимости изучения различных колониальных ситуаций) [24], коллективная память не может избежать оценок.

Особенности французской реакции на бушующие в мире бури памяти и ее особо острый характер П. Нора объясняет контрастом между мощью того светлого образа, в котором Франция привыкла себя представлять, и тяжким, запоздалым столкновением с исторической правдой, которая несовместима с этим образом [1].

На мой взгляд, в существовании столь глубокого контраста, о котором говорит Пьер Нора, «виноваты» и французские колониальные идеологи. Это они силой слова, искусной пропагандой империализма смогли «навязать» Франции этот «светлый образ». Это они: ученые, экономисты, политики, журналисты, писатели, то есть интеллектуальная элита Франции сконструировали дискурс империализма, который и спровоцировал в дальнейшем тот колониальный разлом, о котором шла речь выше. Как им это удалось? Какие эмоционально окрашенные символы, какие образы, какие мифы они использовали? Внимание привлек тот факт, что, обращаясь к читателям со страниц журналов, книг, идеологи колонизации часто обращались к памяти читателей, предлагая вспомнить те или иные события из славного французского, а иногда и общеевропейского прошлого. Они сознательно актуализировали события, имевшие отклик в коллективной памяти своих читателей.

Цель данной статьи – выяснить, как идеологи колонизации ссылались в своих публикациях на опыт прошлого, какой круг исторических фактов античности они актуализировали с целью пропаганды экспансии, какие символы прошлого и места памяти помогали им конструировать имперский дискурс.

В выборе источников большое значение имел следующий факт: прежде всего анализировались те тексты, в которых авторы обращались к римскому прошлому, пропагандируя настоящие и будущие колониальные завоевания. Это, в том числе, исторические труды (в частности работы французского историка античности Гастона Буасье) [5, 13] и записки путешественников [18].

Идеологи колонизации в XIX в. пытались представить сам феномен колонизации естественным для человеческого общества и искали истоки колонизации в далеком прошлом. Поль Леруа-Больё – французский экономист и автор книги «Колонизация у современных народов», которая стала настоящим учебником колонизации, писал, что уже Адама, первого человека, можно рассматривать как колониста. Хотя он делал различия между иммиграцией и «настоящей колонизацией» [15, p. 11]. В глазах

французских колонизаторов XIX в. самым ранним примером для подражания была римская колонизация. Вполне логично, что для идеологов колонизации римское прошлое в Африке должно было стать частью французского настоящего, вплестись в него.

Исходя из того, что все идеи в высшей степени подвижны, изменчивы, являются творением личности, места, времени, конкретных обстоятельств, идентичности и т.п., необходимо изучать их в материальном и нематериальном окружении. Идея о том, что французы – последователи римлян в Африке, должна была иметь некое обоснование.

Считалось, что район Северной Африки уже подвергался окультуривающему воздействию Рима. Колониальной идее был присущ миф о «золотом веке», который искали в римском господстве. Деятельность же Франции в Северной Африке представлялась как завершение дела цивилизации, некогда начатого римлянами. «Французы, – писал П. Леруа-Больё, – настоящие последователи римлян в Африке» [16, p. 125]. Эта фраза, написанная Полем Леруа-Больё в 1881 г. (год установления французского протектората над Тунисом) явно имела пропагандистскую направленность.

Идею о том, что французы – настоящие последователи римлян в Африке отстаивал в конце XIX века историк и филолог, автор фундаментальных работ по истории древнеримского общества Гастон Буасье в статьях «Римская Африка. Археологические прогулки по Алжиру и Тунису» [5].

Гастон Буасье писал о Карфагене и, в том числе, описывал холм, на котором по разрешению Бея Хусейна II была построена в 40-е гг. XIX вв. часовня Святого Людовика (была разрушена в 1950-е гг.), а позади нее кардинал Лавижери выстроил во второй половине 1880-х гг. собор Св. Людовика (музей в настоящий момент). Решение о начале строительства было принято в 1881 г. Этот холм называется Бирса, это акрополь, это сердце старого Карфагена [5, p. 769].

Когда Буасье описывал Карфаген, он говорил не об одном, а сразу о двух городах. «Речь не идет об одном городе. Но на одной земле их было построено два. Пунический Карфаген насчитывал 700 000 жителей. Римский Карфаген был не менее заселенным городом, так как считался третьим в империи» [5, p. 771].

Арабы, по словам Г. Буасье, не разрушили город, они просто оставили его умирать. И от тех двух городов практически ничего не осталось. Но теперь Франция укрепляется на этой земле. Тем самым автор показывал преемственность двух древних городов с новым городом, который стал французским. А символическим местом памяти, тем самым напоминанием о прошлом, которое наполняло смыслом настоящую жизнь, в нашем случае настоящую колониальную экспансию Франции, стал холм Бирса. Это холм, на котором располагались пунические памятники, разрушенные римлянами, а затем римский акрополь, и, наконец, французская часовня в честь Святого Людовика, скончавшегося во время восьмого крестового похода в Тунисе в 1270 г. Автор связал финикийский Карфаген с римским, а римский с французским.

Дик де Лонлей (псевдоним Джорджа Хардоуина, 1846–1893) историк, художник и доблестный солдат в книге «В Тунисе, воспоминания о семи месяцах кампании» так писал о холме Бирса и о часовне Святого Людовика, также подчеркивая, что «часовня расположена в памятном месте» [18, p. 245]. «Там Сципион разбил карфагенян, которые укрылись в храме на холме Бирса, жена и двое детей последнего защитника Карфагена Гаструбала погибли там, там потом римляне построили свои храмы. Несколько метров к низу – дворец проконсула и храм Юпитера, в котором Ганнибал клялся в своей ненависти римлянам» [18, p. 245]. (Молился он судя по всему своему Баал-Хоммону, но автор отождествляет, видимо, этих богов). «Поодаль развалины других храмов, остатки величия Карфагена (храм Сатурна, храм Цереры, между портами и холмом Бирса – амфитеатр и Форум, чуть дальше храм Аполлона, развалины к югу от холма, возможно, дом Ганнибала; гигантские развалины театра и гимназии…» [18, p. 245].

О часовне он пишет следующее: «Эта часовня, торжественно открытая в 1842 г., была воздвигнута на месте храма Эскулапа…, позади возвышается колледж, основанный еще кардиналом Лавижери, архиепископом Алжира. Часовня, построенная в центре античного акрополя, на восточной оконечности плато Бирса возвышается над целым городом» [18, p. 242]. Нам ясно, что для автора это не просто часовня, это нечто большее. Ее возвышение над городом аналогично возвышению Франции над Северной Африкой. Это не просто место, где можно помолиться. «Здесь мы во Франции, по меньшей мере, под защитой нашей родины-матери» [18, p. 242]. Эта фраза – «здесь мы во Франции», заставила меня обратить внимание на такой аргумент в пользу колонизации Северной Африки, характерный для французских идеологов экспансии, как территориальная близость данного региона к метрополии.

В сборнике «Франция в Тунисе» Гастон Буасье писал: «У нас было ощущение, когда мы видели всё это (речь о руинах римской цивилизации), что мы не за границей. Мы представляли, что мы у себя дома». [13, p.18] Он не просто любовался остатками римского господства на североафриканской земле, он словно присваивал это прошлое. Автор писал: «Какое восхищение доставляли нам эти триумфальные арки, эти храмы, эти Капитолии… и особенно эти великолепные театры» [13, p. 18].

Эдуард Циммерман – российский путешественник, правда описывая Алжир, писал в своих путевых заметках, словно подтверждая слова Г. Буасье: «Переехав в одни сутки из Марселя в Алжир, и поднявшись с набережной на эспланаду этого бульвара, французы чувствуют себя здесь совершенно как дома, вовсе не замечая, что очутились в другой части света» [3]. Северная Африка представлялась читателям близким регионом, тем самым создавался миф о доступности и открытости Африки для европейского проникновения.

Сознательно актуализируя римское прошлое Северной Африки, пропагандисты империи старались показать преемственность между римской и французской колонизациями, а временной разрыв между этими процессами становился менее очевидным, если напомнить читателям тот факт, что в Средние века французы уже побывали в Северной Африке и, в частности, в Карфагене во времена Крестовых походов. Дик де Лонлей писал: «Среди античных стен, видевших сражения Ганнибала и Сципиона, рыцарей Святого Людовика… сегодня виднеются красные панталоны наших славных войск, эхо Форума слышится в звуках галльского горна» [18, p. 247].

Идеологи колонизации акцентировали внимание на расовой близости римских и французских колонизаторов. Между колонизацией и расизмом, как известно, была тесная связь. Алэн Руссио пишет: «Концепт «раса» и неотделимое от него понятие «иерархия рас» постепенно проникал в человеческую мысль на протяжении Древности и Средних веков» [20, p. 25]. Но если расизм – это вечное ментальное поведение, то только XIX в., по словам А. Руссио, попытался подвести под него научную основу [20, p. 31]. Историк XIX в. Г. Буасье опирался на концепт «раса», пропагандируя французскую колонизацию. «Ведь те, кто построил все это, не одной ли они с нами расы, не одной ли крови? С первых дней завоевания наши солдаты словно поняли инстинктивную связь с прежними хозяевами этой страны. Они с уважением относились к памятникам, которые сохраняли их воспоминания о прошлом» [13, p. 18].

Именно расовой близостью Г. Буасье объяснил следующий случай. Некоторые офицеры увлеклись римскими древностями, и в Ламбезисе (Алжир) они обнаружили военный лагерь, где долгое время стоял третий легион. Г. Буасье писал, что они были «счастливы посетить руины». Затем он упомянул о записях Адриана, найденных в Ламбезисе. Это обращение императора к легионерам после военных учений, произнесенная в Ламбезисе в 128 г. во время инспекционной поездки по африканским провинциям. Историкам известно, что в своей речи Адриан отметил быстроту и качество постройки укреплений, похвалил боеспособность пехоты, а бессмысленный и рискованный маневр кавалерии, наоборот, не одобрил. Весь легион получил высшую похвалу [2, с. 514]. Так вот, по словам Г. Буасье, «французские военные были горды похвалой Адриана, как будто она была обращена к ним...» [13, p. 18]. Римских солдат французские солдаты считали братьями по оружию, отождествляя себя с ними.

Еще один не менее показательный эпизод связан с почитанием французскими солдатами и офицерами римских воинов. Г. Буасье пишет, что была обнаружена могила одного из римских легионеров, и по приказу французского офицера солдаты отдали военные почести, как если бы это был павший французский воин. В день церемонии флаг французского подразделения был припущен, и солдаты отдали честь перед захоронением легионера [13, p. 18].

Итак, мы видим, что ранее забытое и заброшенное римское захоронение становится символом доблести для французских солдат, оказавшихся в северной Африке; актуализируется речь Адриана перед легионерами, и она находит отклик у солдат колониальных войск.

Когда французы пришли в Северную Африку, встал вопрос об их цивилизаторской деятельности. Гастон Буасье видел прямую связь между задачами, которые стояли перед римлянами и задачами, которые стоят перед французами. «Прежде всего, мы понимаем, что есть связь между ними и нами, между тем что мы делаем сегодня и тем, что делали они: задача та же и выполнять ее надо с той же отвагой и терпением» [13, p. 18]. Для того, чтобы быть настоящими последователями римлян в Африке, необходимо, писал Г. Буасье, хорошо знать их деяния. Историк привел многочисленные примеры деятельности римлян в Африке, на которые должны ориентироваться фран-

цузы. Римляне «установили мир в стране», прекратили распри между племенами и наказали мародеров и пиратов. Прекрасные дороги, которые римляне безупречно содержали, приводили войска быстро, куда необходимо. Г. Буасье считает, что и сейчас не так и сложно создать подобную действенную полицию, с учетом того, что Триполитания и Марокко нам не принадлежит, то для Алжира и Туниса нужен гарнизон порядка 48000 человек [13, p. 19]. «Вместе с миром пришло процветание, а с процветанием мир стал более полным» [13, p. 19].

Гастон Буасье восхищался тем, что римляне дали жителям воду, и земля стала плодородной, они к тому же не спешили в деле ассимиляции населения и постепенно прививали туземцам свои нравы. Конечно, они желали, пишет автор, привить туземцам свои законы, обычаи, свой язык, то есть ассимилировать их, но они не форсировали. Мы же слишком спешим, мы огорчаемся, если через несколько лет наши колонии не стали совсем французскими [13, p. 20]. Следует принять во внимание тот факт, что пропагандисты колонизации нередко критиковали некоторые аспекты колониальной политики Франции, однако необходимость самой колонизации не ставилась ими под сомнение. Автор считает, что римляне были мудры, что не наводнили Африку чиновниками, которые ее мало знали и плохо управляли. В африканской провинции у них был только проконсул со своей свитой и прокураторы. Они сохранили местные свободы, то чего хотели туземцы. Для богатых, умных, уже знакомых с культурой римляне открывали школы, для бедняков – устраивали праздники. Все эти храмы, термы, триумфальные арки, театры – это, с точки зрения Г. Буасье, не дань римлян своему тщеславию, а попытка приобщить туземцев к европейской культуре. Это политика, способ показать варварам, что римская цивилизация выше. Римляне потратили 200 лет на приобщение туземцев к цивилизации, у французов в запасе еще 150 лет, чтобы догнать их, считал Г. Буасье. Процветание и мир, по словам Г. Буасье, были недоступно туземцам до римлян. Теперь процветание и мир придут вместе с французским господством [13, p. 20].

Туземцы Северной Африки, по словам Г. Буасье, называли французов *Ромеями* (курсив Г. Буасье) и смотрели на французов, как «на последователей и наследников тех, кто долгое время управлял ими, и о ком они сохранили смутные воспоминания: нам необходимо принять это наследство» [13, p. 18]. Автор пишет: «Если мы свяжем себя с этим славным прошлым, мы перестанем быть иностранцами, чужими, людьми, пришедшими вчера, которых забросил на эту землю счастливый случай, у нас здесь были предшественники, предки; мы пришли, чтобы закончить великое дело цивилизации, прерванное на несколько веков, мы вновь овладеваем древними землями, и эти древние памятники, перед которыми даже Арабы не проходят без уважения, станут символами нашего процветания» [13, p. 18].

В заключении Гастон Буасье отметил: «Греция дала нам искусство, Израиль дал нам религию, у Рима мы учимся управлять народами. Воспользуемся этим» [13, p. 21].

Переходя к выводам, следует отметить следующее: ссылка на прошлое в произведениях французских интеллектуалов делала современную экспансию легитимной в глазах современников, а это значило, что парламент будет охотнее голосовать за новые расходы на экспансию. Опора на прошлые успехи римской колонизации в Северной Африке вдохновляла французских завоевателей. Римское прошлое словно освещало настоящую и будущую экспансию Франции. Оно должно было помогать строить будущую империю. О завоеваниях в Северной Африке публике рассказывалось как о продолжении дела римлян. Подчеркивалась историческая преемственность между римской и французской колонизациями, между задачами римлян и французов, акцентировалось внимание на расовой близости двух народов - колонизаторов.

Если принять во внимание, что идеологи колонизации редко предавались отвлеченным размышлениям об Империи, гораздо чаще они рассуждали о проблемах то или иной территории, то их аргументы в пользу колонизации Северной Африки и Африки южнее Экватора или Индокитая могли отличаться. Римское прошлое отчетливо присутствовало на территории Северной Африки и римские развалины – эти остатки цивилизации на варварской земле, служили ориентирами для французских колонизаторов. Э. Циммерман приводит интересный факт: «французские переселенцы… при выборе участков водворяются предпочтительно в местах, где попадаются римские развалины и нередко строят даже свои дома на римских пепелищах», так как сохранившиеся следы римских колоний до сих пор «служат самыми надежными приметами здоровой и плодородной местности» [3].

Холм Бирса стал примером соседства римских памятников и французских построек. За 40 лет до установления (1881 г.) французского

протектората над Тунисом было построено сооружение – часовня Святого Людовика, которое должно было не только способствовать католической пропаганде в Тунисе, но, по сути, стало тем самым местом памяти, которое помогло утвердить идею преемственности Франции и Рима в Африке. Римские руины вызывали восхищение у военных и почитались французскими завоевателями. Колониальные солдаты и офицеры становились той группой, в которой формировалась коллективная память о прошлом. Эта группа выступала носителем информации о ключевых событиях, наиболее значимых деталях римского прошлого. Для нее эти события были эмоционально окрашенными. Вернувшись на родину, колониальные солдаты и офицеры станут носителями и трансляторами этой коллективной памяти во французском обществе.

Римские развалины на африканской земле, свидетельства величия Рима, способствовали, на мой взгляд, формированию у французов идеи пространственной близости Франции и Северной Африки. Тем острее переживалась во второй половине XX в. потеря Североафриканских территорий в ходе деколонизации, это были не отдаленные территории, такие как Индокитай, это в коллективной памяти был географически близкий регион.

Идеологи колонизации, веря в необходимость экспансии, старались передать эту веру массам. Характерно, что, пропагандируя колониальные идеи, они не пытались специально ввести массы в заблуждение. Французские ученые, публицисты сами находились под воздействием мифов, которые увлекали их. Широко распространен был миф о великом прошлом и прекрасном будущем французской колонизации, о безмерном потенциале Африки, о цивилизаторской миссии Франции. Авторы, чьи работы были рассмотрены, старались привить аудитории знание о великом колониальном прошлом Франции и обращали далекое прошлое на службу политическому настоящему.

Источники и литература / References

1. Нора П. Расстройство исторической идентичности // Мир истории. URL: http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm (Дата обращения 28.10.2017).

Nora P. Rasstroystvo istoricheskoy identichnosti *(Disorder of historical identity)* // Mir istorii. URL: http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm (Accessed: 28.10.2017) (In Russian).

2. Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. С. Л. Утченко. М. Соцэкгиз, 1962. 675 с.

Hrestomatiya po istorii Drevnego Rima *(Reading-book on the ancient Rome history)* / ed by S. L. Utchenko. Moscow: Sotsekgiz, 1962. 675 p. (In Russian).

3. Циммерман Э. По Северным окраинам Африки. Путевые очерки. Тунисия и Алжирия // Вестник Европы. 1899. No. 9. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Afrika/XIX/1880-1900/Zimmermann_E/text3.phtml?id=8203 (Дата обращения 28.10.2017).

Cimmerman E. Po Severnym okrainam Afriki. Putevye ocherki. Tunisiya i Alzhiriya *(On the northern outskirts of Africa. Travel essays. Tunisia and Algeria)* // Vestnik Evropy. 1899. No. 9 URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Afrika/XIX/1880-1900/Zimmermann_E/text3.phtml?id=8203 (Accessed: 28.10.2017) (In Russian).

4. Bancel N., Blanchard P. Les pièges de la mémoire coloniale // Cahiers français. 2001. No. 303. P. 75–83.

5. Boissier G. L'Afrique romaine. Promenades archéologiques en Algérie et en Tunisie. II. Carthage // Revue des Deux Mondes. 1894. 5 févr. P. 764–787.

6. Colonisation et décolonisation dans les cultures historiques et les politiques de mémoire nationales en Europe [Texte imprimé]: modules pour l'enseignement de l'histoire / Uta Fenske, Daniel Groth, Klaus-Michael Guse... [et al.] (dir.). Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2015. 270 p.

7. Coquery-Vidrovitch C. Le passé colonial entre histoire et mémoire // Histoire coloniale et postcoloniale URL: http://histoirecoloniale.net/le-passe-colonial-entre-histoire.html (Accessed: 28.10.2017)

8. Coquery-Vidrovitch, C. Enjeux politiques de l'histoire coloniale. Marseille: Agone, 2009. 190 p.

9. Culture post-coloniale, 1961–2006 [Texte imprimé]: traces et mémoires coloniales en France / [dirigé par] Pascal Blanchard et Nicolas Bancel; en collaboration avec Sandrine Lemaire. Paris: Éd. Autrement, 2011. 287 p.

10. Hardy G. La politique coloniale et le partage de la terre aux XIX et XX siècle. Paris: Albin Michel, 1937. 500 p.

11. Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde / Sous la direction de Hanotaux G. et Martineau A. Paris, 1929–1933. T. I–VI.

12. La fracture coloniale. La société française au prisme de l'héritage colonial. Sous la direction de Nicolas Bancel, Pascal Blanchard, Sandrine Lemaire. Paris: La Découverte, 2005. 322 p.

13. La France en Tunisie / par M. M. Marcel Dubois, Gaston Boissier, P. Gauckler, Dr Bertholon... [et al.]G. Carré et C. Naud (Paris) 1897. 272 p.

14. Le livre noire du colonialisme XVI–XXI siècle : de l'extermination à la repentence / Sous la dir. de M. Ferro. Paris: Robert Laffont, 2003. 840 p.

15. Leroy-Beaulieu P. De la colonisation chez les peuples modernes. Paris: Guillaumin, 1874.

16. Leroy-Beaulieu P. Les progrès de la colonisation en Algérie // Économiste français. 1881. No. 5. 29 janv. P. 125.

17. Les mémoires dangereuses [Texte imprimé]; suivi d'une nouvelle édition de Transfert d'une mémoire / Benjamin Stora avec Alexis Jenni. Paris: Albin Michel, 2016. 231 p.

18. Lonlay, Dick de En Tunisie, souvenirs de sept mois de campagne (3e édition) / par Dick de Lonlay,... Paris: E. Dentu, 1882. 326 p.
19. Nora P. Les Lieux de Mémoire. Paris: Gallimard, 1984–1993. T. I–III.
20. Ruscio A. Le Crédo de l'homme blanc. Regards coloniaux français XIX–XX siècle. Paris: Éd. Complexe, 1995. 410 p.
21. Ruscio A. Y a bon les colonies ?: la France sarkozyste face à l'histoire coloniale, à l'identité nationale et à l'immigration, Pantin, Ed. Le Temps des cerises, 2011. 247 p.
22. Savarese Й. Algérie, la guerre des mémoires. Paris :Impr. Sagim Canale. 2007. 174 p.
23. Stora B. La Gangrène et l'oubli, La mémoire de la guerre d'Algérie Paris: La Découverte. 2005 (1 edition 1998). 384 p.
24. Stora B., Hémery D. Histoire coloniale. Héritages et transmissions. Paris: Bibliotèque publique d'information, 2007. 313 p.

УДК 94(470)

И. В. Островская

РУССКИЕ И ПРОРОССИЙСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ И КРЫМА (1991–1997 гг.)

В статье раскрывается процесс возникновения, становления общественных объединений инициированных русскими, русскоязычными гражданами Крымского региона в первые годы государственного строительства в Украине. Выявлены актуальные аспекты представительства русских этнических интересов в обозначенный период. Анализируются причины создания и дальнейшей трансформации пророссийских общественных объединений в Крыму и Севастополе после распада СССР. Раскрывается деятельность ведущих политических сил полуострова в первой пол. 1990-х гг.: Республиканского движения Крыма, Русской общины Крыма, Российской общины Севастополя и других общественных объединений. Выделяются характерные для первой пол. 1990-х гг. направления деятельности организаций и объединений. Впервые определены особенности деятельности общественных организаций и движений в Крыму и Севастополе. Рассматривается деятельность российских благотворительных фондов по поддержке русского культурного пространства на полуострове. Особое внимание уделяется роли Черноморского флота в содействии работе различных российских благотворительных фондов, неправительственных организаций. Историческая ретроспектива деятельности организаций и общественно-политических движений позволяет сделать вывод об активной позиции в Крыму русского и русскоязычного сообщества в отстаивании своих прав и свобод впервые. Исследование данной проблематики способствует осмыслению специфики политических процессов разворачивающихся в Крыму в первой половине 1990-х гг.

Ключевые слова: русское культурное пространство, Крым, Севастополь, русские общественные объединения, общественно-политические движения, Черноморский флот.

I. V. Ostrovskaya

RUSSIAN, PROPORSIONAL PUBLIC ASSOCIATIONS, SOCIO-POLITICAL MOVEMENTS OF SEVASTOPOL AND CRIMEA (1991 – 1997)

The article reveals the process of emergence and formation of public associations initiated by Russian, Russian-speaking citizens of the Crimean region in the conditions of state construction in the Ukraine in the first half of the 1990s. The actual aspects of the representation of Russian ethnic interests in the period indicated are revealed. The activity of the leading political forces of the peninsula of that period is revealed: the Crimean Republic movement, the Russian community of Crimea, the Russian community of Sevastopol and other public associations. The main directions of activity of public associations and socio-political Russian and Russian-speaking movements of Crimea and Sevastopol in 1991–1997 are specified. The process of creation and transformation of pro-Russian public associations in Crimea and Sevastopol after the collapse of the USSR is analyzed. For the first time, the specifics of the activities of public organizations and movements in the Crimea and Sevastopol have been determined. The activities of Russian charitable foundations are being considered to support the Russian cultural space on the peninsula. Particular attention is paid to the role of the Black Sea Fleet in facilitating the work of various Russian charitable foundations, non-governmental organizations. A historical retrospective of the activities of organizations and socio-political movements allows us to conclude that the Russian and Russian-speaking community are active in the Crimea in defending their rights and freedoms in the first years of state formation in the Ukraine. The material presented helps to understand the peculiarities of the political processes unfolding in the Crimea in the first half of the 1990s.

Key words: Russian cultural space, Crimea, Sevastopol, Russian public associations, social and political movements, Black Sea Fleet.

Важнейшим рубежом современной истории являются события связанные с распадом СССР и появлением на постсоветском пространстве ряда независимых государств. Крым и Севастополь, оказавшись на «геополитическом разломе» государственной коры с наибольшей остротой переживали данные радикальные перемены. Значительная часть населения данных территорий, определявшая себя русскими и русскокультурными гражданами, оказались оторванными от своей исторической родины.

Распад СССР и последующий за ним социально-экономический кризис, плохо контролируемый приток репатриантов, процесс активного становления украинской государственности в Крыму и Севастополе послужили толчком к повышенным темпам консолидации русских и русскокультурных граждан региона. Уже со второй половины 1980-х гг. образованные на волне демократизации советского общества крымские общественные объединения играли важную роль в общественно-политической жизни полуострова. В 1990-е общественные объединения и организации встали во главу борьбы за судьбу автономии, сохранение русской культурной идентификации граждан, их гражданские права. Исследование опыта, стратегии, тактики работы организаций и объединений за истекшие почти четверть века способствует целостному восприятию тех процессов, что разворачивались на данной территории на рубеже XX–XXI вв.

Под русскими общественными объединениями Автономной Республики Крым мы понимаем общественные объединения и организации, зарегистрировавшие свою деятельность согласно законодательству Украины, в своих рядах объединявших тех, кто признает и поддерживает русскую культуру и русский язык, в программах деятельности, в которых имела место защита русского социокультурного пространства, укрепление связей с Россией.

Законодательной основой для работы на полуострове и в городе подавляющего числа общественных организаций и объединений в начале 1990-х гг. являлся Закон СССР «Об общественных объединениях», принятый 9 октября 1990 г. [2]. Регистрация объединений шла на основании закона СССР и Постановления Президиума ВС УССР от 29 сентября 1990 г. «О порядке регистрации общественных объединений» [10]. Необходимо отметить, что советское «перестроечное» законодательство, регулирующее общественную инициативу, продолжало действовать на территории Крыма и в первые годы после обретения Украиной независимости.

Практически все общественные организации, объединения Севастополя и Крыма начала 1990-х гг. функционировали как общественные объединения с официально обозначенными для них функциями, задачами и полем деятельности, которая, в свою очередь, основывалась на принципах независимости, самоуправления, демократии и гласности.

Закон Украины «Об объединениях граждан» был принят 16 июня 1992 г., согласно нему объединением граждан признавалось добровольное общественное формирование, созданное на основе единства интересов для общей реализации гражданами своих прав и свобод [3].

Заметим, что в начале 1990-х гг. наряду с официально зарегистрированными в исполкомах местных советов организациями функционировали и организации, официально не оформленные. Взрыв политической активности в г. Севастополе и на полуострове как следствие реакции на распад СССР и украинизацию привел к тому, что по состоянию на 1996 г. в Севастополе действовало 196 политических партий и объединений, и лишь одна треть из них была официально зарегистрирована [12, с.19].

В 1991–1997 гг. борьба между пророссийскими и проукраинскими силами за статус города и флота была главной особенностью общественно-политической жизни Севастополя, что объяснялось неурегулированностью этих вопросов между Украиной и РФ. Активизация политической активности населения на территории Автономной Республики Крым (АРК) в данный период была связана с трудностями разрешения крымскотатарского вопроса и его влиянием на положение русского и русскоязычного большинства населения на полуострове. Формы участия различных политических партий и движений в решении общественно-значимых проблем были разные: это митинги, пикеты, политические акции несанкционированного характера.

Мощный толчок к развитию в Севастополе гражданского движения дали события, развернувшиеся вокруг Черноморского флота, в особенности визит в город так называемого «поезда дружбы» с боевиками экстремисткой организации УНА–УНСО (Украинская Национальная Ассамблея – Украинская Народная Самооборона). Как вспоминал председатель исполнительного совета УНА–УНСО, один из участников и организаторов данной акции Виктор Мельник: «Своей поездкой мы показали всему народу, что без всякого разрешения свыше группа патриотов может добиться любых поставленных целей, если только захочет. В результате решительных действий был на деле продемонстрирован лозунг организации

«Слова разъединяют, действия – объединяют» [7]. Пройдя маршем по улицам города, с боевыми песнями и развернутыми знаменами, члены организации провели молебен у церкви, где, как им сказали, в 1918 г. большевики расстреляли украинских националистов, затем они были погружены в вагоны и отправлены домой. Абсолютное большинство присутствующих на этом мероприятии горожан не поддержали данную акцию и высказанные на митинге националистические позиции. Данный визит оставил глубоко негативный отпечаток на общественно-политической атмосфере в городе.

В течение 1992 г. в Севастополе возникло несколько общественных организаций, выступавших за пересмотр существующего статуса Севастополя и Крыма в целом. Это были: городское отделение Республиканского движения Крыма (впоследствии Республиканская партия Крыма), Русской партии, Всекрымского движения избирателей за Республику Крым, Русское движение Севастополя. Так, «Русское движение Севастополя» было зарегистрировано в апреле 1992 г. и отстаивало неделимость Черноморского флота с главной базой в Севастополе [14]. В феврале 1992 г. было учреждено городское отделение Республиканского движения Крыма, которое активно стало выступать за становление Крыма как суверенной демократической республики.

В работе севастопольских общественных объединений и организаций данного периода в сравнении с республиканскими организациями был более выражен «пророссийский вектор». Осенью 1992 г. многие организации были объединены в Севастопольское отделение российского Фронта Национального спасения (ФНС) – единственную в Крыму организацию, являющуюся частью политического движения России [5, с. 35]. Инициатором создания севастопольского отделения фронта было Российское народное собрание во главе с А.Г. Кругловым, депутатом городского Совета, который возглавлял в горсовете постоянную комиссию по средствам массовой информации, гласности, обращениям граждан. Наряду с Российским народным собранием в состав фронта вошли общества защиты прав человека, ассоциация «Экология и жизнь», «Единство», «Русское движение Севастополя». Основными задачами деятельности ФНС было последовательное восстановление государственного единства и проведение экономической реформы. Финансирование ее происходило за счет частных, благотворительных средств.

Неоднократно севастопольские организации и объединения, депутаты Городского Совета Севастополя обращались в Верховный Совет России с просьбой рассмотреть вопрос о «российском статусе Севастополя». Командования Черноморского флота (ЧФ) сочувственно относилось к отстаиваемым идеям, однако, старалось не вмешиваться в политическую жизнь города. Заметим, что российская военно-морская база не была локализована, объекты ее инфраструктуры были практически интегрированы в гражданский сектор, это в итоге привело к тому, что в центре межгосударственных противоречий оказалась судьба самого Севастополя.

Инициатором борьбы за российский статус Севастополя стала группа организаций города во главе с А. Кругловым, который возглавлял организацию Российское народное собрание Севастополя [3]. Политической основой деятельности данной группы организаций было юридическое заключение Верховного Совета России по правовой оценке передачи в 1954 г. Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Данную позицию поддерживал ряд депутатов ВС России, таких как С. Н. Бабурин, К. Ф. Затулин, Е. Пудовкин, В. Б. Исаков и др.

К 1993 г. ухудшение социально-экономической жизни в Украине привело не только к спаду производства в регионе, растущей безработице и ухудшению материального обеспечения крымчан и севастопольцев, но и к резкому подъему политического активности населения [9, с. 99]. С января по апрель 1993 г. в Севастополе постоянно проходят многочисленные митинги трудящихся и жителей города, при поддержке отраслевых профсоюзов с требованиями отмены законодательных актов разделяющих экономику Украины и России, восстановления контроля трудовых коллективов над ростом цен, против закрытия предприятий, за установление фиксированных цен на товары первой необходимости. Среди требований имевших всенародную поддержку были требования возвращения Украины в «рублевую зону», предоставление русскому языку статуса второго государственного, обеспечение права на двойное гражданство.

Бурная политическая активность разных слоев населения, все чаще выражавшаяся в несанкционированных митингах, повлияла на решение городских властей Севастополя о введении моратория на любые политические акции.

Ситуацию в Севастополе относительно стабилизировали подписанные в мае 1997 г. соглашения по Черноморскому флоту, а в июне того же года – Договор «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве» между Россией и Украиной.

Идейные принципы и установки, декларируемые русскими и пророссийскими организа-

циями, которые начали создаваться в Крыму и Севастополе в первой половине 90-х гг. XX в., основывались на двух базовых целях:

– восстановление политических, экономических, культурных связей Крыма с Российской Федерацией, разорванных в ходе развала СССР;

– защита русского социокультурного пространства в Крыму.

Наиболее влиятельной из пророссийских организаций, действовавших в Крыму в первой половине 1990-х гг., было Республиканское движение Крыма (РДК). Оно оформилось в сентябре – декабре 1991 г. [13, с. 6]. Цель движения – добиться отделения Крыма от Украины, провозгласив ее независимой республикой или добиться ее присоединения к России. Организация официального членства не имела. В сентябре 1993 г. произошло выделение из РДК новой партии центристского толка – Республиканской партии Крыма. 20 апреля 1994 г. в Севастополе управлением юстиции было зарегистрировано городское отделение данной партии. На 1 января 1996 г. численность членов партии составляла 1500 чел. Ее работа была направлена на политическое, экономическое возрождение Крыма, становление его государственности и сохранение в составе СНГ.

В 1993 г. по инициативе крымских активистов движения, руководства Республиканской партии Крыма в Симферополе 23 октября 1993 г. было решено образовать общественную организацию главным направлением деятельности которой стала защита интересов и прав всех крымчан, считавших русский язык и русскую культуру родными. Организация получила название Русская община Крыма и была официально зарегистрирована Министерством юстиции Республики Крым 22 марта 1994 г. Вскоре стала расти и формироваться сеть региональных отделений партии на полуострове, которая, однако, не охватывала Севастополь [16].

Сегодня, по-прежнему, РОК сохраняет статус самой авторитетной русской общественной организации на полуострове, так как имеет юридический статус, располагает региональной сетью, материально – технической базой, имеет представителей в органах республиканской власти, поддерживает и развивает связи с федеральными органами РФ.

Спецификой деятельности русских и пророссийских организаций Севастополя в 1991–1997 гг. были активная борьба за юридическое оформление статуса Севастополя, за бессрочную пролонгацию договора о базировании в городе базы ЧФ РФ, за придание русскому языку статуса государственного, за тесное сотрудничество с Россией и вхождение в единое экономическое пространство с Белоруссией и Россией.

Одними из самых авторитетных партий и движений пророссийского направления в Севастополе были: Российское Патриотическое собрание, более известное как «Народное вече», Всекрымское движение избирателей за Республику Крым, Севастопольское отделение Республиканской партии Крыма, созданное на базе Республиканского движения Крыма, Российская община Севастополя, Русская община Севастополя.

Российская община Севастополя (РОС) была образована в начале 1993 г. Ее первым председателем избрали Сергея Павловича Чирича, а после его смерти общину возглавила Раиса Федоровна Телятникова. К началу 1994 г. РОС насчитывала 1000 членов – жителей Севастополя [6].

Задачами данной организации были: способствовать получению жителями Крыма российского гражданства, отстаивание интересов русскоязычного населения Крыма и Севастополя в вопросах развития культуры, науки, искусства, туризма, через расширение информационного пространства налаживание деловых, экономических связей с РФ. Значительное внимание уделялось шефской работе в школе № 8. Эта единственная русская община на полуострове, в отношении которой в ноябре 1995 г. рассматривался вопрос о принудительном роспуске по заявлению прокурора города И. Вернидубова за «инициирование процессов, направленных на отторжение Севастополя от Украины, а также разжигание национальной и расовой неприязни». Интересы общины в суде представлял московский адвокат Б. Кузнецов. Решение суда было вынесено в пользу Российской общины Севастополя, иск прокурора был отклонен.

Другой не менее популярной общественной организацией являлась Русская община Севастополя. Она была образована 15 сентября 1995 г. как городская общественная организация, имела численность около 200 членов, а также автономный статус по отношению к Русской общине Крыма. Организация активно сотрудничала с политическими партиями РФ, в частности, с КПРФ. Как и РОС, она в своей деятельности уделяла особое значение развитию и популяризации русской национальной культуры, военно-патриотическому воспитанию, выступала против украинизации по принципу «Русским детям, в русском Севастополе, русскую историю, литературу и русский язык», а также за законодательное оформление статуса города. Активно работала с подшефной

школой №16 Нахимовского района г. Севастополя [11].

Первостепенное значение в информационной, правовой, культурной, социальной поддержке русских и российских соотечественников в Крыму и Севастополе принадлежала Фонду развития экономических и гуманитарных связей «Москва – Крым» и благотворительному фонду «Москва – Севастополь».

Фонд развития экономических и гуманитарных связей «Москва – Крым» был учрежден Правительством Москвы 2 ноября 1996 г. для наиболее эффективного взаимодействия с государственными, общественными и хозяйственными организациями Автономной Республики Крым [8, с. 153]. Во всех направлениях своей работы Фонд опирался на тесное сотрудничество с органами местной власти, Генеральным Консульством России в г. Симферополе, российскими государственными структурами, работающими в регионе, а также общественными организациями российских соотечественников, проживающих в Крыму.

Важным вкладом данной организации в обеспечение прав русского населения на получение информации на русском языке и сохранение российского информационного присутствия в Крыму являлась работа по поддержке периодических изданий. Ряд проектов культурно-образовательной направленности, реализуемых российским фондам, правительственными структурами РФ и крымскими общественными объединениями способствовали формированию новых и возрождению забытых исторических традиций.

Взаимодействие с российскими соотечественниками в Севастополе, оказание социальной помощи военнослужащим и их семьям, поддержка и сохранение историко-культурного наследия связанного с русской культурой, языком, традициями осуществлялись через созданный в 1994 г. по инициативе правительства Москвы и мэра Ю. М. Лужкова благотворительный фонд «Москва – Севастополь» [1]. С октября 1994 по октябрь 1997 гг. фондом было проведено более 130 благотворительных акций на сумму более 1 млрд руб. Основными направлениями программ были: социальное, медицинское, учебное, историко-культурное, техническое. Фонды «Москва – Крым», «Москва – Севастополь» оказывали постоянную поддержку общественным объединениям Крыма и Севастополя, тесные контакты поддерживались с Русской общиной Крыма, Российской общиной Севастополя и другими организациями.

Стремление к объединению русских и российских общин Крыма и Севастополя, понимание необходимости координации их деятельности выразилось в учреждении 31 марта 1997 г. Совета Российских и Русских общин Крыма. Общая численность вошедших в Совет членов составляла к моменту его образования 7165 чел., а коллективных членов – 6. В январе 1999 г. данная организация награждена медалью Государственной Думы Российской Федерации за работу по отстаиванию прав русского населения в Крыму [15].

29 июня 1995 г. был учрежден Конгресс русских общин Крыма. Наряду с деятельностью по защите русского культурного пространства, культурно-просветительской работой, сохранению, налаживанию и развитию связей с исторической Родиной, предусматривалось активное взаимодействие республиканских организаций со структурами Русской Православной Церкви [4].

Стремление к объединению русских и пророссийских организаций Севастополя выразилось в организационном оформлении Русской думы Севастополя 1 января 1997г. В нее вошло более 20 общественных организаций города. Позже организационно и структурно Русская дума Севастополя вошла в состав Национального съезда русского народа Крыма.

Таким образом, современная политическая история Крымского региона насыщена множеством различных событий, оказавших влияние и на процесс формирования гражданского общества в границах самого регионального сообщества, и на процесс межгосударственного, российско-украинского взаимодействия. Первая половина 1990-х гг. прежде всего характеризуется бурным ростом численности русских общественных организаций, движений на полуострове и в г. Севастополе, которые оказались на «геополитическом разломе» государственной «коры». Активная позиция организаций заключалась в стремлении к объединению, сплочению населения, в поиске эффективной модели взаимодействия с различными представителями сообщества, органами государственной власти по вопросам перспектив развития региона.

Исследование деятельности русских и пророссийских общественных организаций и объединений в 1991–1997 гг. дает представление о начальном этапе формирования русского движения в Крыму и Севастополе на рубеже XX–XXI веков. Опыта политического участия данных организаций и объединений в решении актуальных проблем регионального сообщества важен не только для Крыма, но и для других регионов компактного проживания русского и русскоязычного населения в разных странах СНГ, где сегодня ему все чаще приходится отстаивать свои гражданские права.

Источники и литература

1. Горбачев С. Фонд «Москва – Севастополь» расширяет поле деятельности // Флаг Родины. Севастополь. 2000. 3 июня.
2. Закон СССР «Об общественных объединениях» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР. 1990. №42. Ст. 839.
3. Закон Украины «Об объединениях» // Ведомости Верховной Рады. 1992. №34. Ст. 504.
3. Интервью с Кругловым А. Российскому народному собранию – быть // Слава Севастополя. 1995. 8 августа.
4. Конгресс русских общин Крыма (КРО – КРЫМ). URL:http://kro-krim.narod.ru (Дата обращения: 05.09.2017).
5. Мальгин А.В. Крымский узел. Очерки политической истории Крымского полуострова. 1989–1999. Симферополь: Новый Крым, 2000. 160 с.
6. Мамлыга В. Дорогу осилит идущий // Флаг Родины. 2008. 22 января.
7. Ми – зУНСО, ч. 3, гл. 1 «Без плаща и кинжала». URL: http://www.una-unso.org (Дата обращения: 05.09.2017).
8. Мосты дружбы. Украина – Россия / авт.- сост. В. Болгов. Киев: ОАО «Полиграфкнига», 2005. 208 с.
9. Полунов А. Ю. Общественные организации русского Крыма: политическая деятельность, стратегии взаимоотношения с властью // Государственное управление. 2009. Вып. №21.
10.Постановление Президиума Верховного Совета Украинской ССР «О порядке регистрации общественных объединений» // Ведомости Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики. 1990. № 49. 4 декабря. Ст. 640.
11. Русская община Севастополя. URL: http//sevrus.info (Дата обращения: 02.09.2017).
12. Севастополь сегодня: Справочный материал: рукопись. 1997 // Научный архив Музея героической обороны и освобождения Севастополя (НМГООС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 1288-3.
13. Севастополь на рубеже тысячелетий / И.И. Куликов и др. Севастополь: Арт-Политика, 2003. 640 с.
14. Сибилева М. За славу русского народа // Слава Севастополя. 1992. 25 апреля.
15. Совет Российских и Русских общин Крыма. URL: http:www.russia.crimea.com (Дата обращения: 25.08.2017).
16. Этапы становления Русской общины Крыма. URL: http://www.ruscrimea.ru (Дата обращения: 25.08.2017).

References

1. Gorbachyov S. Fond “Moskva – Sevastopol’’ rasshirjaet pole dejatel’nosti *(Foundation “Moscow – Sevastopol” expands the field of activity)*. // Flag Rodiny. 2000. 3 June. (In Russian).
2. Zakon SSSR “Ob obshhestvennyhob’edinenijah” *(Law of the USSR “On public associations”)* // Vedomosti S’ezdanarodnyh deputatov SSSR i VS SSSR. 1990. No.42. Art. 839. (In Russian).
3. ZakonUkrainy “Ob ob’edinenijah” *(The Law of the Ukraine “On Associations”)* // Vedomosti Verhovnoj Rady Ukrainy. 1992. No. 34. Art. 504. (In Russian).
3. Inter’ju s Kruglovym A. Rossijskomunarodnomusobraniju – byt’ *(Interview with A. Kruglov Russian People’s Assembly will be established)* // Slava Sevastopolja. 1995. 8 August. (In Russian).
4. Kongress russkih obshhin Kryma (KRO – KRYM) *(Congress of Russian communities of Crimea (KRO – CRIMEA)*. URL: http://kro-krim.narod.ru (Accessed: 05.09.2017). (In Russian).
5. Mal’gin A. V. Krymskijuzel. OcherkipoliticheskojistoriiKrymskogopoluostrova. 1989–1999 *(The Crimean knot. Essays on the political history of the Crimean peninsula. 1989–1999)*. Simferopol’: NovyjKrym Publ., 2000. 160p. (In Russian).
6. Mamlyga V. Dorogu osilit idushhij *(Walking makes the road)* // Flag Rodiny. 2008. 22 January. (In Russian).
7. Mi – z UNSO, ch. 3, gl. 1 “Bezplashha i kinzhala” *(We – with the UNSO, part 3, Ch. 1 “Without a cloak and a dagger”)*. URL: http://www.una-unso.org (Accessed: 05.09.2017). (In Russian).
8. Mostydruzhby. Ukraina – Rossija *(Bridges of friendship. The Ukraine – Russia)* / ed by V. Bolgov. Kiev: OAO “Poligrafkniga”, 2005. 208 p. (In Russian).
9. Polunov A. Ju. Obshhestvennye organizacii russkogo Kryma: politicheskaja dejatel’nost’, strategii vzaimootnoshenija s vlast’ju *(Public organizations of the Russian Crimea: political activity, strategy of the relationship with the authorities)* // Gosudarstvennoe upravlenie. 2009. Issue 21. (In Russian).
10. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Soveta Ukrainskoj SSR “O porjadke registracii obshhestvennyh ob’edinenij” *(Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the Ukrainian SSR “On the procedure for registration of public associations”)* // Vedomosti Verhovnogo Soveta Ukrainskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki. 1990. 4 dekabrja. No.49. Art.640. (In Russian).
11. Russkaja obshhina Sevastopolja *(Russian community of Sevastopol)*. URL: http//sevrus.info (Accessed: 02.09.2017). (In Russian).
12. Sevastopol’segodnja: Spravochnyj material: rukopis’. 1997 *(Sevastopol today: Background material: manuscript. 1997)*. // Nauchnyjarhiv Museum of heroic defense and liberation of Sevastopol *(Scientific archive of the Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol)*. F. 2. Inv. 2. D. 1288-3. (In Russian).
13. Sevastopol’ na rubezhe tysjacheletij *(Sevastopol at the turn of the millennium)*. Sevastopol’: Art-Politika Publ., 2003. 640 p. (In Russian).
14. Sibileva M. Zaslavurusskogonaroda *(For the glory of the Russian people)* // Slava Sevastopolja. 1992. 25 April. (In Russian).
15. Sovet Rossijskih i Russkih obshhin Kryma *(Council of Russian and Russian communities of Crimea)*. URL: http:www.russia.crimea.com (Accessed: 25.08.2017). (In Russian).
16. Jetapy stanovlenija Russkoj obshhiny Kryma *(Stages of the formation of the Russian community of the Crimea)*. URL: http://www.ruscrimea.ru (Accessed: 25.08.2017). (In Russian).

УДК 94(73)

Т. В. Пантюхина

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС

В статье анализируются материалы американской газеты Нью-Йорк Таймс, посвященные революционным событиям 1917 г. в России. Нью-Йорк Таймс – основное печатное издание, которое отражало взгляды политического истеблишмента. В ноябре 1917 г. Нью-Йорк Таймс сообщала о русской революции как о главной международной новости, а в декабре 1917 г. – одной из главных новостей, наряду с мировой войной. Публикации газеты содержали факты без оценок, однако в комментариях ощущался пессимизм. Особое беспокойство американцев вызывало то, как повлияет революция на роль России в мировой войне. Репортажи из России, подаваемые скупым телеграфным стилем, могли лишь озадачить американского читателя. Пытаясь приблизить соотечественников к пониманию сути событий, газета публиковала аналитические материалы, например, очерк революционера-иммигранта из России М. Ольгина «Вождь большевиков». Удачным приемом освещения русских событий является публикация нарративов очевидцев. Один из них повествует о работе революционного трибунала в Петрограде на примере судебного дела графини Паниной. Другой нарратив – это путевые заметки американского бизнесмена С. Ловича с яркими зарисовками повседневной жизни в революционной столице. Таким образом, Нью-Йорк Таймс пыталась донести до читателя не только перипетии политических событий, но и специфику революционной повседневности.

Ключевые слова: США, Россия, Октябрьская революция, Нью-Йорк Таймс, повседневная жизнь.

T. V. Pantyukhina

NEW YORK TIMES ON THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

The article analyses the coverage of the Revolution of 1917 in Russia by the American newspaper New York Times. It was the most influential print media which expressed opinions of the political establishment. In November, 1917, New York Times featured the Russian Revolution as the main international news. The publications contained mere facts without conclusions but the comments sounded pessimistic. An object of deep concern was the impact of the Revolution on the role of Russia in WWI. The reports from Russia written in a dry telegraphic style could just confuse an American reader. In order to provide an insight into the Revolution the newspaper published analytical materials such as the essay “Bolsheviki’s Chief” by the Russian revolutionary immigrant M. Olgin. Apart from analytical materials New York Times published some narratives by witnesses. One of them described the procedures of the revolutionary court in Petrograd through the trial of countess Panin. Another narrative written by an American businessman S.Lovich provided vivid sketches of everyday life in revolutionary Petrograd. To conclude, New York Times not only covered the twists and turns of political life but also the specific character of revolutionary daily routine.

Key words: the USA, Russia, October Revolution, New York Times, everyday life.

Каждая русская революция – 1905–1907 гг., 1917 г. или начала 1990-х – вызывала в США надежды и разочарования. Как справедливо отмечает известный отечественный американист В. И. Журавлева, «американцы не могли оставаться равнодушными к революциям за пределами Соединенных Штатов, поскольку изначально видели свою задачу в том, чтобы явить миру модель идеального политического устройства, возникшего в ходе идеальной в своем роде революции» [2].

В 1917 г. американское общество переживало новое увлечение русской революцией. Об этом свидетельствует интересный факт: летом 1917 г. общественный «Фонд русской свободы» во главе с экс-президентом Уильямом Тафтом

начал в США сбор средств на изготовление копии Статуи Свободы в подарок новой великой демократии. (По известным причинам план не материализовался) [2]. Конечно, трудно сказать, что думали о событиях в России фермеры в американской глубинке, и думали ли они об этом вообще. Но нью-йоркские, вашингтонские и чикагские газеты откликнулись обширно. Особенно следует выделить Нью-Йорк Таймс - основное печатное издание, которое отражало взгляды политического истеблишмента. Значение этой газеты было гораздо больше, чем в настоящее время, ввиду отсутствия радио, телевидения и интернета. В ноябре 1917 г. Нью-Йорк Таймс сообщала о русской революции как о главной международной новости, на самых видных местах, с большими заголовками на первой полосе.

8 ноября 1917 г. Нью-Йорк Таймс вышла с заголовком «Большевики захватили правительственные здания, бросив вызов Керенскому». Подзаголовки: «Премьер собирает войска и объявляет Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов нелегальным», «Предпарламент, вынужденный оставить дворец, поддерживает его», «Северная армия предлагает помощь». Поскольку слово «большевики» было непонятно американскому читателю, корреспондент Г. Вильямс часто заменяет его близким, с его точки зрения, по значению: «экстремисты». Он отмечает, что в целом в столице сохраняется нормальная обстановка: никаких уличных беспорядков, за исключением заурядного криминала. Жизнь города идёт своим чередом, даже уличное движение не нарушено [3].

В выпуске от 19 ноября 1917 г. события в России снова занимают первую полосу Нью-Йорк Таймс. «Гражданская война продолжается», сообщает Вильямс. Ключевые события – приближение войск к Петрограду и Москве «с неизвестными целями», уход с политической арены Керенского, разногласия в правительстве Ленина. Вильямс снова отмечает относительно спокойную обстановку в городе [4]. В номере от 22 ноября читаем: «Дети ходят в школу, дворники метут улицы, конторы работают». Город живет прежней жизнью, в то время как политические события разворачиваются: Ленин обращается с воззванием к крестьянам, Совет народных комиссаров пытается наладить работу государственной машины [5].

Публикации новостей содержали факты без оценок. Однако в комментариях ощущался пессимизм. Нарушение стабильности в России воспринимали с опаской. Беспокойство вызывали факты самосудов, силового захвата правительственных зданий и оружия, поведение неуправляемой толпы, и, как следствие, непредсказуемость России.

Особое беспокойство американцев вызывало то, как повлияет революция на роль России в мировой войне. США вступили в нее в апреле 1917г. и воспринимали себя частью Антанты. Тема переговоров о мире, обсуждавшаяся на заседании Совнаркома 24 ноября, вызвала раздраженный комментарий Нью-Йорк Таймс от 26 ноября. Цитируя Ленина, выступившего на том заседании, газета писала: «Большевистский премьер Ленин заявил: «Наша партия никогда не говорила, что мы дадим мир немедленно. Мы говорили, что мы немедленно внесем предложение о мире… Мы начинаем революционную борьбу за заключение мира». Комментарий газеты: «Неправда, что Ленин не обещал мира немедленно. Он обещал, и именно поэтому массы пошли за ним… Ленина привела к власти толпа. Его власть зависит от переменчивой толпы, которая ждет от него выполнения обещаний и уже начинает недовольно роптать… Его кампания за заключение мира – рывок отчаяния повязанного по рукам и ногам картежника» [6]. Далее газета обвиняет большевиков в отсутствии созидательных потенций и обладании «огромной разрушительной силой». «Они могут вызвать опустошение и назовут это миром. Они могут окончательно деморализовать армию и низвести ее до сборища голодных орд грабителей, которые растекаются по стране, блокируя железнодорожное сообщение; они могут довести гражданское население до голодного состояния и смертельного ужаса; они будут драться как волки, за свою добычу. И все это, как они утверждают, во имя мира. Результаты прихода к власти большевиков уже налицо: транспортное сообщение нарушено, поставки продовольствия в армию заблокированы, армейские комиссары телеграфируют о надвигающемся голоде в армии» [6].

29 ноября события в России снова в центре внимания. Тон газеты более оптимистичный, так как из всего многообразия событий главное, по мнению, Вильямса, «усилия большевиков по разложению армии не увенчались успехом» [7]. Однако уже 1 декабря газета сообщает о положении в армии: физическая и моральная усталость от войны, разложение армии [8].

Еще один вопрос, которому газета уделяла внимание – это аграрный вопрос. 26 ноября Нью-Йорк Таймс комментирует декрет о земле и высказывает мрачное предположение: он «неминуемо приведет к жакерии» [6]. 7 декабря газета выходит с заголовком «Россия охвачена

пожаром бунтов». Сообщается о «вспышке жакерии» в центральных районах страны, спровоцированной декретом о земле. Разрушения помещичьих усадьб и фермерских хозяйств приняли огромные масштабы и оцениваются в десятки миллионов долларов [10].

Номер газеты от 30 декабря был посвящен итогам года. На нескольких страницах был размещен материал «1917 год в хронологии и статистике», в котором имелся раздел «Русская революция». Хронология событий за год акцентирует внимание не столько на политических перипетиях в России, сколько на их влиянии на участие России в мировой войне [12].

Нетрудно предположить, что репортажи из России, подаваемые скупым телеграфным стилем, могли лишь озадачить американского читателя. Кадеты, эсеры, большевики, меньшевики, казаки, Советы, ревкомы, рабочие и солдатские депутаты, красногвардейцы – все это было малопонятно американцу, как и калейдоскоп ничего не говорящих имен: Троцкий, Каменев, Каледин, Корнилов, Крыленко. Иногда возникает ощущение, что и сам автор репортажей, Г. Вильямс, с трудом осмысливает происходящее. В материале от 1 января 1918 г. очередную сводку русских новостей он начинает следующими словами: «Добиваться невозможного (дословно: «square a circle, сделать из круга квадрат») – задачка полегче, чем анализировать нынешнюю ситуацию. Есть три загадочных фактора: большевистская психология, германские планы и Учредительное Собрание. Последнее из трех – наименее загадочно» [13].

Г. Вильямс был не единственный газетчик, кого ставили в тупик события в России. 13 января 1918г. редакция Нью-Йорк Таймс признает, что «корреспонденты, освещающие перемены в России в последние десять месяцев, время от времени шлют телеграммы с жалобами на то, что они не могут описать странные феномены социально-политической революции» [14]. Если уж эти события не поддаются описанию, продолжает газета, то, может быть, отдельные примеры помогут воссоздать общее представление о российской действительности.

Удачную попытку приблизить читателя к пониманию сути событий через призму отдельной биографии мы находим в номере газеты от 26 декабря [11]. Под заголовком «Суд-фарс над графиней Паниной» Г. Вильямс рассказывает о новой судебной системе, установленной большевиками. Отменив всю прежние судебные органы, новая власть учредила революционный трибунал. Первое его заседание, состоявшееся в Петрограде 23 декабря, рассматривало дело графини Паниной. Г. Вильямс с уважением и симпатией пишет о графине как социальном реформаторе: «женщина огромной энергии, деятельная и преданная общественному благу». Благотворительной деятельности Панина посвятила 20 лет своей жизни. Она основала и содержала на свои личные финансовые средства Народный дворец в рабочем квартале Петрограда – единственное в городе заведение для обучения и досуга рабочих. Графиня и ее Народный дворец были далеки от политики. Но когда началась революция, Панина присоединилась к партии кадетов. Ее выбрали в центральный комитет партии, а во Временном правительстве ее назначили заместителем министра образования. За день до открытия Учредительного Собрания графиня Панина и другие деятели Временного правительства были арестованы и отправлены в тюрьму. Паниной было предъявлено обвинение в сокрытии средств министерства образования на сумму 90 000 руб. Панина действительно отказалась передать эти деньги в руки большевиков, заявив, что передаст их законной власти – Учредительному Собранию. Член следственного комитета, моряк по роду занятий, предложил графине свободу при условии, что она заплатит 170 000 руб. Когда графиня попросила объяснить, что означает это абсурдное требование, другой следователь сообщил, что для ее освобождения достаточно будет половины озвученной суммы. Американский корреспондент не употребляет слово «взятка», но ситуация обрисована достаточно прозрачно. Панина отказалась обсуждать это предложение и была снова отправлена в тюрьму. Газеты печатали протесты против ее ареста. В числе протестующих был М. Горький [11].

Корреспондент подробно описывает процедуру суда, которая, очевидно, произвела на него сильное впечатление – так разительно было ее отличие от общепринятой юридической практики. Революционный трибунал, судивший Панину, состоял из двух солдат и шести рабочих, избранных Советами. Графиня отказалась признать себя виновной и заявила, что передаст финансы министерства образования только председателю Учредительного Собрания или назначенному Собранием правительству. Два защитника подсудимой (один из них – рабочий) подчеркивали ее благородство и порядочность, ее заслуги на поприще благотворительности. «Нельзя судить ее только за то, что она – графиня. Я низко кланяюсь этой женщине», – сказал рабочий, знавший Панину по работе в ее Народном дворце. Аргументы

со стороны обвинения поразили американского корреспондента: «Это правда, что графиня Панина – женщина благородная, что большую часть своего состояния она пожертвовала народу. Но жизнь – это борьба за существование. Поле жизни усеяно костями благородных людей, а мы сражаемся за интересы рабочего класса. Останавливаться в борьбе только потому, что отдельные личности обладают благородным характером – это трусость!» [11]. Суд постановил держать графиню Панину в тюрьме до тех пор, пока она не сдаст министерские денежные средства.

Изложив историю первого суда ревтрибунала, американский корреспондент высказывает предположение о том, что подобный процесс ожидает министров Временного правительства, находящихся в тюрьме. Он также сообщает, что партия кадетов была объявлена вне закона, а дома кадетских лидеров подверглись вторжениям и обыскам. «Это странный мир», – заключает свою зарисовку революционных будней Г. Вильямс [11].

Большой интерес представляет аналитический материал о событиях в России, опубликованный 2 декабря 1917 г. [9]. Газета выделила значительное газетное пространство – две страницы – очерку «Вождь большевиков» с подзаголовком, в который был вынесен главный тезис: «Биография и теории Николая Ленина. Он путает игру своего воображения с реальностью». Очерк был перепечатан из другого американского издания. Его автор – М. Ольгин, эмигрант из России, революционер, член БУНДа. М. Ольгин подробно излагает биографию большевистского лидера, дает его портретную характеристику, основанную на личных впечатлениях, встречах в Женеве. Он отмечает ничем не примечательную внешность Ленина. «Но если вы заглянете в его глаза и услышите его публичное выступление, вы вряд ли забудете этого человека», – пишет Ольгин. Он отмечает, что в кругу русских революционных иммигрантов Ленин выделялся ораторским талантом. «Его способность дебатировать поразительна. Он не просто отвечает оппоненту – он его препарирует. Он обладает резким, как острие бритвы, умом и проницательностью. Он замечает малейший изъян в аргументах оппонента. При этом он саркастичен. Он высмеивает оппонента, бичует его. Он умеет создать впечатление, что его оппонент – невежественное, самонадеянное ничтожество. И даже если ты понимаешь, что его система доказательств схоластична, ты сметен силой его логики, поражен его интеллектуальной мощью». Именно этот дар убеждения, помноженный на эрудицию и огромную личную смелость, сделал Ленина лидером социал-демократов, убежден автор [9].

М. Ольгин анализирует труды Ленина «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Он одержим, утверждает М. Ольгин, романтической идеей революционного восстания рабочих и крестьян под руководством профессиональных революционеров и установления диктатуры пролетариата. Ольгин уверен, что эта идея неосуществима в России: «страна дезорганизована, производительность труда низка, трудящиеся массы не имеют опыта самоуправления и общественно-политического опыта; крестьянство не разделяет социалистических идей». Ситуация в России 1917 г., продолжает Ольгин, мало чем отличается от ситуации 1905г., когда Ленин констатировал невозможность построения социализма в этой стране. «И все же он продолжает проповедовать социализм в растерзанной войной и обнищавшей России» [9].

Первые шаги большевиков под руководством Ленина в начавшейся революции М. Ольгин оценивает достаточно осторожно: ситуация сложная, влияние большевиков распространяется не далее Петрограда. Удастся ли Ленину привлечь на свою сторону рабочих за пределами столицы и солдат на фронте – остается под вопросом. Лозунги Ленина апеллируют к необразованной и неорганизованной массе. Они просты и понятны: «Остановить войну любой ценой. Фабрики – рабочим. Долой буржуазные партии». Программа сформулирована таким простым языком, что понятна даже необразованному человеку. Она «закидывает ловушку, чтобы привлечь толпу, и при этом умалчивает жизненно важные вопросы. Солдатам обещано перемирие – то, чего они жаждут. Однако ничего не говорится о том, что предпримут большевики, если союзники откажутся последовать примеру России. Во втором программном пункте «Землю – крестьянам!» замалчивается то обстоятельство, что для такой фундаментальной реформы понадобятся многие годы предварительной проработки вопроса», утверждает автор. Программа Ленина – не путь решения насущных проблем, а всего лишь призыв солдатам прекратить воевать, а крестьянам – начать захватывать землю [9].

Основной тезис очерка состоит в том, что Ленин – догматик. М. Ольгин утверждает, что Ленин «живет в своем воображаемом мире», «видит мир исключительно в свете своих соб-

ственных идей» – построения социализма в России, для которого, по мнению автора, в России нет ни малейших предпосылок [9].

Публикация очерка М. Ольгина – первая попытка Нью-Йорк Таймс провести анализ событий в России, а не просто констатировать факты и сухо излагать события.

Лучшая, на мой взгляд, публикация Нью-Йорк Таймс о Русской революции содержится в номере за 13 января 1918 г. [14]. Как упоминалось выше, именно в этом выпуске редакция признала отчаяние и бессилие журналистов постичь суть революционных событий, а также высказала предположение, что нарративы очевидцев помогут воссоздать особенности ситуации, по крайней мере, «на поверхности русской жизни». Под заголовком «Россия – страна беспорядков, в которой немногие работают, многие грабят и все страдают от тирании черни. Сцены повседневного насилия и грабежей» были опубликованы записки молодого американского бизнесмена с русскими корнями Самюэля Ловича. Он провел в России полгода – с июля до конца 1917г. в качестве представителя синдиката американских экспортеров. Лович прибыл в страну из Харбина, проехал всю Сибирь и европейскую часть страны – до Одессы на юге и Архангельска на севере. Он посетил Москву и Петроград в дни Октябрьского переворота. Начинает он свои заметки с того, что ожидаемо должно было поразить делового американца, воспитанного на идеалах трудовой этики. «Без преувеличения можно сказать, что в России никто не работает. Исключение составляют австрийские и немецкие военнопленные» [14]. Причем последние заняты не только физическим трудом. В качестве примера Лович приводит историю, которую он услышал в одном уездном селе Красноярской губернии. Там проворовался местный чиновник, присвоивший 250 рублей. Его отстранили от должности, а замену ему никак не могли найти: не было кандидатуры, в честность которой верили бы местные. Единственным человеком, которому доверяли все жители, оказался австрийский военнопленный. Его и избрали на должность, а в помощники ему назначили другого австрийца. Лович пишет, что австрийские чиновники работали на совесть, жители были довольны их работой [14].

Сибирь, где он провел лето 1917 г. произвела благоприятное впечатление на американца: «Продовольствия предостаточно, причем по нормальным ценам; в обращении – не бумажные, а металлические деньги». Типичный сибиряк Ловичу представляется как «русский фермер традиционного типа, не зараженный, в отличие от молодого поколения с европейской части России, социалистическими идеями и стремящийся к стабильной форме правления» [14].

В Петрограде Лович оказался свидетелем иной ситуации, абсурдность которой его удивила. «Несмотря на обилие продовольственных запасов, в городе установлен продуктовый рацион в размене полфунта черного хлеба на человека в день. Причем хлеб продается в полусыром виде – так он весит больше». Причина продовольственных трудностей – дезорганизация работы транспорта. «4 000 вагонов с продовольствием гниют на железнодорожных путях, многие из них стоят там с августа (по октябрь). Причина проста: вагоны некому разгружать» [14].

В русской столице Лович оказался в ноябре (по новому стилю), когда город находился в эпицентре революционных событий. К началу революции население столицы удвоилось и достигло 3,5 млн чел. за счет солдат, дезертировавших с фронта, беженцев, а также старых революционеров со всех концов России, надеявшихся сделать карьеру в революционной столице. «В прежние времена Петроград называли гидрой, высасывающей все жизненные соки из страны и ничего не дающей взамен. Сейчас ничего не изменилось», – пишет Лович [14].

С тонким юмором Лович делает зарисовки революционных будней. Например, он пишет о всеобщей мании профсоюзного движения. «Есть профсоюз горничных, профсоюз вахтеров, профсоюз помощников вахтеров, профсоюз носильщиков. В Одессе профсоюз вахтеров устроил забастовку. Одним из требований бастующих было: заменить слово «вахтер» на «жилищный инспектор».

Забастовка, по словам Ловича – одно из любимых развлечений народа. К примеру, рабочие железнодорожного депо устроили забастовку по причине, что «они не хотят более ремонтировать паровозы, потому что те обслуживают путешествия буржуазии». Бастуют аптекари, бастуют студенты, требующие (как в Саратове) студенческого представительства в ученом совете. Когда саратовские вузы предоставили это право студентам, вахтеры учебных заведений устроили забастовку с аналогичным требованием и тоже получили право иметь своих представителей в ученых советах вузов.

Другое любимое занятие русских – это митинги. Слово это вошло в русский язык из английского и стало популярным в эти дни, однако приобрело специфически революци-

онный смысл. Особенность русского митинга в том, что «все хотят говорить, и никто не хочет никого слушать». Ораторский талант играет большую роль в революции. «Именно дивному красноречию обязан своим возвышением Л. Троцкий», – считает автор. Но другие факторы все же важнее. Например, социальная принадлежность, проявляющаяся во внешнем виде. «Чем грязнее обличье, тем больше шансов преуспеть в политике. Прилично одетый человек в белом воротничке не имеет шансов выдвинуться». Другим преимуществом является криминальное прошлое. В Тамбове, к примеру, председателем совета рабочих и солдатских депутатов был избран человек, отбывавший при старом режиме в Сибири пожизненное заключение за 22 убийства. В Тамбове он честно признался в содеянном, но был прощен на том основании, что его жертвами были буржуазные элементы [14].

Однако «настоящей буржуазией в России ныне является пролетариат», – утверждает американский путешественник. Многие фабрики были захвачены работниками этих предприятий, и они назначили себе высокие зарплаты: от 200 руб. в месяц для подсобного рабочего до 800 руб. для бригадира. Для сравнения, до революции заработки были 10 руб. и 80 руб. соответственно. Повышение материального благосостояния сказалось на внешнем виде трудящихся. «Вы можете увидеть на улице крестьянку в каракулевой шубе за 3 тыс. руб… Рабочие и крестьяне скупают ювелирные украшения. Цены на драгоценности высоки, но и бумажных денег много». Театры переполнены новой публикой, но в каждом театре, начиная с оперного, полы усыпаны шелухой от семечек. «Это любимый народный деликатес, а сметать шелуху с пола никому не приходит в голову» [14].

Отдельная категория Петроградского населения – это солдаты. Они занимаются всем, чем угодно, только не своим прямым делом. На уличных рынках они торгуют спичками, папиросами, фруктами, казенным имуществом, украденным со складов. На вокзалах они воруют багаж в таких масштабах, что повсюду вывешены предупреждающие объявления для пассажиров с просьбой не доверять носильщикам из солдат. Но самое любимое занятие солдатской массы, особенно родом из глубинки – кататься на трамвае. «Они катаются целыми днями, разумеется, бесплатно, ради удовольствия». Трамвайный вагон представляется Ловичу точным срезом российской действительности: «едва граждане входят в трамвай, как тут же начинаются политические дискуссии, переходящие в потасовки» [14].

Приметой повседневной жизни в революционной столице является пьянство. «Трудовой люд получает теперь денег больше, но поскольку это бумажные деньги, им не доверяют и стараются избавиться от них поскорее. Чаще всего деньги тратят на выпивку». Лович подробно описывает, что и как пьет трудовое население. «Водку трудно достать, но жаждущие чего-то покрепче пива пьют все, что содержит алкоголь: денатурат, краску, скипидар». Но даже эти напитки в дефиците, поэтому их разбавляют керосином. «Дамы, имеющие флакончики одеколона, припрятывают их от прислуги».

Проституция также расцвела пышным цветом в Петрограде, отмечает Лович. Юные девушки бесстыдно предлагают себя на Невском, газеты пестрят плохо замаскированными рекламными объявлениями сексуслуг, кафе превратились в места встречи падших женщин и солдат. Приличной девушке идти по улице в одиночестве опасно.

Американский путешественник был очевидцем событий в Петрограде 25 октября (по старому стилю). Вечером того дня Невский проспект, свидетельствует Лович, был похож на военный лагерь. Солдаты грелись у костров, военные патрули проверяли документы у прохожих. «Я шел мимо Зимнего дворца на следующее утро после штурма большевиков. Видел, что многие солдаты лежали перед зданием мертвецки пьяные, а ноги их были обмотаны шелком и атласом с дворцовых портьер. Я слышал, как какой-то солдат предлагал кому-то шубу Александра III за 200 руб.» [14].

Как упоминалось выше, по долгу службы Ловичу пришлось много ездить по России. Русские дороги и транспортная система в эпоху революционных потрясений составили отдельную страницу горестных воспоминаний американца. Поезда переполнены, билеты невозможно приобрести в кассе, а у спекулянтов цена билета в 4–5 раз дороже. «Если вы купили билет в вагон первого класса, это не значит, что вы в нем поедете. В вагон зайдет группа товарищей (солдат), путешествующих бесплатно, и займет ваш вагон, а вас отправят в вагон третьего класса», пишет он. Но и вагоны первого класса далеки от комфорта: бархатная обивка в купе содрана, солдаты используют бархат в качестве портянок.

Лович описывает свое путешествие по транссибирской магистрали. В Иркутске его экспресс остановили люди из совета рабочих и солдатских депутатов. Они решили, что раз это –

экспресс, то на нем едет буржуазия, а значит, нужно досмотреть багаж пассажиров. В ходе досмотра, из-за которого поезд задержался на 6 часов, товарищи решили, что, пассажиры везут слишком много багажа и потому должны заплатить штраф из расчета 96 руб. за каждый пуд багажа. Пассажирам пришлось платить.

Путешествие по России для иностранца немыслимо без взяток и бюрократической волокиты, утверждает американец. К примеру, нужно долго ходить по инстанциям и давать многочисленные взятки за разрешения на въезд или выезд. Но эти сложности компенсируются тем, что разрешения и пропуска потом нигде не требуется предъявлять, зачастую потому, что проверяющие не умеют читать. К примеру, Лович потратил много времени и денег на разрешение въехать в Архангельск. Однако оно не пригодилось: во время поездки никто ни разу не потребовал предъявить это разрешение [14].

Удивительно, что получив столько негативных впечатлений за время путешествия по революционной России, американский путешественник сохранил уважение к стране и ее народу, а также оптимистический взгляд на их будущее. Подводя итог своему нарративу, Лович пишет: «Несмотря на все это, в будущем Россия непременно прорвется в лидеры. Ситуация, в которой она находится сейчас, ненормальна. Народ, находившийся фактически в рабстве, получил свободу и переживает состояние ментального опьянения. Но это – временное явление. Оно лишний раз показывает, что могут сделать безответственные лидеры с народом, который по природе своей консервативен… Русский человек консервативен и трудолюбив. За примерами далеко ходить не надо: взгляните на русских (иммигрантов) на шахтах Пенсильвании и скотобойнях Чикаго, или пшеничных полях Канады». С юношеским оптимизмом американец предрекает, что в течение ближайших дней ситуация в России нормализуется, все станет на свои места. Лович не верит, что большевики долго удержат власть. «Нынешние правители России – всего лишь ультра-радикалы, многие из которых прожили жизнь за пределами России и понятия не имеют о том, что представляет собой русский человек» [14].

Подводя итог, можно утверждать, что революционные события в России стали главной международной новостью на страницах ведущей американской газеты в ноябре 1917 г., а в декабре 1917 г. – одной из главных новостей, наряду с мировой войной. Нью-Йорк Таймс пыталась донести до читателя не только перипетии политических событий, но и специфику революционной повседневности.

Источники и литература / References

1. Американский историк: русскую революцию в США встретили с опаской. URL: http://www.bbc.com/russian/features-39515583 (Дата обращения: 2.08.2017).

Amerikanskij istorik: russkuju revoljuciju v SShA vstretili s opaskoj *(The American historian: the Russian Revolution was met with apprehension).* URL: http://www.bbc.com/russian/features-39515583 (Accessed: 2.08.2017).

1. Журавлева В. И. Американское «путешествие» в русскую революцию. URL: http://www.rbc.ru/opinions/politics/21/04/2017/58f9d70a9a7947985fc2265c?from=detailed (Дата обращения: 2.08.2017)

Zhuravleva V. I. Amerikanskoe «puteshestvie» v russkuju revoljuciju *(The American "journey" into the Russian Revolution).* URL: http://www.rbc.ru/opinions/politics/21/04/2017/58f9d70a9a7947985fc2265c?from=detailed (Accessed: 2.08.2017)

2. New York Times. 1917. November 8.
3. New York Times. 1917. November 19.
4. New York Times. 1917. November 22.
5. New York Times. 1917. November 26.
6. New York Times. 1917. November 29.
7. New York Times. 1917. December 1.
8. New York Times. 1917. December 2.
9. New York Times. 1917. December 7.
10. New York Times. 1917. December 26.
11. New York Times. 1917. December 30.
12. New York Times. 1917. January 1.
13. New York Times. 1917. January 13.

УДК 94(470.63)083

Т. Е. Покотилова

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ «СТАБИЛИЗИРУЮЩИХ КОНТРРЕФОРМ»

Статья посвящена изучению процесса развития системы образования в Ставропольской губернии в конце XIX века в условиях усиления в Российской Империи консервативной политико-образовательной парадигмы. Данная проблема не теряет своей актуальности в связи со сложившейся в дореволюционном отечественном образовании практикой, когда после периода его очередного существенного реформирования неизбежно наступал период стабилизирующих контрреформ. В работе приводятся и анализируются данные о масштабах, темпах и характере школьного строительства на Ставрополье, исследуются его особенности в контексте утверждения в стране курса на модернизационное развитие, но в рамках сохранения стабильности и традиций духовного воспитания. Автор показывает планомерное поступательное движение по развитию всех ступеней образования в Ставропольской губернии и таких его отдельных его направлений, как женское образование, просвещение неславянских этносов, подтверждая, в том числе, существенный рост числа обучающихся, прежде всего, в сфере начального образования.

Ключевые слова: образование, Российская Империя, Ставропольская губерния, контрреформы, народное училище, церковно-приходская школа, гимназия, сельские общества.

T. E. Pokotilova

NATIONAL EDUCATION IN STAVROPOL PROVINCE AT THE END OF THE XIX CENTURY IN THE CONTEXT OF “STABILIZING COUNTER-REFORM”

The article deals with development of the education system in Stavropol province at the end of the XIX century in the context of strengthening the conservative political and educational paradigm in the Russian Empire. This problem is currently topical in connection with the practice in Czarist-era Russia where after a period of substantial reform in education sphere, a period of stabilizing counterreforms inevitably came. The paper presents and analyzes data on the scale, pace and nature of school construction in the Stavropol region, examines its features in the context of approving a course on modernization in the country, but it is done within the framework of maintaining stability and traditions of spiritual education. The author shows a systematic progressive movement for the development of all levels of education in the Stavropol province and such of its separate areas as women’s education, education of non-Slavic ethnic groups, confirming, among other things, a significant increase in the number of students, primarily in primary education.

Key words: education, Russian Empire, Stavropol province, public school, parochial school, gymnasiums, rural communities.

Отмечая «парный характер происходящих в России преобразований», М. В. Богуславский констатирует, что после «каждой реформы, ставящей целью существенную трансформацию всей системы просвещения, в России неизбежно осуществлялась стабилизирующая контрреформа, преследующая цель возвращения к прежним (традиционным) ориентирам, хотя и несколько видоизмененным в соответствии со спецификой социально-политической ситуации» [4]. В условиях пересмотра большинства прогрессивных достижений, связанных с именем Александра II, образование стало одной из важнейших сфер жизни российского общества, затронутых контрреформами правительства Александра III. Хотя, уже 70-е годы XIX века стали временем первого этапа контрреформы средней школы в части осущест-

вления попытки ее возвращения (после Устава 1864 г.) к сословной системе и жесткому административному контролю всей учебной жизни. Уже тогда, по образному выражению современника, специалиста в истории гимназического образования в России И. Алешинцева, – «… на школу опять была возложена тенденциозно-политическая миссия» [2, с. 281].

Среди самых известных конкретных мероприятий в продолжение курса на совершенствование российской государственной идеологии, нацеленной на укрепление самодержавия и отстаивание его незыблемости, реализовавшихся в системе отечественного образования – издание 18 июня 1887 г. т.н. «указа о кухаркиных детях», кстати, не публиковавшегося в печати. Этим актом гимназиям запрещалось принимать на обучение детей из «низких сословий» и резко повышалась сумма платы за обучение. Ранее, в 1884 г., обнародован новый университетский устав, практически, упразднивший университетскую автономию. Как отмечал А. А. Кизеветтер, «…устав 1884 года… совершенно ниспровергал университетскую автономию, сводил к нулю самостоятельность совета профессоров, уничтожал выборное начало в строе управления университетом, отменял выборы ректора и деканов и превращал ректора и деканов в чиновников назначаемых: ректор – министром народного просвещения, деканы – попечителем учебного округа» [6, с. 101]. Одновременно, 13 июня 1884 г. [10], утверждаются Правила о церковно-приходских школах, стимулировавшие дальнейшее развитие церковно-приходского образования в стране. 4 мая 1891 г. были утверждены Правила о школах грамоты [5, с. 529–533], согласно которым, вне зависимости от статуса учредителя, преподавать в таких школах должны были, прежде всего, «закон Божий (краткая Священная история Ветхого и Нового Завета и краткий Катехизис), церковное пение с голоса, чтение церковно-славянское..», а преподавание должно проводиться «по руководствам, учебным пособиям и вообще книгам, указанным Святейшим Синодом…» [5, с. 531]. Очевидным становилось лидирующее влияние церкви на развитие отечественного образования в изучаемый период в контексте усиления консервативной политико-образовательной парадигмы, ставившей в воспитании во главу угла государственный патриотизм.

Все вышеназванное указывает на продолжение поиска пути, обеспечивающего модернизационное развитие страны, но в рамках сохранения стабильности и следования устойчивым курсом на сохранение традиций духовного воспитания. Эта тенденция очевидна и в плане развития системы образования в Ставропольской губернии в конце XIX века.

В 1892 г. в губернии работали 300 школ: 6 – со средним образовательным курсом, 3 – четырех- и трехклассных, 6 – двухклассных (5 – ведомства Министерства народного просвещения, 1 – ведомства Епархиального училищного Совета), 152 – одноклассных (89 – ведомства Министерства народного просвещения, 63 – церковноприходских), 133 – начальных (65 – ведомства Министерства народного просвещения, 56 – церковноприходских школ грамотности, 4 – благотворительных и воскресных, 8 – частных). Обучались в этих школах 16 808 учащихся. К 1896 г. таких школ уже было 473: 6 – со средним образовательным курсом, 3 – четырех- и трехклассных, 9 – двухклассных (6 – в едомства Министерства народного просвещения, 3 – ведомства Епархиального училищного Совета), 233 – одноклассных (130 – ведомства Министерства народного просвещения, 103 – церковноприходских), 222 – начальных (33 – ведомства Министерства народного просвещения, 97 – церковноприходских школ грамотности, 84 – благотворительных и воскресных, 8 – частных) [9; с. 3(VII)]. Очевидно, что основной прирост состоялся за счет открытия одноклассных, особенно, церковно-приходских школ, начальных церковно-приходских школ грамотности и воскресных школ, «возникших для воскресных и вечерних занятий со взрослыми при существовавших уже в губернии школах».

Рост количества школ собственно для обучения детей состоялся, в основном, за счет сел, общества которых ежегодно тратили на них более 130 000 рублей. Вкладываясь в образование крестьянских детей, общества, к сожалению, не получали отдачи в виде получения сельскими детьми необходимого им запаса прикладных знаний, связанных с условиями и интересами крестьянской жизнедеятельности. Хотя губернская Дирекция народных училищ предпринимала ряд усилий как по подготовке для этого учителей, так и по введению в ряде школ преподавания специальных, ориентированных на потребности земледелия и животноводства, предметов. Правда, эффективность таких усилий была очень низка, т.к. у Дирекции на это не хватало средств, у учителей – свободного времени на дополнительное, достаточно сложное, самообразование, да и практические занятия проводить было негде.

Неурожаи, неоднократно повторявшиеся в течение пятнадцати лет, серьезно отразились

на возможностях сельских обществ в деле открытия новых и содержания имевшихся начальных школ. Крестьяне и их дети, в этих условиях, все больше нуждались в современных знаниях по плодоводству, шелководству, пчеловодству, огородничеству, что дало бы серьезную дополнительную поддержку их хозяйствам. Дирекция Народных училищ Ставропольской губернии еще в 1891 году представляет мотивированный доклад по этому поводу губернатору, что положило начало процессу наделения училищ большим, чем одна десятина, количеством земли для проведения практических занятий. С решением проблемы поиска лиц, имевших сельскохозяйственное образование и желавших выступить в роли заведующего соответствующим сельским училищем, все было значительно сложнее. И в 1984 г. в губернии начинают работу курсы, на которых руководители школ знакомятся с основами шелководства, плодоводства и пчеловодства: «… Выкормка шелковичных червей демонстрировалась в зале городского шестиклассного училища, здесь же велись беседы по пчеловодству и виноградарству, а в нужных случаях, когда требовалось практическое выполнение тех или иных приемов, участники съезда приглашались на пчельник одного местного садовладельца» [9, с. 22(VII)]. Энтузиазм Дирекции ставропольских народных училищ и прошедших обучение на курсах заведующих училищами дал свои результаты: во многих школах стали появляться садовые питомники, плодовые школы; проводились опыты по выведению шелковичного червя и разведению пчел; население снабжалось черенками кустарников и плодовых деревьев. Но самое важное, – во всех этих работах были задействованы учащиеся, зимой продолжавшие изучать в школах теорию сельскохозяйственного производства. Если в 1883 г. ни одно крестьянское народное училище не практиковало проведения сельскохозяйственных занятий, то к 1897 г. «сады, огороды, пасеки и занятия шелководством существовали при 116 училищах», а школьными огородами и садами было занято 47 десятин земли [9, с. 23(VII)].

Всего же к концу 1897 г. губерния имела 200 начальных народных училищ, подведомственных Министерству народного просвещения. В них обучалось 11 584 учащихся: 9 085 – мальчиков, 2 499 – девочек. Из них 11 045 человек принадлежали к крестьянскому сословию, 480 относились к мещанам и купцам, 12 происходили из «дворян и князей», 47 принадлежали к духовенству. При 56 сельских училищах работали воскресные школы, в 24-х проводились также вечерние занятия, в 23-х – т.н. «повторительные курсы» [9, с. 28–29 (VII)].

Только за 1897 год на Ставрополье было открыто 21 училище. Таким образом, «одна правильно организованная школа» губернии приходилась на «4,09 тыс. душ». В этом плане сравнения не выдерживала даже благополучная Кубанская область. Годовое содержание каждого учащегося обходилось в 10,7 рублей, каждого училища – в 731 рубль, при этом источники финансирования были достаточно диверсифицированы. При общей сумме затрат в 139 034 рубля в 1897 г. значительно больше всех внесли сельские общества – 98 786 рублей; от государства было получено 5 900 рублей, от городских обществ – 14 096 рублей; земские сборы составили 8 320 рублей, плата за обучение – 1 173 рубля; из других источников поступило 10 759 рублей [9, с. 24(VII)].

Среди народных училищ Ставропольской губернии к 1897 г. было семь нехристианских: Ачикулакское, Больше-Дербетовское, Богабуров род, Икичинославское, Канглынское, Трухмено-Александровское (на зимней ставке), Трухмено-Александровское (на летней ставке) [9, с. 18].

Среди церковно-приходских 1 училище (Ставропольское) было католическим, 13 – лютеранскими (в с. Довсунском – Германсбургское, Иоганиисгеймское, Карлруехское; а также – Иогансдорфское, Маринсфельдское, Немецко-Хагинское, Ольгинское, Подгорненское, Романовское, Ставропольское, Фридрихсфельд, Фридрихсфельдское, Эсто-Хагинское) [9, с. 21].

Варваринское и Софийское училища открылись и работали на средства Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. 10 училищ были частными: в г. Ставрополе – это училища 2-го разряда Галатузовой и Первушиной, училища 3-го разряда Зубрилиной, Карягиной, Ивановой, Семеновой, Хетта (еврейское); в селах – Воронцово-Александровское (содержалось на средства купцов), Воронцово-Александровское – г-на Захарова, Преображенское – г-жи Ястребцовой-Росляковой [9, с. 21].

С 1872 г. в Ставрополе начало работу Михайловское ремесленное училище, первое на Северном Кавказе [7, с. 19]. В его распоряжении, «в отличие от обычной школы, имелись чертежный класс, столярная, слесарная и кузнечная мастерские» [11, с. 95].

Собственными помещениями на этот момент обладали 172 училища из 200, подведомственных Ставропольской дирекции народных училищ, остальные 28 арендовали здания.

В большинстве своем, школьные помещения были светлыми и достаточно просторными. Хотя, в среднем, из-за наличия и тесных помещений, санитарная норма по воздухообеспечению не соблюдалась. Поэтому строительство в 1897 году 23 новых зданий для школ значительно улучшало ситуацию. По свидетельству Р. Г. Прокопенко, «по губернии в 1899 году сельские общества израсходовали на постройку новых зданий для училищ и наем помещений для школ 37 108 рублей. Некоторые вновь построенные здания были покрыты железом, их средняя стоимость составляла от 2 до 6 тысяч рублей» [11, с. 90].

Не менее важной проблемой в обеспечении стабильного развития начального образования в губернии была слабая подготовка действующих преподавателей. Хотя накануне 1 июля 1883 года, даты окончательного прекращения монополии Наместника Кавказа на руководство Кавказским учебным округом и подчинения последнего Министерству народного просвещения [12, с. 608], округ уже имел учительский институт и две учительские семинарии. Обеспокоенное качеством подготовки «учащих», Министерство поддерживает усилия, в частности, Ставропольской дирекции народных училищ, по организации с 1883 года работы временных педагогических курсов как для действующих учителей, так и для потенциальных. Они проводятся в летнее время, число слушателей приближается к сотне. Учебная программа курсов состояла из посещения показательных уроков и их последующего коллективного анализа; изучением нормативных актов из области учебного дела; ознакомления с библиотечным делом в части, связанной с деятельностью учителя, и др.

В последней четверти XIX века классическая гимназия оставалась основой среднего образования в стране. К концу века в Ставропольской губернии действовали Ставропольская мужская гимназия с реальным при ней отделением, Ставропольская женская гимназия Св. Александры, Ольгинская женская гимназия [9, с. 16]. Кроме этого среднее образование давали духовная семинария, епархиальное женское училище и духовное училище.

Обозначившийся курс на ужесточение административного контроля над деятельностью учебных заведений в стране нашел свое воплощение и в издании в 1874 г. новых Правил для гимназий и прогимназий [15, с. 316]. Правилами устанавливалась детальная регламентация учебной жизни гимназистов с целью обеспечения их благонадежности. Директора гимназий, классные наставники и инспекторы ориентировались Правилами, по-существу, на исполнение полицейских функций. В помощь инспекторам назначались т.н. надзиратели – до пяти на одну гимназию. «В большинстве своем полуграмотные, грубые с учениками и подобострастные по отношению к начальству, они вызывали неприязнь и презрение у гимназистов…», – пишет Н. И. Яковкина [15, с. 317–318].

Устав гимназий и прогимназий Министерства Народного Просвещения от 1871 г. определил гимназию в качестве привилегированного типа среднего учебного заведения и единственного, выпускники которого получали право поступления в университет [5, с. 427]. Учебный план гимназий предусматривал, наряду с обязательными предметами, преподавание древних языков. Но, поскольку у Ставропольской мужской гимназии были еще определенные задачи, связанные с ее работой на Северный Кавказ, гимназисты изучали также основы торговли, архитектуры, аграрного дела, медицины, местные языки и др. К 1878 году гимназия имела 14 классов, тогда как в Кавказском учебном округ их всего было 86 [8, с. 2]. Ставропольскую мужскую гимназию отличало и наличие классов, готовивших учителей для сельских школ. По мнению С. Н. Русак, именно описанная выше специфика не дала реализоваться здесь общероссийской тенденции «закрепления классических подходов к организации процесса образования» [13].

Созданная благотворительными усилиями горожан и ведущая свою историю с 1849 г. ставропольская женская гимназия Св. Александры и в изучаемое время продолжала линию на то, чтобы «по мере средств дать правильное воспитание и необходимое образование дочерям недостаточных родителей и преимущественно сирот из дворян, чиновников всех ведомств, казачьего войска, духовного звания и граждан» [3, с. 71]. В условиях контрреформ благотворительное Общество Св. Александры, создавшее и обеспечивавшее работу гимназии, утверждая свой новый Устав в 1892 г., в соответствии с реалиями конца XIX века в качестве своей основной цели декларирует предоставление основательного, «в христианском духе», образования и воспитания ученицам и основательную подготовку желающих из них к учительской работе [14, с. 1].

Ольгинская женская гимназия стала так называться с 1876 года, хотя создана была как всесословное женское училище в 1861 году. С момента приобретения училищем статуса

гимназии в 1872 г. учебное заведение, открывавшееся благодаря благотворительным и административным усилиям неравнодушных жителей г. Ставрополя, начинает ежегодно получать госсубсидию в размере полутора тысяч рублей. Сначала в гимназии было шесть классов, с 1878 году был открыт седьмой класс, с приоритетом в сторону педагогических дисциплин. С 1879 года открывается восьмой класс, по окончании которого выпускницы получали право работать учительницами. Что, естественно, позволяет постепенно улучшать ситуацию с педагогическими кадрами в начальном образовании, прежде всего, Ставропольской губернии. А появление в начале 1880-х гг. у гимназии собственного здания и, как следствие, – библиотеки и современных естественно-исторического и физического кабинетов, позволило вывести преподавание для почти 400 гимназисток на качественно новый уровень.

В итоге в 1899 году в селах губернии начальное образование в 289-ти образовательных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения и 247-ми заведениях, патронируемых епархиальным начальством, получали 25 347 человек обоего пола. В двух городах губернии – Ставрополе и городе Святого Креста – было 5 615 учащихся, 2 747 из которых получали среднее образование [1, с. 42–45].

Очевидно, что представленный материал об истории развития образовательной системы Ставрополья в конце XIX века свидетельствует о соответствии, в целом, данного процесса общероссийской тенденции этого периода, нашедшей свое выражение в развитии образования с учетом «реального состояния российского, преимущественно традиционно-аграрного, социума» в условиях, когда в «ускоренном развитии широкодоступного образования виделся фактор, угрожающий государственным устоям, сеющий крамолу и нигилизм среди юношества» [4]. При этом налицо – планомерное поступательное движение по развитию всех ступеней образования и таких его отдельных его направлений, как женское образование, просвещение неславянских этносов, и существенный рост числа обучающихся, прежде всего, в сфере начального образования.

Источники и литература

1. Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книга «Ставропольская губерния» на 1901 год. Ставрополь: Типография В. В. Берка «Северного Кавказа», 1901.

2. Алешинцев И. История гимназического образования в России. СПб: Издание О. Богдановой, 1912. 346 с.

3. Бентковский И. В. Обозрение XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению Св. Александры. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления,1877. 236 с.

4. Богуславский М. В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект URL: ecsoman.hse.ru/data/2011/05/06/1268034291/02bog.pdf. (Дата обращения: 21.09.2017).

5. Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова,1900. 587 с.

6. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914 годов. М.: Искусство,1997. 395 с.

7. Неженцева О. Н. Реализация государственной политики Российской империи в сфере образования на Ставрополье во второй половине XIX века: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 251 с.

8. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1878 год. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. 172 с.

9. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1898 год. Ставрополь: Типография В. В. Берк, 1898. 352 с.

10. Правила и программы для церковно-приходских школ и школ грамоты. СПб.: Синодальная типография, 1898. 112, 20 с.

11. Прокопенко Р. Г. Особенности реализации программы всеобщего начального образования в сельской местности Ставропольской губернии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. №10. С. 89–96.

12.Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб.: Государственная типография, 1902. 840 с.

13. Русак С. Н. Становление и развитие среднего образования на Ставрополье в условиях реформирования системы просвещения в XIX – начале XX века: на примере Ставропольской мужской гимназии: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 178 с.

14. Устав женского благотворительного общества Св. Александры. Ставрополь: [б.и.],1892.

15. Яковкина Н. И. История русской культуры: XIX век. СПб.: Лань, 2000. 576 с.

References

1. Adres-kalendar' i torgovo-promyshlennaya spravochnaya kniga «Stavropol'skaya guberniya» na 1901 god *(Address-calendar and commercial and industrial reference book «Stavropol province» for 1901)*. Stavropol': V.V. Berk's printing office, 1901. (In Russian).

2. Aleshintsev I. Istoriya gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii *(History of Gymnasium Education in Russia)*. St.Petersburg: Izdanie O. Bogdanovoi, 1912. 346 p. (In Russian).

3. Bentkovskii I. V. Obozrenie XXVII – letnei deyatel'nosti Stavropol'skogo zhenskogo blagotvoritel'nogo obshchestva po uchebnomu zavedeniyu Sv. Aleksandry *(An overview of the XXVII-year-old activity of the Stavropol Women's Charitable Society at St. Alexandra's educational institution).* Stavropol': Typography of the Stavropol Gubernia Board,1877. 236 p. (In Russian).

4. Boguslavskii M. V. Reformy rossiiskogo obrazovaniya XIX–XX vv. kak global'nyi proekt *(Reforms of Russian education of the XIX–XX centuries as a global project).* URL: ecsoman.hse.ru/data/2011/05/06/1268034291/02bog.pdf. (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).

5. Grigor'ev V. V. Istoricheskii ocherk russkoi shkoly *(Historical essay of the Russian school).* Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova,1900. 587 p. (In Russian).

6. Kizevetter A. A. Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya 1881–1914 godov *(At the turn of two centuries. Memories of 1881–1914).* Moscow: Iskusstvo,1997. 395 p. (In Russian).

7. Nezhentseva O. N. Realizatsiya gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi imperii v sfere obrazovaniya na Stavropol'e vo vtoroi polovine XIX veka *(Realization of the state policy of the Russian Empire in the sphere of education in the Stavropol region in the second half of the XIX century): abstract of thesis.* Pyatigorsk: PSLU publ., 2008. 251 p. (In Russian).

8. Otchet Popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1878 god *(Report of the Trustee of the Caucasian Educational District on the status of educational institutions in 1878).* Tiflis: Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1878. 172 p. (In Russian).

9. Pamyatnaya knizhka Stavropol'skoi gubernii na 1898 god *(Memorable book of Stavropol Gubernia of 1898).* Stavropol': V. V. Berk's printing office, 1898. 352 p. (In Russian).

10. Pravila i programmy dlya tserkovno-prikhodskikh shkol i shkol gramoty *(Rules and programs for parochial schools and literacy schools).* St.Petersburg: Synod printing house, 1898. 112, 20 p. (In Russian).

11. Prokopenko R. G. Osobennosti realizatsii programmy vseobshchego nachal'nogo obrazovaniya v sel'skoi mestnosti Stavropol'skoi gubernii *(Features of the implementation of the program of universal primary education in rural areas of Stavropol Gubernia)* // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii. 2011. No. 10. P. 89–96. (In Russian).

12. Rozhdestvenskii S. V. Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya: 1802–1902 *(Historical overview of the Ministry of Public Education activities: 1802–1902)*. St.Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1902. 840 p. (In Russian).

13. Rusak S. N. Stanovlenie i razvitie srednego obrazovaniya na Stavropol'e v usloviyakh reformirovaniya sistemy prosveshcheniya v XIX – nachale XX veka: na primere Stavropol'skoi muzhskoi gimnazii *(Formation and development of secondary education in the Stavropol region under the conditions of reforming the educational system in the XIX – early XX century: by the example of the Stavropol Men's Gymnasium)*: avtoref. diss. … kand. ist. nauk. Pyatigorsk: PSLU publ., 2005. 178 p. (In Russian).

14. Ustav zhenskogo blagotvoritel'nogo obshchestva Sv. Aleksandry *(Charter of the women's charity St. Alexandra society).* Stavropol':,1892. (In Russian).

15. Yakovkina N. I. Istoriya russkoi kul'tury: XIX vek *(History of Russian culture: XIX century).* St.Petersburg: Lan', 2000. 576 p. (In Russian).

УДК 947.8(470.62)

Н. В. Романова

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ НА СТАВРОПОЛЬЕ В ЭПОХУ «ОТТЕПЕЛИ». ПО МАТЕРИАЛАМ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена некоторым тенденциям культурной политики конца 1950-х – начала 1960-х гг. и особенностям ее реализации в южной провинции. В статье рассматривается роль и направления работы органов местного управления в отношении художественной культуры Ставрополья. В связи с этим было обращено внимание на изменение функций новых органов управления в отношении развития культуры на местах. Среди них главной была контрольная функция над идеологической «чистотой» и качеством продуктов искусства. В свою очередь эти органы сами находились под контролем партийного руководства Ставропольского края. Автор выделяет две черты этой работы, первая из которых была связана с требованиями к местным деятелям литературы и искусства активно участвовать в идеологической работе и в пропаганде партийной политики. Другой особенностью культурной политики в регионе был прагматизм в отношении к искусству, а также материальное укрепление учреждений культуры Ставропольского края, бывших в предыдущее десятилетие в запустении.

Ключевые слова: культурная политика, «оттепель», система местного управления, идеология, партийная власть, пропаганда, искусство.

N. V. Romanova

CULTURAL POLICY IN STAVROPOL TERRITORY IN THE KHRUSHCHEV'S THAW. ON MATERIALS OF STAVROPOL REGIONAL DEPARTMENT OF CULTURE

The article studies some tendencies of cultural policy of the late 1950s – early 1960s and features of its implementation in the southern province. The author studies directions of local government work in relation to the artistic culture of the Stavropol Territory. In this regard the attention was paid to the change in the functions of the new administrative bodies with respect to the development of culture. The control over the ideological "purity" and quality of art products was the main function. In turn, the authorities were under the control of the party leadership of the Stavropol Territory. The author focuses on two features of this work, the first one concerns the requirements to local literature and art activists to actively participate in ideological work and in propaganda of party politics. Another feature of the cultural policy in the region was pragmatism in relation to art, as well as the material strengthening of cultural institutions of the Stavropol Territory, which in the previous decade were desolate.

Key words: cultural policy, Khrushchev's Thaw, local government, ideology, party propaganda, art.

К сегодняшнему времени проблема истории культуры «оттепели» исследована достаточно широко. Правда, эмпирический материал в основном сводится к столицам и университетским городам. Эта же проблема в рамках местной истории находится только в начале научной разработки и отличается своей специфичностью. Это относится и к Ставропольскому краю исследуемого периода.

Цель статьи состоит в попытке проследить базовые принципы советского управления, включая руководство культурой, и одновременно показать изменения в практике осуществления культурной политики в регионах на конкретном примере.

Отличительной чертой работы государственных органов управления культурой в СССР в эпоху «оттепели», была подчиненность воле партийных решений. На Ставрополье краевое управление культуры всю свою работу обязано были координировать с партийными органами.

Поскольку характер организации власти в советской политической системе в значительной степени зависел от советской бюрократии,

то с приходом нового политического руководства страны произошла реорганизация структуры всех органов управления, в том числе и культурой не только в Центре, но и на местах. Отделы искусств, в годы «оттепели» были преобразованы в управления культуры при областных и краевых исполкомах. Управления культуры отвечали за содержание работы местных культурных учреждений, за материальную базу культуры, за обеспечение этой сферы кадрами. Именно забота о капитальном строительстве, о ремонте, о подготовке и повышении квалификации творческих кадров были в центре повседневной деятельности этих управлений.

Уже в октябре 1953 г. было принято Постановление Совета Министров РСФСР «О работе Ставропольского крайисполкома в области культурно-просветительской работы». В нем отмечалось, что работа в этом направлении в Ставропольском крае не отвечала возросшим требованиям времени. Поэтому новому отделу крайисполкома было поручено устранить указанные в постановлении недостатки [13, л. 3].

Поскольку вновь созданные советские органы призваны были неукоснительно проводить политическую линию КПСС, то своей приоритетной задачей они считали подчинение работы всех подведомственных учреждений культуры задачам коммунистического воспитания трудящихся, решению политических задач, которые были поставлены перед партийными и советскими органами края в области идеологической и хозяйственной деятельности.

В обязанности работников управления входила координация работы учреждений искусства. Государственные чиновники от культуры несли ответственность за идейно-художественное содержание произведений литературы и искусства. Наряду с первичными партийными организациями именно управления культуры всех уровней были «козлами отпущения» за все промахи и упущения в сфере культуры, хотя все их решения принимались исключительно с согласия местных партийных органов. Более того, художественные советы театров функционировали непосредственно при краевом исполкоме.

Представители управления культуры принимали вновь созданные спектакли, книги, выставки, давая им художественные и идейные оценки. В ряде случаев профессиональный уровень самих чиновников исполкома оставлял желать лучшего, но от их мнения зависела судьба художественного произведения. Например, типичным был приказ № 158 от 16 декабря 1953 г. по Ставропольскому управлению культуры, согласно которому исполняющая обязанности начальника отдела по делам искусств Н. Ф. Лютомская была командирована в Черкесский областной драматический театр. Она должна была в течение 18–23 декабря принять спектакли местного театра «Тупейный художник» и «Коварство и любовь» [14, л. 103].

Характерным примером работы управления было заседание Художественного Совета при краевом Отделе по делам искусств по просмотру 14 февраля 1953 г. спектакля Ставропольского краевого драматического театра «Третья молодость». После просмотра спектакля заместитель начальника краевого Отдела по делам искусств вынес решение: «спектакль в таком виде показывать зрителю нельзя. Следует дорабатывать. Уже достаточно спектаклей на советскую тему было положено на полку. Идя на встречу желаниям театра, обещаниям режиссуры исправить указанные недостатки, разрешаю выпуск афиш на два спектакля, настаиваю на втором просмотре спектакля краевым Отделом искусств днем 18 февраля и вторичном просмотре спектакля членами Художественного Совета на зрителе вечером 18 февраля» [9, л. 1–4]. После переделки начальник краевого отдела 19 февраля вновь посмотрел спектакль и, только после этого было дано «добро» для публичного показа спектакля в пределах Ставропольского края.

Важнейшим направлением работы местных советских органов культуры было материальное обеспечение учреждений культуры. В решении этих вопросов приходилось преодолевать сложности жестко централизованного управления культурой. Так в 1953 г. Ставропольский крайисполком обратился с ходатайством в Министерство культуры РСФСР о внеплановом выделении 200 тысяч рублей и материалов для оборудования Государственной филармонии в г. Ставрополе. Филармонии было предоставлено помещение бывшего клуба МВД, которое нуждалось в переоборудовании. Дело в том, что Ставропольским краевым управлением культуры плановые капиталовложения на 1953 г. для приобретения оборудования учреждениями искусств были уже полностью распределены. После соответствующих согласований Министерство культуры РСФСР обратилось с просьбой в Совет Министров РСФСР «выделить в порядке исключения в 1953 г. на приобретение оборудования для филармонии в г. Ставрополе 200 тысяч рублей. Одновременно Министерство культуры РСФСР просит Совет Министров РСФСР поручить Госплану

РСФСР рассмотреть вопрос о выделении в 1953 г. филармонии в г. Ставрополе мягкого инвентаря» [3, л. 212].

Местные государственные органы были практическими исполнителями политических решений. Например, провозглашенная партийными органами «борьба за здоровый быт» сопровождалась конкретными мерами крайисполкомов. Таким же образом складывалась схема борьбы с религией, которая стала актуальной в курсе нового политического руководства СССР.

В 1954 г. для реализации партийной задачи о существенном улучшении работы театров, краевой филармонии, местных Союза писателей и Союза художников Ставропольское краевое управление культуры внесло в план работы краевого отдела искусств такие мероприятия, как пересмотр репертуара театров. Работники управления должны были по согласованию с авторами внести исправление тех мест, где «культивируется либерально-поощрительное отношение к выпивке», а также включить в репертуар театров и краевой филармонии произведения, бичующие лиц, употребляющих спиртные напитки, и пропагандирующие вред религиозных предрассудков и суеверий. Именно работники управления повсеместно проводили во всех учреждениях искусств собрания сотрудников с обсуждением вопросов борьбы за здоровый быт и улучшение атеистической пропаганды [15, л. 11–12].

Контроль над репертуарной политикой также практически осуществлялся руками сотрудников управлений культуры. Именно через управления культуры проходило литирование, т.е. цензурное разрешение тех или иных произведений литературы. Например, в конце мая 1953 г. отдел по делам искусств исполкома Ставропольского краевого совета депутатов трудящихся разослал всем театрам Ставропольского края приказ комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР № 590 от 28 мая 1953 г., в котором были представлены пьесы, получившие разрешение Главлита к постановке в театрах. Среди драматических пьес были «Когда ломаются копья», «Беспокойная должность», «Любовь на рассвете», «Опасный спутник», «Стрекоза» среди музыкальных пьес были названы «Репка», «Ковер Иляны», «Восьмое чудо».

По каждому репертуарному плану издавались специальные приказы. Через систему приказов управления культуры крайисполкома проводилось и изменение репертуара: сам театр такого права не имел. Примером может служить приказ № 51 от 16 апреля 1956 г. «Об изменении репертуарных планов театров на 1 полугодие 1956 г.», который изменял приказ по Ставропольскому краевому управлению культуры № 211 от 15 декабря 1955г. Речь в нем шла о новых театральных постановках, не предусмотренных приказом 1955 г. В краевом драматическом театре готовились спектакли «Дама невидимка» (срок сдачи 31.01.1956 г.), «Иван Рыбаков» (срок сдачи 22.02. 1956 г.), «Доктор Философии» (срок сдачи 22.03.1956 г.). В краевом театре музыкальной комедии такими спектаклями были «Белая акация» (срок сдачи 17.02. 1956 г.), «Принцесса цирка» (срок сдачи 22.03. 1956 г.). Такая бюрократическая чехарда, отсутствие творческой самостоятельности не могли стимулировать творческие поиски. Директора театров должны были заранее представлять репертуарные планы в краевое управление культуры. В частности, планы на второе полугодие 1956 г. необходимо было представить не позднее 1 апреля 1956 г. [18, л. 78–79].

Такая же практика репертуарной политики сохранялась и в последующие годы. В 1961 г. Ставропольское краевое управление культурой утвердило новый репертуар на год. Среди допущенных к показу спектаклей драматического театра им. М. Ю. Лермонтова было 9 постановок: «Цветы живые», «Остров Афродиты», «Третья патетическая», «Хозяин», «Стряпуха замужем» и др. Было также утверждено 7 спектаклей Карачаево-Черкесского областного драматического театра – «Левониха на орбите», «Последняя жертва», «Отелло», «Четверо под одной крышей» и др. [6, л. 303].

Как и в партийной иерархии управления, государственные органы культуры подчинялись принципу жесткой централизации по схеме управления всех отраслей производства и общественной жизни, когда основные ориентиры для проведения практической политики на местах определялись центром. Это в полной мере относится и к репертуарной политике. Примером могут служить рекомендации главного управления по делам искусств местным управлениям культуры. Так в апреле 1963 г. в Москве на всесоюзном совещании были выработаны подобные рекомендации. Во-первых, там было отмечено, что общая картина репертуара в сезоне 1963 г. выглядела достаточно благополучно, т.к. более 75 % всего репертуара составляли пьесы советских авторов. В то же время здесь же прозвучало грозное предупреждение театрам более критично относиться к некоторым пьесам современной

зарубежной драматургии. На взгляд главного управления, постановка таких пьес как «Третья голова», «Двое на качелях», «Юстина», «Замок Броуди», «свидетельствуют об утрате руководителями театров политической зоркости, о недооценке роли театра в воспитании народа. Надо ли понимать, что современная зарубежная драматургия должна исчезнуть из репертуара? Отнюдь нет. Нужно ставить пьесы зарубежных авторов, но такие, в которых правдиво отражены классовые противоречия в современном капиталистическом мире, разоблачается пресловутый «буржуазный рай».

Одним из направлений репертуарной политики было обязательное включение в театральный репертуар произведений русской классики, а также не менее 2-х спектаклей в году специально для детского зрителя. В то же время государственные органы диктовали не только общее направление репертуара, но и тематику пьес: «Все еще мало у нас пьес и спектаклей, отражающих величие, неповторимые черты нашей социалистической эпохи, высокий морально-политический дух, единство и целеустремленность советского общества, строящего коммунизм. Не нашел еще полного воплощения образ положительного героя нашего времени, советского человека». Постановка пьес, в которых «строитель коммунизма» выглядел заурядным, серым, скучным человеком считалось недопустимым, но именно так зачастую и выглядел ходульный герой спектаклей на «производственную» тему. Творческие усилия театров, говорилось в решении кустового совещания, должны были быть направлены на создание произведений на крупные актуальные темы: «Театры должны отказаться от постановки идейно несостоятельных пьес, искаженно и однобоко изображающих советское общество, лишенных связи с жизнью народа» [7, л. 19–24].

Ставропольское управление культуры приказом от 20 июля 1963 г. напоминало директорам краевых театров о необходимости представления к 25 августа репертуарного плана на новый театральный сезон 1963–1964 годов. В нем необходимо было указать новые спектакли и постановки переходящего репертуара, учитывая при этом Постановление коллегии Министерства культуры СССР от 5 июня 1963 г. «Об идейной направленности театрального репертуара и повышении роли театров в коммунистическом воспитании трудящихся» [12, л. 8]. Как видим, время шло, а главным в культурной политике оставалась идейность, а не художественная высота.

Следуя указаниям партийных органов, краевое управление корректировало репертуар согласно определенным юбилейным датам, главными из которых были политические события. Так, начальник Ставропольского краевого отдела по делам искусств рекомендовал, чтобы при составлении репертуарных планов театров на 2-е полугодие 1953 г. особое внимание уделялось «выбору пьесы к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В качестве Октябрьских спектаклей в репертуарные планы театров следует включить лучшие произведения о современной советской действительности, пьесы на историко-революционную тему. Кроме того, рекомендуем ознакомиться с новой редакцией пьесы Ромашова «Огненный мост» и пьесой Максимова «Никогда не забудем».

Среди памятных дат особое место занимали юбилеи официально признанных советских и российских деятелей культуры. Подобные мероприятия проводились по четко заданным планам и инструкциям. В упомянутой рекомендации обращалось внимание нас исполняющиеся в июле 1953 г. 60-летие со дня рождения В. В. Маяковского. Поэтому было признано целесообразным включение в репертуар театров пьесы «Баня». В связи со 125-летним юбилеем со дня рождения Л. Н. Толстого 9 сентября этого же года предлагалось включить в репертуар театров произведения писателя [10, л. 33]. Таким образом, театры практически формировали репертуар исходя не из своих творческих задумок, возможностей и желаний, а по указанию вышестоящих государственных органов в контексте партийных рекомендаций.

Важной практической задачей советских органов была организация всех творческих коллективов и учреждений культуры для культурного обслуживания всего населения региона. В частности во время студенческих и школьных каникул такая работа координировалась на уровне республик и союзного министерства. Так, в начале января 1956 г. вышел приказ № 08 м-3 Министерства культуры РСФСР, в соответствии с которым во время студенческих каникул с 24 января по 6 февраля 1956 г. «необходимо провести культурные мероприятия по обслуживанию студентов в дни каникул» [4, л. 14].В свете этих мероприятий управлениям культуры предлагалось совместно с профсоюзными и комсомольскими организациями не позднее 10 января 1956 г. разработать планы работы театрально-зрелищных и культурно-просветительных учреждений по обслуживанию студентов. Кроме того, рекомендовался

показ лучших спектаклей современной, а также классической драматургии. Предполагалось устройство тематических концертов по программам, составленным из лучших произведений советских композиторов и писателей, а так же произведений классики в различных концертных залах и рабочих клубах. В фойе театрально-зрелищных учреждений должны были быть оформлены выставки, посвященные достижениям советского искусства и успехам местных творческих коллективов. Главными ответственными лицами за проведение этих зрелищ были названы директора театров.

Механизм государственного управления культурой на местном уровне можно продемонстрировать на примере реализации решений краевого исполкома. Так решениям январского 1955 г. Пленума ЦК КПСС было посвящено, организованное Ставропольским краевым управлением культуры однодневное краевое совещание работников культуры, проведенное 9 апреля 1955 г. в г. Ставрополе по вопросу «О работе учреждений культуры в свете решений январского Пленума ЦК КПСС» [8, л. 57].

Следующим этапом выполнения этого решения стало издание целой серии приказов, конкретизирующих общее направление работы культурных учреждений. Это, во-первых, меры, направленные на совершенствование качества самих коллективов этих учреждений. Так, приказ по управлению культуры Ставропольского края № 200 от 24 ноября 1955 г. «Об улучшении руководства социалистическим соревнованием в учреждениях культуры края», обращал внимание на социалистическое соревнование как важный рычаг улучшения качества работы сотрудников культурной сферы.

Во-вторых, краевое управление культуры должно было предлагать конкретные формы выполнения руководящих указаний центральной власти. Например, приказ № 24 по управлению культуры исполкома Ставропольского краевого совета депутатов трудящихся от 16 февраля 1956 г. был направлен на реализацию организации районными отделами культуры отбора самодеятельных коллективов края для участия во Всесоюзном фестивале Советской молодежи [16, л. 28].

Местные органы управления культурой непосредственно занимались организацией работы во всех сферах культуры и искусства. Например, работники управлений культуры собственноручно проводили собрания членов того или иного творческого союза, формировали репертуарные комиссии и выставочные комитеты. Так, приказом № 72 от 29 мая 1956 г. по Ставропольскому управлению культуры для организации и проведения выставки художников города Ставрополя в срок с 10 июня по 10 декабря 1956 г. был сформирован и назначен выставочный комитет-жюри. Все кандидатуры этого жюри также были отобраны краевым управлением. В состав комитета в обязательном порядке входили чиновники от культуры: И. Г. Стадников (старший инспектор по искусству), Н. Ф. Ильяшенко (зав. городским отделом культуры). Вместе с тем, в жюри принимали участие наиболее известные и авторитетные художники: П. М. Гречишкин, А. А. Борматов, В. В. Кленов [17, л. 73].

В исследуемый период в работе местных органов культуры появились новые формы работы. В первую очередь, это можно отнести к расширению межкультурного обмена народов нашего полиэтничного региона. Этому, безусловно, способствовали изменения в национальной политике, а также возвращение депортированных народов, значительная часть которых проживала на Северном Кавказе. В соответствии с приказом Министерства культуры РСФСР 24 января 1957 г. «Об улучшении обмена культурными ценностями между автономными республиками, областями, краями РСФСР и союзными республиками» в сезон 1957–1958 гг. было организовано проведение Северо-Кавказской театральной весны с участием театров Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Было принято решение лучшие спектакли показать в Москве» [5, л. 57].

Кроме того, управления культуры в это время были озабочены воспитанием художественного вкуса населения. Так вопрос не стоял никогда, как правило, речь шла исключительно об идейной лояльности населения. Начиная с 1959 г. в торговую сеть, особенно на рынки городов проникло множество изделий, изготовленных некоторыми артелями промкооперации. По мнению партийного руководства этой продукции необходимо было противопоставить художественно интересные, идейно выдержанные массовые изделия. В частности, партийной критике подверглись Ставропольский крайисполком, управление культуры, за благодушное отношение к изготовлению и распространению такой продукции, не заботясь об организации в крае производства высококачественных и недорогих изделий.

Немного позже для контроля над выпуском и распространением изделий декоративного искусства при краевом управлении, городских

и районных отделах культуры были созданы художественные советы, которые утверждали образцы массовой изобразительной продукции. С этой целью краевое управление торговли, краевой потребительский союз, краевой книготорг были обязаны открыть в 1960 г. в городах Ставрополе, Черкесске, Ессентуках и Кисловодске художественные салоны и отделы в магазинах для просмотра и реализации художественных изделий художников, графиков, скульпторов Ставрополья. При магазинах книготорга должны быть созданы отделы по продаже художественных изделий. Предписывалось организовать магазины и отделы по продаже изобразительных товаров с обязательным ассортиментом красок, холста, багета [1, л. 17]. Руководителям культурно-бытовых учреждений было рекомендовано приобретать картины и другие художественные изделия и оформлять заказы на художественное оформление этих учреждений только в отделениях Художественного фонда.

Однако на практике дело продвигалось туго. Стремление людей к улучшению быта при их ограниченных материальных и культурных возможностей поддерживали устойчивый спрос на поделки сомнительного художественного качества. В 1961 г. при краевом отделении Художественного фонда РСФСР единый художественно-оформительский комбинат так и не был организован. Рынки по-прежнему наводняли антихудожественные произведения. Руководители организаций, предприятий, колхозов, совхозов продолжали приобретать у частных лиц низкопробные «копии, искажающие известные картины знаменитых художников». Краевой торговый отдел крайисполкома так и не открыл ни одного магазина-салона.

Кроме того, исполкомы Ставропольского, Пятигорского, Кисловодского и других Советов трудящихся не проявили должной заботы об устройстве студий профессиональных художников, а также создании им необходимых жилищно-бытовых условий. В то же время крайисполком запретил финансовым органам регистрировать и выдавать патенты на изготовление частными лицами произведений изобразительного и художественно-декоративного искусства без разрешения художественного совета Ставропольского краевого отделения Художественного фонда РСФСР. Органы милиции, администрации рынков не должны были допускать торговлю «халтурной изопродукцией».

Усилия по художественному воспитанию населения имели при всех издержках значительные положительные результаты. Так Ставропольский исполком краевого Совета депутатов трудящихся по поручению крайкома КПСС должен был изыскать на базе художественного отдела краеведческого музея возможность открытия в городе Ставрополе краевого художественного музея. В марте 1961 г. крайисполком был подвергнут жесткой критике за нерешенность вопроса о предоставлении помещения для открытия в городе Ставрополе краевого художественного музея.

Решение Ставропольского краевого исполкома об объединении художественных мастерских промкомбинатов с краевым отделением Художественного фонда предполагало упростить процесс реализации произведений местных художников, и в то же время создать условия для повышения художественного качества массовой декоративной продукции.

Одновременно в начале 1960-х годов по указанию партийной власти местные советские органы активно решали вопросы улучшения жизненных условий официально признанных творческих работников региона. Например, исполкомы Ставропольского края и городов Ставрополя, Кисловодска, Пятигорска в 1961 г. прилагали немало усилий, чтобы обеспечить жильем и мастерскими художников. В эти годы Ставропольский горисполком предоставил квартиру и мастерскую председателю Правления краевого отделения Союза художников К. Г. Казанчан, улучшил жилищные условия художника А. С. Муравьева [2, л. 23].

После XXII съезда КПСС главной задачей краевого управления культуры стала организация всеми учреждениями культуры широкой пропаганды и разъяснения новой Программы и Устава Коммунистической партии Советского Союза, а также докладов Н. С. Хрущева на этом съезде, т.е. функции, далекие от предназначения искусства. В связи с этим 13 января 1962 г. вышел приказ Ставропольского краевого управления культуры № 7 «О мерах улучшения работы аппарата краевого управления культуры в свете постановления II Пленума краевого комитета КПСС от 5 января 1962 г. и Постановления бюро ЦК КПСС по РСФСР «о серьезных недостатках в разъяснении и изучении материалов XXII съезда КПСС в Ставропольском крае». Согласно приказу основной задачей аппарата краевого управления культурой была, прежде всего, организация «подъема на новый уровень деятельности театров, филармонии» и других учреждений культуры. Основной упор делался не на творческое развитие, а на повышение роли учреждений культуры в идеологической работе, «чтобы они всеми формами своей работы помогали парторганизациям

шире развертывать всенародное социалистическое соревнование за выполнение принятых обязательств, успешное осуществление семилетки». Творческие коллективы должны были вести «повседневную пропаганду опыта передовых предприятий, особенно опытно-показательных хозяйств прогрессивных методов работы новаторов промышленности и сельского хозяйства, ударников и бригад коммунистического труда» [11, л. 4].

Политические изменения в стране после марта 1953 г. неизбежно сказались на характере структуры и содержании работы культурных учреждений. Аппаратная перестройка и кадровые перестановки в области культуры на местах были отдаленным эхом столичных политических страстей, проявлялись мягче и рациональнее.

Основные позиции власти в отношении культуры не изменились, а в провинции проявлялись еще жестче. Культура оставалась неотъемлемым элементом идеологии, и ее роль сводилась к функциям идеологического обслуживания. Одним из главных направлений культурной политики оставалась организация работы по пропаганде партийных решений средствами искусства, отображение преимуществ советского образа жизни в художественных произведениях местных авторов, разоблачение враждебного капиталистического мира.

Одновременно впервые речь зашла об уровне массового художественного вкуса и качестве массовой художественной продукции. Изменение политической ситуации повлияло и на деятельность местных государственных органов власти в части улучшения финансово-материальных условий как культурных учреждений, так и отдельных представителей местной культурной элиты.

Источники и литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3001.
2. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3282.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1150.
5. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1619.
6. ГАРФ. Ф. А. 501. Оп. 1. Д. 3519.
7. ГАРФ. Ф. А. 501. Оп. 1. Д. 4080.
8. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 2603. Оп.1. Д. 11.
9. ГАСК. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 62.
10. ГАСК. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 62.
11. ГАСК. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 107.
12. ГАСК. ФР. 2603. Оп. 1. Д. 116.
13. ГАСК. Ф. 3815. Оп. 1. Д. 51.
14. ГАСК. ФР. 3798. Оп. 1. Д.2.
15. ГАСК. ФР. 3798. Оп. 1. Д.6.
16. ГАСК. ФР. 3798. Оп. 1. Д. 11.
17. ГАСК. ФР. 3798. Оп. 1. Д. 11.
18. ГАСК. ФР. 3798. Оп. 1. Д. 11.

References

1. State archive of contemporary history of Stavropol territory (GANISK). F. 1. Inv. 1. D. 3001. (In Russian).
2. GANISK. F.1. Inv. 1. D. 3282. (In Russian).
3. State archive of Russian Federation (GARF). F. A-501. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
4. GARF. F. A-501. Inv. 1. D. 1150. (In Russian).
5. GARF. F. A-501. Inv. 1. D. 1619. (In Russian).
6. GARF. F. A. 501. Inv. 1. D. 3519. (In Russian).
7. GARF. F.A. 501. Inv. 1. D. 4080. (In Russian).
8. State archive of Stavropol territory (GASK). F. 2603. Inv. 1. D. 11. (In Russian).
9. GASK. F. 2603. Inv. 1. D. 62. (In Russian).
10. GASK. F. 2603. Inv. 1. D. 62. (In Russian).
11. GASK. F. 2603. Inv. 1. D. 107. (In Russian).
12. GASK. FR. 2603. Inv. 1. D. 116. (In Russian).
13. GASK. F. 3815. Inv. 1. D. 51. (In Russian).
14. GASK. FR. 3798. Inv. 1. D. 2. (In Russian).
15. GASK. FR. 3798. Inv. 1. D. 6. (In Russian).
16. GASK. FR. 3798. Inv. 1. D. 11. (In Russian).
17. GASK. FR. 3798. Inv. 1. D. 11. (In Russian).
18. GASK. FR. 3798. Inv. 1. D. 11. (In Russian).

УДК 929

Н. А. Трапш

РОССИЙСКИЕ ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В АБХАЗСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В представленной статье анализируется интересный исторический сюжет, связанный с локальной биографической характеристикой отдельных участников Отечественной войны 1812 года, достигших высокого военно-административного статуса и сыгравших активную роль в абхазской истории первой половины XIX столетия. В рамках авторского анализа представлена социальная и ментальная эволюция избранных персонажей, прошедших сложный путь молодых и амбициозных офицеров блестящей эпохи наполеоновских войн до высших командиров, управляющих крупными войсковыми соединениями и гражданскими лицами в специфический период имперской инкорпорации Кавказа. Персональные характеристики рассматриваемых деятелей исследуются в сложном социокультурном контексте, определяемом системным взаимодействием локальных горских сообществ и административных структур Российской империи. Особое внимание уделено комплексной реконструкции сложных характеров избранных персонажей, формировавшихся в течение длительного исторического периода и включивших особые черты офицерского менталитета XIX столетия и индивидуальные особенности, ставшие естественным результатом военной карьеры. В избранном контексте представлена и сравнительная характеристика военных лидеров, сформировавшихся в длительной борьбе с Наполеоном и дополнивших собственный образ в затяжном противостоянии с горскими сообществами, воевавшими и заключавшими мирные договоры по совершенно отличным правилам.

Ключевые слова: война, горцы, империя, взаимодействие, армия, администрация, генерал.

N. A. Trapsh

RUSSIAN HEROES OF THE 1812 PATRIOTIC WAR IN THE ABKHAZIAN HISTORY OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article analyzes an appealing historical plot connected with the local biographical characteristics of individual participants of the 1812 Patriotic War, who achieved a high military and administrative status and played an active role in the Abkhazian history of the first half of the 19th century. The analysis shows social and mental evolution of selected characters having passed the complex path of young and ambitious officers of the brilliant epoch of Napoleonic wars to the highest commanders who managed large military formations and civilians during a specific period of the imperial incorporation of the Caucasus. Complex characteristics of the figures are explored in the socio-cultural context, determined by the systemic interaction of local mountain communities and administrative structures of the Russian Empire. Particular attention is paid to complex reconstruction of the characters that were formed during a long historical period and included special features of the officer mentality of the XIX century and individual characteristics that became the natural result of a military career. The chosen context serves the background for comparative description of the military leaders formed in the long struggle with Napoleon. They complemented their own image in a protracted confrontation with the mountain communities that fought and concluded peace treaties on absolutely different rules.

Key words: war, highlanders, empire, interaction, army, administration, general.

Отечественная война 1812 года стала знаковым моментом в личной биографии многих выдающихся деятелей, определявших противоречивое развитие российского исторического процесса в конце XVIII – первой половине XIX века. Для заслуженных генералов екатерининской эпохи она стала блестящим эпилогом многолетней службы, завершившейся на Бородинском поле или в скромной немецкой деревне Бунцлау. Более молодые представи-

тели высшего и среднего звена офицерского корпуса получили незаменимый боевой опыт и мощный толчок для дальнейшего карьерного роста, происходившего как в армейской среде, так и на гражданской службе. Для юных поручиков и корнетов Отечественная война 1812 года превратилась драматичный пролог военной карьеры, ставший не только отправной точкой самостоятельного жизненного пути, но и ценностным мерилом для дальнейшей деятельности. В контексте избранной темы несомненный исследовательский интерес вызывают наиболее выдающиеся представители двух последних групп, внесшие очевидный вклад в насыщенную разнообразными событиями абхазскую историю первой половины XIX столетия.

Первое место среди рассматриваемых персонажей может быть без особых сомнений отдано младшему представителю знаменитого семейства Раевских Николаю Николаевичу, участвовавшему во многих славных событиях 1812 года и проявившему выдающиеся личные качества на военном и административном поприще в период Кавказской войны. Как и многие представители российского дворянства, Н. Н. Раевский был в малолетнем возрасте зачислен в Орловский пехотный полк, но вместо традиционного формального пребывания на воинской службы с обязательным продвижением по карьерной лестнице оказался на переднем крае боевых действий и личным мужеством заслужил офицерский чин подпоручика и орден св. Владимира IV степени с бантом. Вместе со знаменитым отцом и старшим братом он принял непосредственное участие в известных сражениях при Мире, Романове, Салтановке, Тарутине, Красном, Царевом займище, причем юному офицеру исполнилось всего 11 лет. В Салтановском бою, получившем восторженную оценку В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, бесстрашное семейство Раевских возглавило отчаянную контратаку Смоленского полка, остановившую мощное наступление корпуса Даву, стремившегося воспрепятствовать ожидавшемуся соединению русских армий. Н. Н. Раевский отметился и на Бородинском поле, и в «Битве народов» под Лейпцигом, где была окончательно побеждена наполеоновская «Великая армия». После заграничных походов перед тринадцатилетним подпоручиком открывались блестящие карьерные перспективы, определявшиеся как прежними заслугами, так и неординарными личными качествами. Посредственный человек вряд ли мог снискать искреннюю дружбу А. С. Пушкина, зародившуюся во время недолгой службы Н. Н. Раевского в Лейб-гвардии Гусарском полку, базировавшемся в Царском селе неподалеку от знаменитого лицея. Впоследствии одно из наиболее ярких пушкинских произведений – поэма «Кавказский пленник» – будет посвящена уже не молодому гусару, но известному генералу, ставшему близким и преданным другом великого поэта.

В 1823 году двадцатидвухлетний Н. Н. Раевский производится в полковники и получает под командование Сумской гусарский полк, а затем поочередно возглавляет Курляндский и Харьковский драгунские полки. Однако карьерный взлет был вскоре прерван в связи с начавшимся расследованием неудачной попытки государственного переворота, предпринятой 14 декабря 1825 года на Сенатской площади Санкт-Петербурга. Близкие родственники Н. Н. Раевского принимали активное участие в декабристском движении, что определили естественные подозрения и в отношении молодого полковника, уже известного собственным вольнодумством и достаточно либеральными взглядами. Проведенное расследование выявило личную непричастность Н. Н. Раевского к тайным обществам и антигосударственным действиям, но в качестве профилактической меры он был отправлен на Кавказ в качестве командира Нижегородского драгунского полка. Талантливый офицер блестяще проявил себя в русско-иранской войне 1826–1828 гг. и русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в ходе которых он удостоился орденов св. Георгия IV степени и св. Анны II степени (с алмазными знаками), а также получил чин генерал-майора. Но он завоевал не только высокий авторитет в армейской среде и заслуженные награды, но закономерную неприязнь и командующего отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевича. Непосредственный командир обвинил Н. Н. Раевского в осознанной поддержке ссыльных декабристов, что являлось самым тяжким преступлением в глазах Николая I, который безоговорочно встал на сторону собственного фаворите и удалил неблагонадежного генерала из действующей армии.

Несколько лет талантливый военачальник и администратор вынужден был перемещаться между малозначительными должностями, находясь под негласным надзором жандармского корпуса. Только в 1837 году Н. Н. Раевский возвращается на Кавказ, где становится начальником 1-отделения Черноморской береговой линии. В новой роли отчетливо проявились административные, дипломатические и военные таланты молодого генерала, сумевшего за

два неполных года не только провести успешные десантные операции у Туапсе, Субаши и Псекупсе и построить целый ряд укрепленных фортов на замиренной территории, но и наладить адекватный диалог с местными горскими сообществами, позволявший решать многие острые вопросы мирным путем. Н. Н. Раевский сумел добиться весомых результатов и в традиционно провальных сферах интендантской деятельности, связанных с комплексной организацией солдатского питания и стационарного проживания в укрепленных пунктах. Несомненные успехи молодого военачальника и администратора не остались незамеченными в Санкт-Петербурге, где особый интерес к опальной персоне проявил лично Николай I. В 1838 году он получил чин генерал-лейтенанта и орден Белого Орла, а в следующем году императорским рескриптом был назначен командующим Черноморской береговой линией. Однако, успешная деятельность Н. Н. Раевского вызывала серьезное недовольство многочисленных столичных и кавказских завистников, которые непрерывно бомбардировали императорский двор и военное министерство бюрократическим кляузами, не уставая указывать на декабристские взгляды молодого генерала, проявлявшиеся в слишком либеральном общении с нижними чинами и немирными горцами. Армейское руководство было недовольно публичным вольнодумством командующего Черноморской береговой линией, который неоднократно выступал против дальнейшего ведения военных действий варварскими методами, связанными с целенаправленным уничтожением целых аулов, систематическим разорением посевных и пастбищных угодий горских сообществ, повсеместным использованием принципа коллективной ответственности за индивидуальные противоправные действия. По меткому замечанию молодого генерала, «наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами …» [2, с. 505]. В результате непрекращающихся интриг Н. Н. Раевский был объявлен единственным виновником военных неудач 1840 года, когда объединенные горские отряды овладели целым рядом черноморских фортов. В 1841 году он вынужден был оставить военную службу, а вскоре скончался в возрасте 43 лет. Покидая Западный Кавказ, он открыто указывал реальные причины собственной отставки в письме военному министру: «… я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край» [2, с. 505].

В абхазскую историю Н. Н. Раевский вошел не только в качестве командующего Черноморской береговой линией, составной частью которой являлись приморские территории от р. Ингур до р. Псоу. По мнению известного историка Г. А. Дзидзария, он «ставил вопрос о развитии в Абхазии торгового земледелия, рыбного промысла, технических культур, а также первым обратил внимание на наличие здесь каменноугольного месторождения» [6, с. 73]. Подобное внимание к региональному экономическому развитию было уникальным явлением для российской военной администрации, озабоченной исключительно собственными карьерными планами и успешным подавлением горского сопротивления. Кроме того, Н. Н. Раевский принял активное участие в официальном создании Сухумского военно-ботанического сада, превратившегося через несколько десятилетий не только в крупный центр научных исследований, но и в подлинную жемчужину причерноморской флоры. Боевой генерал обладал немалыми биологическими познаниями, которые проявил впоследствии при практическом обустройстве собственных имений. Он обратил пристальное внимание на садовый участок, умело устроенный сухумским гарнизонным лекарем В. Багриновским и добился у официального Петербурга специального разрешения на казенное обеспечение создающегося экспериментального объекта [9, 11]. Первоначально главной целью практической деятельности Сухумского военно-ботанического сада являлось постоянное обеспечение линейных гарнизонов семенным рассадным материалом, необходимым для эффективного огородничества и территориального озеленения. С поставленной задачей он справлялся на высоком уровне, так как только в 1841 году казенным заказчикам было предоставлено 6 тысяч отборных саженцев лесных и декоративных деревьев, которые были высажены в Бомборе, Гагре и других укреплениях. Таким образом, следует признать, что Н. Н. Раевский остался в абхазской истории не только как талантливый военачальник и администратор, не утрачивавший человеческого лица и офицерской чести, но и заботливый хранитель местных природных богатств, стоящий у реальных истоков региональной науки.

Еще одним героем Отечественной войны 1812 года, исторический путь которого затронул Абхазию, был А. А. Вельяминов, получивший меткое прозвище «Горский Ганнибал». В отличие от Н. Н. Раевского он встретил наполеоновское нашествие достаточно зрелым офице-

ром, имевшим чин подполковника и бесценный опыт европейских кампаний начала XIX века и русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Личная храбрость, проявленная А. А. Вельяминовым в Бородинском сражении (командовал первой ротой в гвардейской артиллерийской бригаде) и известном бою у г. Красный, была отмечена весомыми наградами: орденом св. Владимира IV степени и орденом св. Георгия IV степени. Он принял активное участие и в заграничных походах, где отличился в крупных сражениях при Люцене и Бауцене. Талантливый офицер был замечен другим героем Отечественной войны 1812 года – генералом А. П. Ермоловым – и в 1816 году получил высокое назначение на должность начальника штаба отдельного Кавказского корпуса, на которой пользовался неограниченным доверием «Проконсула Кавказа». Дальнейшая военная и административная карьера А. А. Вельяминова была неразрывно связана с Кавказом, где он оказался деятельным участником русско-иранской войны 1826–1828 гг. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг., незаменимым соратником сменявшихся командующих и активным участником большинства знаковых событий 20-х – 30 –х гг. XIX столетия. Кавказская часть обширной биографии знаменитого генерала получила достаточно подробную и всестороннюю характеристику в отечественной и зарубежной историографии, а потому целесообразно выделить наиболее значимые моменты, отчетливо выявляющие особые черты рассматриваемой личности [3, 5, 7, 8].

А. А. Вельяминов являлся убежденным сторонником рационального ведения военных действий на Кавказе, исключавшего бессмысленную жестокость по отношению к немирным горцам и предполагавшего систематическое закрепление контроля над присоединенными территориями посредством целенаправленного диалога с лояльными сообществами. Подобная концепция впоследствии была блестяще использована А. Н. Барятинским, руководившим русскими войсками на завершающем этапе Кавказской войны. А. А. Вельяминов никогда не был харизматическим лидером, пользовавшимся иррациональной любовью солдатской массы и офицерского контингента. Он являлся ярким примером образцового штабного офицера, которого уважают подчиненные чины и ценит высшее армейское руководство. Высокая штабная культура позволила талантливому генералу не только успешно планировать военные операции, но и облекать приобретенный опыт в грамотно построенные указания и рекомендации обобщающего и отчасти теоретического характера. По справедливому замечанию В. С. Толстого, А. А. Вельяминов «…владел в высшей степени искусством начальствовать и всем подчиненным, даже состоящим в равном с ним чине, внушал глубокое уважение и почитание: солдаты не любили его…, но питали к нему не ограниченное доверие придающее им в боях неудержимую отвагу» [10, с. 114]. Опытный генерал с уважением относился к непосредственному противнику, рассматривая Кавказскую войну как длительный конфликт, окончательная победа в котором может быть предопределена исключительной настойчивостью и упорством в последовательном достижении поставленной цели. Соответствующая идея была отчетливо выражена самим А. А. Вельяминовым в известных размышлениях: «Кавказ может быть приравнен к мощной цитадели, великолепно укрепленной природой, надежно защищенной инженерными сооружениями и обороняемой многочисленным гарнизоном. Хороший командир не преминет употребить здесь все военное искусство, проложит фортификационные параллели, устроит подкопы, заложит мины и таким образом станет полным хозяином положения. Я считаю, что подход к Кавказу должен быть именно таковым, и если ранее сия метода действий не была предпринята, дабы служить опорой и постоянным ориентиром, сама природа вещей толкнет на такие действия. Но в этом случае успех их будет достижим куда как нескоро из-за частых отклонений от верного курса» [3, с. 112].

В абхазскую историю выдающийся представитель российского генералитета вошел, как ни странно, без всякой связи с собственным статусом командующего Черноморской береговой линией. Главным вкладом А. А. Вельяминова стало покровительственное отношение к разведывательным рейдам Ф. Ф. Торнау, интеллектуальным итогом которых стали известные нарративы, повествующие о различных особенностях реальной жизнедеятельности горских сообществ, в том числе и находившихся на территории исторической Абхазии [11]. В контексте указанного обстоятельства примечательной представляется пространная характеристика, данная выдающимся разведчиком непосредственному начальнику: «Назначение в 1831 г. генерал-лейтенанта Алексея Александровича Вельяминова начальником Кавказкой Линии … повлекло за собой разительную перемену в системе действий и повело бы впоследствии постепенному, нашим

политическим выгодам не противоречащему умиротворению края, ежели в Петербурге менее оспаривали его мысли, и жизнь его не прервалась так скоро. Алексей Александрович Вельяминов, бесспорно, принадлежал к числу наших самых замечательных генералов. Умом, многосторонним образованием и непоколебимою твёрдостью характера он стал выше все личностей, управляющих в то время судьбами Кавказа. Никогда он не кривил душой, никому не льстил, правду высказывал без обиняков, действовал не иначе как по твёрдому убеждению и с полным самозабвением, не жалея себя и других, имея в виду лишь государственную пользу, которую, при своём обширном уме, понимал верно и отчётливо. Никогда клевета не дерзала прикоснуться к его чистой, ничем не помрачённой репутации. Строгого, с виду холодного малоречивого Вельяминова можно было не любить, но в уважении не смел ему отказать ни один человек, как бы высоко он ни был поставлен судьбой. Я не встречал другого начальника пользовавшегося таким сильным нравственным значением в глазах своих подчинённых. Слово Вельяминова было свято, каждое распоряжение его безошибочно; даже в кругу самонадеянной и болтливой военной молодёжи, приезжавшей к нам из Петербурга за отличием, признавалось делом смешным и глупым разбирать его действия. Горцы, знакомые с ним исстари, боялись его гнева как огня, но верили слову и безотчётно полагались на его справедливость» [11, с. 237–240]. Нарративные материалы Ф. Ф. Торнау являются едва ли не самым ценным источником по абхазской истории первой половины XIX века, а потому реальный организатор и вдохновитель соответствующих экспедиций заслуживает достойного места в меняющейся общественной памяти.

Третий герой Отечественной войны 1812 года, рассматриваемый в предлагаемом исследовании, в историописательных концепциях традиционно рассматривается в двух ракурсах. С одной стороны, барон Г. В. Розен традиционно рассматривался как либеральный представитель российского генералитета, покровительствовавший ссыльным декабристам и выступавший за всесторонний диалог с горскими сообществами. Подобный подход был свойственен преимущественно советской историографии, для которой любое сочувствие отечественному освободительному движению могло превратить весьма неоднозначную фигуру в исключительно положительного персонажа. Справедливости ради необходимо заметить, что и в указанный период находились смелые исследователи, показывавшие любую личность в максимальной полноте положительных и отрицательных качеств [6]. В другом измерении, формируемом при достаточно беспристрастном прочтении имеющихся источников, он выступает как надменный администратор, не скрывающий высокомерного отношения к кавказским партнерам, и безжалостный командир, использовавший самые жестокие средства для последовательного достижения окончательной победы.

Г. В. Розен, также как и А. А. Вельяминов, встретил Отечественную войну 1812 года достаточно опытным и известным офицером, участвовавшим в европейских кампаниях начала XIX столетия и русско-шведской войне 1808–1809 гг. и удостоенным ордена св. Георгия IV степени за личную храбрость в малоизвестном сражении при Гутштате. Он отличился также в Бородинской битве и ожесточенном сражении у г. Красный, что принесло с некоторым опозданием новую награду в виде ордена св. Георгия III степени. В декабре 1813 года Г. В. Розен был назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка, что являлось одним из высших знаков отличия в императорской армии. В заграничных походах он участвовал во многих знаковых сражениях (Люцен, Кульм, Лейпциг), а после победного завершения наполеоновских войн командовал крупными пехотными соединениями и принимал активное участие в жестоком подавлении польского восстания 1830–1831 гг. В 1831–1837 гг. Г. В. Розен являлся командиром Отдельного Кавказского корпуса, выполняя одновременно многообразные функции главноуправляющего гражданской частью и пограничными делами. В указанный период он и вошел в абхазскую историю в качестве единоличного руководителя одной из самых жестоких карательных экспедиций против горских сообществ Дала и Цебельды.

Еще в начальный период собственного пребывания на Кавказе Г. В. Розен выделялся высокомерным отношением к местному населению, проявлявшимся не только применительно к немирным горцам, но и к зависимым владетелям. Яркой иллюстрацией данного тезиса является откровенно грубое письмо абхазскому владетельному князю Михаилу Чачба (Шервашидзе), в котором командующий Отдельным Кавказским корпусом пренебрежительно заявлял: «Что с Вами будет, если сильная Российская держава, доставившая в Абхазии дому Вашему первенство и всеми средствами поддерживающая Вас, откажется от оказывае-

мого покровительства, без которого Вы и существовать не можете?» [2, с. 447]. В 1837 году Г. В. Розен, побуждаемый гневными письмами Николая I, лично возглавил первую экспедицию в Цебельду, которая действовала с чрезвычайной жестокостью. Армейская артиллерия уничтожала целые аулы, что пробуждало дополнительное сопротивление со стороны местного населения. Но достигнутый результат был явно непропорционален привлеченным силам, так как единственным успехом Г. В. Розена стало формально получение имперской присяги от некоторых князей Амаршан и официальное создание Цебельдинского приставства. Неожиданный негативный итог стал главной причиной скорой отставки командующего Отдельным Кавказским корпусом, который завершил долгую военно-административную карьеру в сенаторском кресле.

Признанные герои Отечественной войны 1812 года по-разному проявили себя в последующей деятельности, что определялось как личными качествами, так и сложившимися социокультурными условиями. В трагическом декабре 1825 года недавние победители Наполеона оказались в противоборствующих лагерях на Сенатской площади, радикально разошедшись в собственных представлениях о будущем развитии России. Особенно ярко соответствующая дифференциация проявилась на Кавказе, где некоторые из них, подобно Н. Н. Раевскому и А.А. Вельяминову, удостоились неизменного уважения со стороны армейских соратников и противостоящих горцев, а другие вслед за Г. В. Розеном продемонстрировали такие отталкивающие черты собственного характера, как неизменное высокомерие и немотивированная жестокость к противостоящим силам. Последняя поведенческая модель не является желаемым исключением, так как признанными героями Отечественной войны 1812 года и заграничных походов были и такие неоднозначные персонажи, как А. П. Ермолов и Г. Х. Засс, отличившийся в «Битве народов» под Лейпцигом и в не менее известных сражениях при Дрездене и Кульме. Применительно к избранной теме следует признать, что Н. Н. Раевский, А. А. Вельяминов и Г. В. Розен сыграли значимую роль в абхазской истории первой половины XIX столетия, хотя личный вклад упомянутых военачальников и администраторов не предполагает идентичных оценок.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. Ч. 1. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1884. 1013 с.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. Ч. 1. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1881. 1009 с.

3. Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 351 с.

4. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. Т. 5. С. 73–201.

5. Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Журнал Звезда, 2000. 465 с.

6. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 532 с.

7. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002. 494 с.

8. Матвеев О. В. «Горский Ганнибал» Памяти Алексея Александровича Вельяминова // Дворяне юга России на службе Отечеству. Материалы научно-практической конференции. Краснодар: Ньюмен, 2004. С. 98–126.

9. Матвеев О. В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30–50-е годы XIX века // Славяноведение. 2009. № 6. С. 64–75.

10. Толстой В. С. Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать // Сборник русского исторического общества. Т. 2. М.: Русская панорама, 2000. С. 111–149.

11. Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. 378 с.

References

1. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej *(Acts collected by the Caucasus Archeographic Commission).* Vol. IX. Part. 1. Tiflis: Typography of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1884. 1013 p. (In Russian).

2. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej *(Acts collected by the Caucasus Archeographic Commission).* Vol. VIII. Part. 1. Tiflis: Typography of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1884. 1009 p. (In Russian).

3. Baddeli D. Zavoevanie Kavkaza russkimi. 1720–1860 *(The conquest of the Caucasus by the Russians. 1720–1860).* Moscow: ZAO Centrpo-ligraf, 2007. 351 p. (In Russian).

4. Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona *(Memories of Grigory Ivanovich Filipson)* // Russkij arhiv. 1883. Vol. 5. P. 73–201. (In Russian).

5. Gordin Ya. A. Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoj vojne XIX veka *(Caucasus: land and blood. Russia in the Caucasian War of the XIX century).* St.Petersburg: ZHurnal Zvezda, 2000. 465 p. (In Russian).

6. Dzidzariya G. A. Mahadzhirstvo i problemy istorii Abhazii XIX stoletiya *(Makhajirism and the problems of Abkhazian history of the XIX century).* Suhumi: Alashara, 1982. 532 p. (In Russian).

7. Klychnikov Yu. Yu. Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) *(Russian policy in the North Caucasus (1827–1840).* Pyatigorsk: PSLU publ., 2002. 494 p. (In Russian).

8. Matveev O. V. «Gorskij Gannibal» Pamyati Alekseya Aleksandrovicha Vel'-yaminova *("Gorsky Hannibal" In memory of Alexei Alexandrovich Velyaminov)* // Dvoryane yuga Rossii na sluzhbe Otechestvu. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnodar: N'yumen, 2004. P. 98–126. (In Russian).

9. Matveev O. V. Polyaki v ukrepleniyah CHernomorskoj beregovoj linii v 30–50-e gody XIX veka (*Poles in the fortifications of the Black Sea coastline in the 30–50s of the XIX century)* // Slavyanovedenie. 2009. No.6. P. 64–75. (In Russian).

10. Tolstoj V. S. Biografii raznyh lic, pri kotoryh mne prihodilos' sluzhit' ili blizko znat' *(Biographies of different persons, under which I had to serve or have known closely)* // Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 2. Moscow: Russkaya panorama, 2000. P. 111–149. (In Russian).

11. Tornau F. F. Vospominaniya russkogo oficera *(Memories of a Russian officer).* Moscow: AIRO-HKH, 2002. 378 p. (In Russian).

УДК 94(53):297

З. А. Чомаев

СТАТУС ВОЕННОПЛЕННЫХ В РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ МУСУЛЬМАН В ПЕРИОД РАННЕГО ИСЛАМА

В силу того, что в отечественной историографии нет комплексных исследований, посвященных изучению религиозно-правовой системы раннего арабо-мусульманского государства, отдельные моменты данного вопроса остаются малоизученными. В настоящей статье рассматривается политика раннего арабо-мусульманского государства по отношению к военнопленным и ее правовое обеспечение.

Как известно, на формирование религиозного правопонимания раннемусульманской уммы большое влияние оказал ислам. Дело в том, что в доисламской Аравии не было государственности, общепризнанных правил, правителя. С приходом ислама многое изменилось: появилась государственность; был избран политический и религиозный лидер; единым для всех законом стал шариат.

Большим изменениям подвергся доисламский институт рабства. Так, по исламу, рабом мог стать только военнопленный. Ни при каких обстоятельствах свободного человека, не проявляющего враждебность, нельзя было обращать в рабство. Ни в одном аяте Корана не говорится о дозволенности насильственного порабощения.

К пленнику требовалось хорошее отношение, несмотря на то, что он воевал в свое время против мусульман. Мирное население, не принимавшее участие в военных актах, имело привилегии.

Ключевые слова: военнопленный, сподвижник, ислам, Аравия, рабство, шариат, право на свободу, невольничьи рынки.

Z. A. Chomaev

THE STATUS OF PRISONERS OF WAR IN THE RELIGIOUS AND LEGAL SYSTEM OF MUSLIMS IN THE EARLY PERIOD OF ISLAM

Due to the fact that in Russian historiography there are no comprehensive studies devoted to the study of religious-legal system of the early Arab-Muslim state, some points of this question remain poorly understood. This paper examines the policy of the early Arab-Muslim States in relation to prisoners of war and its legal support.

It is well known that the formation of the religious right of the Muslim Ummah was influenced by Islam. In fact, prior to Islam there were no state, commonly agreed rules in Arabia. With the advent of Islam many things changed: statehood was introduced; the political and religious leader was elected; the Sharia became the common law.

The institution of slavery underwent complex changes. So, according to Islam, a slave could only be a prisoner of war. Under no circumstances a free man, not exhibiting hostility, could be enslaved. The Koran does not say about the permissibility of violent enslavement.

To the prisoner deserved a good attitude, despite the fact that he fought in his time against Muslims. Civilians, which did not take part in military acts, had the privilege.

Key words: prisoner of war, companion, Islam, Arabia, slavery, Sharia law, the right to freedom, slave markets.

Как известно, вопросы, связанные с пленными, с древних времен решались посредством переговоров. В разных государствах раннего средневековья в зависимости от духовно-нравственного и культурно-правового развития общества по-разному относились к данной проблеме.

В силу того, что в отечественной историографии нет комплексных исследований по данной теме, отдельные моменты остаются малоизученными. В настоящей статье автор попытался раскрыть проблему отношения к военнопленным в исторической практике и в религиозно-правовой системе мусульман в период раннего ислама (первая половина VII в.).

Судя по имеющимся сведениям, большое влияние на формирование религиозно-правовой системы у арабов в раннее средневековье оказал ислам. Об истинности такого положения свидетельствует тот факт, что у арабов до появления ислама в изучаемый нами период не было государственности и соответственно единого правителя и закона. Также у них отсутствовала судебная власть, куда можно было бы обратиться с жалобами. Согласно выводам современного арабского исследователя Ахмада ʻАбд ас-Салама: «За решением спорных вопросов они [древние арабы] обращались к шейху племени или к жрецу (кахин). Ни один из них не судил по писаному закону (канун мактуб), а вершил суд, согласно традициям того племени, в котором он проживал» [5, с. 12].

Таким образом, в доисламской Аравии не было общепризнанных фиксированных правил по отношению к военнопленным. К тому же кровная месть, широко культивируемая в доисламской Аравии, не позволяла арабам хорошо относиться к ним. Наглядными примерами, подтверждающими верность такого вывода, являются случаи со сподвижниками Пророка, попавшими в плен к арабам-язычникам как во время поездки в ар-Раджи‘, так и во время поездки в Би’р ал-Ма‘уна (625 г.).

После сражения при Ухуде (625 г.), когда маятник удачи качнулся в сторону противников мусульман, авторитет Медины среди племен, доселе соблюдавших нейтралитет, заметно снизился. Видя ухудшение положения мусульман, некоторые племена решили воспользоваться ситуацией. Так, судя по арабо-мусульманским источникам, некий Тулайха ал-Асди собрал против Медины добровольцев из Неджда, а Халид б. Суфйан собрал отряд из хузаилитов и их союзников. Когда весть об этом дошла до мусульман, они отправили навстречу «возмутителям порядка» из Неджда карательную экспедицию, которая состояла из конницы, под предводительством Абу Салмы б. ʻАбд ал-Асди. Сторонники Тулайхи, не ожидавшие такого поворота событий, согласно источникам, оставив мусульманам все свое имущество, разбежались [см.: 18, с. 50; 8, с. 398]. Предводителю хузаилитов – Халиду б. Суфйану был направлен лазутчик, которому удалось пробраться в лагерь противника и покончить с ним [18, с. 50; 8, с. 398]. Таким образом, мусульманам удалось обезопасить себя от притязаний арабских племен.

Однако хузаилиты на этом не успокоились. Согласно арабо-мусульманским источникам, для того, чтобы отомстить мусульманам за убийство своего предводителя Халида б. Суфйана, хузайлиты договорились с племенами ʻадил и ал-кара. В их задачу входило, используя любые средства, привести к ним на расправу мусульман.

Согласно версии Ибн Хишама, представителям ʻадил и ал-кара удалось договориться с Мухаммадом об отправке к ним знатоков ислама, чтобы обучить чтению Корана и другим религиозным основам новообращенных мусульман [24, с. 120]. Мусульмане, не подозревая ни о чем, пустились на помощь к своим «собратьям». По дороге, когда они достигли местности ар-Раджи‘, хузайлиты напали на них. Из десяти проповедников ислама выжили только двое. Их ожидала не самая лучшая участь: впоследствии они были проданы мекканцам. Как выразился известный арабский историк IX в. ал-Вакиди: «В тот момент [курайшиты] больше всего желали того, чтобы привели к ним кого-либо из сподвижников Мухаммада, над которым они поиздевались бы, а затем казнили бы в отместку за убитых [родственников] в сражении при Бадре» [10, с. 350]. Их купили мекканцы, потерявшие своих близких при Бадре, и после окончания запретных месяцев, согласно версии Ибн Хишама, казнили [24, с. 122–123].

Аналогичный случай произошел и в Би’р ал-Ма‘уне (625 г.). Из семидесяти мусульман, отправленных в составе религиозной делегации, согласно источникам, выжили только Ка‘б б. Зайд ал-Ансари и ʻАмру ад-Дамири [24, с. 129; 20, с. 447]. Однако, несмотря на это, Мухаммад справедливо обошелся со своим противником. Дело в том, что Пророк, несмотря на вероломство ʻАмира б. ат-Туфайла – организатора нападения на сподвижников Мухаммада, распорядился выплатить им виру за убитых по ошибке ʻАмром ад-Дамири представителей племени бану ʻамир [24, с. 129]. По меткому замечанию О. Г. Большакова: «Такой жест Мухаммада подчеркивал его моральное превосходство над вождем, не выполнившим своего долга [1, с. 118].

После прихода ислама отношение к военнопленным коренным образом изменилось. Шариат призывал верующих хорошо относиться к пленным. В Коране было сказано: «Они дают пищу беднякам, сиротам и пленникам…» (сура 76, аят 8–9). (Цитаты из Корана приводятся по переводу акад. И. Ю. Крачковского [4]). В 36 аяте 4-й суры Коран побуждает совершать добро по отношению к невольникам наряду с родителями, родственниками и сиротами.

Таким образом, в древнеаравийском обществе большинство рабов были военнопленны-

ми. Некоторые были куплены из Африки или превращены в рабов за долги или проиграны во время азартных игр. Рабы выполняли повседневную работу, не участвовали в военных действиях [11, с. 39–40]. Если раб был арабом и из того же племени, то к нему относились уважительно. Когда соплеменник, попав в плен, становился рабом другого племени, для остальных было делом чести вызволить его из плена. Его, с согласия противника, выкупали за определенную плату или меняли на такого же равноценного пленника.

Раб, сообразно обычаям арабов, был бесправным. Однако хозяин мог, по своему усмотрению, поощрить раба или отпустить его на волю за определенные услуги. Рабы, принявшие ислам, были освобождены за определенный выкуп состоятельными мусульманами. К таковым можно причислить Билала, чернокожего раба из Абиссинии, Салмана ал-Фариси из Ирана, Зайда и др. [23, с. 214, 297–299].

Согласно принципам ислама, каждый человек рождается свободным и никто не имеет право насильственно продавать кого-либо в рабство. Рабом мог стать только военнопленный или рожденный от рабыни. Однако стоит заметить, что положение, запрещающее незаконную работорговлю, на практике мусульманами безукоризненно соблюдалось только в ранний период ислама. Со временем работорговцы – любители легкой наживы – восстановили невольничьи рынки, где законным и незаконным путем продавались и покупались рабы. Трансформацию общественного сознания по отношению к работорговле в некоторых мусульманских странах, вопреки требованиям шариата, отмечал в свое время и голландский ученый Ван ден Берг [3, с. 155].

Пленники, наряду с их имуществом, считались добычей мусульман (ал-ганима) [7, с. 427]. В Коране по этому поводу было сказано: «Вкушайте то, что вы взяли в добычу дозволенным и честным путем» (сура 8, аят 69). Добыча делилась между участниками в соответствии с Кораном, где сказано: «… Аллаху – пятая часть, и посланнику, и родственникам, и сиротам, и бедным, и путнику…» (сура 8, аят 41).

Военнопленные, согласно мусульманскому закону, делились на два вида – это не участвовавшие в сражении (несовершеннолетние дети, женщины и т.д.) и участники сражения.

К пленникам, не участвовавшим в сражении, действовали особые правила. В Коране было сказано: «Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается против вас…» (сура 2, аят 190). В связи с этим, известный мусульманский ученый VIII в. Мухаммад б. ал-Хасан аш-Шайбани (ум. в 805 г.), отмечает, что во время войны, «[мусульманам] не разрешается убивать ни женщин, ни детей, ни умалишенных, ни людей преклонного возраста» [17, с. 120]. Комментируя высказывание аш-Шайбани, имам ас-Сархаси добавляет, что эти правила применялись по отношению к указанным категориям людей, в том случае, «если они не принимали участия (непосредственно или советом) в сражении» [17, с. 120].

Об истинности такого положения свидетельствуют исторические повествования. Так, в «Жизнеописании Пророка» Ибн Хишама говорится о казни мусульманами некоего Дурайда б. ас-Симмы, которого Малик б. ал-‘Ауф использовал в качестве советника в битве при Хунайне (630 г.) [24, с. 88]. Согласно версии ал-Бухари, ему было 120 лет [9, с. 156]. Также историческим примером является казнь представительницы племени бану курайза. Согласно версии Ибн Хишама, она во время осады племени бану курайза мусульманами, убила Халлада б. Сувайда, бросив на него жернов [24, с. 207]. Во время сражения у Рва (627 г.) в поединке, несмотря на возраст, был убит некий ‘Амр б. ‘Абд Вудд, которому, согласно версии Ибн Са‘да, исполнилось 90 лет [18, с. 67].

О неприкосновенности перечисленных категорий людей говорится и в хадисах. Так, например, в одном из сражений, проходя мимо убитой женщины, Пророк заметил: «Чем же она провинилась? Убита, хотя не участвовала в сражении» [6, с. 53; 12, с. 187; 21, с. 388]. Также в исторических преданиях говорится, что Пророк, во время военных действий запрещал своим соратникам убивать детей и женщин [24, с. 235; 13, с. 496].

Наглядным примером, того, что мусульмане не убивали детей противника, являются действия Хубайба б. ‘Ади, захваченного в плен хузаитами во время поездки в ар-Раджи‘ и проданного в рабство семье ал-Хариса б. ‘Амира, убитого им при Бадре. Согласно воспоминаниям дочери ал-Хариса, перед казнью Хубайб попросил принести ему бритву. В этот момент, неожиданно для нее, к нему подкрался ее ребенок, и он усадил его на свои колени. Когда она увидела, что ее ребенок сидит с ним, а он в руках держит бритву, очень испугалась. Заметив это, Хубайб успокоил ее, сказав, что не намеревается убивать ребенка [24, с. 149; 19, с. 214].

Согласно мусульманским обычаям, семьи военнопленных также считались добычей и распределялись по общим правилам. Однако не всегда мусульмане порабощали детей

и женщин. Если среди них оказывалась родственница, то отпускали. Так поступил Пророк со своей молочной сестрой аш-Шаймой, которая попала в плен во время сражения при Хунайне (630 г.) [см.: 2, с. 396].

Примером является и случай с пленными племени бану мусталик, некоторым из которых позволили откупиться. Но это не означало, что их освободили за выкуп как в случае с пленными Бадра. Согласно обычаям арабов, утвержденных и исламом, раб имел право после выполнения условий, поставленных хозяином, получить свободу.

В указанном сражении в плен попала и Джувайриа, дочь предводителя племени бану мусталик ал-Хариса б. Абу Дирара. Она обратилась к пророку Мухаммаду с просьбой помочь ей откупиться от рабства. Мухаммад помог ей решить этот вопрос, и после освобождения она приняла ислам, и Пророк женился на ней. «[Когда] слух о женитьбе Посланника Аллаха на Джувайрии, дочери ал-Хариса, распространился среди людей, – согласно воспоминаниям ‘Аиши, жены Пророка, – они сказали: «Родственники Посланника Аллаха» и отпустили на волю пленников [племени бану мусталик]» [24, с. 252]. После такого инцидента многие из них приняли ислам в их числе и предводитель племени бану мусталик ал-Харис, отец Джувайрии. Здесь слова ‘Аиши звучат, как никогда, кстати: «Я не знаю другую женщину, которая сделала для своего народа столько, сколько сделала она» [24, с. 252].

Данный случай наглядно демонстрирует дипломатический талант Мухаммада. То, чего он не смог бы добиться с оружием в руках, (т.е. принятия ислама) он добился, предприняв довольно простое решение: женившись на дочери предводителя враждебного племени, и отпустив на волю военнопленных.

Если раб, приняв ислам, переходил на сторону мусульман, становился свободным. В доказательство этому имам аш-Шайбани приводит хадис, в котором говорится, что Пророк во время осады ат-Та’ифа сказал: «Раб, кем бы он не был, если выйдет к нам мусульманином, то он [получит] свободу». После такого обращения к мусульманам вышли семь рабов, которых Пророк, как и обещал, освободил от рабства и отпустил на свободу. В дальнейшем эти люди получили прозвище ‘утака’ Аллах («Освобожденные [ради] Аллаха») [15, с. 96–97].

По отношению к пленным, непосредственно участвовавшим в сражении, принимались другие меры. В силу того, что пленники были противниками мусульман, попавших в плен, на основе решения шуры (совета), сообразно обстоятельствам или сажали в тюрьму, или отдавали в рабство или могли отпустить на волю без предварительных условий или за определенный выкуп.

Известный мусульманский правовед XX в. ас-Сайид Сабик, в связи с этим, отмечает: «Ислам вручил все полномочия [для вынесения приговора] по отношению к военнопленным правителю мусульман (ал-хакиму). Он по своему усмотрению выбирает наилучший вариант [из трех возможных]: ал-манн (милость), ал-фида’ (выкуп), ал-катл (смертная казнь). Ал-манн (милость, благодеяние) – это освобождение пленника без выкупа; ал-фида’ (выкуп) – мог быть произведен посредством имущества или обменом на пленника мусульманина» [25, с. 63].

В исторических повествованиях имеется множество рассказов о пленниках, которых мусульмане освобождали за определенный выкуп. Например, мусульмане во время похода под названием Сариату нахла (623 г.) захватили ал-Хакама б. Кайсана и ‘Усмана б. ‘Абд Аллаха в плен. Видя такой поворот событий, курайшиты попытались решить вопрос путем переговоров. Одного из них им удалось выкупить, а второй пленный, приняв ислам, решил остаться в Медине. Согласно версии Ибн Са‘да, ислам принял ал-Хакам б. Кайсан и погиб будучи мусульманином во время битвы при Би’р ал-Ма‘уне (625 г.) [18, с. 10–11].

В преданиях приводятся случаи, когда мусульмане обменивали пленных противника на своих. Так, в сборниках хадисов Ахмада и ат-Тирмизи, со слов некоего ‘Имрана б. Хусайна говорится, что Пророк обменял двоих [пленных] из числа мусульман на одного язычника из племени бану ‘укайл [22, с. 61; 14, с. 135].

Вопрос о судьбе пленных встал и после сражения при Бадре, когда мусульмане захватили в плен курайшитов. Количество военнопленных Бадра, согласно источникам, достигало семидесяти человек; двое из них были казнены, а остальные за определенный выкуп были возвращены [18, с. 22].

За исключением отдельных моментов, мусульмане к военнопленным относились с пониманием. Например, ал-Хасан, внук пророка Мухаммада, отрицательно относился к смертной казни пленных [16, с. 124]. Также в исторических преданиях говорится, что Ибн ‘Умар (сын второго халифа) отказался казнить пленника, отправленного к нему для этого ‘Абд Аллахом б. ‘Амиром [16, с. 124]. Это можно объяснить тем, что шариат позволял верующим показывать свою силу только во время воен-

ных действий; убивать закованных в кандалы не считалось проявлением героизма.

Выкуп раба с последующим освобождением считался проявлением великодушия. Примером тому является и то, что шариат обязывал для искупления многих проступков своих приверженцев освобождать раба на волю. Так, например, за нарушение поста в месяце рамадан мусульманин, согласно хадису, приведенному в сборнике ал-Бухари, должен был, прежде чем восполнить пропуск, отпустить раба на волю, если у него была такая возможность [9, с.32]. Также искуплением (*ал-каффара*) за неумышленное убийство является освобождение раба на волю. В Коране сказано: «А кто убьет верующего по ошибке, то – освобождение верующего раба и пеня…» (сура 4, аят 92).

Слово раб (*‘абд*) в исламе кроме прямого имеет и религиозное значение. Согласно исламскому учению, каждый человек независимо от его положения в обществе считается рабом Всевышнего. Насчет этого в Коране говорится: «Всякий, кто в небесах и на земле, приходит к Милосердному только как раб» (сура 19, аят 93).

Следует отметить, что после внедрения принципов ислама в общественно-политическую жизнь арабов отношение к военнопленным претерпело серьезные изменения. К пленнику требовалось хорошее отношение, несмотря на то, что он воевал в свое время против мусульман. Без веских на то причин, обусловленных шариатом, казнить пленных запрещалось. Здесь стоит отметить, что в доисламское время и в начале ислама пленных надлежало казнить. Об этом свидетельствует и Коран (сура 8, аят 67). Со временем также были отменены «доисламские счеты кровной мести» [1, с. 181]. Об этом положении Пророк прилюдно объявил в своей так называемой «прощальной» проповеди. Согласно принципам ислама, за умышленное убийство казнить разрешалось только убийцу. Убивать пленника только из-за того, что он участвовал в сражении, как это бывало в доисламское время, по исламу запрещалось.

Мирное население, не принимавшее участие в военных актах, пользовалось неприкосновенностью. Однако после победы над врагом его имущество, жены и дети становились добычей победителя.

Источники и литература

1. Большаков О. Г. История Халифата. М.: Восточная литература, 2000. Т. 1. 312 с.
2. Ал-Мубаракфури Сафи ар-Рахман. Жизнь пророка Мухаммада. М.: Исламская книга, 2009. 377 с.
3. Ван ден Берг. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. М.: Наталис, 2006. 237 с.
4. Коран. Перевод с арабского акад. И. Ю. Крачковского. М.: Восточная литература, 1990. 511 с.
5. ‘Абд ас-Салам Ахмад. المدخل لدراسة الفقه الاسلامي («Введение в изучение исламского закона»). Рабат, 2000. Т. 1. 153 с.
6. Абу Давуд. سنن أبي داود («Сборник хадисов Абу Давуда»). Бейрут, 2002. 369 с.
7. Аз-Зухайли Вахба. الفقه الحنفي الميسر («Облегченный вариант ханафитского фикха»). Дамаск, 2010. Т. 2. 584 с.
8. Акрам ал-‘Умари.السيرة النبوية الصحيحة («Достоверное [изложение] жизни Пророка»). Бейрут, 2004. Т. 2. 354 с.
9. Ал-Бухари Мухаммад. صحيح البخاري(«Достоверный сборник хадисов ал-Бухари»). Бейрут, 2011. 162 с.
10. Ал-Вакиди. المغازي («Походы»). Бейрут, 1998. Т. 1. 430 с.
11. Ал-Исфахани ‘Али б. ал-Хасан. كتاب الاغاني («Книга песен»). Каир, 2001. Т. 3.
12. Ан-Наса’и. السنن الكبرى («Великие предания»). Бейрут, 2001. Т. 5. 395 с.
13. Ат-Табари. تاريخ الطبري («История ат-Табари»). Бейрут, 2003. Т. 2. 657 с.
14. Ат-Тирмизи. سنن الترمذي («Сборник хадисов ат-Тирмизи»). Бейрут, 1989. Т. 4. 660 с.
15. Аш-Шайбани, ас-Сархаси. شرح السير الكبير («Комментарии к «Большому сийару (пути)»). Бейрут, 1971. Т. 1. 260 с.
16. Аш-Шайбани, ас-Сархаси. شرح السير الكبير («Комментарии к «Большому сийару (пути)»). Бейрут, 1971. Т. 3. 176 с.
17. Аш-Шайбани, ас-Сархаси. شرح السير الكبير («Комментарии к «Большому сийару (пути)»). Бейрут, 1971. Т. 4. 356 с.
18. Ибн Са‘д. الطبقات الكبرى («Великие разряды»). Каир, 1987. Т. 2. 399 с.
19. Ибн Самил Мухаммад, Ибн Джамил ‘Абд ар-Рахман. من سيرة خير البشر («Жизнеописание лучшего представителя человечества»). Джидда, 2010. 320 с.
20. Ибн Хаджар. فتح الباري («Разъяснение хадисов ал-Бухари»). Бейрут, 2003. Т. 7. 832 с.
21. Ибн Ханбал Ахмад. مسند أحمد («Сборник хадисов Ахмада»). Бейрут, 2011. Т. 3. 508 с.
22. Ибн Ханбал Ахмад. مسند أحمد («Сборник хадисов Ахмада»). Бейрут, 2011. Т. 33. 476 с.
23. Ибн Хишам. السيرة النبوية («Жизнеописание Пророка»). Бейрут, 2003. Т. 1. 654 с.
24. Ибн Хишам. السيرة النبوية («Жизнеописание Пророка»). Бейрут, 2003. Т. 2. 584 с.
25. Ас-Саййид Сабик. فقه السنة («Мусульманское право согласно Сунне»). Бейрут, 2003. Т. 3. 320 с.

References

1. Bol'shakov O. G. Istorija Halifata (History of the Caliphate). Moscow: Vostochnaja literatura, 2000. T. 1. 312 p. (In Russian).
2. Al-Mubarakfuri Safi ar-Rahman. Zhizn' proroka Muhammada *(The Life of the Prophet Muhammad)*. Moscow: Islamskaja kniga, 2009. 377 p. (In Russian).
3. Van den Berg. Osnovnye nachala musul'manskogo prava soglasno ucheniju imamov Abu Hanify i Shafii *(The basic principles of Islamic law according to the teachings of Imam Abu Hanifa and Shafi)*. Moscow: Natalis, 2006. 237 p. (In Russian).
4. Koran *(Koran)*. Perevod s arabskogo akad. I. Ju. Krachkovskogo. Moscow: Vostochnaja literatura, 1990. 511 p. (In Russian).
5. 'Abd as-Salam Ahmad. المدخل لدراسة الفقه الاسلامي *(An introduction to the study of Islamic law)*. Rabat, 2000. T. 1. 153 p. (In Arabic).
6. Abu Davud. سنن أبي داود *(A collection of hadith Abu Dawud)*. Bejrut, 2002. 369 p. (In Arabic).
7. Az-Zuhajli Vahba. الفقه الحنفي الميسر *(Abridged version of Hanafi fiqh)*. Damask, 2010. Vol. 2. 584 p. (In Arabic).
8. Akram al-'Umari. الصحيح النبوية السيرة *(Authentic [narrative] of the life of the Prophet)*. Bejrut, 2004. Vol. 2. 354 p. (In Arabic).
9. Al-Buhari Muhammad. البخاري صحيح *(Authentic collection of ahadith of al-Bukhari)*. Bejrut, 2011.162 p. (In Arabic).
10. Al-Vakidi. المغازي *(Hiking)*. Bejrut, 1998. Vol. 1. 430 p. (In Arabic).
11. Al-Isfahani 'Ali b. al-Hasan. الاغاني كتاب *(The book of songs)*. Kair, 2001. Vol. 3. 450 p. (In Arabic).
12. An-Nasa'i. السنن الكبرى *(Great tales)*. Bejrut, 2001. Vol. 5. 395 p. (In Arabic).
13. At-Tabari. خريات الطبري *(The history of al-Tabari)*. Bejrut, 2003. Vol. 2. 657 p. (In Arabic).
14. At-Tirmizi. سنن الترمذي *(A collection of hadith of at-Tirmidhi)*. Bejrut, 1989. Vol. 4. 660 p. (In Arabic).
15. Ash-Shajbani, as-Sarhasi. حرش ري بكلا يسار *(Reviews for «Big siaru (path)»)*. Bejrut, 1971. Vol. 1. 260 p. (In Arabic).
16. Ash-Shajbani, as-Sarhasi. حرش ري بكلا يسار *(Reviews for «Big siaru (path)»)*. Bejrut, 1971. Vol. 3. 176 p. (In Arabic).
17. Ash-Shajbani, as-Sarhasi. حرش ري بكلا يسار *(Reviews for «Big siaru (path)»)*. Bejrut, 1971. Vol. 4. 356 p. (In Arabic).
18. Ibn Sa'd. الكبرى الطبقات *(Great level)*. Kair, 1987. Vol. 2. 399 p. (In Arabic).
19. Ibn Samil Muhammad, Ibn Dzhamil 'Abd ar-Rahman. رشبل ريخ قريس نم *(Biography the best representative of humanity)*. Dzhidda, 2010. 320 p. (In Arabic).
20. Ibn Hadzhar. الباري فتح *(Explanation of the hadith of al-Bukhari)*. Bejrut, 2003. Vol. 7. 832 p. (In Arabic).
21. Ibn Hanbal Ahmad. أحمد مسند *(A collection of hadith of Ahmad)*. Bejrut, 2011. Vol. 3. 508 p. (In Arabic).
22. Ibn Hanbal Ahmad. أحمد مسند *(A collection of hadith of Ahmad)*. Bejrut, 2011. Vol. 33. 476 p. (In Arabic).
23. Ibn Hisham. النبوية السيرة *(The Biography Of The Prophet)*. Bejrut, 2003. Vol 1. 654 p. (In Arabic).
24. Ibn Hisham. النبوية السيرة *(The Biography Of The Prophet)*. Bejrut, 2003. Vol. 2. 584 p. (In Arabic).
25. As-Sajjid Sabik. السنة فقه *(Islamic law according to the Sunnah)*. Bejrut, 2003. Vol. 3. 320 p. (In Arabic).

УДК 341.1

З. Т. Золоева, Б. Г. Койбаев

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье исследуется эволюция международного права и международных отношений в условиях глобализации. Одновременно этот процесс встречает на своем пути трудности и противоречия, о которых и рассуждают авторы статьи. Рассмотрены новые проблемы международного права, порожденные глобализацией. В статье предпринимается попытка исследования взаимосвязи международного права и международных отношений, с учетом национального и интернационального аспекта.

Кардинальные изменения в экономической, политической, военной и экологической сферах оказали серьезное влияние, как на государства, так и на взаимоотношения между ними. В последние десятилетия на фоне глобальных интересов и вызовов бурно развиваются трансграничные связи, появляются новые формы сотрудничества.

В условиях глобализации изменению были подвергнуты и функции международного права, количество которых дополнилось коммерческой функцией.

Кроме того, в статье рассматривается новое направление развития международного права – международное право развития. Исследуются международные документы, в которых оно получило своё воплощение. В заключении авторы приходят к выводу о всеохватывающем характере глобализации, повлиявшем, прежде всего на характеристики государственного суверенитета и необходимости дальнейшего совершенствования международно-правовых норм и институтов.

Ключевые слова: глобализация, международное право, международное право развития, международные отношения.

Z. T. Zoloeva, B. G. Koybaev

GLOBALIZATION OF INTERNATIONAL RELATIONS AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW

The article examines the evolution of international law and international relations in the context of globalization. At the same time this process encounters difficulties and contradictions observed by the authors. The article discusses new problems of international law which arise from globalization. This article is an attempt to study the relationship between international law and international relations, taking into account national and international aspects.

Drastic changes in the economic, political, military and environmental spheres had a major impact on both the state and the relationships between them. In recent decades, against the background of global concerns and challenges of the booming cross-border context, new forms of cooperation can be observed.

In the context of globalization the functions of international law, currently supplemented with a commercial function, have also changed.

In addition, the article considers a new direction of development of international law – international development law. The international documents in which it was embodied are studied. The authors come to the conclusion that the all-encompassing nature of globalization has influenced primarily state sovereignty characteristics and preconditions the need to further improve international legal norms and institutions.

Key words: globalization, international law, international development law, international relations.

Актуальность исследования эволюции международного права в условиях глобализации за последние годы существенно возросла. Это связано не только с вызовами, которые широко освещаются средствами массовой информации (пиратство, международный терроризм) но и с появлением новых вызов и угроз. Среди них наиболее острой угрозой является кризис формирующейся глобальной системы (в том числе и мировой финансовой системы).

Специфика проблем современности, их общечеловеческий глобальный характер требуют новых подходов к их решению. Становится очевидным, что в условиях глобализации обеспечение всеобщего мира и безопасности, включая вопросы урегулирования международных конфликтов, нераспространения оружия массового поражения, обеспечения функционирования мировой экономики, уменьшения разрыва в уровне жизни между богатыми и бедными странами, решения проблемы народонаселения планеты, сохранения общего наследия человечества, требуют широкого и всестороннего сотрудничества государств. Это главное условие установления надежного правопорядка, способного повысить эффективность управления глобальными процессами на международном уровне [6, с. 6].

Международное право при помощи правовых методов влияет на сферу международных отношений, регламентирует и прогнозирует их эволюцию, и при этом претерпевает кардинальные изменения под воздействием последних. На это указывает процесс создания и развития нынешнего международного права, который начался по окончании Второй мировой войны. Новая стадия его развития взаимосвязана с процессом глобализации международных отношений [2, с. 9].

Как заключил российский профессор И. И. Лукашук, глобализация является всемирным процессом, способствующим объединению национальных социально-экономических образований в единую международную экономическую и социальную структуру [7, с. 1]. Это значит, что, с одной стороны, основной компонент глобализации заключается в интеграционных процессах, происходящих в сферах политики, экономики, общества, информации, и с другой, в разрешении комплекса проблем глобального характера, в которые входит содействие обеспечению безопасности и мира, вопросы народонаселения, продовольствия, экологии, энергетики, борьба против организованной преступности, международного терроризма. Несмотря на разнохарактерность данных процессов они едины в одном – для них необходимо усиливать и углублять взаимозависимость стран.

Взаимозависимость международного права и международных отношений в условиях глобализации обладают национальными и интернациональными аспектами. Национальные аспекты обуславливают национальные интересы стран, которые заставляют их принимать участие в международных отношениях, чтобы обладать рынками сбыта, доступом к энергетическим ресурсам. Также следует учесть, что нынешняя действительность такова, что ни одна страна не только не в состоянии встать на защиту своих национальных интересов, если не будет участником международных отношений, но даже при недостаточном уровне такого участия ущемляются национальные интересы этой страны [1, с. 157].

Выражение интернационального аспекта заключается в понимании того, что глобальные вопросы характеризуются транснациональным характером, они затрагивают проблемы выживания человечества, а значит, их нужно решать безотлагательно, что является возможным лишь при тесном, скоординированном межгосударственном сотрудничестве [1, с. 158].

Итак, глобализация, нацеленная на то, чтобы создать единое экономическое, информационное и правовое пространство, должна тщательно регламентироваться, а это возможно лишь в международно-правовых рамках, которые в связи со своей универсальностью, методами урегулирования (координация сотрудничества стран, согласование позиций для того, чтобы выработать взаимоприемлемые решения) больше всего соответствуют сущности интеграционных процессов. Одновременно с этим глобализацию не только сопровождает усиление роли, которую играет международное право как регулятор интеграции, но и качественно изменяет последнюю.

Углубление системы международных отношений, в которые были включены смешанные отношения (между странами и негосударственными образованиями) и негосударственные отношения стали причиной того, что появились новые международно-правовые субъекты: неправительственные организации, индивиды, транснациональные корпорации, административно-территориальные образования, международные судебные учреждения. По этой причине международным правом был утрачен его исключительно межгосударственный характер, и оно стало транснациональным правом [3, с. 90].

Глобализация привела к существенным изменениям важнейшего признака государства-суверенитета. В современных условиях, потоки иностранных инвестиций сильнейшим образом влияют на суверенитет государства. Многие государства добровольно вступают во взаимоотношения с наднациональными финансовыми структурами и другими институтами. Это, с одной стороны, дает развивающимся странам развивать импульс к раскручиванию экономии, но, с другой стороны, возникает зависимость. В связи с чем, возникает необходимость в продуманной государственной политике, основанной на нормах права, ограничивающей возможность влияния на государства. Так, например, в США и странах Западной Европы, установлены особые изъятия из национального режима, и закрыт доступ для иностранного инвестора в приоритетные отрасли экономики.

Как было отмечено ранее, объект международного права является подвижным и подвергается расширению в связи с возникновением новых сфер сотрудничества между государствами, а также регулированием вопросов, которые раньше составляли исключительную компетенцию государств (защиты окружающей природы, прав человека и др.). Таким образом, практически любые вопросы по желанию субъектов международного права (в данном случае государств) могут стать предметами совместного регулирования международного и внутригосударственного права [8, с. 43].

Тот факт, что регулирующее влияние международного права распространяется на сферу действия национальной юрисдикции, находит наиболее яркое проявление в регулировании вопросов экономического характера. К примеру, к компетенции Международного валютного фонда странами была передана регламентация вопросов, касающихся валютных курсов и платежных балансов, а Всемирная торговая организация была наделена правом по применению ограничений тарифного и нетарифного регулирования, интеллектуальной собственности и т.д.

В связи с тем, что расширился круг субъектов международно-правовых отношений, появились и новые методы их регулирования. Помимо традиционного метода координации, подразумевающего взаимодействие (равноправных субъектов) на горизонтальном уровне, применяется метод субординации (соподчинения), который действует на вертикальных уровнях (к примеру, между институтами Европейского Союза и странами-членами и их физическими и юридическими лицами), а также на диагональных уровнях между публичными субъектами и частными лицами.

Международному праву была отведена важная роль в том, чтобы обеспечить юридическое равенство стран, хотя их фактическое неравноправие, в особенности в социально-экономическом развитии, сохраняется и углубляется в период глобализации, что ведет к возгоранию локальных вооруженных конфликтов, росту транснациональной преступности и активизации международного терроризма [1, с. 158].

В связи с этим важным является новое направление международно-правовой деятельности, которое юридическая наука назвала «международным правом развития». Оно нацелено на то, чтобы преодолеть слаборазвитость, нищету и голод граждан, населяющих государства афро-азиатских регионов.

Необходимо заметить, что содействие осуществления прав на развитие в качестве международно-правовой функции была впервые закреплена в Декларации о правах на развитие, принятой ГА ООН в 1986 г. В этой декларации права на развитие плотно переплетались и связывались с правами человека и определялись в качестве индивидуальных и коллективных прав, при которых можно осуществлять весь комплекс прав и основных свобод (ст. 1). По отношению к международно-правовому регулированию в этом документе (ст. 4) говорилось о необходимости налаживать эффективное международное сотрудничество для того, чтобы предоставить развивающимся государствам соответствующие средства и возможности с целью ускорить их всестороннее развитие [4].

Доктринальные исследования, посвященные международному праву развития, становятся междисциплинарными. Теперь в качестве составляющих МПР рассматриваются не только принципы и нормы международного экономического права, но и международного экологического права, права человека и т.д. [11, с. 317].

Декларация 1992г. по окружающей среде и развитию придала рассматриваемому праву иное качество – «устойчивого развития», которое закрепилось в международно-правовом обиходе. Устойчивое развитие является стабильным социально-экономическим развитием всего международного сообщества, которое не разрушает природную среду и ориентируется на то, чтобы удовлетворять нужды не только современного поколения, но и поколений будущих [10].

Функции международного права развития находят наиболее яркое выражение в деятельности, осуществляемой такими универсальными международными организациями, как ООН, ВТО, МБРР, и сводятся к тому, чтобы предоставлять краткосрочные и долгосрочные кредиты, инвестиции, преференции ряду развивающихся и в особенности слаборазвитых государств [1, с. 159].

Так, Декларация тысячелетия ООН, утвержденная резолюцией 55/2 Генассамблеи от 8 сентября 2000 г. назвала солидарность как приоритетное направление XXI в., при которой справедливо распределяются издержки и бремя при разрешении вопросов глобального характера согласно фундаментальным принципам социальной справедливости и равенства. Причем страдающим и находящимся в наименее благополучной ситуации, должны предоставлять помощь лица, находящиеся в наиболее благоприятной ситуации. В связи с этим Декларация предлагает приложить усилия, в которые бы в глобальных масштабах входили политика и меры, соответствующие запросам развивающихся государств и государств с переходной экономикой, и разрабатывающиеся и осуществляющиеся при их активном участии (раздел I, п. 5). Данные меры нацелены на то, чтобы искоренить нищету и списать всю официальную задолженность в двустороннем порядке, на обеспечение беспошлинного доступа всей экспортной продукции наименее развитых государств на рынок развитых государств, на то, чтобы оказывать более щедрую помощь, помогая развиваться тем государствам, которые стремятся пользоваться своими ресурсами и таким образом искоренить нищету (раздел III, п. 15) [5].

В 2012 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция 67/171 «Право на развитие», которая подтверждает, что «право на развитие является универсальным и неотъемлемым правом, составляющим неотъемлемую часть основных прав человека», при чем «равенство возможностей для развития является прерогативой, как государств, так и людей, составляющих государства, и что человек является основным субъектом и бенефициаром процесса развития» [9].

Необходимо заметить, что благодаря реализации международного права развития появилось новое направление – коммерческая функция, находящаяся на данный момент на начальном этапе и направленная на то, чтобы перераспределить ресурсы в пользу слаборазвитых государств. Механизмы осуществления данной функции закрепляет Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., вступившая в силу в 1994 г. и предусматривающая формирование международного учреждения – Органа по морскому дну, призванного для осуществления контроля и предоставления лицензий странам для разведки и эксплуатации ресурсов на дне мирового океана и морей, представляющих общее наследие человечества [1, с. 160].

Итак, глобализация меняет все сферы жизни общества и государства. В первую очередь это касается государственного суверенитета, который приобретает качественно новое содержание. Кроме того, в период глобализации международное право трансформируется из права, осуществляющего исключительно координацию сотрудничества стран, в право, которое обеспечивает их развитие, основываясь на таком принципе, как социальная справедливость. Глобализация настойчиво диктует необходимость в модернизации существующих надгосударственных органов, с целью повышения их эффективности и действенности их решений.

Литература

1. Брызгалова Е.А. Международное право в условиях глобализации международных отношений // Актуальные вопросы развития современного общества. Сборник статей 4-ой Международной научно-практической конференции. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2014. С. 156–160.

2. Галкина Е. В. Международные отношения и внешняя политика изучаемого региона (страны): учебное пособие. Ставрополь: СКФУ, 2014. 118 с.

3. Гурвич Г. Д. Введение в общую теорию международного права. Конспект лекций. Выпуск 1. Прага: [б.и.], 1923.119 с.

4. Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (Дата обращения: 21.06.2017).

5. Декларация тысячелетия ООН, утвержденная резолюцией 55/2 Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (Дата обращения: 21.06.2017).

6. Дискин И. Е. Новые вызовы и международное право / отв. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. М.: ИГП РАН, 2010. 202 с.

7. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк, 2000. 279 с.

8. Морозов Г. И. Международное право и международные отношения. Г.И. Морозов. М.: Международные отношения, 1997. 69 с.

9. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 20 декабря 2012 года [по докладу Третьего комитета (A/67/457/Add.2 и Corr.1)] 67/171. Право на развитие. URL:https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/488/88/PDF/N1248888.pdf?OpenElement (Дата обращения: 21.06.2017).

10. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml shtml (Дата обращения: 21.06.2017).

11. Якубовская Н. А. Международное право развития: эволюция концепции // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серия: Юриспруденція. 2013. №5. С. 317–320.

References

1. Bryzgalova E. A. Mezhdunarodnoe pravo v usloviyah globalizacii mezhdunarodnyh otnoshenij *(International law in the conditions of globalization of international relations)* // Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennogo obshchestva. Sbornik statej 4-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. *(Topical issues of modern society development. Collection of articles of the 4th International Scientific and Practical Conference)*. Kursk: Zakrytoe akcionernoe obshhestvo «Universitetskaja kniga», 2014. P. 156–160. (In Russian).

2. Galkina E. V. Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika izuchaemogo regiona strany: uchebnoe posobie. *(International relations and foreign policy of the studied region (country): Textbook)*. Stavropol: NCFU publ., 2014. 118 p. (In Russian).

3. Gurvich G. D. Vvedenie v obshchuyu teoriyu mezhdunarodnogo prava. Konspekt lekcij *(Introduction to the general theory of international law. Summary of lectures).* Issue 1. Praga, 1923. 119 p. (In Russian).

4. Deklaraciya o prave na razvitie. Prinyata rezolyuciej 41/128 General'noj Assamblei ot 4 dekabrya 1986 goda. *(Declaration on the Right to Development. Adopted by General Assembly resolution 41/128 of 4 December 1986)*. URL: http://www.un.org/en/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (Accessed: 06.21.2017). (In Russian).

5. Deklaraciya tysyacheletiya OON, utverzhdennaya rezolyuciej 55/2 Prinyata rezolyuciej 55/2 General'noj Assamblei ot 8 sentyabrya 2000 goda *(United Nations Millennium Declaration, approved by resolution 55/2 adopted by General Assembly resolution 55/2 of 8 September 2000)*. URL: http://www.un.org/en/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (Accessed: 21 06.2017). (In Russian).

6. Diskin. I. E. Novye vyzovy i mezhdunarodnoe pravo. Otv.red. A. G. Lisicyn-Svetlanov. *(New Challenges and International Law. Ed. A. G. Lisitsyn-Svetlanov)*. Moscow: ISL RAS publ., 2010. 202 p. (In Russian).

7. Lukashuk I. I. Globalizaciya, gosudarstvo, pravo, XXI vek *(Globalization, State, Law, XXI Century)*. Moscow: Spark, 2000. 279 p. (In Russian).

8. Morozov G. I. Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye otnosheniya *(International law and international relations)*. Moscow: International relations, 1997. 69 p. (In Russian).

9. Rezolyuciya, prinyataya General'noj Assambleej 20 dekabrya 2012 goda [po dokladu Tret'ego komiteta (A/67/457/Add.2 i Corr.1)] 67/171. Pravo na razvitie *(Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2012 [on the report of the Third Committee (A / 67/457 / Add.2 and Corr.1)] 67/171. The right to development)*. URL: https: //documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/488/88/PDF/N1248888.pdf? Open Element (Accessed: 21.06.2013). (In Russian).

10. Rio-de-ZHanejrskaya deklaraciya po okruzhayushchej srede i razvitiyu. Prinyata Konferenciej OON po okruzhayushchej srede i razvitiyu, Rio-de-ZHanejro, 3–14 iyunya 1992 goda. (*Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development. Adopted by the United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, 3-14 June 1992)*. URL: http://www.un.org/en/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml shtml (Accessed: 21.06.2017). (In Russian).

11. Yakubovskaya N. A. Mezhdunarodnoe pravo razvitiya: ehvolyuciya koncepcii *(International Law of Development: Evolution of the Concept)* // Naukovij visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Ser.: Yurisprudenciya *(Scientific Bulletin of the International Humanitarian University. Sir: Jurisprudence)*. 2013. No. 5. P. 317–320. (In Russian).

УДК 349.6

А. Я. Рыженков

ПРИНЦИПЫ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В статье доказывается, что в условиях сложной экологической ситуации в сфере обращения с отходами производства и потребления, законодатель обращает особое внимание не только на формулировку правовых норм для решения данной проблемы, но и специальных принципов, направленных на создание ядра данного правового института, установления приоритетов его развития на длительный срок. В зависимости от роли в структурировании права, российские ученые выделяют субинституциональные, институциональные, подотраслевые, отраслевые, межотраслевые и общеправовые принципы права. В статье предлагается закрепить главный институциональный принцип в сфере обращения с отходами производства и потребления – принцип предотвращения появления отходов. Это необходимо потому, что полноценная реализация принципов обращения с отходами производства и потребления затрудняется не только объективными причинами (нехваткой средств местного бюджета на вывоз отходов), но и дефектами самой экономической модели, сложившейся не только в России, но и большинстве других стран мира. Данный принцип должен означать, что основным направлением экологической политики государства является не «лечение симптомов болезни», а принятие долгосрочной программы действий, направленных на изменение действующей экономической модели и сокращение числа возникающих отходов. Такой переход возможен только в условиях международного сотрудничества, а также изменения потребительских моделей поведения населения, что возможно только в условиях реформирования приоритетов существующей системы экологического образования.

Ключевые слова: принцип; отходы; устойчивое развитие; окружающая среда; экологическая безопасность; загрязнение; предприниматели.

A. J. Ryzhenkov

PRINCIPLES OF WASTE MANAGEMENT: PROBLEMS AND SOLUTIONS

This article argues that in a complex environmental situation in the sphere of production and consumption waste management the legislator pays particular attention not only to the formulation of legal rules to solve this problem, but the special principles aimed at establishing the kernel of this legal institution, establishing its development priorities for the long term. Depending on the role in structuring law, Russian scientists distinguish substitutional, institutional, sub-sectoral, sectoral, cross-sectoral and general legal principles of law. The article proposes to fix the main organizing principle in production and consumption waste management – waste prevention principle. This is due to the fact that complete realization of the principles of waste production and consumption is hampered not only by objective reasons (lack of funds for waste collection in the local budget), but also drawbacks of the economic model that prevailed not only in Russia but also in most countries of the world. This principle should mean that the main direction of the ecological policy of the state is not just “treatment of symptoms”, but the adoption a long-term programme of action aimed at changing the current economic model and the reduction of the amount of arising waste. Such transition is possible only in conditions of international cooperation as well as changes in consumer behavior patterns, which is possible only in case of reforming the priorities of the existing system of environmental education.

Key words: principle; waste; sustainable development; environment; environmental safety; pollution; entrepreneurs.

Отходы производства и потребления – вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению. Организация упорядоченного обращения с отходами производства и потребления (их сбора, удаления,

обезвреживания, переработки, использования, уничтожения) превратилась в последние несколько лет в одну из наиболее сложных экологических проблем России. Общая величина накопленных и учтенных отходов производства и потребления в целом по РФ составляла на начало 2016 г. около 31,5 млрд т. При этом количество образовавшихся отходов, начиная с 2006 г. по 2015 г., возросло на 44 %, и рост продолжается.

Места хранения отходов (полигоны и свалки) часто становятся источниками негативного воздействия на окружающую среду, причем не только в отношении земель и почв, но атмосферного воздуха из-за разложения некоторых видов отходов и трудно тушимых пожаров, а также водных ресурсов (особенно подземных вод) при попадании в них вредных веществ с поверхности земли.

Полигоны отходов часто служат и источником «биологического загрязнения», так как способствуют размножению крыс, вызывают нежелательное скопление птиц, бродячих животных и т.д. Ощутимое негативное воздействие на природу оказывают также мелкие стихийные свалки отходов, которые весьма многочисленны и плохо контролируются муниципальными властями [5, с. 228–236].

В связи с этим неудивительно, что законодатель обращает особое внимание не только на формулировку правовых норм в сфере обращения с отходами, но и специальных институциональных принципов, направленных на создание ядра данного правового института, установления приоритетов его развития на длительный срок. Под принципами права в юридической литературе обычно понимаются «объективно обусловленные начала, в соответствии с которыми оно развивается, которые лежат в основе системы законодательства. Это нормы наиболее общего содержания, которые фиксируют важнейшие направления и способы правовой регуляции социальной деятельности людей» [8, с. 73].

Соответственно, в зависимости от роли в структурировании права, российские ученые выделяют субинституциональные, институциональные, подотраслевые, отраслевые, межотраслевые и общеправовые принципы права [11, с. 7]. Интересующая нас группа принципов относится к числу институциональных, и определяет основные начала и направления развития лишь одного института особенной части экологического права, посвященного регулированию общественных отношений в сфере обращения с отходами производства и потребления. В ст.3 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2016 г.) «Об отходах производства и потребления» перечислен ряд таких «основных принципов государственной политики в области обращения с отходами», которые могут быть классифицированы в две группы:

1) институциональные принципы, дублирующие отраслевые принципы, изложенные в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды». В их число входят принципы охраны здоровья человека, поддержания или восстановления благоприятного качества окружающей среды и сохранение биологического разнообразия; научно обоснованное сочетание экологических и экономических интересов общества в целях обеспечения устойчивого развития; доступ в соответствии с законом к информации в области обращения с отходами; участие РФ в международном сотрудничестве в области обращения с отходами.

При этом примечательно, что второй из упомянутых выше принципов посвящен сочетанию «экологических и экономических интересов общества», в то время как тот же принцип в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» сформулирован как «принцип научно обоснованного сочетания экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды». Учитывая, что обеспечение устойчивого развития предполагает баланс трех групп интересов (экономических, экологических и социальных) [1, с. 31–36], игнорирование в ст. 3 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» сферы социальных интересов может быть квалифицировано как недостаток юридической техники. При этом следует заметить, что сам по себе прием дублирования на уровне институциональных принципов отраслевых принципов достаточно распространен в экологическом законодательстве, примером чему является дублирование принципов экологической экспертизы.

2) вторая группа принципов не дублирует общеправовые или отраслевые принципы, а посвящена установлению исходных, основных начал обращения исключительно с отходами производства и потребления. В эту группу следует включить принцип использования методов экономического регулирования деятельности в сфере обращения с отходами в целях уменьшения их количества и вовлечения в хозяйственный оборот; использование наилучших доступных технологий при обраще-

нии с отходами, а также принцип комплексной переработки материально-сырьевых ресурсов для уменьшения количества отходов.

Включение в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» указанных двух групп принципов – основных (конституционных), направленных на соблюдение и защиту экологических прав человека и гражданина, и принципов, определяющих организационно-правовой (процедурный) механизм реализации положений данного закона, в научной литературе получило поддержку и обоснование [3]. Вместе с тем следует заметить, что при всех плюсах дублирования правовых норм в нескольких законах, дублирование принципов (основных начал) едва ли сможет повысить эффективность законодательства.

Как уже отмечалось выше, принципы права могут быть не только институциональными, но и субинституциональными, то есть определять исходные начала (основы) не всего института права, а только его части. Данное правовое явление в настоящий момент изучено совершенно недостаточно в общей теории государства и права. Тем не менее, в науке трудового права обращалось внимание на существование принципов субинститута социального партнерства, в числе которых названы принципы заинтересованности сторон в участии в договорных отношениях; обязательности коллективных договоров и соглашений; контроль за их выполнением; ответственность сторон, их представителей за невыполнение по их вине коллективных договоров и соглашений [9, с. 10].

Представляется, что в рамках рассматриваемого правового института обращения с отходами, к числу субинституциональных принципов можно отнести принципы обращения с радиоактивными отходами, сформулированные в Федеральном законе от 11.07.2011 №190-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Анализ данных принципов позволяет сделать вывод о том, что кроме двух из них (принципа приоритета охраны жизни и здоровья человека, настоящего и будущих поколений, окружающей среды от негативного воздействия радиоактивных отходов и принципа доступности для граждан и общественных объединений информации, связанной с обеспечением безопасности и предотвращением аварий при обращении с радиоактивными отходами), дублирующих отраслевые принципы экологического права, все остальные носят более узкий характер, и направлены на установление общих (рамочных) правил обращения исключительно с радиоактивными отходами.

Реализация данных принципов позволит реализовать конечную цель обеспечения безопасности при обращении с радиоактивными отходами, под которой Ю. В. Сорокина предлагает понимать их надежную изоляцию в специальных хранилищах на весь период, который необходим для уменьшения их активности за счет распада до уровня, когда радиоактивные отходы уже не будут представлять опасности для граждан как источник излучения. Проблема обращения с радиоактивными отходами является важнейшим элементом системы функционирования ядерного энергетического комплекса, успешное решение которой значительно повлияет на развитие энергетического сектора [10, с. 16].

Рассмотрим механизм реализации принципов обращения с отходами производства и потребления в законодательстве России и судебной практике.

1) Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» в своих статьях содержит четкий механизм реализации не всех, а только некоторых институциональных принципов, сформулированных в его ст.3. Например, можно только догадываться, как именно закон позволит обеспечить «сохранение биологического разнообразия» или участие в международном сотрудничестве. По отношению к другим институциональным принципам, закон более конкретен.

Например, принцип «использования наилучших доступных технологий при обращении с отходами» конкретизируется в ст. 24 Закона, предусматривающей экономическое стимулирование деятельности в сфере обращения с отходами для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, использующих технологии, обеспечивающие снижение количества отходов. Главная же цель данной статьи состоит в создании механизма реализации принципа использования методов экономического регулирования деятельности в сфере обращения с отходами для уменьшения их количества и вовлечения в оборот.

Большое внимание в законе уделено реализации принципа доступа к информации в сфере обращения с отходами, чему способствует создание Единой государственной информационной системы учета отходов от использования товаров (ст. 24.3 Закона РФ «Об отходах производства и потребления).

2) В целях реализации принципа «комплексной переработки материально-сырьевых ре-

сурсов для уменьшения количества отходов» необходимо развитие системы раздельного сбора отходов, а также увеличение числа мусороперерабатывающих и мусоросжигающих заводов [2]. В настоящий момент отсутствие раздельного сбора отходов, их сортировки и, как следствие, недостаточность количества современных предприятий по переработке отходов, приводит к размещению отходов, содержащих токсичные вещества, на полигонах твердых бытовых отходов без предварительного обезвреживания. Кроме ряда объективных проблем, решению этого вопроса препятствуют особенности экологического мировоззрения россиян, которые пока не осознают важность перехода к раздельному сбору отходов, необходимость предотвращения появления отходов и возможностей их дальнейшей переработки. В этом смысле приученные с детства к сортировке мусора жители европейских стран, даже при отмене сортировки, еще долго бы сортировали отходы в силу привычки [4, с. 109].

В настоящий момент наибольших успехов в деле раздельного сбора отходов достигла Германия благодаря дифференциации тарифов на вывоз различных видов контейнеров. Например, плата за вывоз коричневого контейнера с отходами органического происхождения самая низкая. Вывоз черного контейнера со смешанным мусором уже обойдется местным жителям в два раза дороже, а контейнеры для упаковки и бумаги предоставляются специализированными компаниями бесплатно. Поэтому местные жители заинтересованы как можно реже заполнять черные контейнеры, производя сортировку мусора. Высокие тарифы на вывоз черных контейнеров связаны с высокими расходами на утилизацию смешанных отходов, включающую в себя сортировку с извлечением полезных фракций, сушку, размельчение, сжигание, захоронение [12].

Аналогичная цель в сфере обращения с отходами производства и потребления часто провозглашается и в программных документах федерального уровня. Так, в соответствии с п.15 Основ государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г., утвержденных Президентом РФ 30 декабря 2012 г., при решении задачи обеспечения экологически безопасного обращения с отходами необходимо применять поэтапное введение запрета на захоронение отходов, не прошедших сортировку, механическую и химическую обработку, а также отходов, которые могут быть использованы в качестве вторичного сырья (металлолом, бумага, стеклянная и пластиковая тара, автомобильные шины, аккумуляторы и т.д.). Фактически, в данном случае мы видим весьма удачную формулировку институционального принципа в сфере отходов.

Более того, обязательность раздельного сбора уже заложена федеральными законами, а также законами субъектов РФ. Так, согласно ст. 16 Федерального закона от 6.10.2003 №131-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», органы местного самоуправления городских округов должны участвовать в организации деятельности по сбору (в т.ч. раздельному сбору), транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов.

Согласно ст. 7 Закона г. Москвы от 30.11.2005 № 68 (ред. от 03.04.2013) «Об отходах производства и потребления в городе Москве», производители отходов – субъекты хозяйственной и иной деятельности при осуществлении деятельности по обращению с отходами обязаны, в числе прочего, обеспечивать раздельный сбор, сортировку, обезвреживание, транспортирование отходов. Однако в большинстве регионов РФ эта практика не стала распространенной.

Именно об этом нам говорит официальная статистика, согласно которой лишь в отдельных субъектах РФ реализуются пилотные проекты по строительству мусоросжигательных или мусороперерабатывающих заводов. В большинстве же других субъектов РФ осуществляется лишь захоронение отходов на полигонах (свалках). Если говорить только о твердых бытовых отходах (ТБО), то на объекты по их переработке и сжиганию пока поступает относительно небольшая часть общего числа данного вида отходов. В частности, в 2015 г. на мусороперерабатывающие объекты было направлено около 21 млн м^3 (7 % от общего объема вывоза), а на мусоросжигательные заводы – менее 7 млн м^3 ТБО (2,4 %). Данный вариант мало приемлем из-за высокой стоимости, как правило, импортных технологий, недостаточной разработанности российских технологий переработки отходов, а также невозможности обеспечения экологических требований законодательства России в ходе их эксплуатации [5, с. 236].

3) Реализация принципа охраны здоровья человека, поддержания или восстановления благоприятного качества окружающей среды и сохранения биологического разнообразия в настоящий момент затруднена тем, что до сих пор в реальной российской действительности

сохраняются весьма опасные для окружающей среды и населения методы обращения с отходами производства и потребления, в том числе несанкционированные свалки отходов; наблюдается недостаток объектов размещения отходов как специально оборудованных сооружений; продолжается практика предоставления земельных участков для создания и эксплуатации объектов размещения отходов на землях иного целевого назначения; фиксируются случаи захоронения отходов в границах населенных пунктов, а также размещения отходов на объектах, не включенных в реестр отходов; сохраняется тенденция превышения предельной емкости объектов размещения отходов, загрязнение отходами других (кроме земель) компонентов окружающей среды; нарушение правил эксплуатации объектов размещения отходов; отсутствие разрешительной документации (лицензии) на деятельность, связанную с размещением отходов производства и потребления [6, с. 58].

Указанные нарушения постоянно выявляются в судебной практике. Так, администрация Серпуховского муниципального района обратилась в Арбитражный суд Московской области с заявлением к ООО «Первая гильдия», в котором просило обязать общество разработать проект рекультивации нарушенных земель, расположенных под полигоном ТБО «Съяново-1», а также возложить на общество обязанность за счет собственных средств провести работы по биологической и технологической рекультивации нарушенных земель, восстановлению плодородия почв, вовлечению земель в оборот в соответствии с проектом рекультивации. Удовлетворяя заявление администрации, суд первой инстанции признал его обоснованным. Проверив правильность применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что апелляционная жалоба не подлежит удовлетворению ввиду следующего. Согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», одним из основных принципов государственной политики в области обращения с отходами является охрана здоровья человека, поддержание или восстановление благоприятного состояния окружающей среды и сохранение биологического разнообразия.

Не проведение обществом мероприятий по рекультивации земель предназначенных для захоронения твердых бытовых отходов, помимо экономических интересов муниципального образования, нарушает право граждан на благоприятную окружающую среду, которое непосредственно обязаны защищать органы местного самоуправления, а также наносит вред окружающей среде.

Нарушение ООО экологического законодательства «нарушает права администрации как арендодателя земельного участка и муниципального образования «Серпуховский муниципальный район Московской области» на благоприятную окружающую среду, оказывает негативное воздействие на здоровье граждан» [7]. В данном случае вызывает интерес необычная конструкция субъекта права на благоприятную окружающую среду, которым суд посчитал муниципальное образование. Между тем, согласно общепринятым представлениям, закрепленным в главе 2 Конституции РФ, субъектом большинства прав человека может быть только физическое лицо, но никак не муниципалитет.

Вышеизложенное позволяет предположить, что полноценная реализация принципов обращения с отходами производства и потребления затрудняется не только объективными причинами (например, нехваткой средств местного бюджета на вывоз отходов), но и дефектами самой экономической модели, сложившейся не только в России, но и в большинстве других стран мира.

На это обстоятельство уже давно обращают внимание сторонники концепции циклической экономики Кена Вебстера. В рамках данной концепции много внимания уделяется исследованию взаимосвязи человеческого, социального, естественного и экономического капитала. Исследуя недостатки современной экономической модели, которая влечет появление огромного количества отходов, сторонники данной концепции проводят параллели с жизнью леса, где наблюдается эффективное взаимодействие воды, энергии, растений, животных, бактерий, грибов. Отходы одного биологического вида становятся пищей другого, а отходы другого вида – пищей для третьего, и потому вся лесная экосистема не просто выживает, но и процветает. Кен Вебстер полагает, что близится конец эры дешевой и доступной энергии, дешевых материалов и доступных кредитов. У линейной экономики нет будущего. Такое будущее есть у циклической экономики, основанной на другой системе ценностей [14, с. 546].

Таким образом, в рамках модели циклической экономики предлагается отказаться от сегодняшней модели потребления. Речь, конечно же, не идет об уменьшении зарплаты или со-

кращении ассортимента товаров в магазинах. Сторонники этой концепции призывают прекратить гнаться за брэндами и выкидывать на свалку вещи и технику, которые перестали быть модными. Они предлагают потреблять не символический смысл, а реальную сущность товара. Если каждую стиральную машинку не выкидывать, а отдавать на реновацию, то сколько отходов в этом случае не будет образовано? Сегодня эту схему реализовать невозможно в силу определенного настроя потребителей, равно как и производителей товаров. Выделим основные плюсы циклической экономики.

В их числе обычно называются резкое сокращение количества отходов, уменьшение потребностей в природных ресурсах, причем не только металлах или нефти, но и электроэнергии и воде, произведенные товары становятся доступнее для всех, появляются новые рабочие места и отрасль экономики – реновация. Кроме повышения качества товаров (а ведь многие производители так рассчитывают срок службы, чтобы по его истечении потребитель купил новый товар), и отличного менеджмента главное препятствие – сознание людей [13].

Отсюда вытекает необходимость рассматривать систему образования в качестве механизма разъяснения плюсов модели циклической экономики, и в рамках этой стратегии вводить соответствующие предметы в школах или открывать магистерские программы по циклической экономике в вузах.

Подводя итоги, следует заметить, что главным институциональным принципом в сфере обращения с отходами производства и потребления, определяющим долгосрочную перспективу развития законодательства об отходах, должен стать принцип предотвращения появления отходов. Данный принцип должен означать, что основным направлением действующей экологической политики государства является не «лечение симптомов болезни», а принятие долгосрочной программы действий, направленных на изменение действующей экономической модели и сокращение числа возникающих отходов. Несомненно, такой переход возможен только в условиях налаженного международного сотрудничества, а также изменения потребительских моделей поведения широкого круга граждан, что возможно только в условиях реформирования приоритетов существующей системы экологического просвещения и образования.

Литература

1. Анисимов А. П. О некоторых дискуссионных проблемах концепции устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. №3. С. 31–36.

2. Анисимов А. П., Кодолова А. В., Чикильдина А. Ю. Комментарий к Федеральному закону от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (постатейный) / под ред. А. П. Анисимова // Справочная правовая система «Гарант» URL: http://www.garant.ru/ (Дата обращения: 08.10.2017).

3. Белокрылова Е. А., Лукомская А. С., Казанова А. И., Черевчина И. М., Бевзюк Е. А. Комментарий к Федеральному закону от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Справочная правовая система «Гарант» URL: http://www.garant.ru/ (Дата обращения: 08.10.2017).

4. Васильчук Ю. В. Организационно-правовые проблемы перехода в Российской Федерации к системе раздельного сбора отходов производства и потребления // Новая правовая мысль. 2016. №2. С. 108–115.

5. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году URL: http://www.mnr.gov.ru/gosdoklad-eco-2015/(Дата обращения: 08.10.2017).

6. Панина И. А. О нарушениях в сфере обращения с отходами производства и потребления // Научный вестник ВФ РАНХиГС. 2016. №2. С. 57–59.

7. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2017 г. по делу № А41-12294/17 // Справочная правовая система «Гарант» URL: http://www.garant.ru/ (Дата обращения: 08.10.2017).

8. Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. А. М. Васильев. М.: Юридическая литература, 1986–1987. 386 с.

9. Собянина М. Д. Принципы институтов российского трудового права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Пермь: ПГУ, 2006. 17 с.

10. Сорокина Ю. В. Общая правовая характеристика обращения с радиоактивными отходами // Новая правовая мысль. 2013. №2. С. 14–18.

11. Тирских М. Г., Черняк Л. Ю. Место принципов права в системе российского права // Академический юридический журнал. 2009. №2. С. 4–10.

12. Черкашин А. Кругооборот по-немецки // Российская бизнес-газета – новое законодательство. 2011. 13 сентября. №814.

13. Чеснокова Т. Британский ученый рассказал о новой концепции потребления // URL: https://galoba.ru/2012/11/136/ (Дата обращения: 08.10.2017).

14. Webster K. What might we say about a circular economy? Some temptations to avoid if possible // World Futures. 2013. Vol. 69. P. 542–554.

References

1. Anisimov A. P. O nekotorykh diskussionnykh problemakh kontseptsii ustoichivogo razvitiya *(On some debatable problems of sustainable development concept)* // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2017. No.3. P. 31–36. (In Russian).

2. Anisimov A. P., Kodolova A. V., Chikil'dina A. Yu. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 24 iyunya 1998 g. № 89-FZ «Ob otkhodakh proizvodstva i potrebleniya» (postateinyi) *(Commentary to the Federal law of 24 June 1998 № 89-FZ "On wastes of production and consumption" (itemized)* / ed by A.P. Anisimov // Spravochnaya pravovaya sistema «Garant» URL: http://www.garant.ru/ (Accessed: 08.10.2017). (In Russian).

3. Belokrylova E. A., Lukomskaya A. S., Kazanova A. I., Cherevchina I. M., Bevzyuk E. A. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 24 iyunya 1998 g. № 89-FZ «Ob otkhodakh proizvodstva i potrebleniya» *(Commentary to the Federal law of 24 June 1998 n 89-FZ «On wastes of production and consumption»)* // Spravochnaya pravovaya sistema «Garant» URL: http://www.garant.ru/ (Accessed: 08.10.2017). (In Russian).

4. Vasil'chuk Yu. V. Organizatsionno-pravovye problemy perekhoda v Rossiiskoi Federatsii k sisteme razdel'nogo sbora otkhodov proizvodstva i potrebleniya *(Organizational and legal problems of transition in the Russian Federation to the system of separate collection of waste production and consumption)* // Novaya pravovaya mysl'. 2016. No. 2. P. 108–115. (In Russian).

5. Gosudarstvennyi doklad o sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu *(State report on the condition and environment of the Russian Federation in 2015)*. URL: http://www.mnr.gov.ru/gosdoklad-eco-2015/ (Accessed: 08.10.2017). (In Russian).

6. Panina I. A. O narusheniyakh v sfere obrashcheniya s otkhodami proizvodstva i potrebleniya *(On violations in the sphere of the reference with production wastes and consumption)* // Nauchnyi vestnik VF RANKhiGS. 2016. No. 2. P. 57–59. (In Russian).

7. Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 14 avgusta 2017 g. po delu № A41-12294/17 *(The resolution of the Tenth arbitration appellate court of August 14, 2017 in the case № A41-12294/17)* // Spravochnaya pravovaya sistema «Garant» URL: http://www.garant.ru/ (Accessed: 08.10.2017).

8. Pravovaya sistema sotsializma: in 2 Vols. Vol. 1 / ed by A. M. Vasil'ev. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1986–1987. 386 p. (In Russian).

9. Sobyanina M. D. Printsipy institutov rossiiskogo trudovogo prava *(Principles of institutes of the Russian labour law: author's abstract of candidate of legal sciences)*: thesis. Perm': PSU publ., 2006. 17 p. (In Russian).

10. Sorokina Yu. V. Obshchaya pravovaya kharakteristika obrashcheniya s radioaktivnymi otkhodami *(General legal characterization of the treatment of radio-active waste)* // Novaya pravovaya mysl'. 2013. № 2. P. 14–18. (In Russian).

11. Tirskikh M. G., Chernyak L. Yu. Mesto printsipov prava v sisteme rossiiskogo prava *(Place of principles of law in the Russian law)* // Akademicheskii yuridicheskii zhurnal. 2009. No. 2. P. 4–10. (In Russian).

12. Cherkashin A. Krugooborot po-nemetski *(Circulation in German)* // Rossiiskaya biznes-gazeta – novoe zakonodatel'stvo. 2011. 13 September. No. 814. (In Russian).

13. Chesnokova T. Britanskii uchenyi rasskazal o novoi kontseptsii potrebleniya *(British scientist told about the new concept of consumption)* / URL: https://galoba.ru/2012/11/136/ (Accessed: 08.10.2017). (In Russian).

УДК 63.3

Д. А. Смирнов, Л. Э. Боташева

ЗАПРЕТЫ В ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Общепризнано, что финансовое право является одним из сложнейших публичных отраслей права, получившая развитие на стыке экономики и права. Важным вектором развития нашего государства является формирование цифровой экономики, которая требует создания новых инновационных финансовых инструментов, что по сути определяет необходимость развития новых законодательных подходов в регулировании финансовых отношений. Роль финансового права сложно переоценить. Современное финансовое право представлено совокупностью норм, призванных защищать преимущественно ценности, связанные с публичными интересами. Для финансового права характерны императивно-диспозитивный метод правового регулирования, преобладание предписаний, запретов, а не дозволений. Статья посвящена анализу роли запретов в финансовом праве. Подробно исследуется вопросы правовой природы финансово-правовых норм. В статье анализируются особенности реализации запрещающих норм финансового права, отмечается тенденция преобладания позитивного обязывания и запретов в финансово-правовом регулировании, основанных на императивности методов правового регулирования. Авторами приводится классификация запретов в финансовом праве, отмечается их условный характер. Отмечается, что нормы законодательства должны учитывать равным образом частные и публичные интересы, поскольку от баланса запретов и дозволений в финансовом праве зависит развитие и состояние всей финансовой системы государства.

Ключевые слова: финансовое право, норма права, финансово-правовые нормы, запрет, запрещающая норма финансового права.

D. A. Smirnov, L. E. Botasheva

PROHIBITIONS IN FINANCIAL LAW: THE CONCEPT, TYPES AND FORMS OF IMPLEMENTATION

It is generally recognized that financial law is one of the most complex public sectors of law, developed at the intersection of economics and law. An important vector in the development of our state is the formation of a digital economy that requires the creation of new innovative financial instruments, which in fact determines the need for the development of new legislative approaches in the regulation of financial relations. The role of financial law is difficult to overestimate. Modern financial law is represented by a set of rules designed to protect mainly values related to public interests. The financial law is characterized by an imperative-dispositive method of legal regulation, the prevalence of orders and prohibitions, not the permissions. The article is devoted to the analysis of the role of prohibitions in financial law. The issues of the legal nature of financial and legal norms are examined in detail. The article analyzes the peculiarities of the implementation of prohibitive norms of financial law, there is a tendency of the predominance of positive binding and prohibitions in financial and legal regulation based on the imperativeness of legal regulation methods. The authors specify classification of prohibitions in financial law, their conditional character is noted. It is noted that the norms of legislation should also take into account private and public interests, since the development and state of the entire financial system of the state depends on the balance of prohibitions and permissions in financial law.

Key words: financial law, rule of law, financial and legal norms, prohibition, prohibiting rule of financial law.

В теории финансового права запреты представлены как средство реализации финансового правоотношения, выступающего в виде правового ограничения, выполняющие функцию сдерживания определённого поведения. Следует согласиться с мнением А. Д. Селюкова,

который утверждает, что «там, где реализуется финансовая деятельность государства, чаще всего существует востребованность властного метода и, соответственно, нормы публичного права, поскольку другими способами достичь результата не получится» [8, с. 10–14].

Выделение запрещающих норм в финансовом является совершенно оправданным. Еще Цицерон, развивая политические мысли в Древнем Риме, упоминал о таких формах действия права, как веление и запрет. Если по характеру правила поведения, норма является запрещающей, то она возлагает на адресата обязанность воздерживаться от совершения каких-либо действий.

Запреты устанавливают конкретные виды поведения для субъектов финансового права, которые не допускаются законодателем, предусматривая обязанность, состоящую в отказе от определенных действий. Так, в ст. 16 Закона о Счетной палате государство предписывает Счетной палате регулярно предоставлять информацию о своей деятельности средствам массовой информации, издавать бюллетени Счетной палаты, представлять Совету Федерации и Государственной Думе ежегодный отчет о работе Счетной палаты, подлежащего обязательному опубликованию, таким образом устанавливая запрет на ограничение доступа к информации о финансовой деятельности Счетной палаты РФ [10].

Оценивая роль запретов в налоговом праве Е. В. Трегубова определяет их как «наиболее жесткий способ правового регулирования отношений, к которым обращаются тогда, когда необходимо оградить общество от нежелательного поведения» [9, с. 327]. Так, положения п. 3 ст. 3 части первой Налогового кодекса РФ отражают позицию автора, устанавливая абсолютный запрет установления налогов и сборов, препятствующих реализации гражданами своих конституционных прав. В контексте рассматриваемых в данной работе проблем интересен развивающийся в последнее время тренд увеличения поощрительных норм в налоговом праве, которые достаточно результативно и благоприятно влияют на субъектов налогового права [5, с. 6–9]. Вместе с тем следует отметить, что указанная тенденция не является общей для всего финансового права, стабильно выражающей императивный характер правового регулирования.

В теории финансового права отмечается, что запрет и обязывание имеют некоторое сходство, поскольку и тот, и другой способы имеют властное влияние на участника, однако обязанности носят позитивный, активный характер, а запреты – пассивный. Установленная статьей 154 Бюджетного кодекса обязанность финансовых органов ежемесячно составлять и представлять отчет о кассовом исполнении бюджета следует расценивать как форму позитивного обязывания, устанавливаемого государством в отношении финансовых органов, осуществляющих составление и организацию исполнения бюджетов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, местных администраций муниципальных образований предоставлять в органы Федерального казначейства РФ отчет о кассовом исполнении бюджета в порядке, установленном действующим законодательством [7].

По мнению Е. К. Варийчука, запреты существенно отличаются по механизму своего воздействия от обязываний в налоговых отношениях. В то время как обязывания ставят своей целью возникновение, изменение или прекращение налоговых правоотношений, запрещающие нормы, напротив, призваны не допустить возникновение правоотношений, не желательных с точки зрения государства [3, с. 91]. Например, положения ст. 102 Налогового кодекса РФ устанавливают запрет на разглашение сведений, полученных налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведений о налогоплательщике, плательщике страховых взносов, составляющих налоговую тайну. Устанавливая запрет на разглашение налоговой тайны законодатель охраняет налогоплательщика от возникновения возможных негативных последствий, в том числе в результате использования или передача другому лицу информации, составляющей коммерческую тайну (секрет производства) налогоплательщика.

В бюджетном праве, равно как и в налоговом праве, обнаруживаются взаимосвязь прав-обязанностей-запретов, когда та или иная обязанность подкреплена возможностью использовать некоторое субъективное право, для реализации которого необходимо исполнить надлежащим образом другие обязанности (запреты).

Запрещающие финансово-правовые нормы содержат в себе нормативно-правовые предписания, определенные правила поведения, которые устанавливаются публичной властью для охраны его интересов и соблюдение которого государство обеспечивает принудительно. К примеру, в качестве ограничений права распоряжения валютными ценностями в Российской Федерации сегодня остаются:

а) общий запрет валютных операций между резидентами (ст. 9 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»),

б) запрет купли-продажи иностранной валюты и чеков (в том числе дорожных чеков), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте в РФ, минуя уполномоченные банки (ст. 11 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»).

Запрет на совершение того или иного действия является содержанием запретительной нормы отмечает А. П. Корнев [4, с. 42]. По его мнению, запреты препятствуют совершению тех действий, которые объективно наносят вред обществу, противоречат его интересам. На охранительный характер запретительных норм указывается К. С. Бельским [1, с. 62].

Запрещающая норма финансового права – это установленное и охраняемое государством правило поведения, которое соответствует требованиям законодательства, также нормальному функционированию соответствующих финансово-правовых отношений, для регулирования которых установлена запрещающая норма финансового права.

Запреты в финансовом праве актуальны так как, обеспечивают стабильность финансовой системы, сохранность бюджетных средств и их целевое использование. Именно запреты являются средством обеспечения финансовой дисциплины, предупреждая и пресекая совершение правонарушений в финансовой сфере.

Сущность природы правовых запретов, как и любого другого вопроса правового регулирования, не так уж проста: она содержит свои цели, признаки, предписания, различия. Важное значение для понимания особенностей финансово-правовых запретов имеет их классификация. Имеющиеся сегодня большинство общетеоретических классификаций правовых запретов малоприменимы к финансово-правовым запретам. В науке финансового права существуют собственные классификации финансово-правовых запретов, имеющие более практическое, прикладное значение.

В финансовом праве условно можно выделить прямые и косвенные запреты. В юридической технике прямых финансово-правовых запретов нередко используются формулировки «не могут», «не вправе», «не допускается», «не может быть». Прямой финансово-правовой запрет просматривается в статье 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Указанная норма, устанавливая официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации – рубль, прямо запрещает введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов [11].

Публичный порядок в финансовом праве обеспечивается введением как прямых финансово-правовых запретов, так и косвенных, обязательность соблюдения которых обеспечивает публичные интересы, т.е. интересы государства и общества. Нормы могут непосредственно устанавливать значимые для обеспечения публичных интересов запреты, или это могут быть нормы, из которых такие запреты вытекают косвенно, так называемые косвенные запреты. Нормы бюджетного, банковского, валютного, налогового законодательства, устанавливающие обязанности участников финансовых правоотношений, в теории права рассматриваются в качестве таковых.

Необходимо отметить, что запреты в финансовом праве обычно указываются как прямые. В законодательстве иногда наблюдается отступление от этого принципа. Например, развивая положения Конституции России, в частности ст. 57, Налоговый кодекс РФ в ст. ст. 3,12 и Бюджетный кодекс РФ в ст. 64 косвенно запрещают субъектам РФ и муниципальным образованиям вносить элементы новизны в налоговую систему России, устанавливая обязательное правило о том, что не могут устанавливаться федеральные, региональные или местные налоги и сборы, не предусмотренные Налоговым кодексом РФ.

Универсальный характер финансово-правовых запретов выражается в том, что они зафиксированны в различных нормативных актах, поскольку в настоящее время отсутствует единая кодификация финансового законодательства. Система действующего финансового законодательства имеет свои особенности, что выражено в отсутствии единого кодифицированного нормативного акта, а это, безусловно, отражается на эффективности правоприменения. Финансово-правовые запреты сосредоточены в положениях различных нормативно-правовых актов, начиная с Основного закона РФ, заканчивая локальными актами органов государственной власти. В соответствии со ст. 57 Конституции РФ каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Конституционной нормой при этом устанавливается, что законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют. Как видно, Конституция РФ, устанавливая обязанность финансового характера, которой корреспондирует строгий конституционный за-

прет на уклонение от уплаты законно установленных налогов и сборов. К числу конституционно-правовых запретов в финансовом праве также можно отнести положения ст. 75 Конституции РФ запрещающей введение и эмиссию других денег в Российской Федерации корме официальной денежной единицы рубля.

В финансовом праве различают запреты относительные и абсолютные. В отношении противоправных деяний устанавливаются абсолютные финансово-правовые запреты и размещаются они, как правило, в диспозициях финансово - правовых норм, предусматривающих юридическую ответственность за их несоблюдение. Конструкция абсолютных финансово-правовых запретов полностью запрещает определенное поведение и исключают возможность признания такого поведения соответствующим требованиям законодательства. Бюджетный кодекс РФ в статье 78 при предоставлении субсидий юридическим лицам, обязательным условием их предоставления устанавливает запрет приобретения за счет полученных средств иностранной валюты, за исключением операций, осуществляемых в соответствии с валютным законодательством [2]. По точной оценке О. В. Хабибулиной, абсолютные запреты не могут быть нарушены ни при каких условиях; они однозначны, строго определены, постоянны, неизменны [12, с. 24–31]. Отступление от относительных финансово-правовых запретов допустимо при наличии строго определенных оснований, условий. К примеру, п. 3 ст. 26 Налогового кодекса РФ возможно отнести к подобным запретам [6].

В зависимости от субъектов финансового права, которым адресованы запреты, можно выделить запреты общие и особенные. Общие запреты обращены ко всем субъектам финансового права, особенные – к определенной группе лиц. Положения статьи 3 Налогового кодекса, устанавливающие основные начала законодательства о налогах и сборах носят исключительно важный характер абсолютно для всех плательщиков налогов и сборов. В положениях же ст. 23 (п. 3.4) наблюдается адресность и обращение к конкретным субъектам налогового права – плательщикам страховых взносов, мерам их должного поведения (обязанности плательщиков страховых взносов).

Таким образом, в механизме финансово-правового регулирования важное место отводится запрещающим нормам права, без которых не может быть обеспечена надлежащая правовая охрана публичных интересов в финансовой сфере. Играя важную роль в регулировании общественных отношений по формированию, распределению и организации использования публичных денежных фондов, запреты способствуют устранению нежелательных для государства и общества явлений. Значительная часть норм финансового права содержит запрещающие предписания. Финансово-правовые запреты направлены на укреплении правопорядка в финансовой сфере, и ограничении субъектов финансовой деятельности от совершения нежелательных для государства действий. Дальнейшее развитие законодательство должно исходить из поиска баланса частных и публичных интересов, поскольку от баланса запретов и дозволений в финансовом праве деятельности зависит развитие и состояние всей финансовой системы государства. Только разумный баланс общих дозволений и общих запретов позволит придать финансовой системе стабильности, в которой она остро нуждается, а также прагматичности и эффективности.

Литература

1. Бельский К. С. Полицейское право / под ред. А. В. Куракина. М.: Дело и Сервис, 2004. 816 с.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. 12.08.1998. №153-154.

3. Варийчук Е. К. Место запретов в налогово-правовом регулировании // Финансовое право. 2008. №12. С. 91.

4. Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. М.: Юридическая литература, 1978. 141 с.

5. Матвеева П. А. Льготы и поощрения в налоговом законодательстве // Налоги. 2017. №15. С.6 – 9.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. 06.08.1998. №148-149.

7. Приказ Минфина России от 28.12.2010 № 191н (ред. от 16.11.2016) «Об утверждении Инструкции о порядке составления и представления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» // Российская газета. 05.03.2011. № 47.

8. Селюков А. Д. Диалектика частных и публичных интересов в процессе осуществления финансовой деятельности государства // Финансовое право. 2015. №11. С.10 – 14.

9. Трегубова Е. В. К вопросу о классификации административных запретов в российском праве // Право и политика. 2010. №2. С. 327.

10. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Счетной палате Российской Федерации» // Российская газета. 10.04.2013. №77.

11. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. 13.07.2002. №127.

12. Хабибулина О. В. К вопросу о видах запретов для государственных служащих Российской Федерации // Административное право и процесс. 2016. №3. С. 24–31.

References

1. Bel'skij K. S. Policejskoe pravo *(Police law)* / ed by A. V. Kurakina. M.: Delo i Servis, 2004. 816 p. (In Russian).

2. Bjudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 №145-FZ (red. ot 28.12.2016) *(The Budget Code of the Russian Federation No. 145-FL of July 31, 1998 (as amended on December 28, 2016)* // Rossijskaja gazeta. No 153-154. 12.08.1998. (In Russian).

3. Varijchuk E. K. Mesto zapretov v nalogovo-pravovom regulirovanii *(The place of prohibitions in tax regulation)* // Finansovoe pravo. 2008. No 12. P. 91. (In Russian).

4. Korenev A. P. Normy administrativnogo prava i ih primenenie *(Norms of administrative law and their application)*. Moscow: Juridicheskaja literatura, 1978. 141 p. (In Russian).

5. Matveeva P. A. L'goty i pooshhrenija v nalogovom zakonodatel'stve *(Benefits and incentives in tax legislation)* // Nalogi. 2017. No 15. P. 6–9. (In Russian).

6. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 31.07.1998 No 146-FZ (red. ot 28.12.2016) *(The Tax Code of the Russian Federation (Part One) of 31.07.1998 No. 146-FL (as amended on December 28, 2016)* // Rossijskaja gazeta. No 148-149. 06.08.1998. (In Russian).

7. Prikaz Minfina Rossii ot 28.12.2010 No 191n (red. ot 16.11.2016) «Ob utverzhdenii Instrukcii o porjadke sostavlenija i predstavlenija godovoj, kvartal'noj i mesjachnoj otchetnosti ob ispolnenii bjudzhetov bjudzhetnoj sistemy Rossijskoj Federacii» *(Order of the Ministry of Finance of Russia of 28.12.2010 No. 191n (as amended on 16.11.2016) "On approval of the Instruction on the procedure for drawing up and submission of annual, quarterly and monthly reports on the performance of the budgets of the budgetary system of the Russian Federation")* // Rossijskaja gazeta. No 47. 05.03.2011. (In Russian).

8. Seljukov A. D. Dialektika chastnyh i publichnyh interesov v processe osushhestvlenija finansovoj dejatel'nosti gosudarstva (*Dialectics of private and public interests in the process of financial activities of the state)* // Finansovoe pravo. 2015. No 11. P. 10–14. (In Russian).

9. Tregubova E. V. K voprosu o klassifikacii administrativnyh zapretov v rossijskom prave *(On the classification of administrative prohibitions in the Russian law)* // Pravo i politika. 2010. No 2. P. 327. (In Russian).

10. Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 N 41-FZ (red. ot 03.07.2016) «O Schetnoj palate Rossijskoj Federacii» *(Federal Law No. 41-FL of 05.04.2013 (as amended on 03.07.2016) "On the Accounts Chamber of the Russian Federation")* // Rossijskaja gazeta. No 77. 10.04.2013. (In Russian).

11. Federal'nyj zakon ot 10.07.2002 № 86-FZ «O Central'nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)» *(Federal Law of 10.07.2002 No. 86-FL "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)")* // Rossijskaja gazeta. No 127. 13.07.2002. (In Russian).

12. Habibulina O. V. K voprosu o vidah zapretov dlja gosudarstvennyh sluzhashhih Rossijskoj Federacii *(On types of bans for civil servants of the Russian Federation)* // Administrativnoe pravo i process. 2016. No 3. P. 24–31. (In Russian).

УДК 34.342.7

М. С. Трофимов, А. В. Диреганова

ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МАСШТАБНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Республика Абхазия и Республика Южная Осетия на сегодняшний день имеют особенный международно-правовой статус непризнанных большинством стран мира государств. При этом, Россия признала эти республики в качестве независимых государств и взяла их под свой протекторат.

Поддержка Российской Федерации в отношении Южной Осетии выражается, в том числе, в оказании помощи в модернизации системы образования.

Конституция Республики Южная Осетия гарантирует каждому человеку, проживающему на ее территории, право на получение дошкольного, общего и высшего образования вне зависимости от пола, расы, национальности. Законодательство Республики содержит ряд гарантий реализации этого права. Однако, фактическая ситуация с реализацией права на образование такова, что полное удовлетворение этого права невозможно без завершения процесса реформирования и модернизации всей системы образования.

В Российской Федерации с 2012 г. идет реформа образования, связанная, в том числе, с совершенствованием организационной структуры образовательного комплекса страны. Аналогичные процессы были запущены в признанных Россией в 2008 г. в Республике Южная Осетия. При этом, протекающие процессы, проблемы в сфере образования и способы их решения сходны для субъектов Российской Федерации и Южной Осетии.

Ключевые слова: образование, система образования, право на образование, реформа образования, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия.

M. S. Trofimov, A. V. Direganova

LEGAL ASSIGNMENT OF THE RIGHT TO EDUCATION IN SOUTH OSSETIA AND TECHNICAL CHARACTERISTICS OF THE SYSTEM OF GENERAL EDUCATION IN THE CONDITIONS OF LARGE-SCALE REFORM

The Republic of Abkhazia and Republic of South Ossetia currently have a special international legal status of the states unrecognized by most countries of the world. At the same time, Russia recognized the republics as independent states, and took them under its protectorate.

The support of South Ossetia by the Russian Federation is actualized in the assistance in the modernizing the education system.

The Constitution of the Republic of South Ossetia guarantees every person living in its territory the right to receive preschool, general and higher education regardless of sex, race and nationality. The legislation of the Republic contains a number of guarantees of realisation of this right. However, the actual situation with the right to education is such that its complete implementation is impossible without completion of the reform and modernization process of the entire education system.

Since 2012 the Russian Federation has been realizing the reform of education connected with the improvement of the organizational structure of the educational complex. Similar processes were launched in the Republic of South Ossetia which was recognized by Russia in 2008. At the same time, the processes, the problems in education and the ways of their solution are similar in the subjects of the Russian Federation and South Ossetia.

Key words: education, education system, right to education, education reform, the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia.

В 2008 г. Российская Федерация первой из стран мира признала в качестве независимых государств Республику Абхазия и Республику Южная Осетия. Фактически Россия взяла на

себя ответственность перед населением этих Республики и перед мировым сообществом за их успешное социально-экономическое развитие.

Запущенные в Абхазии и Южной Осетии в начале 2010-х гг. реформы охватывают все сфере общественной и государственной жизни: меняется законодательство, экономика, деятельность органов государственной власти.

Примерно с этого же периода в Республике Южная Осетия началась длящаяся в настоящее время реформа системы образования.

Правовые реформы в системе образования всегда были и будут обусловлены политическими и экономическими целями государства [9, с. 22]. А современная Южная Осетия тяготеет к России и, возможно, в будущем станет одним из субъектов Российской Федерации.

Кстати, до распада СССР, в 1980 годах, в Южной Осетии существовала развитая и успешная советская система образования. «В Юго-Осетинском государственном педагогическом институте и в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте работали 8 докторов наук, более 70 кандидатов наук, а всего научных работников – более 170, что для автономной области с численностью менее 100 000 человек следует признать высоким показателем. Отметим, что южных осетин всегда отличала сильная тяга к образованию, и в последние десятилетия существования СССР она проявилась в полной мере» [2; с. 119–120].

После провозглашения независимости Грузии (1991 г.) произошли межнациональные столкновения, в ходе которых было сожжено около 70 школ. При этом, в середине 1990-х гг. работали свыше 20 дошкольных учреждений (главным образом в Цхинвали), свыше 120 общеобразовательных школ (свыше 20 тыс. учащихся), в том числе около 80 осетинских, с преподаванием в старших классах на русском языке и углублённым изучением родного языка и культуры. На базе педагогического института образован университет (1993 г.). Открылся лицей осетинского искусства. Появились негосударственные общеобразовательные школы. Среди детских досуговых учреждений музыкальная, художественная и спортивная школы, дом детского творчества [9, с. 37].

Касаясь правовой основы взаимоотношений между Российской Федерацией и Южной Осетией в сфере образования, отметим следующие основополагающие правовые акты.

26 августа 2008 г. Указом Президента Российской Федерации № 1261 Россия признала в качестве независимого государства Республику Южная Осетия [11].

18 марта 2015 г. между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия был подписан Договор о союзничестве и интеграции [3], заменивший Договор о дружбе 2008 г. и положивший начало современному этапу международно-правовых отношений между двумя государствами.

В соответствии со ст.10 Договора о союзничестве и интеграции Российская Федерация оказывает Республике Южная Осетия содействие в области науки и образования, способствует повышению качества образования.

Соответственно, и государственная политика Южной Осетии в сфере образования также оказалась пол серьезным влиянием России.

Действующее в настоящее время законодательство Республики Южная Осетия закрепляет и гарантирует гражданам право на образование.

Согласно ст. 18 Конституции РЮО в Республике признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

Ст. 28 Конституции РЮО звучит следующим образом: «1. Каждый имеет право на образование и выбор форм его получения.

2. Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего, среднего (полного) общего образования, среднего профессионально-технического и высшего образования в государственных образовательных учреждениях.

3. Каждый имеет право на конкурсной основе бесплатно получить среднее специальное и высшее профессиональное образование в государственных учебных заведениях.

4. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

5. В Республике Южная Осетия поддерживаются различные формы образования и самообразования».

29 января 1992 г. было принято Постановление Верховного Совета Республики Южная Осетия «О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия», в котором говорится следующее: «В связи с возникшим дефицитом законодательных актов, регулирующих отношения в сфере различных норм права и впредь до введения в действие Законов республики Южная Осетия Верховный Совет Республики Южная Осетия постановляет: 1. Правоохранительным

органам, предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам Республики Южная Осетия применять на практике нормы права России, за исключением законодательных актов, определяющих порядок и размеры финансирования».

Соответственно, процесс образования в Республике Южная Осетия, в правовом смысле, основан на законодательстве Южной Осетии и, частично, на законодательстве Российской Федерации. Такое положение, в том числе, обусловило и схожесть проблем, существующих в сфере образования Южной Осетии и России.

В апреле 2017 г. в Южной Осетии был принят новый закон «Об образовании», заменивший закон 2008 г.

В ст. 5 нового закона Республики Южная Осетия «Об образовании» сказано:

«1. В Республике Южная Осетия гарантируется право каждого человека на образование. (…)

4. (…) реализация права каждого человека на образование обеспечивается путем создания органами государственной власти, местными органами государственной власти соответствующих социально-экономических условий для его получения, расширения возможностей удовлетворять потребности человека в получении образования различных уровня и направленности в течение всей жизни» [4].

В той же статье сказано, что «в целях реализации права каждого человека на образование органами государственной власти и местными органами государственной власти:

1) создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи на основе специальных педагогических подходов и наиболее подходящих для этих лиц языков, методов и способов общения и условия, в максимальной степени способствующие получению образования определенного уровня и определенной направленности, а также социальному развитию этих лиц, в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья;

2) оказывается содействие лицам, которые проявили выдающиеся способности и к которым в соответствии с настоящим Законом относятся обучающиеся, показавшие высокий уровень интеллектуального развития и творческих способностей в определенной сфере учебной и научно-исследовательской деятельности, в научно-техническом и художественном творчестве, в физической культуре и спорте;

3) осуществляется полностью или частично финансовое обеспечение содержания лиц, нуждающихся в социальной поддержке, в соответствии с действующим в Республике Южная Осетия законодательством в период получения ими образования» [4].

Таким образом, современная государственная политика Республики Южная Осетия в области образования основывается на приоритете конституционного права каждого на образование, ориентируется на опыт и поддержку Российской Федерации и уже имеет необходимую правую базу для проведения реформы образования на основе нового законодательства.

Российской Федерацией и Южной Осетией совместно была разработана и принята Инвестиционная программа содействия социально-экономическому развитию Республики Южная Осетия за период с 2008 по 2016 г.

На ее основе и в целях способствования повышению эффективности процессов преобразования в Республике в 2015 г. был подписан План модернизации сети дошкольного и общего образования Республики Южная Осетия.

В рамках модернизации были поставлены задачи по повышению качества и доступности образовательных услуг в Республике, обеспечению устойчивого развития сети образовательных учреждений, рациональному использованию свободных площадей зданий образовательных учреждений и кадрового потенциала системы образования, выявлению резервов имущественного комплекса образования.

Также модернизации предполагает поэтапное создание базовых образовательных учреждений, стажировочных площадок, создание образовательных учреждений типа «школа-детский сад», организацию классов-комплектов в малокомплектных сельских школах и другие мероприятия, направленные на создание условий для соответствия образовательных учреждений Республики современным требованиям.

Финансирование модернизации сети дошкольного и общего образования Республики Южная Осетия осуществляется из бюджета Российской Федерации.

По состоянию на 2015 г., как следует из информации из Государственной программы Республики Южная Осетия «Развитие образования и науки» на 2013–2017 гг., образовательный комплекс Республики включал 87 образовательных учреждений (школьное образование было представлено 52 образовательными учреждениями; дошкольное образование было представлено 25 дошкольными образовательными учреждениями).

По состоянию на 1 сентября 2017 г. в Республике Южная Осетия численность детей в возрасте от 0 до 18 лет составляет 12 266, (от 0 до 7 лет – 5528 детей, от 7 до 18 лет 6738).

Из них:

– дети в возрасте от 0 до 1,5 лет – 798;

– посещают дошкольные образовательные организации от 1,5 до 7 лет – 3165 детей;

– не посещают дошкольные образовательные организации от 1,5 до 7 лет – 1565 детей (для сравнения: в 2015 г. – 2065);

– учащиеся школ – 5998;

– учащиеся средне-специальных образовательных организаций – 740.

По данным статистики количество детей на 1 сентября 2017 г. по сравнению с 1 июня 2015 г. увеличилось на 36 %.

В рамках мероприятий Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию Республики Южная Осетия за период с 2008 по 2016 год было восстановлено 15 детских садов, 14 школ, пришкольный интернат в пос. Ленингор (реконструкция), Цхинвальский многопрофильный колледж, Дворец детского творчества.

На туже дату государственная система общего образования Республики Южная Осетия включает 40 образовательных организаций, (до начала модернизации – 52 общеобразовательные организации), реализующих программы общего образования.

В том числе в:

г. Цхинвал – 12 общеобразовательных организаций;

Знаурском районе – 6 школ (до начала модернизации – 10 школ в 2014 – 2015 учебном году);

Дзауском районе – 7 школ, в том числе 1 школа-интернат (до начала модернизации 8 школ);

Цхинвальском районе – 7 школ (до начала модернизации 11школ);

Ленингорском районе – 8 школ (до начала модернизации – 11 школ в 2014-2015 учебном году).

Общее количество обучающихся в государственныхобщеобразовательныхорганизациях– 5654 ученика; в негосударственных общеобразовательных организациях обучается 327 человек (в 2014 г. соответственно: 5325 учеников и 302 ученика).

Средняя наполняемость класса в городе – 19 человек, в поселках – 14 человек (в отдаленных приграничных селах – 4 человека).

В системе общего образования работает 1953 человека (2015 г. – 2008 человек), из них 1 235 педагогических работника, из которых 25 % имеют высшую квалификационную категорию, 34 % – первую квалификационную категорию. 96 % педагогов имеют высшее образование, остальные – среднее профессиональное образование.

Содержание на одного обучающегося в год составляет в Цхинвале (единственном городе Республики) – 71,76 тыс. руб., в сельской местности – 182,69 тыс. руб.

Средняя заработная плата педагогических работников в месяц составляет в городе – 20,1 тыс. руб., в сельской местности – 15,8 тыс. руб. (в 2014 г. соответственно: 12,4 тыс. руб., в сельской местности – 14,5 тыс. руб.).

В городе Цхинвал в ветхом и аварийном состоянии находится 8,3 % школ, 8,3 % нуждаются в капитальном ремонте. В сельской местности Республики Южная Осетия в ветхом и аварийном состоянии – 7,8 % зданий; нуждаются в капитальном ремонте – 13 %.

Ключевыми проблемами общего образования остаются недостаточное материально-техническое обеспечение образовательных организаций учебным, учебно-производственным, технологическим и спортивным оборудованием, а также низкая доступность и качество образовательных услуг в отдаленных сельских поселениях, в том числе из-за недостатка квалифицированных кадров.

В определенном смысле, состояние образовательного комплекса Республики Южная Осетия можно сравнить с состоянием образовательного комплекса какого-либо из субъектов Российской Федерации, не относящегося к передовым в финансово-экономическом плане.

Как видно, вопросы финансирования образовательных организаций занимают важное место в компетенции муниципальных органов управления образованием.

Приведем некоторую статистику по субъектам Российской Федерации, находящимся в пределах Северо-Кавказского федерального округа, основываясь на информации из открытых источников. Несмотря на то, что информация не совсем полная и относится в основном к 2014–2016 гг., на основе определенной корреляции, можно сделать выводы о состоянии и перспективах развития образовательных комплексов субъектов СКФО и Республики Южная Осетия.

Коротко давая историю вопроса, отметим, что в 2006 г., по данным Министерства образования Ставропольского края [12], средняя стоимость обучения одного ученика в крае составляла всего 9,5 тыс. рублей. Это средний показатель в расчете по всем школам края.

При этом, налицо был факт более дорогого среднего образования в сельских школах, чем в школах городских. Средняя стоимость обучения в этих категориях школ составляла на 2006 г. 8641 руб. и 7497 руб. соответственно [1, с. 130].

Эта тенденция сохранялась на протяжении почти пяти лет. Постепенно расходы на одного обучающегося росли.

Среднекраевой норматив подушевого финансирования в 2011 г. на реализацию федерального государственного стандарта составил в городской местности 17 387 руб., а в сельской 20 940 руб. [1, с. 131]. В среднем в год на одного обучающегося получилось 19 163,5 руб.

В 2014 г. общий объем финансовых средств, поступивших в общеобразовательные организации в расчете на одного обучающегося в Ставропольском крае составил 51 240 руб., в 2015 г. – 52 090 руб. [5]

В Республике Ингушетия в 2014 г. на одного обучающегося в общеобразовательных организациях было выделено из бюджета 46 700 руб. [6].

Для сравнения, в 2015 г. в Республике Северная Осетия-Алания объем финансовых средств, поступивших в общеобразовательные организации, составил 38 365 р. на одного обучающегося [7].

Интересно сравнить и количество школ и обучающихся в Республике Южная Осетия и некоторых субъектах Северо-Кавказского федерального округа. В 2014 г. в Республике Ингушетия было 118 общеобразовательных организаций, в которых обучалось 63 517 детей [6]. В 2015 г. в Ставропольском крае действовало 638 образовательных организаций начального общего, основного общего и среднего общего (соответственно, в 2014 году – 643, в 2013 году – 647) [5]. В Республике Северная Осетия-Алания в 2015 г. действовало всего 213 общеобразовательных учреждений, в которых обучалось 82 125 детей и работало 6 981 педагогов [7].

Что касается заработной платы педагогических работников, то в среднем по отрасли «Образование» в Ставропольском крае на 2006 г. она составляла 4495 руб., при этом средняя зарплата учителя – 5256 руб., а общая средняя зарплата по краю составляла 5984 руб.

В 2011 году ситуация стала значительно лучше. По итогам года средняя заработная плата учителей в крае превысила среднюю заработную плату по экономике региона за I квартал 2011 года (14 тыс. 28 руб.) на 9,9 % и достигла 15 тыс. 423 руб. [1, с. 141].

Согласно данным органов статистики, размер средней заработной платы педагогических работников организаций общего образования Ставропольского края в 2013 г. составил 22 543,9 руб., в 2014 г. – 23 226 руб., в 2015 г. – 24 203 руб. [5].

Отметим, что в г. Ставрополе, административном центре Ставропольского края, в 2015 г. средняя заработная плата педагогических работников общего образования составила 22 856 руб., а в 2016 г. – 24 025 руб. [8].

Интересен тот факт, что в 1940 г. в СССР зарплата работников образования практически равнялась ее уровню в промышленности; в 1970 г. составляла 72,7 %; в 1990 г. – 65 %, в конце 1990-х годов в целом по стране она опустилась почти до 50 %. [10, с. 164]. И в настоящее время она почти в два раза ниже, чем, например, банковской (финансовой) сфере, и в полтора раза ниже, чем в промышленности. Так, например, в документах Министерства образования и науки Республики Северная Осетия-Алания прямо говорится: «В 2015 году среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сфере образования оставалась ниже среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников крупных и средних предприятий и некоммерческих организаций» [7].

В Ставропольском крае, также идет процесс оптимизации образовательных организаций, который был запущен в Республике Южная Осетия в 2015 г.

Согласно Итоговому отчету Министерства образования и молодежной политики Ставропольского края о результатах проведенного мониторинга системы образования Ставропольского края за 2015 г. «реорганизованы три дневные, одна вечерняя (сменная) общеобразовательная организации и ликвидированы две вечерние (сменные) общеобразовательные организации» [5].

Аналогичные процессы модернизации системы образования, связанные, в том числе, с оптимизацией сети образовательных организаций общего образования, идут и в других субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Северо-Кавказского федерального округа.

Литература

1. Абрамова Е. А. Компетенция органов местного самоуправления в области образования и ее реализация в субъектах Российской Федерации: дисс… канд. юрид. наук. М.: АНО ВПО «Московский гуманитарный университет», 2012. 185 с.

2. Дзидзоев В. Д., Дзугаев К. Г. Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал, 2007. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. №5. С. 155–157

3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции (Подписан в г. Москве 18.03.2015) URL: https://cons-plus.ru/spravochno_pravovaya_sistema/ (Дата обращения: 08.10.2017).

4. Закон Республики Южная Осетия «Об образовании» от 30 января 2017 г. // Южная Осетия: общественно-политическая газета URL: http://ugo-osetia.ru/index.php/2011-06-30-23-44-4/documents/item/8183-zakon-respubliki-yuzhnaya-osetiya-ob-obrazovanii (Дата обращения: 14.11.2017).

5. Итоговый отчет Министерства образования и молодежной политики Ставропольского края о результатах проведенного мониторинга системы образования Ставропольского края за 2015 год // Официальный сайт Министерства образования и молодежной политики Ставропольского края URL: www.stavminobr.ru (Дата обращения: 23.10.2017).

6. Итоговый отчет Министерства образования и науки Республики Ингушетия о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2014 год // Официальный сайт Министерства образования и науки Республики Ингушетия URL: http://old.morigov.ru (Дата обращения: 23.10.2017).

7. Итоговый отчет Министерства образования и науки Республики Северная Осетия-Алания о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2015 г. // Официальный сайт Министерства образования и науки РСО-Алания URL: www.edu15.ru (Дата обращения: 23.10.2017).

8. Основные итоги работы муниципальной системы образования города Ставрополя. Ставрополь: Комитет образования администрации города Ставрополя, 2017. 178 с.

9. Реформирование образования в России и Южной Осетии: законодательные подходы: коллективная монография. Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2015. 230 с.

10. Смолин О.Н. Знание – свобода. М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС» 1999. 504 с.

11. Указ Президента РФ №1261 «О признании Республики Южная Осетия» от 26.08.2008 // Собрание законодательства РФ. 2008. 1 сентября. №35. Ст. 4012.

12. Экономика и образование. Статистические данные Министерства образования Ставропольского края URL: http://www.stavminobr.ru/economic/558 (Дата обращения: 22.10.2017).

References

1. Abramova E. A. Kompetencija organov mestnogo samoupravlenija v oblasti obrazovanija i ee realizacija v sub#ektah Rossijskoj Federacii *(Competence of local governments in the field of education and its implementation in the subjects of the Russian Federation)*: thesis. Moscow: ANO VPO «Moskovskij gumanitarnyj universitet», 2012. 185 p. (In Russian).

2. Dzidzoev V. D., Dzugaev K. G. Juzhnaja Osetija v retrospektive gruzino-osetinskih otnoshenij. Chinval, 2007 *(Ossetia in retrospect of Georgian-Ossetian relations. Tskhinval, 2007)* // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki. 2008. No. 5. P. 155–157. (In Russian).

3. Dogovor mezhdu Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Juzhnaja Osetija o sojuznichestve i integracii (Podpisan v g. Moskve 18.03.2015) *(Treaty between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on Cooperation and Integration (Signed in Moscow on March 18, 2015)* // Konsul'tantPljus URL: https://cons-plus.ru/spravochno_pravovaya_sistema/ (Accessed: 08.10.2017). (In Russian).

4. Zakon Respubliki Juzhnaja Osetija «Ob obrazovanii» ot 30 janvarja 2017 g. *(Law of the Republic of South Ossetia "On Education" of January 30, 2017)* // Juzhnaja Osetija: obshhestvenno-politicheskaja gazeta URL: http://ugo-osetia.ru/index.php/2011-06-30-23-44-4/documents/item/8183-zakon-respubliki-yuzhnaya-osetiya-ob-obrazovanii (Accessed: 14.11.2017). (In Russian).

5. Itogovyj otchet Ministerstva obrazovanija i molodezhnoj politiki Stavropol'skogo kraja o rezul'tatah provedennogo monitoringa sistemy obrazovanija Stavropol'skogo kraja za 2015 god *(Final report of the Ministry of Education and Youth Policy of the Stavropol Territory on the results of monitoring the education system of the Stavropol Territory for 2015)* // Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovanija i molodezhnoj politiki Stavropol'skogo kraja URL: www.stavminobr.ru (Accessed: 23.10.2017). (In Russian).

6. Itogovyj otchet Ministerstva obrazovanija i nauki Respubliki Ingushetija o rezul'tatah analiza sostojanija i perspektiv razvitija sistemy obrazovanija za 2014 god *(The final report of the Ministry of Education and Science of the Republic of Ingushetia on the results of the analysis of the state and prospects for the development of the education system for 2014)* // Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovanija i nauki Respubliki Ingushetija URL: http://old.morigov.ru (Accessed: 23.10.2017). (In Russian).

7. Itogovyj otchet Ministerstva obrazovanija i nauki Respubliki Severnaja Osetija-Alanija o rezul'tatah analiza sostojanija i perspektiv razvitija sistemy obrazovanija za 2015 g. *(The final report of the Ministry of Education and Science of the Republic of North Ossetia-Alania on the results of the analysis of the state and prospects of the development of the education system for 2015)* // Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovanija i nauki RSO-Alanija URL: www.edu15.ru (Accessed: 23.10.2017). (In Russian).

8. Osnovnye itogi raboty municipal'noj sistemy obrazovanija goroda Stavropolja *(The main results of the municipal education system of the city of Stavropol)*. Stavropol': Komitet obrazovanija administracii goroda Stavropolja, 2017. 178 p. (In Russian).

9. Reformirovanie obrazovanija v Rossii i Juzhnoj Osetii: zakonodatel'nye podhody: kollektivnaja monografija *(Reforming education in Russia and South Ossetia: legislative approaches)*. Stavropol': Paragraf, 2015. 230 p. (In Russian).

10. Smolin O.N. Znanie – svoboda *(Knowledge is freedom)*. Moskow: OOO «IPTK «Logos» VOS» 1999. 504 p. (In Russian).

11. Ukaz Prezidenta RF №1261 «O priznanii Respubliki Juzhnaja Osetija» ot 26.08.2008 *(Decree of the President of the Russian Federation No. 1261 "On Recognition of the Republic of South Ossetia" of 26.08.2008)* // Sobranie zakonodatel'stva RF. 01.09.2008. No. 35. Atr. 4012. (In Russian).

12. Jekonomika i obrazovanie. Statisticheskie dannye Ministerstva obrazovanija Stavropol'skogo kraja *(Economics and education. Statistical data of the Ministry of Education of the Stavropol Territory)*. URL: http://www.stavminobr.ru/economic/558 (Accessed: 22.10.2017). (In Russian).

УДК 10.09

В. А. Шишкин

ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЕСОНАРУШЕНИЯ В «УСТАВЕ ЛЕСНОМ» (Ч. 1 Т. VIII «СВОДА ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»)

В статье рассматриваются характерные особенности позиционирования института ответственности за нарушение лесного законодательства в «Уставе лесном» на разных этапах развития «Свода законов Российской империи». Сравнивается содержание указанного правового института в разных редакциях «Устава лесного» – от наиболее ранних (на примере редакции 1857 года) до позднейших (по изданию 1905 года). Прослеживается постепенное сокращение количества норм об ответственности за лесонарушения при общем совершенствовании и эволюции рассматриваемого института, находящегося на стыке лесного и уголовного права той эпохи. Особое внимание уделено взаимодействию между собой при формировании данного института норм «Устава лесного» с нормами уголовного законодательства – «Уложения о наказаниях» и «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Делаются выводы об эволюции в понимании сбережения лесов законодателем от их охраны как обычного имущества к более глубокому осмыслению их природоресурсной ценности как важнейшего общественного интереса. Сравнивается состояние института ответственности за соответствующие преступления и проступки в дореволюционном лесном праве с современным позиционированием данного института в Лесном кодексе Российской Федерации. На основе рассмотренного историко-правового опыта даются рекомендации современному российскому законодателю.

Ключевые слова: юридическая ответственность, лесное право, кодификация, Российская империя.

V. A. Shishkin

FEATURES OF FIXING THE NORMS OF RESPONSIBILITY FOR FORESTRY VIOLATIONS IN “THE FOREST CHARTER“ (P. 1 VOL. VIII “CODE OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE”)

The article studies the characteristics of positioning the institute of responsibility for violation of the forest legislation in “The forest charter” at different stages of development of “The code of laws of the Russian Empire”. The maintenance of the specified legal institute in different editions of ““The forest charter” – from early (by the example of edition of 1857) to late (according to the edition of 1905) is compared. The gradual reduction of amount of norms on responsibility for forestry violations at the general improvement and evolution of this institute which is on a junction of forest and criminal law of this time is traced. Special attention is paid to interaction among themselves when forming this institute of norms of “The forest charter” with norms of the criminal legislation – “The code on punishments” and “The charter on the punishments imposed by magistrates”. Conclusions about evolution in understanding of saving of the woods by the legislator from their protection as usual property to deeper judgment of their nature-resource value as major public interest are drawn. The institute of responsibility for the corresponding crimes and offenses in the pre-revolutionary forest right is compared to modern positioning of this institute in the Forest code of the Russian Federation. On the basis of the considered historical and legal experience recommendations to the modern Russian legislator are made.

Key words: legal responsibility, forest right, codification, Russian Empire.

В Российской империи нормы об ответственности за лесные правонарушения в разные периоды содержались в различных нормативных актах, которые на протяжении долгого времени подвергались планомерной систематизации. В ходе кодификационной реформы М. М. Спе-

ранского, по итогам которой появился «Свод законов Российской империи», была предпринята попытка систематизировать все разработанное к тому времени лесное законодательство [1, с. 13]. Впервые вышедшая в 1832 году 1-я часть VIII тома «Свода» включала в себя «Свод учреждений и уставов лесных», который в литературе того времени часто именовался просто «Уставом лесным». Несколько официальных его переизданий серьезно отличались между собой по содержанию, однако вплоть до своей отмены после 1917 года данный устав содержал специальный раздел, целиком посвященный юридической ответственности за лесонарушения и порядку привлечения к ней. Однако с течением времени содержание данного раздела «Устава лесного» заметно изменялось, а сама конструкция выражения института юридической ответственности в данном документе неуклонно совершенствовалась.

Если взять одну из ранних редакций «Устава лесного» издания 1857 года, то там нормы об ответственности за лесонарушения группировались в V книге, которая носила название «О взысканиях и наказаниях за нарушение лесных законов». Эта книга состояла из двух разделов, первый из которых включал материальные нормы об ответственности за лесные преступления и проступки, а второй – процессуальные нормы о судопроизводстве по делам о нарушении лесного законодательства [5].

Данная систематизация института ответственности за лесонарушения строилась, главным образом, на классификации лесов в зависимости от их владельческой принадлежности и целевого использования. Так, в первом разделе «Устава лесного» группировались нормы о взысканиях за нарушения законов о казенных лесах (гл. 1), о корабельных лесах (гл. 2), о казенных лесах, приписанных к промысловым заводам и фабрикам (гл. 3), о лесах духовного ведомства, городских, крестьянских, отведенных к казенным имениям и удельных (гл. 4), о лесах въезжих, общих и спорных (гл. 6), о лесах частных, поиезуитских и ленных (гл. 7). Особняком в этой систематизации стоит глава 5, которая предусматривала ответственность государственных крестьян за проступки в лесах казенных селений. Данные нормы выделялись не по объекту, а по субъекту правонарушения. Выпадала из общего строя и глава 8 – о взысканиях за нарушения законодательства о казенных лесах Курляндской губернии, где налицо территориальный принцип выделения норм в самостоятельную главу. Это связано, прежде всего, с тем, что Курляндия вошла в состав Российской империи относительно поздно по сравнению с иными ее административно-территориальными единицами, из-за чего законодательство об этих землях также формировалось с некоторым опозданием и было слабо интегрировано в общероссийскую правовую систему. Кроме того, в Курляндии существовали свои национальные и территориальные особенности, в корне отличные от правопорядка, установившегося во всей остальной империи, что также требовало относительно обособленного правового регулирования.

В «Уставе лесном» система второго раздела V книги, посвященного порядку судопроизводства по лесонарушениям, также строилась, исходя из принципа классификации лесов по их владельческой принадлежности. Однако система данного раздела не вполне соответствовала структуре предыдущего, в чем проявилось некоторое несовершенство юридической техники тех лет. Кроме того, в этом разделе наряду с лесонарушениями государственных крестьян в отдельную главу были выделены нормы о судопроизводстве по делам о лесонарушениях лесными чинами губернского управления.

Заметной особенностью первого «материального» раздела V книги «Устава лесного» по изданию 1857 года было то, что значительная часть его норм не предусматривала конкретных санкций за те или иные преступления или проступки. Вместо этого многие статьи данной части «Устава лесного» содержали отсылки к соответствующим нормам «Уложения о наказаниях» (том XV «Свода законов Российской империи»). Из 131 статьи этого раздела 21 статья отсылала правоприменителя к «Уставу о наказаниях», то есть доля отсылочных норм составляла здесь более 16%. По своему содержанию эти нормы «Устава лесного» представляли собой, как правило, необходимый комментарий к статьям «Уложения о наказаниях», на которые они ссылались, – о том, в каких именно случаях, как и с учетом каких особенностей должны применяться нормы «Уложения о наказаниях» за правонарушения в лесах.

Если взять позднейшую редакцию «Устава лесного» 1905 года, то мы увидим, что в ней также сохранился самостоятельный отдел, посвященный ответственности за лесонарушения. Но здесь это была уже книга VI, носившая название: «О взысканиях и наказаниях за нарушение лесных законов и о порядке производства дел о преступлениях и проступках по лесной части». Она, как и прежде, состояла из двух разделов, где первый содержал материальные нормы об ответственности за такие

правонарушения, а второй – процессуальные нормы о порядке привлечения к ней. Правда, в корне изменился сам принцип подразделения этих разделов на главы. Если во втором разделе еще сохранялся принцип выделения глав на основании разного порядка судопроизводства по правонарушениям в лесах разной владельческой принадлежности: казенных, крестьянских, въезжих, общих и спорных (гл. 2), а также частных (гл. 3), то в первом «материальном» разделе законодатель отошел от указанного деления. Первый раздел VI книги «Устава лесного» по изданию 1905 года содержал всего две главы, в первой из которых речь шла «о взысканиях и наказаниях за нарушение законов о лесах» вообще, а вторая называлась «О взысканиях за нарушение правил Положения о сбережении лесов». Это важнейшее с точки зрения охраны российских лесов положение было утверждено особым законом от 4-го апреля 1888 года, целиком вошло в «Устав лесной» и серьезным образом повлияло на всю его структуру (в частности, из-за этого положения, включенного в устав отдельной V книгой, ранее занимавшая указанную позицию книга о лесонарушениях сделалась VI-й) [2, с. 90]. Четвертая глава раздела второго VI книги «Устава лесного» тоже была целиком посвящена порядку производства дел по нарушению правил «Положения о сбережении лесов». Такое обособление данного положения в структуре «Устава лесного», равно как и обособленность связанных с ним иных норм устава свидетельствуют о неспособности имперского законодателя органично интегрировать нормы «Положения о сбережении лесов» 1888 года в уже сформированные к тому моменту институты лесного права, что вообще составляло заметную проблему юридической техники второй половины XIX века.

По сравнению с ранней редакцией «Устава лесного» 1857 года раздел первый VI книги в редакции 1905 года имел уже совершенно иной вид. Во-первых, этот раздел «Устава лесного», посвященный ответственности за нарушение лесного законодательства, был сокращен: в нем содержалось уже всего 28 статей (против 131 в редакции 1857 года). Это являлось общей тенденцией реформирования лесного законодательства, нацеленной на придание ему предельно возможной лаконичности. В редакции «Устава лесного» 1905 года было всего 815 статей, тогда как в ранней редакции 1857 года их было 1669. Таким образом, мы видим, что весь устав к началу XX века был уменьшен в два раза. Однако раздел с материальными нормами о лесной ответственности сократился еще значительнее – более чем в четыре раза. Конечно, это было связано с объективными историческими предпосылками – из устава исключались многие нормы об охране корабельных рощ, в которой не было уже такой необходимости, как прежде, в виду изменения самой технологии кораблестроения, сокращались нормы, к примеру, об автономной охране лесов в Курляндии по причине постепенной интеграции этих земель в общеимперское правовое пространство. Законодатель неуклонно уменьшал число дублирующих друг друга норм, пытался уйти от их казуального характера, попутно вырабатывая более унифицированные нормы, что также сильно сокращало их количество. Однако в целом принцип позиционирования института юридической ответственности за лесонарушения в «Уставе лесном» не изменился, и многие статьи его соответствующего раздела по-прежнему оставались отсылочными. Правда, в позднейшей редакции 1905 года они ссылались уже в большинстве своем не на нормы «Уложения о наказаниях», как прежде, а на статьи «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (т. XV «Свода законов Российской империи»). Этот устав, появившийся только в 1864 году как прямой результат российских либеральных реформ 60-х гг. XIX столетия, был сформирован путем выделения из «Уложения о наказаниях» целого массива норм о маловажных проступках. Большая часть ранее известных лесонарушений, кроме наиболее тяжких, перешла, таким образом, в новый устав, отсылки к которому и появились в соответствующих статьях «Устава лесного». Его ст. 761 гласила: «За нарушение постановлений о лесах виновные лица подвергаются взысканиям и наказаниям, указанным в Уложении о наказаниях, Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и в нижеследующих статьях» [6, с.93]. Эти статьи раздела первого VI книги «Устава лесного» сохраняли за собой функцию вспомогательного материала, дополняющего, конкретизирующего и уточняющего лесоохранительные статьи «Уложения о наказаниях» [3] и «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [4]. Базовые основы института юридической ответственности за лесонарушения содержались, вне всякого сомнения, в двух последних кодексах, однако и «Устав лесной» вносил в этот институт немало своих норм, имевших самостоятельное значение. По сравнению с ранними редакциями, издание устава 1905 года увеличило в процентном отношении количество ссылок

на акты уголовного законодательства. Только прямых отсылочных статей в «Уставе лесном» в начале XX века стало уже более 32 %.

Рассмотрим, как взаимодействовали между собой в «Своде законов Российской империи» эти три устава, образуя институт ответственности за лесные преступления и проступки. Так, например, ст. 762 «Устава лесного» разграничивала возможные перерубки казенного леса. Эта статья, распространяясь только на случаи дозволенной рубки леса, при обнаружении перерубки, не превышающей 10 % от количества, указанного в лесорубочном билете, предписывала взимать с виновного лица дополнительную плату за перерубленные деревья – причем, если переруб фиксировался только по длине и толщине сверх назначенных, дополнительная плата рассчитывалась по отпускной цене леса, а если перерубка заключалась в превышении количества деревьев, то уже по цене вдвое большей. Однако примечание к этой статье гласило, что данное правило не распространялось на порубку мачтовых и иных запрещенных деревьев, а также на переруб деревьев таких пород, которые не были означены в билете. За такой переруб ответственность наступала по ст. 155 (самовольная порубка и похищение чужого леса) и ст. 156 (те же деяния при отягчающих обстоятельствах) «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Данная норма дублировалась в ст. 158 указанного устава, пункт 3 которой гласил, что к ответственности за самовольную порубку привлекались лица, которые при дозволенной порубке казенного леса делали «перерубку против назначенного количества деревьев или размеров их по длине или толщине, если при том перерубка окажется более десяти на сто по количеству деревьев» [4, с. 227]. Пункт 4 данной статьи предписывал привлекать к ответственности за самовольную порубку и тех, кто имел разрешение на заготовление казенного леса, но при этом вырубал деревья не той породы, какие были ему разрешены, а также мачтовые и иные запрещенные деревья. Таким образом, видно, что ст. 762 «Устава лесного» вводила альтернативную ответственность за перерубку, позволяя виновному лицу избежать уголовного преследования по ст. 155, 156 и 158 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», заменяя его простой или двойной доплатой за перерубленные деревья, но лишь в том случае, когда перерубка составляла не более 10 % и не нарушала отдельных норм лесоохранительного законодательства. Данная норма «Устава лесного» выступала своего рода «буфером», смягчавшим юридическую ответственность за лесонарушения, позволяя в отдельных случаях избежать суровых уголовных приговоров и отвечая общей тенденции к либерализации российского законодательства во второй половине XIX столетия.

По ст. 768 «Устава лесного», если частное лицо вырубало деревьев из казенных лесов, приписанных к промыслам, заводам и фабрикам, в большем количестве, чем ему было позволено заводской конторой, то в зависимости от обстоятельств с ним поступали либо по рассмотренной здесь ст. 762 «Устава лесного», либо по ст. 158 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Как и в предыдущем случае, виновный должен был заплатить заводской конторе за излишне срубленные деревья обычную или двойную доплату в зависимости от характера перерубки, но только в случае, когда она не превышала одной десятой от общего количества разрешенного к порубке леса, когда не рубились деревья иных пород, а также такие, которые были вовсе запрещены к порубке. В последних перечисленных случаях наступала ответственность по ст. 155, 156 и 158 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Кроме того, ст. 768 «Устава лесного» прибавляла, что если лицо допускало порубку в казенных лесах, приписанных к промыслам, заводам и фабрикам, вовсе без разрешения заводского начальства, то за это наступала обычная ответственность как за самовольную порубку. Отдельно здесь же оговаривался случай, когда лицо имело право безвозмездно пользоваться таким казенным лесом для заготовки дров и иных личных нужд, но при этом продавало этот лес тем, кто должен был покупать его у казенного ведомства, без платежа в казну попенных денег. Виновные в этом лица не привлекались к уголовной ответственности за самовольную порубку. С них лишь взималась цена незаконно проданного таким образом леса по таксе, согласно ст. 764 «Устава лесного».

Статья 771 указанного устава распространяла меры ответственности, предусмотренные ст. 161 и 162 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» за порубку казенного леса в местах, вне означенных лесорубочным билетом, на леса удельного ведомства.

По ст. 772 «Устава лесного», выпас скота в запрещенных местах станичных лесов Донского и Астраханского казачьих войск, влек за собой ответственность по ст. 148 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (пастьба скота в чужом лесу). Порубка ста-

ничных лесов указанных войск в нарушение утвержденного плана лесного хозяйства наказывалась по ст. 161 того же устава, в которой специально оговаривалась ответственность на такой случай. Ст. 773 «Устава лесного» предписывала при привлечении к ответственности за правонарушения в лесах Донского и Астраханского казачьих войск по статьям «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», которые предусматривали денежные взыскания, а также изъятие неправомерно срубленного леса, собранных побочных лесных продуктов или компенсацию их стоимости, взыскивать все это в казну соответствующего казачьего войска. Ст. 774 и 775 «Устава лесного» при наказании за всякую самовольную порубку в лесах Кубанского и Терского казачьих войск в соответствии с законодательством предписывала также обращать все положенные денежные взыскания в пользу войсковой казны.

Статья 780 в случае самовольных порубок и похищений в частных лесах, вне зависимости от применения соответствующих норм «Уложения о наказаниях» и «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», обязывала виновное лицо «по требованию лесовладельца доставить отобранные, самовольно вырубленные или похищенные лесные материалы в то имение, из которого они похищены» [6, с. 95]. Таким образом, «Устав лесной» возлагал дополнительные обязанности в порядке усиления мер юридической ответственности, предусмотренных уголовным законодательством.

В ст. 782 «Устава лесного» речь шла об ответственности лесных чинов и лесной стражи. Никаких самостоятельных норм эта статья, однако, не содержала, лишь дублируя и ссылаясь на соответствующие нормы «Уложения о наказаниях». В частности, за повреждение, истребление, присвоение или растрату лесных материалов лесными чинами, заведующими и управляющими частными лесами, а также лесными сторожами из вверенных их хранению лесных дач, а также за иные преступления и проступки эта норма указывала привлекать их к ответственности по ст. 8302 «Уложения о наказаниях». Эта статья, в свою очередь, гласила, что за правонарушения в частных лесах лесные чины и сторожа должны были подвергаться общим взысканиям, определенным за такие провинности «Уложением о наказаниях» (ст. 1681, 1682, 1704, 1709 и 1711), а также «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Уличенные в даче ложных показаний лесные сторожа, как гласила ст. 782 «Устава лесного», должны были подвергнуться ответственности по ст. 9431 «Уложения о наказаниях». Она, в свою очередь, устанавливала, что такие лесные сторожа, помимо санкций, предусмотренных уложением за собственно ложные показания, к тому же удалялись от должности и навсегда лишались права занимать ее в дальнейшем. Все это и без того содержалось в «Уложении о наказаниях», ссылки на которое в данной статье «Устава лесного», возможно, и были избыточными. Однако в этом видится стремление законодателя сделать институт ответственности за лесонарушения более компактным, максимально полно собранным и отраженным в «Уставе лесном», чтобы правоприменитель не терялся в нормах, рассредоточенных по разным уставам «Свода законов».

В этом же ключе следует рассматривать и ст. 787 «Устава лесного», которая регламентировала ответственность за нарушение норм «Положения о сбережении лесов», утвержденного в 1888 году и интегрированного, как уже отмечалось выше, в «Устав лесной» в качестве отдельной V книги. Ст. 787 гласила, что за нарушение правил «Положения о сбережении лесов» взыскания определялись в «Уложении о наказаниях» (ст. 830, 8302) и в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (ст. 572–578). Указанные статьи, судя по их добавочной нумерации, были введены в уголовное уложение и выделенный из него устав для мировых судей позднее первоначального конструирования их системообразующих институтов.

Между тем, нормы «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», которые предусматривали ответственность за нарушение правил «Положения о сбережении лесов», вошли в IV главу «О проступках против общественного благоустройства», а не во 2-е отделение «О похищении и повреждении чужого леса» XIII главы «О проступках против чужой собственности», где нормы о лесной ответственности содержались с момента выхода этого устава в 1864 году. Таким образом, нормы об ответственности за лесонарушения в тексте «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» оказались разрозненными, и здесь законодателю не удалось достичь компактности в закреплении данного института. Однако тот факт, что при позднейшем включении новых норм об ответственности в лесах они оказались не в прежнем месте устава, где обычно группировались проступки против чужой собственности, а в совершенно иной главе, защищающей общественное благоустройство, свидетельствует об эволюции понимания законодателем самого института

ответственности за лесные проступки. Ограждение леса от противоправных посягательств стало рассматриваться уже не просто как защита чьей-то собственности, а как охрана общественного интереса. Это, на наш взгляд, является примечательным индикатором того, что природные ресурсы в Российской империи постепенно переходили из разряда банального имущества в совершенно иную аксиологическую плоскость тех социальных ценностей, которые имели общенациональное значение и начинали охраняться как таковые в интересах настоящего и будущих поколений.

Мы рассмотрели достаточно примеров того, как институт юридической ответственности за лесонарушения был рассредоточен между тремя уставами «Свода законов Российской империи» – «Уставом лесным», «Уложением о наказаниях» и «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Мы увидели, как нормы этих трех кодексов взаимодействовали между собой при наложении взысканий за те или иные преступления или проступки. При том, что ведущая роль в закреплении института этой ответственности отводилась, конечно, уголовному законодательству, то есть «Уставу…» и «Уложению о наказаниях», роль «Устава лесного» тоже была достаточно важна, так как он конкретизировал, дополнял и уточнял уголовные нормы. В отдельных, особо оговоренных случаях, он заметно смягчал их жесткость.

Если мы теперь посмотрим на то, как нормы о юридической ответственности выглядят в нынешнем Лесном кодексе Российской Федерации 2006 года, то заметим, что XIII глава, целиком посвященная данному институту, состоит всего из трех статей, каждая из которых является отсылочной. За правонарушения в лесах, в зависимости от их тяжести, там предписывается привлекать к ответственности по соответствующим нормам уголовного и административного законодательства. Незаконного заготовленную древесину и иные лесные ресурсы там предлагается конфисковывать, учитывать, хранить, реализовывать, утилизировать и уничтожать в соответствии с нормами уголовного и иного законодательства. Наконец, возмещение вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам, указано осуществлять на основании норм Федерального закона от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» по таксам и методикам определения размера такого вреда, утвержденным Правительством РФ. Аналогичная поверхностная и отсылочная фиксация норм о юридической ответственности присуща всем ныне действующим в России природоресурсным кодексам. Учитывая рассмотренный историко-правовой опыт, современному законодателю следовало бы брать пример со своих дореволюционных предшественников, которые уделяли более пристальное внимание разработке института ответственности за нарушение законодательства о лесах непосредственно в нормах «Устава лесного».

Литература

1. Навасардова Э. С. Кодификация лесного законодательства России в XIX в. // Общество и право. 2009. №4. С.13–17.

2. Навасардова Э. С. Ответственность за лесонарушения по законодательству Российской империи начала XX в. // Общество и право. 2009. №4. С. 89–93.

3. Уложение о наказаниях. Издание 1885 года // Свод законов Российской империи. Издание неофициальное в пяти книгах / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. Книга пятая (Т. XIII-XV). СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 1–202.

4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года // Свод законов Российской империи. Издание неофициальное в пяти книгах под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. Книга пятая (Т. XIII–XV). СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 203–234.

5. Устав лесной. Издание 1857 года // Свод законов Российской Империи. Т. VIII. СПб.: Типография II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1857. С.1–420.

6. Устав лесной. Издание 1905 года // Свод законов Российской империи. Издание неофициальное в пяти книгах / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. Книга четвертая (Т. IV–VIII). СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 1–122.

References

1. Navasardova E. S. Kodifikatsiya lesnogo zakonodatel'stva Rossii v XIX v. *(Codification of the forest legislation of Russia in the 19th century)* // Obshchestvo i pravo. 2009. No. 4. P.13 – 17. (In Russian).

2. Navasardova E. S. Otvetstvennost' za lesonarusheniya po zakonodatel'stvu Rossiiskoi imperii nachala XX v. *(Responsibility for forestry violations by the legislation of the Russian Empire in the beginning of the 20th century)* // Obshchestvo i pravo. 2009. No. 4. P.89 – 93. (In Russian).

3. Ulozhenie o nakazaniyakh. Izdanie 1885 goda *(The code on punishments. Edition of 1885)* // Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie neofitsial'noe v pyati knigakh / ed by I. D. Mordukhai-Boltovskii. Part 5. (Vol. XIII–XV). St.Petersburg: Deyatel', 1912. P. 1–202. (In Russian).

4. Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami. Izdanie 1885 goda *(The charter about the punishments imposed by magistrates. Edition of 1885)* // Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie neofitsial'noe v pyati knigakh / ed by I. D. Mordukhai-Boltovskii. Part 5. (Vol. XIII–XV). St. Petersburg: Deyatel', 1912. P. 203–234. (In Russian).

5. Ustav lesnoi. Izdanie 1857 goda (*Forest charter. Edition of 1857)* // Svod zakonov Rossiiskoi Imperii. Vol. VIII. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya S.E.I.V. Kantselyarii, 1857. P. 1–420. (In Russian).

6. Ustav lesnoi. Izdanie 1905 goda *(Forest charter. Edition of 1905)* // Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie neofitsial'noe v pyati knigakh / ed by I.D. Mordukhai-Boltovskii. Part 4. (Vol. XIII–XV). St. Petersburg: Deyatel', 1912. P. 1–122. (In Russian).

УДК 81-11

А. А. Борисов

ДОМИНАНТНЫЕ ТИПЫ ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЙ В ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ТЕКСТОВОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ

В данной статье рассмотрены основные возможности различных типов пейзажного описания в рамках обеспечения когерентности и когезии художественного произведения. Анализируется сущность данных лингвистических феноменов. В неразрывной взаимосвязи с данными явлениями обсуждаются когезия и цельность текстового пространства. Основные характеристики интертекстуальности приводятся в рамках когнитивных стратегий и явления интертекстуальной компетенции. Анализ проводится в русле методов прагмалингвистики, описания соответствия перлокутивного эффекта пейзажных описаний в рамках речевого воздействия цельного текстового пространства литературного произведения и иллокутивной цели. На основе анализа рассматриваемого феномена в различных лингвокультурах делается вывод о существенном вкладе прагматических параметров текстового типа «Описание природы» в формирование когерентности художественного произведения. Выявляются типологические критерии дифференциации пейзажных описаний, образующих текстовую когерентность. Когерентность в настоящем исследовании понимается в качестве когнитивно-прагматического механизма глобальной связности структуры и семантики текста как целого. Социопрагматические характеристики пейзажных описаний потенциально способны обеспечить повышение степени когерентности художественного текста, коммуникативно-прагматические параметры элементов пейзажа, которые призваны обеспечивать общую когерентность текстового пространства в его единстве, вступают в прямое конвергентное взаимодействие с другими средствами формирования когезии художественных текстов.

Ключевые слова: пейзажное описание, когерентность, социопрагматика, художественный текст, ситуативно-аксиологический контекст.

A. A. Borisov

DOMINANT TYPES OF LANDSCAPE DESCRIPTIONS IN VERBALIZING THE TEXT CATEGORY OF COHERENCE

The article studies the main features of types of landscape descriptions in providing the coherence and cohesion of a literary text. The essence of these linguistic phenomena is analyzed. Cohesion and the integrity of text space are considered in immediate connection with the phenomena in question. Basic intertextuality characteristics are studied as regards cognitive strategies and the phenomenon of intertextual competence. The analysis is made within the frameworks of pragmalinguistic methods; the description of correspondence of landscape descriptions perlocutionary effect as a part of integral textual space persuasion and illocutionary goal. With the reference to the analysis of the phenomenon in different linguocultures it is claimed that the pragmatic factors of the “Description of nature” type enhance coherence in a literary text. Typological criteria for differentiation of landscape descriptions fostering the coherence are specified. Coherence is viewed as a cognitive-pragmatic mechanism of global structure and text semantics interconnection. Social and pragmatic features of landscape descriptions can represent the potential of increasing the literary text coherence degree; communicative and pragmatic parameters of the landscape description elements intended to provide the general coherence of the textual space in its unities works in the direct convergent cross-functionally with other means of text cohesion development.

Key words: landscape description, coherence, sociopragmatics, literary text, situation-axiological context.

Современная когнитивно-прагматическая парадигма текстологических исследований во главу угла ставит вопросы, связанные с непосредственным взаимодействием языковых явлений и социума. Именно такое толкование сути и специфики современной лингвистики дает возможность определить основной круг вопросов, релевантных для избранной проблемной области. Первое, это анализ перлокутивного эффекта пейзажных описаний в рамках речевого воздействия цельного текстового пространства литературного произведения, что находит свое отражение в прагмалингвистических исследованиях, в данном случае мы можем утверждать, что целью анализа перлокуции в рамках когнитивного подхода является специфика реляций различных когнитивных (концептуальных) систем в их связи с «условиями успешности речевых актов в конкретных ситуациях» [3, с. 12]. Второе, это изучение характеристик социального статуса продуцента в неразрывном единстве с их репрезентацией в речевой деятельности и в тексте, представляющим ее результат в письменной форме.

Избранный нами когнитивно-прагматический подход к описанию текстовых категорий позволяет выявить некоторые типы текста, обладающие специфическими прагматическими и социокультурными характеристиками. При этом каждый текстовый тип может быть представлен в качестве некоей модели уровней взаимодействия:

а) социокультурная речеповеденческая модель, которая реализуется в текстовом пространстве в виде формальных структур и тематической структуры;

б) концептуально-валерная система продуцента речевого сообщения и её вербализация в структуре и ткани текста, что «является индивидуальным актом интендирования, преодолевающим границы языка, деструктурирующим и порождающим новую картину мира, представляет новый взгляд на объективную реальность через призму собственной концептуально-валерной системы продуцента» [2, с. 642].

Пейзажное описание представляет собой специфический социопрагматический тип текста, включающий в себя несколько основных параметров: 1) аксиологические установки субъекта-повествователя в рамках развертывания концептуально-валерной системы, 2) фреймовое моделирование развёртывания композиции (семантика репрезентируемой в тексте денотативной ситуации в композиционно-речевых формах статического или динамического описания в качестве элементарной когнитивно-языковой модели вербальной материализации), «различные структуры (фреймы, сценарии, стратегии, планы, кластеры и пр.) представляют собой пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере необходимости из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную отработку стандартных ситуаций» [1, с. 123], а также 3) социокультурную дистрибуцию как специфический аспект экспликации конкретного литературного направления.

Данные характерологические признаки дают возможность, с одной стороны, отделить пейзажные описания от других компонентов в пространстве художественного текста (сюжетной наррации, описаний характеров и внешней презентации героев и т. п.), что детерминирует его как особый феномен, который требует детального изучения. Однако, кроме того, они детерминируют потенции данного социопрагмалингвистического типа текста служить одним из наиболее важных маркеров когерентности литературного произведения. Ведь вряд ли вызовет споры тот факт, что описания природы в литературных произведениях являются не только фоновой реалией, но и емким стержнем, рождающим «удивительное богатство смыслов и, что особенно важно, их объемную многоплановость, почти адекватную многоплановости самой жизни» [4, с. 234]. Мы в данном случае рассматриваем исключительно когнитивно-прагматический аспект толкования отношений когерентности, который органично взаимосвязан с сигнификативной сочетаемостью фраз и ассоциатов в пределах одного макроречевого акта, с возможностью имманентного переключения кодов описания природы как уже знакомых стереотипных ситуаций, когда можно действовать по уже сформированной модели, не теряя при этом её гибкости и возможности к трансформации. «При столкновении с новой ситуацией человек подбирает в сознании наиболее подходящий фрейм для ее структурирования и осмысления, что оказывается возможным благодаря гибкой структуре фрейма» [1, с. 125].

Главной целью нашего исследования является комплексный анализ когерентообразующих механизмов социопрагматического текстового типа пейзажного описания. Выбор именно художественных произведений как иллюстративного материала объясняется следующими причинами: насыщенностью образными, часто символическими, яркими описаниями природы; социально-актуальной направленностью избранных для анализа произведений, что

дает возможность адекватной интерпретации прагматического аспекта в его связности.

Проанализируем основные элементы социопрагматической модели пейзажных описаний и их роль в аспекте реализации когерентности литературного текста.

Аксиологические установки субъекта-повествователя в рамках развертывания концептуально-валерной системы. В художественном тексте как субъект-повествователь могут выступать как автор-продуцент самого текста, так и персонаж как продуцент конкретного речевого акта. В процессе интерпретации аксиологических установок героя необходимо учитывать факт детерминирования мировоззренческих и жизненных ориентиров персонажа интенцией автора, которая представляется доминирующей в рамках всего текста художественного произведения.

Так в русскоязычных произведениях достаточно употребительны сравнительные конструкции с базой релевантных для автора ассоциаций, репрезентирующих концептуально-валерную систему как автора, так и персонажа, например, в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»:

Здесь была сырая тьма, бурелом и падаль, было мало цветов и членистые стебли хвоща были похожи на жезлы и посохи с египетским орнаментом, ***как в его иллюстрированном священном писании*** [5, с. 21].

Один из героев романа, от лица которого ведется повествование в данном фрагменте, личность весьма религиозная, что и объясняет ассоциативное сравнение с библейскими описаниями, в рамках экспликации концептуального поля «Религия» и ноэм «набожность», «интеллигентность» в портретировании персонажа. В каждом подобном авторском переосмыслении единства ассоциативного ряда существует целый «комплекс приемов речемыслительной деятельности по переосмыслению исходной ноэматической структуры, которые базируются на окказиональном (интенциально-авторском) переносе различного вида ноэм разного объема семантических единиц репрезентирующийся на уровне текстовой реальности посредством троп: метафоры, метонимии, оксюморона, иронии, аллегории, риторического вопроса, умолчания, определенных форм интертекстуальных вкраплений и др.» [2, с. 642].

В другом репрезентативном примере мы видим пейзажное описание с применением множества колористических единиц, выстраивающих ряд с ноэмами «кровь», «жестокость», в концептуально-валерной системе продуцента высказывания, ассоциирующиеся с днем кровавого воскресенья в период первой февральской революции 1905 года. Герой-продуцент был настолько потрясен этими кровавыми событиями, что его психо-эмоциональное состояние теперь прочно связывает данное метафорическое описание с пейзажами февральской природы, колористическая символика данного пассажа соединяет когерентными связями пейзажный и сюжетный нарратив:

Снег шел реже. Вечер был сух, как рисунок углем. Вдруг садящееся где-то за домами ***солнце стало из-за угла словно пальцем тыкать во все красное на улице: в красноверхие шапки драгун, в полотнище упавшего красного флага, в следы крови, протянувшиеся по снегу красненькими ниточками и точками*** [5, с. 39].

Именно в подобных ассоциативно обоснованных пейзажных описаниях можно выявит концептосферу индивидуально-авторского речепроизводства и четко детерминировать эмотивно-аксиологические предпочтения субъекта речи.

Фреймовое моделирование развёртывания композиции. Описание природы в художественных текстах всегда осуществляется либо в форме динамического, либо статического описания, при этом специфика отбора явлений и феноменов, которые подкрепляют общую когерентность текстовой реальности, определяется хронотопом наррации, в которой само описание природы интенциально интегрируется автором в качестве специфического субфрейма. Именно таким способом автор эксплицирует особую тональность восприятия художественного текста, но он либо осознанно, либо интуитивно всегда учитывает фокус гипотетического реципиента, «возможные схемы действия задаются безусловно автором, но рождаются в результате восприятия и осознания иномирного восприятия чуждым сознанием читателя, текст в данном случае служит когнитивным инструментом восприятия затекстовой рефлективной реальности автора, отражающей объективную реальность, обусловливающую ситуацию семиозиса» [2, с. 642]. В данном случае статическое описание неизменно вербализует ноэмы «спокойствие», «идиллия», реализуя перлокутивный эффект порождения умиротворенности в восприятии текстового отрывка, трансформации душевного настроя реципиента на положительную тональность, например:

Здесь была удивительная прелесть! Каждую минуту слышался трехтонный высвист иволг, с промежутками выжидания, чтобы влажный, как из дудки извлеченный звук до конца пропитал окрестность. Стоячий, заблудившийся в воздухе запах цветов пригвожден был зноем непосредственно к клумбам … Над лужайками слуховой галлюцинацией висел призрак маминого голоса, он звучал Юре в мелодических оборотах птиц и жужжании пчел [5, с. 21].

Данный фрагмент пейзажного описания навевает спокойствие и безмятежность, ассоциируясь в сознании героя со временами счастливого детства, в то время ему чужды были великие глобальные потрясения, что актуализируется в тексте с помощью номинативных существительных опредмечивающих природные явления с препозицией конкретизирующих эпитетов *(заблудившийся в воздухе запах цветов, трехтонный высвист иволг)*, наряду с сочинительной связью отдельных частей сложного предложения, которая призвана эксплицировать хронотопическое соположение описываемых явлений. Первичная семантика глаголов ослабляется и нередко абсолютно нивелируется, превращая их в формализованные связки *(был)*, которыми, однако, реализуется и когезионная функция обеспечения формальной связи текстовых компонентов.

В процессе экспликации релевантных для героев переломных моментов автор избирает обычно другую тактику, динамического описания, этот прием вербализует в частой смене картин и глагольном динамизме ноэмы «смятения», «беспокойства»:

Из-под сдвинувшейся снеговой пелены выбежала вода и заголосила. Непроходимые лесные трущобы встрепенулись. Все в них пробудилось. Воде было где разгуляться. Она летела вниз с отвесов, прудила пруды, разливалась вширь. По лесу змеями разливались потоки, увязали и грузли в снегу, теснившем их движение, с шипением текли по ровным местам и, обрываясь вниз, рассыпались водяной пылью [5, с. 181].

Изображение героя в рамках данного пейзажного описания выполнено в ситуации динамической смены локализации, в тот период, когда Юрий Живаго оказывается на перепутье, с беспокойством, страхом, но в то же время надеждой смотрит он на начало новой жизни. Ноэмы «нестабильность», «скоротечность» актуализируются в сопровождении экспрессивных языковых средств соответствующего эпизода произведения, обеспечивается это и с помощью эллипсиса, кратких предложений, бессоюзных однородных членов, синтаксическом параллелизме, динамических экспрессивных глаголов *(пробудиться, выбежать, разливаться, заголосить, грузить, течь)*, так и многократных тавтологических повторах, при этом основной акцент сделан на развивающемся действии, экспликации его пошагового характера. Таким образом, пейзажное описание обеспечивает когерентность авторских трактовок образов и внешней социокультурной среды.

Социокультурная дистрибуцию как специфический аспект экспликации конкретного литературного направления. Когерентность в данном случае достигается в рамках создания пейзажного описания, которое определяется как вариативное, зависящее от принадлежности конкретного произведения к тому или иному литературному течению. Данная привязка и расставляет акценты, которые связывают сюжетное действие с экстралингвистической реальностью и общей тональностью текста. При реализации основных позиций реализма в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» достаточно четко определяется выбор конкретных природных феноменов и явлений, которые попадают в фокус восприятия автора и получают актуализацию в соответствующей данному литературному направлению форме. Это компоненты пейзажного описания, сопровождающие реальный, повседневный быт в романном художественном пространстве: *кусты желтой акации, невзрачный огород, мерзлые лужи, малорослые яблони, бисерный дождь, зимние пичужки, рыжелистая рябина* и т.п. Следует отметить, что явления, описываемые в рамках цельнооформленного высказывания, объединяются с реалиями быта с помощью согласования с неким единым определяющим словом, что реализует ноэмы «приземленность», «обыденность», способствуя сближению изображаемого с метаморфозами простой жизни:

Пахло началом городской зимы, топтаным листом клена, талым снегом, паровозной гарью и теплым ржаным хлебом, который выпекали в подвале вокзального буфета и только что вынули из печи [5, с. 32].

Вышесказанное позволяет заключить, что именно социопрагматические характеристики пейзажных описаний потенциально способны обеспечить повышение степени когерентности художественного текста, которая понимается как особый коммуникативно-прагматический механизм связности целостной структуры и семантико-ноэматического пространства текста,

с таких позиций «текст будет представляться как некое органическое единое функционально-смысловое пространство – текстовая реальность или ткань, а значит, представляет возможность создания совместных суждений об онтологическом» [2, с. 640].

Непосредственные наблюдения над реализацией когерентности в текстах прозы доказывают, что коммуникативно-прагматические параметры элементов пейзажа, которые призваны обеспечивать общую когерентность текстового пространства в его единстве, вступают в прямое конвергентное взаимодействие с другими средствами формирования когезии художественных текстов. В процессе данного взаимодействия образуется глобальная генерализованная связность как поверхностной, так и глубинной структуры рассматриваемых феноменов. При этом средствами когезии необходимо признать, прежде всего, коннексию (Junktion) и повторы-подхваты (Wiederaufnahme).

Анализ реализации текстокогерентной функции пейзажных мотивов в художественных произведениях показывает, что возможно общую систему образов пейзажного описания разделить на три эстетико-коммуникативных типа: идеальный пейзаж, преобладающий в реализме, но присутствующий и в литературе романтизма и сентиментализма; бурный пейзаж, который более свойственен романтической литературе, но может получать экспликацию и в романтизме и сентиментализме; унылый пейзаж, который является доминантным типом описания в сентиментализме, но иногда представлен и в реализме. Таковы доминантные характерологические типы пейзажных описаний в различных литературных направлениях, которые и обусловливают примат того или иного способа экспликации категории когерентности в художественных произведениях в зависимости от их жанровой принадлежности и литературного направления.

Литература

1. Бредихин С. Н. Иерархическая ноэматическая суперструктура vs. фрейм в смыслопорождении концептуальных понятий // Гуманитарные и социальные науки. 2013. №2. С. 117–129.

2. Бредихин С. Н., Вартанова Л. Р. Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте // Фундаментальные исследования. 2015. №2–3. С. 639–643.

3. Дейк Т. А., ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 12–40.

4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.

5. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: Книжная Палата, 1989. 431 с.

References

1. Bredikhin S. N. Ierarkhicheskaya noematicheskaya superstruktura vs. freym v smysloporozhdenii kontseptual'nykh ponyatiy *(Hierarchic noematic strycture vs. frame within conceptual notion sense derivation)* // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2013. No. 2. P. 117–129. (In Russian).

2.Bredikhin S. N., Vartanova L. R. Tekstologicheskie funktsii inoskazatel'nykh pereosmyslennykh konstruktsiy v smysloobrazovatel'nom aspekte *(Textual functions of allusive contemplative phrases in sense-making)* // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. No. 2–3. P. 639–643. (In Russian).

3. Dijk T. A., van. Kontekst i poznanie. Freymy znaniy i ponimanie rechevykh aktov *(Context and cognition. Knowledge frames and speech act comprehension)* // Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. Moscow: Progress, 1989. P. 12–40. (In Russian).

4.Lotman Yu. M. Semiosfera *(Semiosphere).* St.Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2001. 704 p. (In Russian).

5.Pasternak B. L. Doktor Zhivago *(Doctor Zhivago)*. Moscow: Knizhnaya Palata, 1989. 431 p. (In Russian).

УДК 81’33

Н. В. Головко

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВНИКА АССОЦИАТИВНО-МЕТАФОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НУЖД АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ (АМС-АСОТ)

В статье представлен анализ параметров, которыми должны обладать заголовочные слова специального ассоциативно-метафорического словаря, создаваемого для удовлетворения актуальных потребностей аналитических алгоритмов автоматизированных систем обработки текстов, и на основе этого анализа сформулированы критерии отбора лексических единиц в словник. Предложен формальный критерий, отражающий специфические особенности метафорического переноса посредством внешних параметров лексический единицы и в то же время принимающий во внимание проблематичность установления строгих требований к отбираемым словам, обусловленную сущностью метафоры как переноса значения по сходству или подобию. Также предложен содержательный критерий, опирающийся на отбор лексических единиц по признаку их способности служить основой для метафорического переноса, а также на принцип семантической базовости, понимаемой как возможность использования слова для описания семантики сколь возможно большего количества других лексических единиц. С учетом обоих критериев выведено заключение о целесообразности использования существующего опыта составления активных лексикографических баз данных и, в частности, «Проспекта активного словаря русского языка» (М., 2010) в качестве основы для словника, а также определен порядок, в соответствии с которым должен строиться этот словник.

Ключевые слова: ассоциативная лексикография, метафора, автоматизированные системы обработки текстов, русский язык, словник.

N. V. Golovko

PECULIARITIES OF VOCABULARY CONSTRUCTION IN THE ASSOCIATIVE-METAPHORIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE DESIGNED FOR THE NEEDS OF AUTOMATED TEXT PROCESSING SYSTEMS (AMD-ATPS)

The article presents an analysis of the head words parameters of a special associative-metaphoric dictionary designed to meet the actual needs of analytical algorithms of automated text processing systems, and on the basis of this analysis criteria for selecting lexical units into its vocabulary are formulated. A formal criterion is proposed, that reflects the specific features of metaphorical transition by means of external parameters of lexical units while taking into account the problematic nature of establishment of strict requirements for the selected words, conditioned by the essence of metaphor as the transfer of meaning by similarity. Also, a content criterion relying on selection of lexical units through their ability to constitute a basis for metaphorical transition, as well as through the principle of semantic basicity, understood as possibility of using a word to describe the semantics of as many other lexical units as possible, is proposed. Taking into account both criteria, a conclusion on advisability of using the existing experience in compiling active lexicographic databases and, in particular, the Prospectus for the Active Dictionary of the Russian Language (Moscow, 2010) as the basis for the vocabulary, is drawn, and also a construction procedure for this vocabulary is described.

Key words: associative lexicography, metaphor, automated word processing systems, Russian language, vocabulary.

В наших предыдущих работах, посвященных вопросам разработки и построения специального ассоциативного словаря русского языка на основе метафорического переосмысления языковых единиц и с учетом потребностей программного обеспечения для автоматической обработки текстов на естественных языках, мы

– характеризовали целесообразность машинной интерпретации метафоры через посредство возникающих в сознании носителя языка ассоциаций с теми или иными понятиями,

– осуществляли обозрение существующих лексикографических баз данных подобного рода с целью установить, имеет ли смысл их применение в аналитических алгоритмах автоматизированных систем обработки текстов (АСОТ),

– вводили дополнительные теоретические разъяснения относительно причин, требующих создания особого ассоциативно-метафорического словаря русского языка для нужд автоматизированных систем обработки текстов (АМС-АСОТ), а также относительно специфики такого словаря в его отличии от существующих ассоциативных словарей русского языка.

Следующим этапом построения теоретического обеспечения АМС-АСОТ, который представлен в настоящей статье, должно явиться рассуждение о том, на основании каких принципов отбора лексики должен быть образован словник этого словаря, а также о том, целесообразно ли применение условного «языка семантических примитивов» в ходе такого отбора и следует ли формировать заблаговременно готовый набор возможных ассоциаций, из которых следовало бы выбирать респондентам в ходе их анкетирования (широкомасштабный опрос испытуемых представляется единственно верным способом составить репрезентативную базу ассоциативного словаря).

Мы предпримем попытку решить эти вопросы одновременно, выбирая и анализируя критерии, которым должны соответствовать включаемые в АМС-АСОТ лексические единицы (прибегая к традиционной лексикографической терминологии ради ясности, мы можем с некоторой долей условности назвать их заголовочными словами).

Формальный критерий

В других элементах теоретического обеспечения АМС-АСОТ – в частности, в статьях «Ассоциативный аспект интерпретации метафоры в процессе автоматизированного анализа русскоязычных текстов» и «Обзор современного состояния русскоязычной ассоциативной лексикографии» – мы упоминали о результатах проводившихся под нашим руководством исследований, которые показали, что основным источником формирования новых значений лексических и синтаксических единиц является метафорическое переосмысление. Поскольку об этом уже говорилось неоднократно, мы не станем повторять подробные разъяснения и ограничимся кратким упоминанием о данном факте, от которого будем отталкиваться в дальнейшем.

В силу того, что, вероятно, именно метафору следует считать основной движущей силой развития переносных значений и смыслов (в данном конкретном случае – в ее отличии от метонимии, синекдохи и других форм переноса), кажется вполне очевидным, что в словник АМС-АСОТ необходимо будет отбирать заголовочные слова, соответствующие сущности и специфике метафорического переноса. Кроме того, при отборе по формальному критерию следует учитывать также и принципиальную ориентацию словаря на перспективу его использования в системах автоматизированного анализа текстов (заголовочные слова должны быть как можно более удобны и универсальны для обработки в аналитических алгоритмах). Сюда же можно отнести и рассмотрение вопроса об использовании заранее сформированного списка ассоциаций при опросе респондентов.

Словари литературоведческих и лингвистических терминов (см., напр.: [3], [7]) ожидаемым образом сходятся в том, что метафора представляет собой соотнесение предметов или явлений на основании общего признака. К этой интерпретации весьма затруднительно добавлять что-либо, поскольку понимание данного термина является устоявшимся и традиционным вплоть до малых подробностей. Позволим себе, впрочем, дать краткую цитату из «Словаря литературных терминов» 1925 г., которая интересна по двум причинам: с одной стороны, она лишний раз показывает, что восприятие метафоры остается стабильным на протяжении значительных временных периодов, а с другой стороны – позволяет логично перейти к следующей части наших рассуждений. В соответствующей словарной статье сказано, что метафора – «...вид тропа, в основе которого лежит ассоциация по сходству или по аналогии. Так, старость можно назвать вечером или осенью жизни, так как все эти три понятия ассоциируются по общему их признаку приближения к концу: жизни, суток, года» [5].

Заключительная фраза в приведенной цитате обращает внимание на то, что сущность

признака, по которому сопоставляются понятия в метафоре, может варьироваться в весьма широких пределах. Эта вполне очевидная мысль имеет для нас значение потому, что данный фактор не позволяет нам задать строгий формальный критерий для отбора лексики: если признак может быть любым, то, вероятно, и в ассоциативно-метафорическом словаре должны быть представлены все доступные лексические единицы, чтобы охватить потенциально любой вариант переноса. Мы не можем, например, опереться на понятие «признак» само по себе и ограничить словник теми лексемами, которые по своей сущности призваны выражать признак предмета (допустим, отобрать только имена прилагательные) или признак действия (скажем, свести словник к наречиям): тот же самый пример из словарной статьи, который процитирован выше, ясно показывает, что под понятие «признак» с тем же успехом может подпадать имя существительное («приближение» [к концу]).

Однако нам представляется, что создание АМС-АСОТ на основе полной базы данных толкового словаря (т.е. всего объема доступной лексики) нецелесообразно. Это может быть перспективным заделом на будущее, однако ни наши ресурсы, ни здравый смысл не согласуются с задачей получения и обработки ассоциаций для десятков тысяч лексических единиц.

Заметим к слову, что именно в силу последнего соображения мы, в частности, намереваемся рассматривать вопрос о возможном использовании чего-либо наподобие «языка семантических примитивов»: на наш взгляд, с учетом ресурсов и возможностей того метода извлечения ассоциаций, который мы считаем основным (т.е. анкетирования респондентов), необходимо сформировать относительно небольшой словник наиболее универсальных лексем, которые либо могли бы служить основой для построения всех остальных, более сложных смыслов (подобно тому, как комплексные процедуры и функции в программировании состоят из последовательностей простых операций), либо по крайней мере становились бы источниками метафорического переноса чаще всего. Впрочем, этот вопрос в большей степени относится к содержательному критерию, а не к формальному – поэтому сейчас говорить о нем преждевременно, и мы вернемся к нему позже.

Соответственно, при конфигурировании формального критерия нам затруднительно будет пользоваться сущностью метафорического переноса и теми логическими выводами, которые могут быть получены в результате размышления над этой сущностью. Попытаемся подойти к этому вопросу более отвлеченно.

Так, к примеру, кажется возможным воспользоваться характеристиками национальной языковой картины мира и оттолкнуться от мысли о том, что русское языковое сознание обычно усматривает в каждой ситуации два ключевых компонента: субъект и предикат. Несомненно, что предикат в целом более значим (это утверждение, насколько нам известно, уже является довольно хорошо проработанным в науке о языке и не требует дополнительного обоснования), однако субъект также является ключевым компонентом большинства ситуаций – в то время как прочие сопутствующие элементы (объект, атрибут субъекта или объекта, атрибут предиката) могут отсутствовать: говоря упрощенно, для участника ситуации важно знать, что происходит и кто действует / существует. Отсюда представляется вполне вероятным, что в основу метафоры чаще всего будет заложено сходство образов предметов или образов действий: либо субъекты чем-то напоминают друг друга сами по себе, либо им сопоставлены схожие предикаты. Разумеется, это не исключает возможности того, что предмет может быть переосмыслен, скажем, на основании атрибута; однако мы считаем уместным допустить, что основополагающие элементы коммуникативной ситуации будут в целом более активно употребляться для формирования новых значений.

Рассуждая об АМС-АСОТ, мы регулярно упоминаем идею Ю. Д. Апресяна о создании коннотативной зоны толкового словаря, содержащей ассоциации, посредством которых то или иное слово могло бы быть переосмыслено; заметим по этому поводу, что автор данной идеи изначально предлагал использовать в качестве ассоциаций именно самостоятельные понятия, а не их атрибуты (т.е., к примеру, не «блестящий», а «блеск») [1]. Также представляется вполне вероятным, что слова, предназначенные для обозначения субъектов и предикатов, будут в целом более продуктивны при поиске респондентами возможных ассоциаций: например, понятие цвета, выраженное именем существительным, в силу своего собирательного характера более универсально, чем совокупность конкретных цветовых атрибутов, выраженных именами прилагательными.

Кроме того, нам кажется уместным оставить за пределами словника производные слова (т.е. полученные в результате того или иного

способа словообразования): на наш взгляд, вполне логично будет ожидать, что семантика корня будет более влиятельна и значима при метафорическом переосмыслении, чем семантика аффиксов, и что именно эти семы будут в первую очередь взаимодействовать в процессе образования новых значений. В сопряжении с предыдущей частью критерия это может, в частности, выражаться в отказе от отглагольных существительных в пользу тех глаголов, на которых они основаны. Специфические глагольные формы – причастия или деепричастия – также представляются малоэффективными в контексте АМС-АСОТ и могут аналогичным образом быть исключены по второй части формального критерия.

Заметим кратко, что здесь и далее мы будем иметь в виду словообразовательную непроизводность, однако сюда же можно относить и словоизменительную непроизводность (т.е. использование основной, или исходной, формы слова), которая является стандартом для любой лексикографической базы данных и от которой мы, естественно, не имеем намерений отступать.

Исходя из этих теоретических построений, для целей нашей работы над АМС-АСОТ и с учетом возможного последующего сужения спектра отбираемой лексики за счет содержательного критерия кажется достаточным установить следующие формальные ограничения для отбора лексических единиц в словник:

1) заголовочные слова должны принадлежать к тем частям речи, которые принципиально предназначены для выражения субъектов и предикатов: имя существительное и глагол,

2) заголовочные слова должны являться непроизводными.

Содержательный критерий

Как уже было отмечено, к содержательному критерию можно, в частности, отнести два варианта отбора: поиск семантически базовых слов (своеобразных «семантических примитивов») и выявление тех лексических единиц, которые могут служить наиболее частотной основой для метафорического переосмысления.

Традиционные семантические примитивы в том их виде и понимании, которое восходит к работам А. Вежбицкой (см., напр.: [4]), для решаемых нами задач не подходят, поскольку, строго говоря, являются не столько именно семантическими примитивами, сколько логическими универсалиями. Их набор весьма мал, и они выражены в основном служебными, а не знаменательными словами; это вполне корректно само по себе, поскольку логические связи выражаются именно посредством служебных слов, однако не имеет ценности для АМС-АСОТ, так как метафорическое переосмысление слов, не имеющих собственной семантики, в принципе невозможно или, во всяком случае, крайне сомнительно (трудно вообразить поиск ассоциаций к словам «из-за» или «потому что»).

Вероятный поиск семантически базовых слов за счет наших собственных ресурсов (вариант 1) и отбор лексических единиц по принципу частотности метафорического переосмысления (вариант 2) сводятся к одному наиболее очевидному способу реализации, который состоял бы в предварительном сборе некоторой базы данных уже существующих метафор и последующем ее анализе того или иного рода – например, направленном на то, чтобы выделить источники и основания метафорического переноса в каждом конкретном случае, систематизировать эти сведения и обнаружить в них какие-либо тенденции или закономерности. Однако этот способ кажется труднореализуемым: готовых баз данных метафор нам обнаружить не удается, за исключением нескольких узкотематических словарей (таких, например, как лексикографические описания метафорического языка определенного писателя или «Словарь русских политических метафор» А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [2]), автоматизация сбора метафор представляется нам обособленной задачей, которая требует отдельной чрезвычайно объемной работы, а формирование подобной базы вручную, очевидно, окажется еще более масштабным проектом, чем автоматизированный вариант. Возможности существующих корпусов русскоязычных текстов, насколько нам удалось определить в ходе предварительных изысканий, также не позволяют выбирать метафоры: наиболее близким к этому процессу способом поиска оказывается выборка возможных физических контекстов того или иного слова (т.е. его непосредственного окружения), и, как мы уже отмечали в других элементах теоретического обоснования АМС-АСОТ, подобный дистрибутивный анализ уже реализован во многих системах автоматизированной обработки текстов – так что такая методика не даст нам ничего принципиально нового.

Таким образом, учитывая приоритеты и возможности нашей работы над АМС-АСОТ, которые в совокупности приводят к мысли о малой степени целесообразности анализа существующих метафор, мы считаем уместным ограничиться теоретическим рассуждением о том, лексические единицы какого типа могли бы наиболее часто становиться основанием для

метафорического переноса. Говоря упрощенно, все остальные способы формирования содержательного критерия, которые названы в предыдущем абзаце, потребуют непропорционально большого объема ресурсов для их реализации и в силу этого представляются чрезмерными на данном конкретном этапе разработки теоретического обеспечения АМС-АСОТ.

Итак, возвратимся к мысли о том, что метафорический перенос осуществляется на основании некоторого широко понимаемого признака. Вполне ясно, что признак может характеризовать либо предмет или явление, либо действие или процесс; об этом упоминалось выше, и такое утверждение представляется очевидным. Предположим также, что метафорический перенос с большей вероятностью будет основан не на любых признаках, а на тех, которые имеют эмпирическое подкрепление, т.е. являются в каком-либо смысле наблюдаемыми, доступными для восприятия через органы чувств. Как нам представляется, вполне уместно будет ожидать, что преобладающее количество таких переносов будет иметь визуальный характер: общеизвестно, что человек получает информацию об обстановке и мире в целом преимущественно посредством зрения, а следовательно, предметы, явления, действия или процессы будут вероятнее всего сопоставляться по их визуальному облику. Такое предположение, на наш взгляд, не будет чрезмерным допущением, поскольку для сопоставления чего-либо требуется эталон, объективный критерий, одинаковый для всех участников коммуникации; если метафорический перенос будет основан на сугубо индивидуальном продукте деятельности мозга конкретного человека, который невозможно согласовать с опытом других людей, то такая метафора, вероятнее всего, будет понятна исключительно ее создателю – т.е. окажется коммуникативно неэффективной.

Попытка приблизиться к семантически базовым понятиям и событиям может быть, в свою очередь, осуществлена за счет использования опыта составления т.н. активных словарей русского языка, которые представляют собой совокупность лексических единиц, посредством которых могут быть определены все остальные слова языка. Активные словари являются значимой частью исследовательской работы по формированию семантического метаязыка, который позволял бы давать строгие, точные и выверенные определения взамен интуитивных, которые довольно распространены в популярных авторских толковых словарях. Этот опыт не нов, и известно весьма значительное количество попыток составления активных словарей различных языков мира; к примеру, подобная лексикографическая база под названием «The Oxford 3000» традиционно находится в основе Оксфордского словаря английского языка, любая дефиниция которого состоит исключительно из слов, входящих в предварительно сформированный список из 3000 семантически базовых лексем (см., напр.: [8]). Наиболее актуальным исследованием этого рода для русского языка, известным нам, является «Проспект активного словаря русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна, опубликованный в 2010 году [6].

Таким образом, мы можем сформировать содержательный критерий в следующем виде:

1) заголовочные слова должны принадлежать ко множеству конкретной лексики (в ее противопоставлении абстрактной) либо обобщать конкретные непосредственно наблюдаемые атрибуты;

2) заголовочные слова должны быть достаточно семантически универсальными для включения в лексикон семантического метаязыка.

Можно предположить, что совокупность критериев сведет объем словника примерно к 1000 – 1500 заголовочным словам, что в целом соответствует размерам уже существующих активных словарей и позволит вполне эффективно организовать работу по анкетированию респондентов и обработке полученных данных при сохранении универсальности АМС-АСОТ.

При таком прогнозируемом объеме словника отбор заранее определенного списка ассоциаций, о котором мы говорили ранее, представляется излишним. На наш взгляд, объем собранных данных позволит нам в ходе их обработки при необходимости выделить определенные тенденции или ключевые понятия, вокруг которых можно было бы группировать ассоциативные поля и которые могли бы становиться опорными точками для аналитического алгоритма. Кроме того, с учетом довольно значительных ограничений, налагаемых на словник, и планируемой методологической ориентации на интроспекцию кажется уместным сохранить полную свободу ассоциаций и сформировать тем самым как можно более полную картину возможных источников метафорического переосмысления в языковом сознании носителя языка.

Суммируя приведенные выше рассуждения и сформулированные элементы формального и содержательного критерия, мы предварительно определяем порядок построения словника АМС-АСОТ:

1. В качестве фундамента используется лексикон «Проспекта активного словаря русского языка», упомянутого выше.

2. К лексикону «Проспекта» применяются дополнительные ограничения в соответствии с формальным и содержательным критериями: отбираются имена существительные и глаголы, удостоверяется их непроизводность, производится проверка конкретности лексики, исключаются возможные дубли (например, одновременное наличие существительного и глагола с одинаковым ключевым элементом семантики: ложь – лгать).

3. В том случае, если применение ограничений по формальному и содержательному критериям чрезмерно сужает объем словника, предпринимается попытка дополнить список заголовочных слов за счет преобразования ранее исключенных элементов (например, использование имени существительного вместо изъятого по формальному критерию имени прилагательного с тем же основным значением) или других источников.

Определение требований к словнику позволяет нам переходить к формированию методологии АМС-АСОТ, чему будет посвящено отдельное исследование. Задачи данной статьи, таким образом, можно на этом считать исчерпанными.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т.1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Язык русской культуры, 1995. 472 с.

2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

3. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. URL: https://literary_criticism.academic.ru/ (Дата обращения: 25.08.2017).

4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление». URL: http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96.htm (Дата обращения: 25.08.2017).

5. Метафора // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. URL: https://literary_terms.academic.ru/314/Метафора (дата обращения: 25.08.2017).

6. Проспект активного словаря русского языка / под ред. акад. Ю. Д. Апресяна. URL: http://san.ruslang.ru/prospect_theory.pdf (Дата обращения: 25.08.2017).

7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic (Дата обращения: 25.08.2017).

8. The Oxford 3000 // Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Edited by Sally Wehmeier. Oxford: Oxford University Press, 1997. 431 с.

References

1. Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy. T.1: Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. *(Selected works. Vol.1: Lexical semantics. Synonymical language resources)*. Moscow: Yazik russkoi kul'tury, 1995. 472 p. (In Russian).

2. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. *(Dictionary of Russian political metaphors)*. Moscow: Pomovskii i partnery, 1994. 330 p. (In Russian).

3. Belokurova S.P. Slovar' literaturovedcheskikh terminov. *(Dictionary of literature science terms)*. URL: https://literary_criticism.academic.ru/ (Accessed: 25.08.2017). (In Russian).

4. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i «primitivnoe myshlenie». *(Semantic universals and "primitive thinking")* URL: http://www.philology.ru/ linguistics1/wierzbicka-96.htm (Accessed: 25.08.2017). (In Russian).

5. Metafora *(Metaphor)* // Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: In 2 Vols / ed by N. Brodskii, A. Lavretskii, E. Lunin, V. L'vova-Rogachevskii, M. Rozanov, V. Cheshikhina-Vetrinskii. URL: https://literary_terms.academic.ru/314/Metafora (Accessed:25.08.2017). (In Russian).

6. Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka *(Prospectus for an active dictionary of the Russian language)* / pod red. akad. Yu. D. Apresyana. URL: http://san.ruslang.ru/prospect_theory.pdf (Accessed: 25.08.2017). (In Russian).

7. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. *(Reference dictionary of linguistic terms)*. URL: https://dic.academic.ru/ contents.nsf/lingvistic (Accessed: 25.08.2017). (In Russian).

8. The Oxford 3000 // Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed by Sally Wehmeier. Oxford: Oxford University Press, 1997. 431 p.

УДК 81’42

Е. С. Грушевская

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается понятие стратегического потенциала как проблема междисциплинарная, изучаемая в таких научных областях, как теория коммуникации, теория дискурса, когнитивная лингвистика. Анализируемое понятие характеризуется с точки зрения коммуникативной и когнитивной реализации, которая обеспечивает успешную коммуникацию. Отмечается, что актуализация стратегического потенциала предполагает реализацию различных функций в процессе коммуникации, среди которых в качестве приоритетного выдвигается функция воздействия с целью убеждения. Делается вывод о том, что эффективность дискурсивных реализаций зависит от диспозиции и идентификации адресантно-адресатных отношений. Обобщение основных условий эффективной коммуникации дополняется понятием «двойная актуализация» как конструктивной характеристики. Показывается, что при рассмотрении рекламного дискурса как континуального диалога, понятие «воздействие» теряет свою негативную коннотацию. Доказывается, что взаимодействие когнитивных систем коммуницирующих, их взаимокорреляция представляются важным аргументом для эффективной коммуникации. Ставится вопрос о перспективе изучения специфической реализации стратегии самопрезентации в рекламном дискурсе.

В связи с этим указывается на теоретическую и практическую значимость проблемы изучения универсальных и специфических функций и стратегий коммуникативного процесса, актуализируемого в тех или иных дискурсивных практиках, каковыми, наряду с рекламным дискурсом, для нас представляются политический и педагогический дискурс.

Ключевые слова: коммуникация, стратегии, тактики, дискурс, воздействие, рекламный слоган, адресант, адресат, коллективный адресат, двойная актуализация.

E. S. Grushevskaya

STRATEGIC POTENTIAL OF SUCCESSFUL COMMUNICATION WITHIN THE DISCURSIVE DIMENSION

The article deals with the problem of strategic potential regarded as part of communication theory, discourse theory, cognitive linguistics. The concept under analysis is characterized in terms of communicative and cognitive realization which ensures effective communication. The author concludes that the effectiveness of discursive realizations depends on the disposition and identification of relations between participants of communication.

It is noted that the actualization of the strategic potential involves the implementation of various functions in the communication process, among which the priority function is the influence function for persuasion. A generalization of the basic conditions for effective communication is supplemented by the term “double actualization” as structural characteristics. It is shown that when examining advertising discourse as a continual dialogue, the concept of “impact” loses its negative connotation. It is proved that the interaction of cognitive systems, their mutual correlation seems to be an important argument for effective communication. The question is raised about the prospect of studying the specific implementation of the strategy of self-presentation in the advertising discourse.

In this regard, the author indicates the theoretical and practical significance of the problem of studying universal and specific features and strategies of the communication process that actualizes in different types of discourse and in discursive practices such as advertising discourse and political discourse.

Key words: communication, strategies, tactics, discourse, impact, advertising slogan, addressee, addresser, collective addressee, double actualization.

В риторике, теории коммуникации (межличностной, групповой, массовой, межкультурной), теории аргументации, теории дискурса проблема стратегического потенциала, понимаемого как совокупность основных и сопутствующих стратегий и соответствующих им тактик, в разные времена логично рассматривалась и продолжает рассматриваться с позиции успешной коммуникации. В данной работе, таким образом, основная цель – исследовать конфигурацию стратегического потенциала успешной коммуникации в теоретическом аспекте, а также его специфическую актуализацию в конкретном виде дискурса – рекламном. Обозначенная проблема развивается нами с точки зрения теории языка, которая в своей современной ипостаси представляет собой пространство названных выше междисциплинарных изысканий.

Исследования, посвященные стратегическому потенциалу успешной коммуникации, представлены в отечественной и зарубежной науке (Е. М. Верещагин, О. Я. Гойхман, Т. ван Дейк, В. З. Демьянков, О. С. Иссерс, Е. В. Клюев, Е. С. Падучева, L. Percy & R. Elliot, H. P. Grice, Ch. Larson, G. Leech и мн. др.). Понятие «успешная коммуникация» соотносится с понятиями «эффект», «результат», реферирующими собственно к процессу достижения целей коммуникантов. В пространстве коммуникативной лингвистики развиваются направления, связанные с различными уровнями коммуникации. Это частные и общие проблемы – коммуникативного поведения (стиля), культурной этноспецифики, анализа дискурса в его разновидностях (к примеру, политический, педагогический, рекламный) и аспектах (когнитивный, прагмалингвистический, психолингвистический, лингвокультурный и др.). Каждый из перечисленных аспектов формирует соответствующий конгломерат стратегий и тактик, обуславливающих специфику их функционирования на различных стадиях общения в различных видах дискурса.

Актуализация стратегического потенциала предполагает реализацию различных функций в процессе коммуникации, среди которых в качестве приоритетного выдвигается функция воздействия с целью убеждения. Интеракциональный подход способствовал развитию интереса исследователей к регулятивному аспекту речевого общения, в рамках которого изучаются и классифицируются коммуникативные акты, эффективно воздействующие на партнера по коммуникации.

Коммуникация – это процесс взаимообусловленный, своего рода совместная координация действий, даже если цели партнеров не совпадают. В обоих случаях – консонанса и диссонанса – происходит эксплицитация и идентификация интенций коммуникантов, а также смыслов – фоновых и продуцируемых. Общепризнано мнение о том, что в процессе коммуникации происходит воздействие адресанта на адресата, который придает новый смысл высказыванию, в разной степени совпадающий с исходным смыслом. С другой стороны, совершенно справедливо признается, что адресант и адресат являются равноправными участниками не только процесса коммуникации, но и ее результата, выраженного в перлокутивном эффекте убеждения. Так, убеждение трактуется как «самоубеждение» [16] (ср. с Рикер – оправдание есть «самооправдание») [13]. Аналогичен подход У. Матураны, который считает, что убеждение как результат есть не что иное, как совпадение когнитивных систем партнеров по коммуникации [11]. Речь идет о понимании и принятии положений, выдвигаемых той или другой стороной. Таким образом, можно полагать, что эффект убеждения в его наивном толковании есть лишь счастливая случайность. Убедительно также утверждение об априорном характере убеждения, поскольку любое высказанное мнение предполагает реакцию, вызывая «воздействующий эффект» [2].

Спонтанный и динамичный характер коммуникации, осуществляемый в диалогической форме, предъявляет больше требований к организации успешной коммуникации. Партнеры по интеракции, чередующие роли говорящего и слушающего, адресанта и адресата, априори равноправны в постановке цели и её достижении на основе привлечения всех необходимых средств коммуникации – лингвистических, паралингвистических, экстралингвистических.

Исходя из коммуникативного подхода, основанного на понятии коммуникативной модели как совокупности необходимых компонентов для анализа процесса коммуникации, мы переходим к понятийному аппарату дискурсивного анализа как методологической базы нашего исследования. Развитие когнитивно-прагматического подхода в области теории языка обусловил «дискурсивный бум», в котором приоритетное место занимает исследование проблемы стратегического потенциала. Стратегии и тактики коммуникации, выявленные и описанные в известных моделях в прагмалингвистической ориентации, реферировали к цели успешной коммуникации.

В качестве основных параметров, коммуникативных пресуппозиций (презумпций), обе-

спечивающих успех речевой стратегии (тактик, коммуникативных ходов) относят: общие знания о коммуникативной ситуации (включая уместность/ неуместность того или иного речевого акта); знание о характере речевого акта (стереотипный, нестереотипный); знания об адресате (как социальной и коммуникативной личности); знание национально-культурной специфики коммуникативной среды; достижение максимума целей различного порядка [3].

Положения о стратегическом потенциале успешной коммуникации представлены в следующих условиях

1) стратегия всегда направлена на достижение цели, а тактики – на ее реализацию;

2) конституирующий признак стратегии – наличие конфликта; (данное условие может быть изменено в направлении от наличия конфликта, до наличия проблемы – *Е. Г.*)

3) стратегическое общение есть актуализация вынужденного поиска более изощренных способов достижения целей;

4) высокая степень коммуникативной и когнитивной компетенции адресанта обусловливает многообразное и гибкое владение им стратегиями и тактиками для достижения своих целей;

5) условие структурного характера гласит, что количество речевых действий равно количеству тактик [7].

Понятие стратегии изучается с двух позиций – когнитивной и коммуникативной. Когнитивные стратегии условно представляются по следующим аспектам – поведение, образ мыслей и шкала ценностей – в процессе воздействия на адресата. Воздействие на поведение адресата актуализируется посредством таких речевых тактик, как просьба, приказ, совет, уговоры, угроза, предостережение и др. Воздействие же на образ мыслей (ценностей) реализуется с помощью речевых тактик, отражающих позитивные и негативные диспозиции относительно адресата. Таковыми, к примеру, могут быть одобрение, похвала, поддержка, оправдание, обвинение, дискредитация, упрек, издевка и др. Названные виды когнитивных стратегий (тактик), актуальные в совокупности с коммуникативными стратегиями и тактиками, известными как правила (максимы, постулаты) общения, применяются в широком дискурсивном пространстве – от бытового до различных видов дискурса (к примеру, политического, педагогического, рекламного).

В качестве примера рассмотрим слоган рекламного ролика, посвященного продовольственному продукту, утреннему завтраку – йогурту от кампании Данон. В ролике известная и любимая многими певица, Полина Гагарина, мама симпатичного семейства вводит в семейный рацион продукт, сопровождаемый грамотным слоганом, который можно считать коллективным творчеством. Он оригинален и, на наш взгляд, может быть эффективен тем, что в рекламе одного продукта совокупно представляются гастрономические приоритеты всех членов семьи, отличающихся по возрастному и половому признаку. Рассмотрим их. Для отца семейства – это «сытно», что характерно для пищевого поведения взрослого мужчины; соответственно для ребенка приоритетна характеристика «вкусно». Завершающий, «главный» аргумент принадлежит матери семейства – «а главное, полезно». Ведь мама – хранитель очага, она заботится о здоровье своих близких, она практична и прагматична. Таким образом, на первом уровне воздействия когнитивная стратегия включает мини-модель рекламы в пространстве конкретного семейства, которая аналогичным образом транслируется, проецируется на все остальные семьи, конкретно на поведение и образ мыслей мам, которые заимствуют соответствующее гастрономическое поведение. Основная презумпция и для экстраполируемых адресатов – «мама плохого не посоветует». Полина Гагарина становится «гарантом» правильного завтрака, ответственным за продукт, потребляемый в различных семьях. В пространстве семьи рекламного ролика происходит первичное успешное воздействие (совет как воздействие на поведение покупателя), которое завершается положительной семейной оценкой продукта (одобрение).

Взаимодействие когнитивных систем коммуницирующих, их взаимокорреляция представляются важным аргументом для эффективной коммуникации. Это положение было освещено еще в начале прошлого столетия Л. П. Якубинским. Позитивная настроенность на концептуальную картину мира адресата ученым описана в терминах так называемой близости «апперцепционной базы» коммуникантов, которая включала в себя понятия современной когнитивной науки. Это – общие культурные коды, интересы, жизненный опыт собеседников – основание для беспрепятственного взаимопонимания. В задачу отправителя информации, таким образом, входит построение информации сообразно картине мира адресата. В концепции ученого наряду с вербальным компонентом отмечается также ценность паралингвистической составляющей – мимики, жестов, тона, тембра голоса [14]. Перечисленные

факторы формируют потенциальную благожелательную настроенность адресата, покрывая его коммуникативные нужды, выраженные в готовности принять, прежде всего, понятную, приятную информацию.

Вернемся к интерпретации рекламного слогана. В нем эффективная коммуникация обусловливается наличием коллективного адресата, в пространстве которого учтены разные приоритеты. При ближайшем рассмотрении эксплицируется метаморфоза, происходящая в исполнении коммуникационного статуса адресант/адресат. Дискурсивное движение внутри семьи (мама – адресант; папа и сын – адресаты) переходит в широкое коммуникативное пространство, где вся семья становится коллективным адресантом. Успех рекламного слогана закрепляется его двойной актуализацией, эффектом копирования, обеспечиваемой своеобразной «рекламой в рекламе» – «Делай с нами, делай как мы», (ср. с популярной в нашей стране, во времена ГДР, «полезной для здоровья», немецкой спортивной телепередачей «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас – *Е. Г.*). Понятие «двойная актуализация» [8, с. 9] в этом случае приобретает другую реализацию, отличную от его толкования как «деструктивного феномена» в контексте языковой игры.

В области изучения проблемы стратегического потенциала в качестве основной цели, как известно, выдвигается убеждение, соответственно в качестве ведущей функции – суггестивная функция. Так, полагается, что реализуемая в процессе скрытого воздействия при ослабленном когнитивном контроле, она ведет к усвоению неких намерений, установок, целей, даже когда адресат находится «в атмосфере осознаваемой свободы выбора» [1]. С этим положением сложно не согласиться. Однако выбор в любом случае происходит на фоне альтернативы. Он исходит из индивидуальных, семейных, групповых, коллективных предпочтений. А значит, в любом случае, выбор того или иного продукта остается за адресатом, на которого направлена конкретная реклама. Тем более что когнитивная функция в коммуникации в настоящее время имеет сверхреализацию. Современный адресат хорошо информирован, он скорее скептик по отношению к рекламе в силу негативного отношения к «назойливому шуму», который ею создается. Каждый адресат, так или иначе, обладает собственным фильтром, через который он пропускает то, что он приемлет для себя. В случае анализируемого нами рекламного слогана особый акцент делается на фон – эстетически презентабельную семейную идиллию. Счастливое семейство светится, транслируя позитивный посыл потенциальным потребителям рекламы, далее референтам рекламируемого продукта. Фон активизируется, как мы уже отметили, посредством двойной актуализации [12, с. 56]. Таким образом, эффективность дискурсивных реализаций регулируется диспозицией адресантно-адресатных отношений. Успешность дискурсивной актуализации обеспечивается потенциальной идентификацией в процессе смены ролей коммуникантов, представляя дискурс как бесконечный равноправный диалог, в котором само понятие «воздействие» теряет свою негативную коннотацию. Подобная коннотация в области рекламного дискурса может компенсироваться эстетической компонентой, актуализируемой приятным для глаза и слуха видеорядом.

В качестве вывода отметим возможности дальнейших изысканий, входящих в круг наших научных интересов. В данном случае мы ставим частный вопрос о перспективе изучения специфической реализации стратегии самопрезентации в рекламном дискурсе. Особую теоретическую и практическую значимость в этом отношении приобретает общая проблема изучения универсальных и специфических функций и стратегий коммуникативного процесса, актуализируемого в тех или иных дискурсивных практиках, каковыми, наряду с рекламным дискурсом, для нас представляются политический и педагогический дискурс.

Литература

1. Авдеенко И. А. Структурные и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Комсомольск-на-Амуре: КнАГУ 2001. 168 с.

2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный фонд им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 88–125.

3. Верещагин Е. М., Ратмайр Р. Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности» // Вопросы языкознания. 1992. №6. С. 39–56.

4. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2007. 242 с.

5. Дейк ван Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1998. С.153–211.

6.Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия Академии наук СССР. Серия литература и иностранный язык, 1982. Т. 41. № 4. С. 327–337.

7. Иванова М. А. Прагмалингвистический статус неуспешного диалогического дискурса: дисс. … канд. филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 157 с.
8. Исаева Л. В. Языковая игра в поликодовом рекламном тексте: автореф. … канд. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2011. 16 с.
9. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта, 2016. 178 с.
10. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учебное пособие. М.: Рипол классик, 2002. 315 с.
11. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 95–142.
12. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. М.: Книжный дом Либроком, 2007. 232 с.
13. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: МЕДИУМ, 1995. 695 с.
14. Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 38–39.
15. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
16. Larson Ch. Persuasion: Reception and Responsibility. Belmont: California, 1992.
17. Leech G. Principles of Pragmatics. London: New York, 1983.
18. Percy L., Elliot R. Strategic Advertising Management. N.Y.: Oxford University Press, 2005.

References

1. Avdeenko I. A. Strukturnye i suggestivnye svoistva verbal'nykh sostavlyayushchikh reklamnogo teksta *(Structure and suggestive properties ofverbal components)*: abstract of thesis. Komsomolsk-on-Amur: KnASU publ, 2001. 168 p. (In Russian).
2. Blakar R. Yazyk kak instrument sotsial'noi vlasti *(Language as a tool of social power)* // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gumanitarnyi fond im. I. A. Boduena de Kurtene, 1998. P. 88–125. (In Russian).
3.Vereshchagin E. M., Ratmair R. Roiter T. Rechevye taktiki «prizyva k otkrovennosti» *(Communication tactics "appeal to sincerity")* // Voprosy yazykoznaniya. 1992. No. 6. P. 39–56. (In Russian).
4. Goikhman O. Ya., Nadeina T. M. Rechevaya kommunikatsiya (Speech communication: textbook): Uchebnik. 2-e izd., Moscow: INFRA-M, 2007. (In Russian).
5. Deik van T. A., Kinch V. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta *(Strategies of Discourse Comprehension)* // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty yazyka. Moscow: Progress, 1998. S. 153–211. (In Russian).
6. Dem'yankov V. Z. Konventsii, pravila i strategii obshcheniya (interpretiruyushchii podkhod k argumentatsii) *(Conventions, Rules, and Strategies of Communication (An Interpretive Approach to Argumentation))* // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatura i inostrannyi yazyk, 1982. Vol. 41. No. 4. P. 327–337. (In Russian).
7. Ivanova M. A. Pragmalingvisticheskii status neuspeshnogo dialogicheskogo diskursa *(Pragmalinguistical status of unsuccessful dialogic discourse)*. Irkutsk: IGLU Publ., 2007. (In Russian).
8. Isaeva L. V. Yazykovaya igra v polikodovom reklamnom tekste: avtoref. … kand. filol. nauk. *(Language game in the polycode advertising text)*. Tver': TvGU Publ., 2011. 16 p. (In Russian).
9. Issers O. S. Rechevoe vozdeistvie: uchebnoe posobie. *(Speech effect: textbook)*. Moscow: «Flinta», 2016. 178 p.
10. Klyuev E. V. Rechevaya kommunikatsiya: uchebnoe posobie. *(Speech communication:textbook)*. Moscow: Ripol klassik, 2002. 315 s. (In Russian).
11. Maturana U. Biologiya poznaniya *(Biological conception of language)* // Yazyk i intellekt. Moscow: izdatel'skaya gruppa «Progress», 1996. S. 95–142. (In Russian).
12. Parshina O. N. Rossiiskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika. *(The Russian political speech: Theory and practice)*. *Moscow*: «Knizhnyi dom Librokom», 2007. 232 p. (In Russian).
13. Riker P. Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike *(The Conflict of Interpretations)*. Moscow: «MEDIUM», 1995. 695 p. (In Russian).
14. Yakubinskii L. P. Izbrannye raboty: Yazyk i ego funktsionirovanie *(The language and its functioning)*. Moscow: Nauka, 1986. P. 38–39. (In Russian).
15. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics. V. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975. P. 41–58.
16. Larson Ch. Persuasion: Reception and Responsibility. Belmont, California, 1992.
17. Leech G. Principles of Pragmatics. London: New York, 1983.
18. Percy L., Elliot R. Strategic Advertising Management. Second Edition. N.Y.: Oxford University Press, 2005.

УДК 81’371

С. В. Гусаренко

ПРАГМАТИКА РЕЛЕВАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ТЕКСТЕ-ОПИСАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И УЧЕБНО-НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ)

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить результаты исследования лингвопрагматических свойств высказываний в их взаимодействии в тексте-описании. Исследование выполнено на материале художественных и учебно-научных текстов. Рассмотрена взаимная зависимость референциальных параметров, пропозиционального содержания и прагматики релевантности высказываний в современном русском нарративе. Сделан вывод, что в коммуникативно-лингвистических пресуппозициях высказываний актуализируется определенная модель описания, прагматические же пресуппозиции общего знания служат преимущественно для референциальных идентификаций. Сделано также заключение, что существенно различаются прагматика релевантности в актуальном дискурсе высказываний в описании из художественного текста и в описании из юридического, канцелярско-делового или научного текста. Отличие состоит в том, что если прагматика релевантности высказывания в описании из художественного текста во многом определяется намерением автора, его соображениями относительно объема описания и наиболее значимых в художественном отношении элементов описания, то прагматика релевантности высказывания в описании из юридического или научного текста полностью определяется коммуникативно-лингвистическими пресуппозициями автора и адресата.

Ключевые слова: прагматика, релевантность, дискурс, текст-описание, прагматическая пресуппозиция, пропозиция, референция.

S. V. Gusarenko

PRAGMATICS OF RELEVANCE IN MODERN RUSSIAN TEXT-DESCRIPTION (DERIVED FROM LITERARY AND EDUCATIONAL SCIENTIFIC TEXTS)

The purpose of this article is to present the results of the study of linguopragmatic properties of utterances in their interaction in the text-description. The research was carried out on the basis of the material of literary and scholarly texts. The mutual dependence of referential parameters, propositional content and pragmatics of the relevance of statements in the modern Russian narrative is considered. It is concluded that in the communicative-linguistic presuppositions of utterances a certain model of description is actualized, pragmatic presuppositions of general knowledge serve primarily for referential identifications. It is also concluded that the pragmatics of relevance in the actual discourse of utterances in the description from the artistic text and in the description from the legal, clerical-business or scientific text differ significantly. The difference is that if the pragmatics of the relevance of an utterance in the description of a fictional text is largely determined by the author’s intentions, his considerations on the scope of the description and the most significant elements of description in the artistic sense, then the pragmatics of the relevance of the utterance in a description from a legal or scientific text is completely determined by the communicative- linguistic presuppositions of the author and addressee.

Key words: pragmatics, relevance, discourse, text-description, narrative, pragmatic presupposition, proposition, reference.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить результаты исследования референциально-прагматических и пропозициональных характеристик высказываний в современном русском тексте описании в отношении прагматики релевантности каждого их них. Работа выполнена на материале современных русских художественных текстов и произведений из учебно-научного дискурса. Такой выбор материала обусловлен тем, что референциальные и лингвопрагматические характеристики высказываний в этих видах

текста-повествования существенно различаются, что позволяет дать их более рельефные описания при анализе.

Под актуальным дискурсом [3] мы понимаем совокупности когнитивно-семантических действий (операций) и структур, формирующихся и функционирующих в ходе когнитивной обработки конкретного фрагмента речевого произведения [4]. Естественно предположить, что в зависимости от общей прагматики текста-описания, от целеполагания, заложенного в нем, будет зависеть как сам характер когнитивно-семантических структур актуального дискурса, так и характер их взаимодействия.

Если нарратив передает преимущественно последовательности событий [2], то описание создает статическую картину, что соответствующим образом находит отражение в характеристиках актуального дискурса. Что касается коммуникативно-лингвистических пресуппозиций, то в них актуализируется определенная модель описания [5], прагматические же пресуппозиции общего знания [7] служат преимущественно для референциальных идентификаций [1; 6], если таковые происходят в ходе понимания и когнитивной обработки высказываний из описания. При этом прагматика релевантности [8] пребывает в тесной связи с коммуникативно-лингвистическими пресуппозициями, а также с идентификацией намерений автора.

По этому параметру существенно различаются прагматика релевантности в актуальном дискурсе высказываний в описании из художественного текста и в описании из юридического, канцелярско-делового или научного текста. Отличие состоит в том, что если прагматика релевантности высказывания в описании из художественного текста во многом определяется намерением автора, его соображениями относительно объема описания и наиболее значимых в художественном отношении элементов описания, то прагматика релевантности высказывания в описании из юридического или научного текста полностью определяется коммуникативно-лингвистическими пресуппозициями автора и адресата, а именно функционально-прагматической предназначенностью документа: если это протокол с места происшествия, то в описании из такого протокола должно быть скрупулезно зафиксировано расположение практически всех объектов, имеющих прямое или косвенное отношение к происшествию; если это научная монография, то в описании из текста этого типа должно быть зафиксировано положение дел с позиций, строго определенных темой дискурса, которая в свою очередь определяется темой научного исследования.

Рассмотрим пример взаимодействия прагматики релевантности с другими компонентами актуального дискурса высказывания из описания в художественном тексте:

(1) *Я был в раздевалке.* (2) *Пустые вешалки, похожие на тощих людей с рогами, стояли в открытых шкафах.* (3) *Вдоль стены – двери и двери.* (4) *Одна была стеклянная.* (5) *Впервые после Энска я увидел себя.* (6) *Вот так вид!* (7) *Бледный мальчик с круглой стриженой головой уныло смотрел на меня – очень маленький, гораздо меньше, чем я думал.* (8) *Острый нос, обтянутый рот.*

(В. Каверин. Два капитана)

Как видим, данный фрагмент содержит два разных описания – описание помещения и описание внешности человека, из чего следует, что при когнитивной обработке высказываний из описаний разных объектов будут актуализироваться разные модели описания, поэтому далее мы рассмотрим прагматику релевантности двух высказываний – высказывания (3) и высказывания (8).

Прагматика релевантности высказывания (3) может быть представлена следующим образом:

1) автор имеет намерение создать образ помещения, в котором находится персонаж;

2) автор имеет намерение в ограниченном текстовом объеме дать описание значимой для эпизода части помещения;

Компонент (1) прагматики релевантности обусловливает состав пропозиции в актуальном дискурсе высказывания (3), в которой субъекту *двери* предицируется существование в составе референта имени *раздевалка* из высказывания (1), содержание которого к моменту когнитивной обработки высказывания (3) принадлежит дискурсивным пресуппозициям. При этом актуализируемые коммуникативно-прагматические пресуппозиции определяют идентификацию высказывания (3) как релевантного в составе описания помещения.

Компонент (2) во много определяет характер именования объектов – составляющих объект «раздевалка»: обозначая соответствующие референты, автор ограничивается применением общих имен *стена* и *двери* без актуализаторов, поскольку эти имена обладают текстово-ситуационной референциальной определенностью (Падучева 2004: 88), которая, в свою очередь, имеет основанием актуализированные прагматические пресуппозиции, связанные со зна-

нием того, что *шкаф* имеет двери, а всякое помещение, в том числе и *раздевалка*, имеет стены. То есть прагматические пресуппозиции адресата-интерпретатора позволяют определить применение общих имен *стена* и *двери* без актуализаторов как адекватное и семантически достаточное.

Прагматика релевантности высказывания (8) *Острый нос, обтянутый рот* может быть представлена следующим образом:

1) автор имеет намерение создать образ лица персонажа;

2) автор имеет намерение обратить внимание адресата на отдельные черты лица с целью подчеркнуть состояние персонажа;

3) автор имеет намерение в ограниченном текстовом объеме дать описание значимых для эпизода элементов человеческого облика.

Компонент (1) прагматики релевантности обусловливает состав пропозиции в актуальном дискурсе высказывания (8), поскольку описание объектов имен *нос* и *рот* задается именем *вид* из высказывания (6), в состав референта которого входят референты имен *нос* и *рот*, при этом уточним, что референтом имени *вид* в данном случае выступает отражение в зеркале, увиденное персонажем. Таким образом, актуализируемые коммуникативно-прагматические пресуппозиции определяют идентификацию высказывания (8) как релевантного в составе описания человеческого отражения в зеркале.

Компонент (2) прагматики релевантности определяет, во-первых, сам выбор объектов описания (*нос* и *рот*), во-вторых, их референциальные признаки, отраженные в определениях *острый* и *обтянутый*. Прагматические пресуппозиции способствуют идентификации высказывания (8) как релевантного, поскольку содержат знание того, что человеческий облик включает изображение носа и рта. Дискурсивные пресуппозиции способствуют идентификации референциальных признаков *острый* и *обтянутый* как прагматически адекватных, поскольку в дискурсивных пресуппозициях содержатся сведения о факторах, определяющих эти признаки (голод, невзгоды).

Рассмотрим взаимодействие прагматики релевантности с другими компонентами актуального дискурса высказывания в описании из учебно-научного текста:

(1) *Одним из величайших архитектурных комплексов этого времени был огромный и монументальный храм Амона в Фивах, который строился в течение долгого времени и развалины которого довольно хорошо сохранились в Карнаке.* (2) *Колоссальный колонный зал этого храма, построенный при Сети I и главным образом при Рамзесе II, состоит из 134 массивных колонн, расположенных в 16 рядов.*

(В. И. Авдиев. История Древнего Востока)

Рассмотрим прагматику релевантности высказывания в актуальном дискурсе высказывания (2), которая может быть представлена следующим образом:

1) автор имеет намерение создать образ архитектурного сооружения, соответствующий научным данным;

2) автор имеет намерение указать точные временные, локальные и другие физические параметры описываемого объекта;

3) автор имеет намерение связать высказывания (2) с предыдущей частью дискурса;

4) автор имеет намерение дать максимум сведений в ограниченном текстовом объеме.

Компонент (1) прагматики релевантности обусловливает применение в высказывания (2) пропозиций, содержащих описание объекта *храм Амона в Фивах: Колоссальный колонный зал этого храма, состоит из 134 массивных колонн, расположенных в 16 рядов.*

Компонент (2) прагматики релевантности обусловливает присутствие в пропозиции высказывания (2), во-первых, точных временных указаний *при Сети I* и *при Рамзесе II*, непредметная референция которых определяется дискурсивными пресуппозициями, содержащими сведения о датировке каждой из египетских династий; во-вторых, точной локализации посредством именной группы *этого храма*, кореферентной именной группе *Амона в Фивах (в Карнаке)* из дискурсивных пресуппозиций, сформировавшихся на основании высказывания (1) из предыдущей части дискурса; в третьих, точных пространственных параметров описываемого объекта – *134 массивных колонны, 16 рядов.*

Компонент (3) прагматики релевантности определяет присутствие в пропозиции актуального дискурса высказывания (2) имен и именных групп, кореферентных соответствующим объектам из предыдущей части дискурса, а также имен и именных групп, референты которых входят в состав рефентов имен из предыдущей части дискурса: уже упоминавшаяся именная группа *этого храма* кореферентна именной группе *храм Амона в Фивах* из высказывания (1); именная группа *колоссальный колонный зал* имеет референтом объект, являющийся частью референта *храм Амона в Фивах*, на что указывает, с одной стороны,

определение *этого храма*, с другой стороны, прагматические пресуппозиции, содержащие знание о том, что во всяком храме есть главный зал, то есть именная группа *колоссальный колонный зал* обладает также текстово-ситуационной определенностью, что можно сказать также о референции имени *колонны* в этом же высказывании.

Компонент (4) прагматики релевантности определяет отбор и количество компонентов с пропозициональным и предметным значением, предназначенных для создания образа исторического объекта, и параметры эти полностью определяются коммуникативно-прагматическими пресуппозициями автора и адресата, содержащими знание о том, каким должно быть описание объекта в составе раздела более широкой тематики, в нашем случае раздела, обозначенного как *Культура Древнего Египта. Изобразительное искусство.* Автору необходимо в весьма ограниченном текстовом объеме дать максимум необходимых сведений, что в известной степени противоречит самой сущности научного текста, прагматика которого сосредоточена на создании точного образа определенного объекта действительности. В данном случае разрешение этого противоречия автор нашел, с одной стороны, в применении именных групп, точно характеризующих весьма необычные пространственные параметры объекта – *134 массивных колонны, 16 рядов,* с другой стороны, в применении именных групп, содержащих оценочные языковые выражения – *колоссальный колонный зал.*

Таким образом, проведенный анализ в достаточной мере подтверждает выдвинутые выше теоретические положения о характере взаимодействия прагматики релевантности с другими компонентами актуального дискурса, точнее – о высокой, если не предельной степени определенности этих компонентов прагматикой релевантности высказывания.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М.: Прогресс, 1982. С. 5–40.

2. Гусаренко С. В. Прагматика релевантности в современном русском нарративе (на материале художественных и учебно-научных текстов) // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №4. С. 220–226.

3. Гусаренко С. В. Семантические потери в актуальном дискурсе как следствие энтропийных процессов // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. №45. С. 101–110.

4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

5. Дейк Т. А. ван, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М., 1988. С. 153–211.

6. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд. М.: Едиториал, 2004. 288 с.

7. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 419–438.

8. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 212–233.

References

1. Arutjunova N. D. Lingvisticheskie problemy referencii *(Linguistic problems of reference)* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Issue 13. Moscow: Progress, 1982. P. 5–40. (In Russian).

2. Gusarenko S. V. Pragmatika relevantnosti v sovremennom russkom narrative (na materiale hudozhestvennyh i uchebno-nauchnyh tekstov) *(Pragmatics of relevance in modern Russian narrative (on the basis of artistic and scholarly texts)* // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2016. No. 4. P. 220–226. (In Russian).

3. Gusarenko S. V. Cemanticheskie poteri v aktual'nom diskurse kak sledstvie jentropijnyh processov *(The semantic losses in the actual discourse as a consequence of entropic processes)* // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. No. 45. P. 101–110. (In Russian).

4. Dejk T. A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija *(Language. Cognition. Communication)*: Collections of articles. Moscow: Progress, 1989. 312 p. (In Russian).

5. Dejk T. A. van, V. Kinch. Strategii ponimanija svjaznogo teksta *(Kincz. Strategies for understanding coherent text)* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Kognitivnye aspekty jazyka. 1988. Issue XXIII. P. 153–211. (In Russian).

6. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost's dejstvitel'nost'ju (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij) *(The statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)*. Moscow: Editorial, 2004. 288 p. (In Russian).

7. Stolnejker R. S. Pragmatika *(Pragmatics)* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Issue 16: Lingvisti¬cheskaja pragmatika. Moscow: Progress, 1985. P. 419–438. (In Russian).

8. Shperber D., Uilson D. Relevantnost' *(Relevance)* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Issue 23: Kognitivnye aspekty jazyka. Moscow: Progress, 1988. P. 212–233. (In Russian).

УДК 811.111-26

Н. С. Кабылкина

РОЛЬ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТЕКСТЕ АНИМАЦИОННОГО СЕРИАЛА КАК СПЕЦИФИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО ЖАНРА

В данной статье актуализируются вопросы роли прагматического эффекта языковой игры в тексте анимационного сериала как специфического языкового жанра. Анимация, являясь изначально детским фильмом и фильмом, предназначенными для просмотра всей семьей, в силу характера целевой аудитории носит не только развлекательный, но и воспитательный характер, что актуализирует исследование прагматического эффекта его воздействия. Языковая игра в современной коммуникативной практике применяется в дидактических целях как подсознательная форма мягкого воздействия на реципиента, с целью передачи авторской оценки, в том числе скрытой и содержащей элементы иронии, а также как средство достижения ряда других коммуникативных задач. Проблемным остается вопрос передачи эффектов присущих языковой игре с одного языка на другой. Данная проблема связана не только с языковыми, но и с культурными различиями определенных народов и культур. Процессы глобализации, происходящие на современном этапе, вносят существенные изменения не только в жизнь общества, но и в язык, а, следовательно, в содержание такого феномена как языковая игра.

В центре внимания автора статьи - теоретико-методологические основы прагматического эффекта языковой игры в тексте анимационного сериала на примере американской анимации. Автором исследуются функции языковой игры, детерминируемые авторской интенцией и выражающиеся особой текстовой организации как средством создания прагматического эффекта.

Ключевые слова: прагматический эффект, анимационный сериал, языковая игра, функции языковой игры.

N. S. Kabylkina

THE ROLE OF PRAGMATIC EFFECT OF PLAY OF WORDS IN THE TEXT OF ANIMATION SERIES AS A SPECIFIC SPEECH GENRE

The article deals with the role of pragmatic effect of play of words in the text of the animation series as a specific speech genre. Animation, as film for children and film designed for all family, has not only entertaining, but also educational function, which actualizes the study of pragmatic effect in our research. Play of words in the modern communicative practice is applied in the didactic purposes as a subconscious form of impact on the recipient, for the purpose of the transfer of the author's assessment. Question of transfer of effects inherent in play on words from one language to another is a problem now. This problem is connected not only with language, but also with cultural distinctions. The globalization processes happening at the present stage make essential changes not only to life of society, but also to language.

The author confirms the theoretical and methodological basis of pragmatic effect of play on words in the text of the animation series on the basis of the American animation. The author examines the functions of play of words, which are determined by the author's intention and expressed a special text organization for creating pragmatic effect.

Key words: pragmatic effect, animation series, play of words, functions of play of words.

Анимация представляет собой уникальный жанр киноискусства. Интерес к исследованию данного жанра обусловлен тем, что анимация считается жанром, выполняющим кроме развлекательной, еще и воспитательную функцию. Мультфильм демонстрирует не только эмоциональные состояния, которые переживают его герои, но и формирует стереотипы поведения и предлагает пути разрешения ситуаций, что вербализируется набором языковых средств как каналом передачи авторских интенций.

Одним из наиболее распространенных языковых средств, использованных в современной анимации, является языковая игра. Языковая

игра является средством достижения авторской интенции. Посредством языковой игры возможно актуализировать высказывание, усилить впечатление, выразить свою оценку, сделать речь более экспрессивной, замаскировать определенное явление, развлечь зрителя, в силу чего языковая игра является одним из доминантных средств реализации целей, заложенных автором, его прагматических интенций.

А. В. Динкевич определяет прагматику следующим образом: она описывает факты языка в аспекте человеческой деятельности а, следовательно, изучает язык в плане его употребления; стремится раскрыть, в каких условиях и с какой целью в данном случае говорит человек [4].

Как отмечает Т. П. Сонич, прагматический эффект является актуализацией в рамках высказывания в конкретном речевом акте прагматического потенциала грамматической категории. Речевоздействующий эффект в различных коммуникативных ситуациях может быть либо положительным, либо отрицательным, при этом положительный эффект связан с реализацией запланированной адресантом при построении высказывания цели. Тем самым, положительный прагматический эффект детерминирован интенциональным посылом адресанта. Например, целью автора речевого сообщения может быть дать совет, который принимается его адресатом. Об отрицательном прагматическом эффекте говорят тогда, когда высказывание не оказывает должного речевого воздействия на реципиента, но вызывает обратную реакцию с его стороны. В качестве примера можно привести грубое требование: «Закрой окно!», которое может быть проигнорировано тем, к кому данное требование обращено, либо вызвать негативную вербальную реакцию: «Закрой сам!» [14].

Осуществление прагматического воздействия на получателя информации, по мнению В. Н. Комиссарова, составляет важнейшую часть любой коммуникации, в том числе и межъязыковой [8].

По мнению О. А. Мельничук, в любом тексте выбор способов представления действительности производится автором сознательно, т.е. он подчиняется авторскому замыслу, интенции [12].

Все приведенные ученые подчеркивают важность прагматического эффекта как общего замысла произведения, диктующего выбор языковых средств для достижения поставленной цели.

В результате реализации интенций автора (авторских и речевых) в произведении выражается авторская модель мира, которая передается в содержании произведения через используемые языковые средства.

В русле заявленного под категорией автора будем представлять, разделяя точку зрения Б. О. Кормана, носителя «некоего взгляда на действительность, выражением которого является всё произведение» [9].

Категория автора, авторская интенция, в контексте определения Б. О. Кормана, это основная категория, определяющая структуру и характер его произведения.

Языковая игра является средством достижения авторской интенции (категории автора) и направлена на создание определенного прагматического эффекта. Выбор конкретных языковых и композиционных средств, а также приемов их соединения в тексте детерминируются стратегией и тактикой автора. Речевые интенции автора текста реализуются в его тактике, в то время как авторская интенция и концепт текста находят свое отражение в стратегии. Модель мира автора создается благодаря взаимодействию избираемых автором текста стратегий и тактик. Прагматическое воздействие языковой игры на реципиента непосредственно связано с функциями языковой игры в речи, т.к. через реализацию этих функций автор передает свою идею.

Основываясь на классификации функций языковой игры в медиаконтексте [9], интернет-дискурсе [5], телевизионного дискурсе [3] и принимая во внимание характер жанровой специфики анимационного сериала, базовыми функциями языковой игры могут выступать следующие: экспрессивная, развлекательная, языкотворческая, оценочная, маскировочная, функция удовлетворения агрессивности. Данная иерархия основывается на данных монографического исследования [11].

Рассмотрим подробнее данные функции, начиная с функции экспрессивной. Чаще всего экспрессивность понимается как “не нейтральность речи, нечто придающее ей необычность и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением, усилен и выделен из общего потока” [15].

Впервые в лингвистике XX века привлёк внимание к важности экспрессивного элемента Ш. Балли, полагая, что синтаксические средства, как косвенные выразительные средства (в отличие от лексических – прямых) способны придавать речи аффективный заряд [1].

Экспрессивная функция языковой игры реализуется, например, в следующем примере:

1) a) – Just give me the bird!

b) – We can’t, this is a family show [18, 77a “This Pun for Hire”].

a) – *Отдайте мне птицу!*

b) – *Мы не можем, это семейное шоу (перевод наш).*

В данном случае героев просят отдать статуэтку в форме птицы. Однако они понимают данную фразу как эвфемизм – показывать неприличный жест, чем и вызвана их реакция – “We can’t, this is a family show” *(Мы не можем, это семейное шоу)*. Через использование эвфемизма в данном эпизоде проявляется экспрессия.

2) a) – What are you waiting for?

b) – A tip.

a) – Floss every day! Now go away [17, 92b «Bully for Skippy»].

a) – *Чего ты ждешь?*

b) – *Чаевых.*

a) – *Чисти зубы каждый день! А теперь проваливай!* (перевод наш).

В данном случае экспрессия выражена через каламбур. В английском языке слово tip имеет несколько значений, одно из которых – чаевые, однако героиня использует другое значение *(совет, подсказка),* тем самым обыгрывая обращенную к ней просьбу (официант ждет чаевых, а ему дают совет).

Следующая функция языковой игры – языкотворческая. В этой связи представляет интерес следующее высказывание З. Фрейда: «Какую экономию выгадывает остроумие благодаря своей технике? Произнесение нескольких новых слов, которые можно было, в большинстве случаев, найти без труда. Вместо этого острота из кожи лезет вон, чтобы найти одно слово, сразу покрывающее смысл обеих мыслей...» [16]. Найденное в акте индивидуального творчества нередко закрепляется в языке как новый, более яркий способ выражения мысли. Языковая игра – один из путей обогащения языка. Например, «формульные выражения» – сравнения (злой, как собака), метафоры (свежий ветер, железная воля), генитивные конструкции (реки крови), сочинительные конструкции (золото, а не человек) и т. д., которые стали уже общеязыковыми.

Языковая игра преследует не только сиюминутные интересы (заинтриговать, заставить слушать), но она призвана выполнять и другую цель – развивать мышление и язык:

3) – I’m the brains of the outfit. Dot’s the heart, and Wakko’s a toss-up between the spleen and the pancreas [18, 77a «This Pun for Hire»].

– Я – мозг этой организации. Дот - сердце, а Вакко – что-то среднее между селезенкой и поджелудочной железой (перевод наш).

В данном примере языкотворческая функция языковой игры реализуется через каламбур, происходит смещение переносного значения слов на прямое (мозг и сердце понимаются не как символы чувств и ума человека, а как органы человеческого тела).

4) a) – A star will be born!

b) – Ooh, I’ll boil water [17, 80a «Dot’s entertainment»].

a) – *Мы наблюдаем рождение звезды!*

b) – *О, я принесу горячей воды* (перевод наш).

Здесь также мы можем видеть каламбур, который ярко демонстрирует языкотворческую функцию. Герой обыгрывает фразу путем изменения значения слова *born* с переносного на прямое (рождение звезды понимается как рождение ребенка), тем самым делая речь более живой и насыщенной. Посредством такой игры слов автор не только заинтересовывает и смешит зрителя, но также развивает его мышление и язык.

Развлекательная функция характеризуется стремлением развлечь себя и собеседника, а также стремлением к самоутверждению – «триумф из-за исправности собственного интеллекта или же обнаружение у других отрицательной черты, от которой сам наблюдатель свободен, что пробуждает в нем фарисейское довольство собой» [13].

Осмеивание окружающих с целью самоутверждения в определенных особых условиях общественной жизни, в которых смех является единственным общедоступным средством борьбы с окружающим злом, переходит в разряд оправданной необходимости. Анекдот, о котором будет сказано далее, не случайно становится любимым и практически единственным способом «отвести душу». «Юмор – это убежище, в которое прячутся умные люди от мрачности и грязи», – писал А. Вампилов в записных книжках [2].

5) a) – I think I can see into the future.

b) – Into the future? When did it start?

a) – Next Monday [18, 23a “Be careful what you eat”].

a) – *Я думаю, что могу смотреть в будущее.*

b) – *В будущее? Когда это началось?*

a) – *В следующий понедельник* (перевод наш).

Здесь развлекательная функция реализуется через каламбур. Для того, чтобы рассмешить зрителя, автор использует игру слов, т.е. герой еще не видит будущего, но уже знает, что с ним случится в следующий понедельник.

Имея прагматическую основу, маскировочная функция касается не столько содержания

описываемого, сколько отношений между говорящим и адресатом (адресатами) и принятых ими соглашений: языковая шутка позволяет обойти цензуру. Шутка позволяет «замаскировать» сообщение и благодаря этому выразить те смыслы, которые (по разным причинам) находятся под запретом. Маскировка – изменение каких-либо элементов текста посредством различных приемов (пропуск, замена, аллюзия), не всегда имеющее негативную коннотацию [6].

Маскировочная функция языковой игры реализуется, например, в следующем случае:

6) In a few minutes, it'll be totally dark and scary. Oooooh! But don't anyone touch me. I have cooties! *(слова царя России)* [18, 18a "Pavlov's mice"].

Через несколько минут здесь будет совсем темно и страшно. Ооооо! Но никто не посмеет тронуть меня. У меня вши (перевод наш).

Данный пример иллюстрирует отношение автора к России. Через фразу "I have cooties" автор маскирует стереотип о том, что в царской России люди не мылись и не заботились о личной гигиене.

7) We will also prove justice is not blind, she's cross-eyed [17, 14a "La La Law"].

Мы также докажем, что правосудие не слепо, у просто него косоглазие (перевод наш).

В данном эпизоде автор маскирует стереотип о не совсем идеальной системе правосудия США путем трансформации фразеологизма "Правосудие слепо" (Закон слеп). Здесь слово *слепо* употребляется в прямом значении вместо переносного, при этом прямое значение слова актуализируется присутствием в контексте слова cross-eyed (*косоглазый*).

Функция удовлетворения агрессивности так же имеет яркое проявление через языковую игру. «Смеяться по поводу грубой сальности... нам было бы стыдно, или она показалась бы нам отвратительной», – пишет З. Фрейд [16]. Но для психики человека отречение от «первичных наслаждений» очень тяжело. Острота позволяет вернуть потерянное, прячась за особенности языка. Именно с этим связан факт (иногда подвергающийся обыгрыванию): в непонятные слова и словосочетания слушающие склонны вкладывать бранный или неприличный смысл.

Функция удовлетворения агрессивности может быть продемонстрирована следующим примером:

8) a) – Please, get off me. I am the dictator!

b) – O.k., Dick, or is it Mr. Tator? [18, 10a "King Yakko"].

a) – *Оставьте меня в покое. Я диктатор!*

b) – *Хорошо, Дик! Или к тебе нужно обращаться мистер Татор?* (перевод наш).

В данном случае персонаж демонстрирует свое негативное отношение к героям словами "Please, get off me. I am the dictator!"*(Оставьте меня в покое. Я диктатор).* На эти слова герои отвечают "O.k., Dick, or is it Mr. Tator?"*(Хорошо, Дик! Или к тебе нужно обращаться мистер Татор?).* Здесь герои обыгрывают слово *dictator*, воспринимая его как имя собственное *Dick Tator.* Функция удовлетворения агрессивности проявляется в реакции на слова, которые несут негативную окраску *("Please, get off me. I am the dictator!"),* герои не отвечают грубостью на грубость, они обыгрывают фразу, создавая комический эффект.

Оценочность – свойство языковых единиц выражать относительно устойчивую позитивную или негативную характеристику человека, а также отношение, мнение, суждение о положительной или отрицательной для языковой личности ценности предметов, явлений и процессов [6]. Например, в звуковой оболочке оценочного существительного *домишко* (слово «домишко» употребляют, когда не любят свой дом, плохой он или старый).

Оценочная функция языковой игры в речи может быть показана на следующем примере:

9) – Soccer's the bestest game in the whole entire universe [17, 81a «Soccer coach Slappy»].

– Футбол –самая лучшая игра в целой вселенной (перевод наш).

Здесь оценочная функция реализуется через гиперболу, посредством которой герой мультфильма показывает свое положительное отношение к футболу (the bestest – самая лучшая (вопреки правилам английской грамматики, два правила образования превосходной степени прилагательного наложены друг на друга)).

10) – Ah, ok, all right! I suppose I can work with Suzy Squirrel again even if she is no-talent scene-stealing line-changing, good-for-nothing, back-stabbing slob who ruined every sketch we ever did [18, 97b «The Sunshine Squirrels»].

– Ах, ну, хорошо! Я думаю, я могу поработать со Сьюзи Скверрел, даже если она бездарная, сценоворующая, сценариоизменяющая, бесполезная, вероломная хамка, которая испортила все эпизоды, которые мы когда-либо делали (перевод наш).

В данном эпизоде отрицательная оценка ярко выражается через слова персонажа (*бездарная, сценоворующая, сценариоизменяющая, бесполезная, вероломная хамка*).

Таким образом, основываясь на том, что анимационный текст является специфическим языковым жанром и представляется одним из наиболее оригинальных с точки зрения композиции, формы представления и языка прагматический эффект языковой игры в анимации играет важную роль, формируя у зрителя определенный взгляд на различные явления окружающей действительности. Языковая игра является основным средством достижения авторской интенции в тексте анимационного сериала и реализует такие функции в речи, как экспрессивная, языкотворческая, развлекательная, маскировочная, оценочная и функция удовлетворения агрессивности. Также посредством языковой игры автор фокусирует внимание зрителей на том, что ему необходимо подчеркнуть в определенной ситуации как средство реализации категории автора, т.е. его интенции в контексте формирования комического и воспитательного эффекта – как элементов прагматического воздействия на целевую аудиторию.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал, 2003. 354 с.

2. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т.I. XVII. М.; Л., 1950 – 1965. 2-е изд. Т. I–VI (А-3). М.: Русский, язык, 1991–1994. 512 с.

3. Бирюкова Е. О. Особенности языковой игры в телевизионном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. №2. С. 42–46.

4. Динкевич А. В. Прагматический эффект взаимодействия лексической семантики английского глагола и грамматического значения формы длительного вида // Вестник БДУ. 2006 №1. С. 53–57.

5. Ефремова Е. С. Функции языковой игры в интернет-дискурсе // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №3. С. 65–69.

6. Зиатдинова А. М. Оценочность именных фразеологических единиц как показатель ценностных ориентаций языковой личности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (24–26 октября 2006 г.). Т.1. Чебоксары: [б.и.], 2006. С. 49–52.

7. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Диалог, 2009. С. 28–39.

8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: [б.и.], 2002. 424 с.

9. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М. [б.и.], 1972. 34 с.

10. Куранова Т. П. Функции языковой игры в медиатексте // Ярославский Педагогический вестник. 2010. № 4. С. 75–79.

11. Мартыненко Н. С., Каменский М. В. Лингвопрагматические особенности языковой игры на материалах скриптов американского анимационного сериала “Animaniacs”: монография. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 107 p.

12. Мельничук О. А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста. М.: МГУ, 2002. 208 с.

13. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989. 126 с.

14. Сонич Т. П. Грамматические средства выражения некатегоричности высказывания в современном немецком языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: Государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, 1985. 19 с.

15. Третьякова Г. Н. Когнитивные взаимодействия и эффективная коммуникация // Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998г.: В 2 ч. Ч. 2. Тамбов: ТГУ, 1998. С. 19–23.

16. Фрейд З. Остроумие. Д.: Стажер, 1999. 352 с.

17. Animaniacs: animated series / produced by the collaboration of Steven Spielberg and Warner Bros. USA, 1993–1999. URL: http://www.springfieldspringfield.co.uk/episode_scripts.php?tv-show=animaniacs-1993&season=1 (Дата обращения: 01.09.2015).

References

1. Balli Sh. Francuzskaja stilistika *(French stylistics)*. Moscow: Jeditorial, 2003. 354 p. (In Russian).

2. BAS – Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka *(The dictionary of the modern Russian language)*. Vol. I–XVII. Moscow; Leningrad, 1950–1965. Vol. I–VI (A-3). Moscow: Russkij, jazyk, 1991–1994. 512 p. (In Russian).

3. Birjukova E. O. Osobennosti jazykovoj igry v televizionnom diskursen *(The features of play of words in television discourse)* // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2011. No. 2. P. 42–46. (In Russian).

4. Dinkevich A. V. Pragmaticheskij jeffekt vzaimodejstvija leksicheskoj semantiki anglijsogo glagola i grammaticheskogo znachenija formy dlitel’nogo vida *(Pragmatic effect of interaction of lexical semantic of English verbs and grammatical meaning of the continuous forms)* // Vestnik BDU. 2006. No. 1. P. 53–57. (In Russian).

5. Efremova E. S. Funkcii jazykovoj igry v internet-diskurse (*Functions of play of words in the Internet discourse)* // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. No. 3. P. 65–69. (In Russian).

6. Ziatdinova A. M. Ocenochnost’ imennyh frazeologicheskih edinic kak pokazatel’ cennostnyh orientacij jazykovoj lichnosti *(The evaluation of nominative idioms as indicator of language personality)* // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (24–26 oktjabrja 2006 g.). Vol. 1. Cheboksary, 2006. P. 49–52. (In Russian).

7. Il’jasova S. V., Amiri L. P. Jazykovaja igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy *(Play of words in communicative sphere of mass media and advertisements)*. Moscow: Dialog, 2009. P. 28–39. (In Russian).

8. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie *(Modern translation).* Moscow, 2002. 424 p. (In Russian).
9. Korman B. O. Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedenija *(Learning of the text of hedonistic product).* Moscow, 1972. 34. p. (In Russian).
10. Kuranova T. P. Jaroslavskij Pedagogichsekij vestnik. Nauchnaja stat'ja – Funkcii jazykovoj igry v mediatekste *(Functions of play of words in media text).* 2010. No. 4. P. 74–79. (In Russian).
11. Martynenko N. S., Kamenskij M. V. Lingvopragmaticheskie osobennosti jazykovoj igry na materialah skriptov amerikanskogo animacionnogo seriala "Animaniacs" *(Lingvopragmatic features of play of words based on American animation series "Animaniacs").* Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 107 p. (In Russian).
12. Mel'nichuk O. A. Povestvovanie ot pervogo lica. Interpretacija teksta *(Telling from the first person. The interpretation of text).* Moscow: MSU publ., 2002. 208 p. (In Russian).
13. Pohodnja S. I. Jazykovye vidy i sredstva realizacii ironii *(Language types and means of actualizing irony)*. Kiev: Naukova dumka, 1989. 126 p. (In Russian).
14. Sonich T. P. Grammaticheskie sredstva vyrazhenija nekategorichnosti vyskazyvanija v sovremennom nemeckom jazyke *(Grammatical means of expression of noncategorical character of the statement in the modern German language):* abstract of thesis. Moscow: State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Maurice Thorez, 1985. 19 p. (In Russian).
15. Tret'jakova G. N. Kognitivnye vzaimodejstvija i jeffektivnaja kommunikacija *(Cognitive interactions and effective communication)* // Materialy Pervoj mezhdunarodnoj shkoly-seminara po kognitivnoj lingvistike, 26–30 maja 1998g.: In 2 Vols. Vol. 2. Tambov: TSU publ., 1998. P. 19–23. (In Russian).
16. Frejd 3. Ostroumie *(Wittiness)*. D.: Stazher, 1999. 352 p. (In Russian).
17. Animaniacs: animated series / produced by the collaboration of Steven Spielberg and Warner Bros. USA, 1993-1999. URL: http://www.springfieldspringfield.co.uk/episode_scripts.php?tv-show=animaniacs-1993&season=1 (Accessed: 01.09.2015).

УДК 81-26:82-9

М. В. Каменский

ДИСКУРСИВНЫЕ СРЕДСТВА ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЦИКЛЕ ГРАФИЧЕСКИХ РОМАНОВ АРТА ШПИГЕЛЬМАНА «MAUS»

В статье излагаются результаты исследования эксплицитных и имплицитных дискурсивных средств, оказывающих прагматическое воздействие на реципиента в графическом романе как специфическом жанре художественного дискурса, заключающего в своей основе креолизованный текст секвенциальной природы. В качестве эмпирического материала исследования привлечен цикл графических романов Арта Шпигельмана «Maus», представляющих собой автобиографические повествование об истории жизни отца автора, пережившего холокост в годы Второй мировой войны и пребывание в концентрационном лагере Аушвиц. Исследована сложная структура прагматического контекста графического романа, основывающаяся на информационно-дескриптивном, функционально-динамическом, структурно-композиционном и диспозиционально-оценочном субконтекстах. Установлена специфика графического романа как коммуникативно-направленного вербального произведения, передающего авторскую оценку и чувства посредством языкового знака. Выявлена роль визуального компонента графического романа в реализации его прагматического потенциала, заключающаяся в том, что изображения на панелях графического романа оказывают существенное воздействие на чувственный базис реципиента. Доказано, что изображение в графическом романе, с одной стороны, выступает инструментом отображения авторского представления описываемого мира, с другой стороны, является механизмом, вызывающим эмоциональную реакцию читателя и вынуждающим признать отображенные на страницах события.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, графический роман, прагматика, прагматический анализ, имплицитный прагматический контекст.

M. V. Kamensky

DISCURSIVE MEANS OF PRAGMATIC INFLUENCE IN THE SERIES OF GRAPHIC NOVELS “MAUS” BY ART SPIEGELMAN

The article contains the results of research of explicit and implicit discursive means of exerting pragmatic impact on recipient in graphic novel as a specific genre of the discourse of fiction based on a sequentially organized creolized text. The research was conducted on the basis of Art Spiegelman’s series of graphic novels “Maus” which are a form of autobiographical narrative about the author’s father who is a survivor of the holocaust and the Aushwitz concentration camp during World War II. The authors focus on the results of analyzing the complex pragmatic context of the graphic novel that is based on the informational-descriptive, functional-dynamic, structural-compositional and dispositional-evaluative subcontexts. As a result of the analysis the authors determined the peculiar features of the graphical novel as a communicatively oriented form of literature aimed at conveying the author’s opinion and feelings through language signs; determined the role of the visual component of the graphical novel in forming the pragmatic potential of the novel through the images presented on the sequentially organized panels; proved that the images in the graphical novel are an instrument of portraying the author’s world and a mechanism of provoking the reader’s emotional response necessary to believe the author’s narrative.

Key words: discourse, discourse of fiction, graphic novel, pragmatics, pragmatic analysis, implicit pragmatic context.

Исследования дискурсивных средств, оказывающих специфическое воздействие на реципиента, находят отражение во многих работах лингвистов, затрагивающих практически все сферы человеческой коммуникации, а также способы передачи и получения информации. Однако, на наш взгляд, исследование дискурсивных средств прагматического воздействия

в графическом романе как специфическом жанре художественного дискурса на данный момент не получило должного освещения.

Изучением вопросов дискурса и прагматики занимались многие отечественные и зарубежные ученые (Н. Д. Арутюнова, 1990 [2]; Т. В. Гуляева, 2009 [5]; Т. А. Дейк, 1978 [6]; В. И. Карасик, 2002, 2010 [7, 8]; В. Л. Наер, 2006 [10]; Н. С. Ользико, 2011 [11]; В. П. Руднев, 1996 [12]; Т. В. Булыгина, 1981 [3]; Ю. Д. Апресян, 1986 [1]; В. Г. Гак, 1982 [4] и др.).

Художественное произведение представляет собой элемент системы художественной коммуникации. Являясь коммуникативно-направленным вербальным произведением, всякий текст наделен определенными авторскими чувствами, которые выражены с помощью языкового знака. Помимо семантического отношения к обозначаемому и синтаксического отношения к другим знакам, языковой знак наделен прагматическим потенциалом.

Прагматика – это раздел семиотики, в рамках которого изучаются отношения знаков к субъектам, которые их производят и интерпретируют [7]. При прочтении текста знаки оказывают на реципиента определенное воздействие и впечатление.

Прагматика связана с изучением смысла сообщаемого говорящим (писателем) и с тем, как это сообщаемое интерпретируется слушающим (читателем). По большей части, прагматика связана с анализом того, что автор подразумевает под своим высказыванием, нежели того, что отдельные слова и фразы могут сами по себе означать.

Прагматический анализ текста включает в себя интерпретацию авторского посыла в определенном контексте. Исходя из этого, можно заключить, что прагматика представляет собой изучение контекстуального «невидимого» значения.

Восприятие прагматического контекста имеет ситуативно-обусловленное и субъективное измерения. Интерпретационный вектор восприятия контекстуальной прагматики во многом определяется ценностным, культурным и интеллектуальным профилем реципиента.

В силу того, что в качестве эмпирического материала нами выбран графический роман Арта Шпигельмана «Maus», текст которого своим бытийным, внутренним дискурсом направлен на адресанта с целью воздействия на него и формирования конкретной, заданной автором «картины мира», практически значимым представляется описание контекстуальной прагматики текста в рамках представленного материала исследования.

Прежде всего считаем необходимым кратко остановиться на речевом портрете автора вышеназванной литературной работы.

Арт Шпигельман – американский художник и писатель, автор и издатель романов-комиксов. Наиболее известен по графическому роману «Маус», получившему Пулитцеровскую премию.

В своих произведениях, в отличие от большинства современных американских карикатуристов, Арт Шпигельман не избегает тем, которые связаны с историческими трагедиями. Так, в 1986 году был издан первый том графического романа о Холокосте и нацистских концлагерях «Маус: Рассказ выжившего». Это книга о Владеке Шпигельмане, еврее, прошедшем через ужас концентрационных лагерей в гитлеровской Европе, и его сыне-художнике, который пытается осмыслить историю отца и разобраться в своих непростых отношениях с ним.

По своей природе графический роман Арта Шпигельмана «Маус» – это автобиографическое повествование, посвященное истории жизни отца автора, пережившего холокост в годы Второй мировой войны, пребывание его в концентрационном лагере Аушвиц и непростое возвращение к той жизни, которая осталась у него после войны. Помимо этого, в произведении прослеживается история взаимодействия отношений автора и его отца. Благодаря своей автобиографичности, в романе находят отражение такие личностные переживания писателя, как самоубийство матери, смерть старшего брата, которого Арт Шпигельман не знал, и наконец, сложные отношения с отцом, которые становятся ясными уже с первых страниц графического романа.

Текст графического романа основан на личностно-ориентированном (бытовом) дискурсе, так как суть жанра рассчитана на простоту восприятия и по своей направленности текст графического романа является информирующим, описательным, повествовательным и дискуссионным. Типовая модель прагматического контекста в дискурсе графического романа «Maus» основывается на информационно-дескриптивном, функционально-динамическом, структурно-композиционном и диспозиционально-оценочном субконтекстах.

Графический роман «Maus» содержит два эксплицитных информационных фокуса. Главный информационный фокус определяется названием частей. Исследуемый текст имеет три уровня заглавий: общее название дилогии: “Maus: A Survivor’s Tale” («Маус: Рассказ выжевшего»), заглавие первой и второй частей: “My father bleeds history” («Мой отец кровото-

чит историей») и “And here my troubles began” («И ту начались мои неприятности»), и глав: “The sheik” («Шейх»), “Prisoner of war” («Военнопленный»), “The noose tightens” («Петля затягивается»), “Mouse holes” («Мышиные норы»), “Mouse trap” («Мышеловка»), “Mauschwitz” («Маушвиц»), “Auschwitz (time flies)” («Аушвиц (время летит)»), “…And here my troubles began…” («…И тут начались мои неприятности»), “Saved” («Спасен»), “The second honeymoon” («Второй медовый месяц»). Заглавие – это первый компонент художественного текста, с которым встречается читатель. Согласно В.А. Кухаренко: «Заданное в заголовке слово «пронизывает» весь текст, связывает его» [10, с. 92]. Заглавие напрямую связанно с тестом, оно подготавливает читателя и задает определенный вектор восприятия. Исходя из названия и сопроводительного графического компонента у читателя складывается приблизительная картина того, каким образом могут развиваться события в предстоящей главе, а также складывается предварительное оценочное мнение, которое настраивает читателя на восприятие трагичных, положительных либо нейтральных сюжетных линий.

Второстепенный информационный фокус содержится в самом тексте: это рассказ Владека Шпигельмана о своем жизненном опыте в гетто, Освенциме и «марше смерти» на Дахау, а также это глубоко личная история автора, его попытка разобраться в своих непростых отношениях с отцом.

Имплицитный прагматический контекст выявляется при детальном анализе языковых средств представления информации. Так, рассматривая подзаголовок первой части “A survivor’s tale” («Рассказ выжившего»), можно утверждать, что название, на первый взгляд, посвящено Владеку Шпигельману, который прошел Холокост, однако, рассматривая название с точки зрения Арта, утверждение может быть оспорено в силу того, что Арти в конце произведения «переживает» Владека, поэтому каждого из героев мы можем определить как «выживший/survivor».

Название вызывает интерес и с лингвистической точки зрения. Так, слово «maus» по произношению является схожим как в английском, так и немецком языках. На первый взгляд, с фонетической точки зрения можно предположить, что название является английским, поскольку графический роман был написан американским автором, однако слово «мышь» написано по-немецки и обосновано это тем, что автор указывает на «язык Холокоста», на язык, на котором говорит большинство виновных. Кроме того, слово “tale” /teɪl/ (рассказ) фонетически идентично слову “tail” /teɪl/ (хвост), которое связывает название с представленными персонажами – животными.

Графический роман состоит из двух томов: “My father bleeds history” («Мой отец кровоточит историей») и “And here my troubles began” («И тут начались мои неприятности»). Название первой части «намекает» на два аспекта. Во-первых, это страдания Владека – выживание в гетто и преодоление трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться. Во-вторых, название визуализирует, насколько трудно было Владеку вспоминать о своем жизненном опыте. Это отчетливо видно на примере многих сцен, в которых Владек вместо Холокоста пытается поговорить о насущных проблемах настоящего: своем несчастливом браке, о таблетках или своей болезни.

Заглавие “And here my troubles began” («И тут начались мои неприятности») – это название второго тома произведения, которое также характеризуется своей неоднозначностью. Изначально читатель предполагает, что слова принадлежат Владеку и ссылаются на тот момент, когда евреев переправляли из Освенцима в Дахау. Фактически же название ссылается на неспособность Арти отобразить Холокост и все то, что там происходило посредством графического романа во втором томе произведения. Этой проблеме во второй части Арт Шпигельман посвящает главу, в которой он борется со своими чувствами и неспособностью продолжать работу над романом. Эти события совершаются в то же время, когда Владека переправляли в Дахау.

Прагматический имплицитный контекст возникает тогда, когда расширяется интерпретационная основа восприятия. В первой главе «The sheik» («Шейх») идет повествование о жизни Владека в довоенное время, однако во время первого интервью автор иллюстрирует руку Владека с изображением татуировки (номер заключенного концентрационного лагеря). Татуировка – это историческая аллюзия, которая выступает в роли информационно-исторической экспликатуры. Наличие таких внетекстовых, расширяющих ситуативное восприятие сведений изменяет прагматический контекст и вектор восприятия информации. Взаимодействие исходного текста: “I still want to draw that book about you… The one I use to talk to you about… about your life in Poland, and the war.” («… Я все еще хочу сделать комикс про тебя… Помнишь, мы обсуждали… про твою жизнь в

Польше, про войну») [16, p. 12] и изображения татуировки дает читателю веские основания предполагать, что центральный рассказ Владека будет связан с Холокостом.

В силу того, что графический роман – это история не только о Владеке Шпигельмане и его выживании в концентрационных нацистских лагерях, но и история о непростых взаимоотношениях отца с сыном, прагматический контекст представляет собой двухуровневую структуру восприятия действительности.

Информационно-дескриптивный контекст предназначен для того, чтобы сделать первоначально заданную прагматическую направленность текста абсолютно очевидной. Поле, формирующее прагматический контекст, связанный с взаимоотношениями отца с сыном, обнаруживается в комментариях автора, приводящихся в начале глав: “I went out to see my Father in Rego Park. I hadn’t seen him in a long time – we weren’t too close” («Я поехал навестить отца в Риго-парке. Я давно с ним не виделся – не так уж мы были близки») [16, p. 10], “Another visit” («Еще один визит») [16, p. 130], “Summer vacation” («Летние каникулы») [17, p. 11], “Winter…” («Зима…») [17, p. 120]. Представленные комментарии, наделенные личной информацией о взаимоотношениях Арти с отцом, программируют ход читательской интерпретации, указывая на отсутствие теплых отношений между героями.

Помимо комментариев автора, характеристика взаимоотношений между героями обнаруживается и в самих диалогах, которые отражают нежелание Арти выслушивать проблемы отца:

Владек: “… I tell you, with Mala I don’t know what to do. She-” («…Говорю тебе, с Малой я не знаю, что делать. Она-»)

Арти: “Please, Pop! I’d rather not hear all that again!” («Пожалуйста, пап! Сколько можно!») [16, p. 44].

Владек: “Mala makes me crazy. Only she talks about money, always about…” («Мала сводит меня с ума! Только она говорит о деньгах, всегда о…»)

Арти: “Please, Pop!.. Let’s talk about it next time.” («Хватит, пап!.. Давай потом это обсудим») [17, p. 67].

Эксплицитный вектор восприятия и интерпретации действий Арти, характеризующий его отношение к отцу, находит отражение в его словах во время беседы со своей женой:

Франсуаз: “Maybe he could move in here with us.” («Может, ему переехать к нам?»)

Арти: “Are you nuts? His heart can’t take our four flights of stairs. It’s the best thing about this place. Besides, what if he says yes!” («Совсем с ума сошла? Его сердце не выдержит наши четыре пролета лестницы. Я потому и выбрал эту квартиру. А вдруг он согласится!») [17, p. 120].

Может показаться, что первая часть высказывания Арти выражает его обеспокоенность о здоровье отца и формирует положительный образ персонажа, однако прочтение второго предложения вносит свои коррективы, в очередной раз подтверждая равнодушие сына. В данном примере проявляется диспозиционально-оценочный контекст, который представляет собой интегральное и интерконтекстуальное образование. Явные и скрытые, языковые и речевые, социально и культурно обусловленные смыслы и значения информационного, дескриптивного, функционального и композиционного контекстов формируют оценочный контекст, который продуцирует эмоционально-психологический и культурно-ценностный интерпретационный импульс, результатом которого становится сверхконтекстуальная сущность, а именно, отношение реципиента к описываемым событиям.

Значительную часть эксплицитной информации в графическом романе занимает повествование Владека о своем прошлом. Поле, формирующее прагматический контекст, связанный с гонением евреев и жестокостью нацистов, включает такие предложения как: “synagogues burned” / синагоги жгли /, “Jews beaten with no reason” / евреев били без причины /, “we just didn’t have what to eat” / у нас было нечего есть /, “some kids were screaming, so the Germans swigged them by the legs against a wall” / некоторые дети кричали, поэтому немцы били их за ноги об стену /, “they shouted on us” / они кричали на нас /, “they took from us our paper, our clothes and hair” / они забрали у нас документы, вещи и волосы /, “they registered us and gave me my number” / они нас зарегистрировали и выдали мне номер /, “only they hit him and they laughed” / они только били его и смеялись /.

Сильное прагматическое воздействие на реципиента оказывает повествование, связанное с газовыми камерами и сжиганием евреев в крематориях: “Their fingers were broken from trying to climb up the walls… and sometimes their arms were as long as their bodies pulled from the sockets.” / у многих пальцы были переломаны от попыток забраться на стены… а у некоторых руки доставали до ног, их вырывало из суставов /, “The other had to jump in the groves while still they were alive… Prisoners what worked

there poured gasoline over the live ones and the dead ones. And the fat from the burning bodies they scooped and poured again so everyone could burn better." / другим приходилось прыгать в могилы, пока они еще были живы… заключенные, что там работали, поливали бензином живых и мертвых. А жир с горящих тел собирали и поливали сверху, чтобы все горело еще лучше. /. Рассказ Владека о газовых камерах и кремации сосредоточивает читательское внимание на ужасе и неописуемой боли сгоревших заживо: "and those what finished in the gas chambers before they got pushed in these graves, it was the lucky ones." / и те, кто отправились в газовые камеры до того, как попасть в эти могилы, им еще повезло/. Семантика слова "lucky" - "having, bringing, or resulting from good luck" / «удачливый» – «результат или следствие счастливого случая» / [15], характеризующаяся положительной окраской, программирует читательское восприятие, создавая сравнительный образ того, насколько ужасной и мучительной была казнь на фоне газовых камер.

Частотность употребления определенных лексических единиц, их семантико-ассоциативная связь усиливает вес контекстуально-прагматических компонентов, формирующих перцептивно-интерпретационный вектор адресата информации. Такие словосочетания, как "thousands-hundreds of thousands of Hungarians" / тысячи…сотни тысяч венгров /, "the biggest pile of bodies" / самая большая куча тел /, "thousands of prisoners" / тысячи заключенных /, "all the Jews of Sosnowiec and the other villages" / все евреи Сосновца и других деревень / эмоционально усиливают цифровую информацию слова "dead" / труп / и задают мощный оценочный вектор восприятия и отражения масштабов расистских действий нацистов против еврейского народа.

Итак, на основании проведенного исследования дискурсивного пространства графического романа «Maus» было определено, что дискурс графического романа имеет в своей основе креолизованный текст секвенциальной природы, сочетающий вербальные и визуальные элементы и основанный на социальных и социокультурных характеристиках автора, а также его прагматических установках. Данный креолизованный текст обладает как явным, так и скрытым прагматическим потенциалом, находящим свое отражение в комплексе контекстуальных речевоздействующих средств.

Так, прагматический контекст графического романа Арта Шпигельмана «Maus» имеет сложную структуру, которая основывается на информационно-дескриптивном, функционально-динамическом, структурно-композиционном и диспозиционально-оценочном субконтекстах. Каждый прагматический субконтекст имеет свой план выражения, в основу которого заключены языковые единицы, а также эксплицитные и имплицитные значения, при этом анализ текстов с помощью субконтекстов выявляет новые значения и смыслы, приводящие к возникновению сверхконтекстуальной сущности, в результате которого определяется отношение реципиента к представленной информации. При рассмотрении дискурсивных средств прагматического воздействия мы пришли к выводу о том, что графический роман, являясь коммуникативно-направленным вербальным произведением, передает определенную авторскую оценку и чувства, выраженные с помощью языкового знака, которые находят отражение в названиях частей и глав произведения, а также в коммуникации между героями.

Прагматический потенциал графического романа дополняется также за счет графического компонента, который оказывает значительное воздействие на чувственный базис реципиента. Изображение в рамках исследуемого произведения, с одной стороны, выступает инструментом отображения авторского представления описываемого мира, с другой стороны, механизмом, который вызывает эмоциональную реакцию читателя, а также вынуждает признавать отображенные на страницах события. Таким образом, изображение, вступая во взаимодействие с вербальным текстом, выстраивает и направляет читательское воображение в соответствии с прагматическими установками автора произведения.

Литература

1. Англо-русский словарь ABBYY Lingvo-Online URL: http://www.lingvo-online.ru (Дата обращения: 21.04.2017).
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Энциклопедия, 1990. 137 с.
4. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. №4. С. 333–342.
5. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранный язык в школе. 1982. №5. С. 7–11.
6. Гуляева Т. В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения. М.: Пермь, 2009. 36 с.

7. Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал URL: http://gtmarket.ru/concepts/6935 (Дата обращения 23.04.2017).
8. Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 259–336.
9. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2010. С. 5–20.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Перемена, 2002. 476 с.
11. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. институтов. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
12. Наер В. Л. Дискурс и речь: речевое произведение // Сборник научных трудов МГЛУ. М.: МГЛУ, 2006. С. 7–15
13. Ользико Н. С. Художественный дискурс как полилог автора. Читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60. №22 (248). С. 164–166.
14. Руднев В. П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: дисс. … докт. филол. наук. Москва: Институт языкознания РАН, 1996. 210 с.
15. Oxford American Dictionary URL: http://www.lingvo-online.ru) (Дата обращения: 23.04.2017).
16. Spigelman A. Maus I: A Survivor's Tale: My Father Bleeds History. N.Y., 1992. 162 p.
17. Spigelman A. Maus II: And Here My Troubles Began. N.Y., 1992. 138 p.

References

1. Anglo-russkii slovar' ABBYY Lingvo-Online *(ABBYY Lingvo-Online Electronic Dictionary)*. URL: http://www.lingvo-online.ru (Accessed: 21.04.2017). (In Russian).
2. Apresyan Yu. D. Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira *(Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world)* // Semiotika i informatika. 1986. Issue 28. P. 5–33. (In Russian).
3. Arutyunova N. D. Diskurs *(Discourse)* // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. Moscow: Entsiklopediya, 1990. 137 p. (In Russian).
4. Bulygina T. V. O granitsakh i soderzhanii pragmatiki *(On the boundaries and content of grammar)* // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1981. No. 4. P. 333–342. (In Russian).
5. Gak V. G. Pragmatika, uzus i grammatika rechi *(Pragmatics, usus and grammar of speech)* // Inostranii yazik v shkole. 1982. No.5. P. 7–11. (In Russian).
6. Gulyaeva T. V. Politicheskii i khudozhestvennyi diskurs: tochki soprikosnoveniya *(Political and fiction discourse: points of correlation)*. Moscow: Perm', 2009. 36 p. (In Russian).
7. Gumanitarnye tekhnologii. Informatsionno-analiticheskii portal *(Humanitarian technologies. Informative-analytical portal)*. URL: http://gtmarket.ru/concepts/6935 (Accessed: 23.04.2017). (In Russian).
8. Deik T. A. van. Voprosy pragmatiki teksta *(Issues of text pragmatics)* // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1978. Issue 8. Lingvistika teksta. P. 259–336. (In Russian).
9. Karasik V. I. O tipakh diskursa *(On the types of discourse)* // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sbornik nauchih trudov. Volgograd: Peremena, 2010. P. 5–20. (In Russian).
10. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs *(Language circle: personality, concepts, discourse)*. Moscow: Peremena, 2002. 476 p. (In Russian).
11. Kukharenko V. A. Interpretatsiya teksta: ucheb. posobie dlya studentov ped. Institutov *(Interpretation of text: textbook for students of pedagogical institutes)*. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 192 p. (In Russian).
12. Naer V. L. Diskurs i rech': rechevoe proizvedenie *(Discourse and speech: produced speech)* // Sbornik nauchnykh trudov MGLU. Moscow: MSLU publ., 2006. P. 7–15. (In Russian).
13. Ol'ziko N. S. Khudozhestvennyi diskurs kak polilog avtora, chitatelya i teksta *(Fiction discourse as the polylogue of the author, the reader, and the text)* // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2011. Vol. 60. No. 22 (248). P. 164–166. (In Russian).
14. Rudnev V. P. Teoretiko-lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo diskursa: abstract of thesis *(Theoretical linguistic analysis of fiction discourse: D.Sc. thesis paper)*. Moskow: Institute of language study of RAS, 1996. 210 p. (In Russian).
15. Oxford American Dictionary URL: http://www.lingvo-online.ru (Accessed: 23.04.2017).
16. Spigelman A. Maus I: A Survivor's Tale: My Father Bleeds History. N.Y., 1992. 162 p.
17. Spigelman A. Maus II: And Here My Troubles Began. N.Y., 1992. 138 p.

УДК 801.7

И. В. Купреева

ЦЕННОСТНАЯ ДОМИНАНТА КАТЕГОРИИ НАСИЛИЯ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ[1]

В статье рассматривается феномен «новой новой драмы» в русской литературе с точки зрения соотношения объективных факторов социально-исторического развития российского общества рубежа XX–XXI веков и внутренних закономерностей литературного процесса. Современная отечественная драматургия представлена областью критической рефлексии новой социальной и духовной реальности, гротескным зеркалом, отражающим наиболее кризисные моменты общества консюмеризма в метафизическом контексте. Они связаны, прежде всего, с гипертрофированным статусом личности в культуре современности, крушением понятия «авторитет», разрушением традиционных аксиологических систем и духовно-нравственных опор человеческого бытия. Новейшая драма выступает образцом философского художественного текста (подобно драматургии модернизма и авангарда), однако трансляция вневременных тем и идей в нем осуществляется принципиально новыми средствами «гипернатурализма» или «метафизического натурализма». Автором поставлена проблема доминантной позиции категории насилия (воплощающейся в разветвленной сети телесной метафоры, сценах и мотивах, драматургической канве) в поэтике драматургов «новой волны» и «новой новой драмы». Продемонстрировано, что стратегии насилия в драматургическом тексте последних имеют характер универсальной коммуникативной системы, участвуют в построении элементов формы и содержания, определяют жанровую принадлежность и приобретают особый, аксиологический, статус поиска альтернативных смыслов, идей, императивов в условиях нравственного релятивизма современности.

Ключевые слова: отечественная драматургия XX–XXI веков, «новая новая драма», категория насилия, коммуникативная система насилия, ценностная амбивалентность, кризис веры и цивилизации, эпоха «автономного человека».

I. V. Kupreeva

A VALUE DOMINANT OF VIOLENCE IN CONTEMPORARY RUSSIAN DRAMA

This article examines the New New Drama from the perspective of influences that historical and social changes of late XX – early XXI centuries had on Russian literary process. It also concentrates on the objective laws of Russian literature course. Modern Russian drama is viewed here as a method of conceptualization and criticism of new social and cultural reality, a grotesque mirror showing the consumerist crisis, which is first and foremost connected to excessive role of individual in modern culture, disruption of authority as a concept, destruction of the traditional axiological systems and demolition of moral law. Yet contemporary drama serves as an example of philosophical fiction (similar to modern drama and experimental plays), it uses fundumentally new practices – such as hypernaturalism or metaphysical naturalism – to explore eternal values and themes. Author raises the problem of motif of violence (expressed in wide extensions of the corporal metaphor, scenes, motifs, storylines etc.) holding dominant position in plays of New Wave and New Drama. It is shown in the article that in the context of modern moral relativity, the strategy of violence in drama obtains axiological status and transforms into a search for alternative ideas, denotations and imperatives.

Key words: Russian drama of XX–XXI century, New New Drama, motif of violence, communicative system of violence, ambivalence of values, crisis of religion and civilization, age of an autonomous man.

Художественные опыты современной отечественной драматургии, терминологически объединенные номинацией «новая новая драма», уже на протяжении более чем двадцати лет

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №16-34-00034 «Истоки жанрового синтеза в поэтике отечественной драматургии XX – XXI вв.».

выступают в авангарде культуры и неизменно фокусируют на себе пристальное внимание широкой общественности и профессионалов.

В среде театральных деятелей, критиков и литературоведов существуют последовательные сторонники и столь же последовательные противники «новой новой драмы», что отражается на дискурсе ее изучения, отличающемся резкой полярностью оценочных, аксиологических и эстетических категорий.

Один из самых крупных и авторитетных исследователей современной литературы М. Липовецкий, рассуждая о непрерывно возрастающем потоке драматургического текста и его роли индикатора облика и спецификации современного культурного пространства в целом, отмечает, что столь рельефная актуализация драматургии современностью имеет глубоко мотивированный характер. Неоднократно обращаясь в своих работах к драматургическому роду [см.: 11, 13, 14], ученый видит причину его столь значительной интенсификации в столкновении/соотношении объективных факторов социально-исторического развития российского общества последней трети XX – начала XXI века и внутренних закономерностей литературного процесса. Так, согласно М. Липовецкому, современная драматургия выступает критической рефлексией новой социальной реальности, достигшей состояния стабильности после коренных трансформаций перестроечного времени: «Драма, находящаяся на подъеме, в сущности, всегда сфокусирована на несбывшихся надеждах. Ее интересуют те, кто платит за социальный сдвиг, те, кто получают пощечины, те, кого повернувшаяся история столкнула куда-то в канаву... Именно драма начинает биться головой о стену новой социальности. О ту самую стену, которая еще недавно казалась дверями в светлое будущее » [13, с. 254]. Современный ученый встраивается в давнюю научную дискуссию о сущностной специфике драматического, при этом, он подчеркивает, что драматургия по своей родовидовой принадлежности, вопреки традиционным представлениям об активной и главенствующей природе сценического действия, предстанет не областью фабульной динамики, но – сферой социально-философских размышлений, некоторой стагнации преобразующего общественного поступка. На наш взгляд, это положение представляется справедливым по большей части по отношению к некоторым художественным явлениям драматургии XX века, в частности, – к совершившемуся в начале века эстетическому открытию феномена «новой драмы» и ее последующей традиции.

Драматургическое искусство с периода античности осмысливается как трибуна активного социального акта, что наиболее рельефно и последовательно проводят в своих теоретических трактатах о театре просветители Д. Дидро и Г.-Э. Лессинг. Идея драмы как преобразующего действия находит регулярную реализацию на практике в течение всего времени существования драматургического рода вплоть до конца XIX века. Так, все крупные мастера русской сцены от А. Сумарокова до А. Островского выявляли в драматургии, кроме психологических факторов поведения персонажа, механизмы социального воздействия, изменения общественной ипостаси человека либо путем комедийного бичевания, либо трагедийно-драматического сопереживания. Однако XX век, как время исторического раскола эпох и общественных формаций, гуманистических катаклизмов и технических – техногенных революций, ставит перед драматургией иные приоритетные задачи, более сопряженные не с активным преобразующим социум поступком (в силу разочарования в общественном устройстве в целом), а с осмыслением цивилизационного кризиса, познанием окружающей действительности и ее метафизических составляющих. Над мировой историей и культурой нависла тень трагического рока, предощущение апокалептического конца человечества, вызванные ужасом Первой мировой войны и многократно усиленные в России революцией и гражданской войной. «Новая драма» рубежа XIX–XX веков предстает, прежде всего, драмой философской рефлексии, драмой идей (показательным примером в этом отношении выступает экспериментальная драматургия В. Брюсова, религиозно-философская драма Дм. Мережковского, философская драма А. Белого, А. Блока, З. Гиппиус, А. Ремизова, драма «панпсихе» Л. Андреева), призванной ответить на вызовы времени, адекватно осмыслить человека и окружающее его пространство, как социальное, так и бытийственное.

Духовно-эстетическая наследница «новой драмы» сегодня – «новая новая драма» рубежа XX–XXI вв. – вновь представляет образцы философского художественного текста. Однако обращение к вневременным темам и проблемам осуществляется не через символику, аллегорию, иносказание, интертекстуальность или притчевость, как наиболее распространенные приемы начала XX века, но эпатажно, через жесткие бытовые реалии, «чернушную» эстетику «гипернатурализма» (указанные работы Липовецкого М.), «метафизического на-

туралиста», «натуралистического сентиментализма» (Лейдерман Н. о художественном феномене Н. Коляды [см.: 9, 10]) или, как его еще называют, «грязного реализма» (А. Мещанский о драматургическом творчестве Л. Петрушевской [см.: 16]). Для нас наиболее идентичным обозначением мировоззренческо-эстетического комплекса новейшей драматургии (в ее наиболее характерологических образцах, таких как «Кислород» И. Вырыпаева или «Пластилин» В. Сигарева) выступает термин «метафизический натурализм», развивающийся в парадигме последней версии постмодернизма – постмодерн-традиционализма (о концепции последнего [см.: 4, 12, 17]) и в котором за провоцирующими деталями, неизменно связанными со стратегиями насилия, физического, морального и духовно-нравственного качества, угадываются глубинные смысла, связанные с поиском альтернативных истин и ценностной точки опоры в условиях морально-нравственного релятивизма современности.

Насилие на уровне фабульной организации и образной системы пьес, абстрактность физиологических, подчеркнуто телесных деталей в новейшей отечественной драматургии приобретает особый категориальный статус, становится универсальной коммуникативной системой, определяет смысловое и аксиологическое наполнение текстуальной реальности, ее структурную специфику. Необходимо отметить, что именно эти смысловые переориентации, осуществляемые современной драмой, оказывают влияние на жанровую дифференциацию пьес. Значимость, а порой и абсолютизация категории насилия авторами, режиссерами и критиками российского театра, с одной стороны, обусловлены взаимосвязанностью механизмов насилия, перформативности и трансгрессии как базовых и определяющих самобытный и самоценный облик «новой новой драмы» [см.: 11, 15], с другой стороны, неизменно предполагают «теневую» составляющую. Оборотная сторона «метафизического натурализма» современных драматургических опытов, определяющая сложность их прочтения и неоднозначность существующих интерпретаций, связана с закономерными следствиями непосредственных человеческий реакций, непроизвольным стремлением защититься от агрессии и жестоких, вводящих в шоково-отрезвляющее состояние практик. Физиологическая образность и натуралистическая детализация в ее множественных дроблениях и многократных гипертрофиях выступает опорным звеном текстуальной реальности современной драматургии. Сценография оказывается перенасыщенной атрибутами деструктивных насильственных манипуляций с героем и персонажей друг с другом, а зритель-читатель словно становится заложником разгулявшегося хаоса, представленного сменой картинок: от мелких материально-телесных снижений-хулиганств («Европа-Азия» братьев Пресняковых, «Трусы» П. Пряжко) и сцен бытовой униженности, имеющей характер нормы («Три девушки в голубом» Л. Петрушевской, «Русское варенье» Л. Улицкой, «Корабль дураков» Н. Коляды), до гротескного расчленения-поедания человеческого тела («Июль», «Кислород» И. Вырыпаева, «Изображая жертву» братьев Пресняковых), изощренных избиений и изнасилований, самоубийств, полного морального уничтожения («Собиратель пуль» Ю. Клавдиева, «Пластилин», «Божьи коровки возвращаются на небо» В. Сигарева, «Санитарная норма» С. Кирова, «Возчик» В. Калитвянского). Так, подчеркнуто рельефная позиция категории насилия в художественной системе и монопольно выполняемая ею смыслопорождающая функция, делают непрозрачными глубинные слои текста «новой новой драмы», направленной на неприятие формирующегося социума и цивилизации. В современной драме наблюдается глубокую амбивалентность / диссонанс «насильственных практик», когда действие, деструктивное в своем ядре и понимаемое обществом как разрушительное, служит целям авторского созидания новой современности, утверждения иных этических и эстетических императивов.

Насилие в современном постмодернистском театре предстает мультифеноменом, призванным к решению нескольких первостепенных задач формально-содержательного характера.

Со стороны идейно-смыслового наполнения драмы демонстрация насилия выступает инструментом социально-философской критики, вскрывающим изъяны-искажения как разнообразных социальных институтов, так и человеческой природы, и сопряжена, прежде всего, с поиском доцивилизационных гуманности и духовности (устойчивых, не относительных аксиологем, например, таких как человеческая жизнь). Эта парадоксальная мировоззренческая и эстетическая установка «новой новой драмы», в которой антиценность замещает ценность с своей функциональной значимости, может быть объяснена кризисом XX века – глобальным «падением» веры во все сущее, и, в первую очередь, – в Бога и человека, как его образа и подобия. Фиксация столь значи-

мых глобализационных культурных тенденций определяет необходимость осмысления новейшей отечественной драматургии не в локальной зоне конкретного художественного феномена или национальной литературы, но в русле общемирового развития культуры с обнаружением типических черт современности.

История европейской цивилизации предстает, согласно концепции Ханса Зедльмайр, историей поэтапной секуляризации культуры от гуманистических идеалов, вплоть до полного дистанцирования от влияния каких-либо духовных авторитетов. В своем поступательном движении, оставив позади три периода развития: «Бог как Господь. Предроманика и «романика»» (550–1150); «Богочеловек. «Готика»» (1140–1470); «Богочеловек и «божественный» человек. Ренессанс и барокко» (1470–1760), – культура достигла, по мысли искусствоведа, четвертой эпохи «Автономного человека» (с 1760 года по ?). Ее представитель прошел через тотальное крушение каких-либо религиозных верований и усомнился в самой возможности существования устойчивых морально-нравственных координат. Эта эпоха, утверждает Зедльмайр: «стоит под знаком разрыва между Богом и человеком, под знаком мнимо «автономного» человека и замены тринитарного Бога новыми богами и божками: природой и разумом (пантеизм, деизм), искусством (эстетизм), машиной (материализм), хаосом (анархизм)» [8, с. 220]. Как следствие, сущностной характеристикой современной культуры и искусства становится, по мысли ученого, манифестированное отторжение всего человеческого, разрушение традиционных систем ценностей и «трансцендирование человека не вверх, а вниз».

Аналогичную трансформацию гуманистических представлений человека в процессе смены типов художественно-литературного сознания и типов литературы: от религиозно-риторического, через светски-риторический, до эстетического типа литературы, – прослеживает теоретик литературного процесса Е. М. Черноиваненко: «В истории русской словесности, начинающейся с XI в, как и во всей послеантичной истории европейской литературы, мы выделяем три типа литературы (и, соответственно, три типа художественно-литературного сознания): религиозно-риторический, светско-риторический и эстетический. Их становление, развитие и смена в каждой из национальных литератур Европы проходили в разное время. В русской литературе стадия религиозно-риторического типа литературы охватывает период с XI до середины XVII в., стадия светско-риторического – период с середины XVII до 2-й трети XIX в., после чего начинается стадия эстетического типа литературы, длящаяся по настоящее время» [17]. Важно подчеркнуть, что согласно исследователю (который в аксиологическом срезе развивает мысли, конспективно изложенные в статье «Категории поэтики в смене литературных эпох» С. С. Аверинцева, М. Л. Андреева, М. Л. Гаспарова, П. А. Гринцера, А. В. Михайлова [1]), последний этап в истории русской литературы отмечен формированием понятия индивидуальности, не существовавшим до того и произведшим своим появлением тектонический переворот в области культуры: «Все более отделяющийся от мира человек все выше ценил свою индивидуальность. Чем меньше величия и значимости оставалось в эпоху секуляризации у Бога, тем большими величием и значимостью исполнялся человек как индивидуальность» [17]. Именно с осознанием-принятием личностного принципа и первостепенной значимости индивидуальных основ эстетического действия связаны в литературе XIX–XXI веков стремление к абсолютной свободе творчества, утверждение самоценности художественного произведения и самовитости слова, обнажение воли автора, единственно которой и определен аксиологический каркас эстетического полотна (его разрушение или принципиальное отсутствие – как возможных вариантов).

Современное искусство, безусловно, строится на авторитете индивидуального начала, что чаще всего проявляется в наиболее радикальных, гротескно-абсурдных формах, выливающихся в десакрализацию, дегуманизацию и анархическое разрушение всех видов бытования общезначимых традиций и ценностей в последней культурной парадигме – парадигме постмодернизма. И именно постмодернизм активно апеллирует к насилию как смыслообразующей парадигме. В постмодернистских деконструкциях авторитетных дискурсов, децентрации субъектно-объектной природы высказывания, а также в особой категории философии и эстетики постмодернизма – постмодернистской чувственности, тошнотворности письма мы усматриваем крайнюю степень идейно-эстетического претворения стратегий насилия и наиболее глубокое укоренение их в структурах текста. Поэтому совершенно закономерным, связанным со стремлением обозначения/описания скрытых пружин-мотиватов собственного творчества представляется обращение писателей-постмодернистов в своих

теоретических работах и метатекстовых высказываниях к вопросам падения гуманистических идеалов в XX веке, откровенно названным Вик. Ерофеевым временем Маркиза де Сада [5, 6]. Так, писатель, являющийся ключевой фигурой русского постмодернизма, выделяет три определяющих этапа развития гуманистической мысли в России: период, оправдывающий веру в человека верой в Христа и достигающий своего расцвета в XIX веке, в творчестве Ф. М. Достоевского; веха классового гуманизма, отличающегося этикоцентризмом, но отражающего все противоречия советской эпохи; современная эпоха, которую можно обозначить как время осознания «подлой человеческой природы» и необратимого краха всех гуманистических идеалов [5].

Художественное моделирование в существующих условиях эпохи постмодернизма предстает проводником насилия, обнажающего и высвобождающего подлинную природу человека. Важно отметить аксиологическую амбивалентность, которую Ерофеев обнаруживает в ситуации утраты культурой ее гуманистической платформы. С одной стороны, «крушение гуманизма» выступает одновременно и причиной, и следствием ценностной дезориентации человеческого существования, предоставляющей почву для «легализации» животных, биологических инстинктов, разрушительных проявлений подсознательной природы человека. С другой стороны, гуманистический «провал» – это возможность реализации свободы без маски снобизма, что является абсолютно значимым в постмодернизме и достигается эта свобода преодолением критическим сознанием («здоровый скептицизм») ложных и тяготящих человеческое естество иллюзий и утопий.

Итак, обращение к изображению образов, сцен и мотивов, связанных с насилием, современными писателями и драматургами служит универсальным маркером дегуманизации общества и личности формации постмодерн, когда все, имеющее ранее ценностное наполнение, превратилось в фикцию, полую форму. При этом, концепция насилия, столь последовательно актуализируемая «новой новой драмой», не является принципиальной новацией и имеет прочную театральную традицию. Обращение к шокирующим эстетическим практикам имеет авангардистские истоки, одним из которых выступает театр Арто, на что неоднократно указывали литературоведы (М. Липовецкий, О. Журчева, А. Мещанский): «По мысли философа (Антонена Арто – *К. И.*), жестокость связана с непрезентируемостью реального… Жестокость и насилие являются, в соответствии с этой концепцией, важнейшими составляющими модернистского и постмодернистского перформансов именно эти элементы свидетельствуют об отсутствии трансцендентальных означаемых, именно они наиболее зримо и воплощают невоплотимость жизни как умопостигаемого целого», – отмечает М. Липовецкий [11, с. 195–196]. Восприятие насилия в качестве универсального заместителя-симулякря утраченных смыслов и ценностей в художественной системе «новой новой драмы» прослеживается во всех последних работах исследователя и находит открытую артикуляцию в его статье, посвященной творчеству братьев Пресняковых как наиболее знаковых представителей новейшей отечественной драматургии: «Перформанс насилия (или театрализованная демонстрация готовности к насилию) выступает в качестве универсального симулякра: он замещает профессиональную этику, желание свободы, любовь, чувство национального или какого-либо иного превосходства, наконец, просто витальность», – отмечает Липовецкий [13. с. 267]. По мысли ученого, для того, чтобы преодолеть кризис идентичности, ощутить границы собственного Я, почувствовать подлинность своего существования герою современной драмы остается только одно – стать субъектом (совершить насилие, причинить боль) или объектом насилия (подвергнуться надругательству над собственными душой или телом, почувствовать боль).

Важным дополнением к осмыслению смыслосодержащих функций категории насилия в качестве единственно действующего инструмента преодоления мнимости существования и возвращения подлинности ощущений в художественном целом «новой новой драмы», является представление о насилии как утверждении альтернативной системы ценностей, отличной от всех предшествующих и соответствующей современному состоянию общества и человека. Развитие мысли об особом ценностном статусе насилия в современных пьесах прослеживается в работах Г. Брандт, которая утверждает, что насилие служит способом утверждения новой парадигмы ценностей, близкой человеческой архаике [2, 3]. Рассуждая о разрушении традиционных представлений о морали и нравственности, а также развенчании кантовского понятия категориального императива Освенцимом и Гулагом, ученый приходит к выводу, что в «новой новой драме», как историческом документе эпохи этика должествования заменена на

этику любви, определяемую не в границах традиционной системы ценностей, но в качестве свободного/хаотического следования собственным желаниям. Констатация новейшей драматургией смерти морали, утверждаемой в качестве идейной доминанты, базируется на том, что герой новой драмы не аморален или нигилистичен, он просто не знаком с понятиями морали и нравственности, ему органически не присущ внутренний императив, он может действовать лишь согласно бытующим, распространенным нравам своего общества. Эти размышления современных исследователей, дающих обоснование эстетическим тенденциям современности, дают нам основание для систематизации обращения к насилию в современных драматических текстах.

На уровне формальных компонентов организации драмы категория насилия участвует в построении экспериментальных структур текста, что способствует позиционированию «новой новой драмы» как технологии противостояния массовой постмодернистской культуре, пространству мейнстрима (изначально эта же идейная установка двигала создателями театра насилия). Так, В. Забалуев и А. Зензинов утверждают, что причина широкого влияния современной драматургии на культурное пространство заключается в выявлении ею возможностей принципиального обновления искусства в целом: «Современная российская новая драма – общекультурный, мультижанровый феномен. Зародившись в первой половине 90-х годов как партизанская попытка горстки молодых драматургов противостоять все умертвляющему театральному мейнстриму, новая драма превратилась в катализатор обновления и поиска в кинематографе, телевизионных жанрах, литературе, музыке, актуальном искусстве» [7].

Жесткий натурализм и деструктивная телесная метафора становится универсальным средством коммуникации в области театрального искусства. Телесность становится универсальным драматургическим языком и показателем ориентаций-тяготений современных авторов или к последовательному развитию постмодернистских принципов, или, напротив, – к художественной синтезии на базе постмодернизма: тело без тела (начальный этап формирование постмодернистской эстетики Вен. Ерофеевым), телесность как механизм деконструкции (применение приемов «чистого» постмодернизма Н. Садур; доведение их до абсурда саморазрушения – П. Пряжко, М. Курочкин, Ю. Клавдиев), нарративная фрагментарность как воплощение в пьесе состояния «постмодернистской чувствительности» (развитие эстетики постмодернизма братьями В. и М. Дурненковыми), тело – показатель духовного кризиса / нравственного поиска (осмысление постмодернистского «тупика», художественное экспериментирование И. Вырыпаева, В. Сигарева, Н. Ворожбит, Е. Греминой), тело – проводник «человеческого комплекса», типологически близкого эстетике сентиментализма (соединение принципов постмодернизма с традициями натурализма, сентиментализма и реализма Н. Колядой).

Подобная имплицитная парадоксальность новейшей драматургии, балансирующей на грани быта и бытия, социального и философского, нравственного и безнравственного, гуманизма и насилия, духа и тела рождает противоречивые прочтения творчества драматургов последней волны (как, в свое время, и их предшественников, уже признанных метров Л. Петрушевской и Н. Коляды). Однако в оперировании категорией насилия как на уровне содержания, так и на уровне формы в современной театральной практике прослеживается попытка социально-философского осмысления общественных реалий и стремления выхода из экзистенциального тупика, наполнения аксиологического вакуума современности. При этом, как показал текстуальный анализ пьес, каждый драматург вырисовывает свой собственный облик – «лик» насилия, преследуя при этом свои собственные аксиологические цели.

Так, И. Вырыпаев находит в проявлении агрессии и демонстрации насильственных действий своими героями путь к освобождению подлинных человеческих желаний. Так, в «Эйфории» и «Кислороде» через убийство и насилие реализуются желания героев любить и ненавидеть, понимаемые в качестве первоосновы жизни, в «Пьяных» – персонажами воплощается возможность (название красноречиво обнажает конфликт пьесы) быть искренним и свободным, и в этой искренности и свободе прочитывается утверждение базовой человеческой потребности, не сковываемой влияниям этических условностей и социальных обстоятельств. Безусловно, проявляемые персонажами Вырыпаева желания сеют смерть и разрушение, тем самым находясь в динамически спорных отношениях с реалиями цивилизационного устройства. При этом, важна положительная коннотация автора в осмыслении деструктивных действий своих героев, когда разрушительное в своей основе желание полу-

чает положительную авторскую оценку. Более того, через насилие, мыслимое как протест против несправедливостей мироустройства и попытка утвердить более гуманные законы существования, осуществляется метафизический диалог героя Вырыпаева с Создателем и ниспровержение библейских истин, оказывающихся устаревшими для современного человека (пьеса «Июль»)

В драматургии В. Сигарева в центре осмысления находится маленький человек (часто подросток, юноша) как объект разрушительного действия субъекта, в качестве которого выступает насилие сложившейся системы взаимоотношений в обществе, тем самым агрессия и разрушение оборачиваются социальной, психологической, моральной и, в пределе, – метафизической нормой («Пластили», «Божьи коровки возвращаются на небо»). Ю. Клавдиев, близкий по драматургическому почерку В. Сигареву, доводит феномен социального насилия до гротескно-пугающего символа человеческой деградации, словно ставя своему реципиенту вопрос – по какой траектории двигаться дальше, возможен ли адекватный духовный поиск человеком современности, или его стезя – самоуничтожение. Этот вопрос, остающийся без ответа, как у Сигарева, так и у Клавдиева, служит утверждению ценности смерти-сопротивления умертвляющей человека действительности,

В пьесе Семена Кирова «Санитарная норма», рисующей пространство безнадежности, жизненной скуки и угасания живой искры жизни, данной человеку от рождения, акт насилия и смерти выступает для главного героя драматургического полотна Мирона освобождением от мучений, долгожданным выходом из богоставленного мира.

В. Калитвянский в своем «Возчике» создает тотальный образ насилия, вырастающий из механизма социального принуждения рядового обывателя политическому режиму, советской власти как гаранту общественной стабильности. Это абстрагированное насилие находит персонификацию в фигуре уполномоченной НКВД Ковтун, фигура которой приобретает в тексте значение символа ирреальных экзистенциальных сил, играющих миром и людьми.

Драматургический текст Е. Греминой «Сахалинская жена» рисует насилие как природную архетипическую склонность человека, обусловленную первородным грехом и определяющую человеческую судьбу в качестве постоянного движения по кругу насилия между его смысловыми точками: предательство – убийство – искупление. При этом, искупление предстает проблематизируемым и открытым финалом спасения человека – его восхождения к прощению, состраданию и счастью (Степан, отказавшийся вновь отомстить за свою поруганную честь мужа, простивший и обретший покой) или же вновь замыкающийся круг насилия (следования инстинктивным желаниям, месть, убийство) и новый вариант искупления в последующих ситуациях (Марина, Ольга, Иван).

Таким образом, обращение к изображению насилия в современной литературе служит маркером дегуманизации культуры эпохи пост, «новая новая драма» как мировоззренческо-эстетический феномен выступает критической рефлексией утраты ценностных установок и ориентиров, мутации-вырождении ранее сакрального и значимого в симулякр. В художественной реальности новейшей отечественной драматургии демонстрация агрессивной телесности, деструктивных сцен и мотивов, сопряженных с насилием и смертью, выступает универсальным эстетическим языком, стратегией конструирования формы и содержания драматургического текста, инструментом отрицания традиционных аксиологических систем и поиском через этап разрушения новых ценностно-смысловых координат.

Литература

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.

2. Брандт Г. А. Консюмеристское насилии и «новая драма»: место перезагрузки // Человек в мире культуры. 2014. №2. С. 3–12.

3. Брандт Г. А. Этика в парадигме культурно-антропологического подхода: «новая драма» о смерти морали // Общество: философия, история, культура. 2016. №1. С. 92–94.

4. Дубровина И. В. Функционирование сентименталистских кодов в поэтике современной драмы (на материале драматургии Н. Коляды): дисс. … канд. филол. наук. М.: РУДН, 2014. 261 с.

5. Ерофеев В. Крушение гуманизма №2 // В. Ерофеев. Страшный Суд. Роман. Рассказы. Маленькие эссе. М.: Союз фотохудожников России, 1996. С. 440–444.

6. Ерофеев В. Маркиз де Сад, садизм и XX век // В лабиринте проклятых вопросов. М.: Союз фотохудожников России, 1996. С. 225–257.

7. Забалуев В., Зензинов А. Новая драма: практика свободы // Новый мир, 2008. №4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/4/za14.html (Дата обращения: 10.03.2017).
8. Зедльмайр Х. Утрата середины. Революция современного искусства. Смерть света. М.: Территория будущего, 2008. 638 с.
9. Лейдерман Н. Л. Драматургия Николая Коляды: Критический очерк. Каменск-Уральский: Калан, 1997. 160 с.
10. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.: учебное пособие для вузов: в 2-х т. Т.2. М.: Академия, 2002. 685 с.
11. Липовецкий М. Перформансы насилия: «новая драма» и границы литературоведения // Новое литературное обозрение, 2008. № 89. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/li12.html (Дата обращения: 30.09.2017).
12. Липовецкий М. ПМС (постмодернизм сегодня) // Знамя, 2002. №5. С. 200–212.
13. Липовецкий М. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых // Новое литературное обозрение. 2005. № 73(3). С. 244–278.
14. Липовецкий М., Боймерс Б. Перформансы насилия: Литературные и театральные эксперименты «новой драмы». М.: Новое литературное обозрение, 2012. 376 с.
15. Макаров А.В. «Новая драма»: поиск литературоведческой оптики для описания метатеатральных экспериментов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. №6. С. 85–89.
16. Мещанский А. Ю. Эстетика бытового абсурда в драматургии Л. Петрушевской // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №6–2(72). С. 35–38.
17. Черноиваненко Е. Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и типов литературно-художественного сознания в русской словесности XI–XX вв. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/chernoiv/ (Дата обращения: 15.09.2017).
18. Эпштейн М. Прото-, или Конец постмодернизма // Знамя. 1996. №3. С. 196–210.

References

1. Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grintser P. A., Mikhailov A. V. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh *(Categories of poetics in the change of literary epochs)* // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya. Moscow: Nasledie, 1994. P. 3–38. (In Russian).
2. Brandt G. A. Konsyumeristskoe nasilii i «novaya drama»: mesto perezagruzki *(Consumerism and the "new drama": the place of reload)* // Chelovek v mire kul'tury. 2014. No. 2. P. 3–12. (In Russian).
3. Brandt G. A. Etika v paradigme kul'turno-antropologicheskogo podkhoda: «novaya drama» o smerti morali *(Ethics in the paradigm of the cultural-anthropological approach: a "new drama" about the death of morality)* // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. No. 1. 2016. P. 92–94. (In Russian).
4. Dubrovina I. V. Funktsionirovanie sentimentalistskikh kodov v poetike sovremennoi dramy (na materiale dramaturgii N. Kolyady) *(The functioning of sentimentalist codes in the poetics of modern drama (based on N. Kolyada's playwriting):* abstract of thesis. Moscow: PFUR publ., 2014. 261 p. (In Russian).
5. Erofeev V. Krushenie gumanizma №2 *(The crash of humanism №2)* // Erofeev. V. Strashnyi Sud. Roman. Rasskazy. Malen'kie esse. Moscow: Soyuz fotokhudozhnikov Rossii, 1996. P. 440–444. (In Russian).
6. Erofeev V. Markiz de Sad, sadizm i XX vek *(Marquis de Sade, sadism and the twentieth century)* // V labirinte proklyatykh voprosov. Moscow: Soyuz fotokhudozhnikov Rossii, 1996. P. 225–257. (In Russian).
7. Zabaluev V., Zenzinov A. Novaya drama: praktika svobody *(New drama: the practice of freedom)* // Novyi mir. 2008. No. 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/4/za14.html (Accessed: 10.03.2017). (In Russian).
8. Zedl'mair Kh. Utrata serediny. Revolyutsiya sovremennogo iskusstva. Smert' sveta *(Loss of the middle. The revolution of modern art. Death of light)*. Moscow: Territoriya budushchego, 2008. 638 p. (In Russian).
9. Leiderman N. L. Dramaturgiya Nikolaya Kolyady: Kriticheskii ocherk *(Dramaturgy of Nikolai Kolyada: Critical essay)*. Kamensk-Ural'skii: Kalan, 1997. 160 p. (In Russian).
10. Leiderman N. L., Lipovetskii M. N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gg. *(Modern Russian Literature: 1950 – 1990-ies)*. In 2 Vols. Vol. 2. Moscow: Akademiya, 2002. 685 p. (In Russian).
11. Lipovetskii M. Performansy nasiliya: «novaya drama» i granitsy literaturovedeniya *(Violence Performances: "New Drama" and Boundaries of Literary Studies)* // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. No. 89. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/li12.html (Accessed: 30.09.2017). (In Russian).
12. Lipovetskii M. PMS (postmodernizm segodnya) *(PMS (postmodernism today)* // Znamya. 2002. No. 5. P. 200–212. (In Russian).
13. Lipovetskii M. Teatr nasiliya v obshchestve spektaklya: filosofskie farsy Vladimira i Olega Presnyakovykh *(The theater of violence in the society of the play: philosophical farces of Vladimir and Oleg Presnyakov)* // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. No. 73(3). P. 244–278. (In Russian).
14. Lipovetskii M., Boimers B. Performansy nasiliya: Literaturnye i teatral'nye eksperimenty «novoi dramy». Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 376 p. (In Russian).
15. Makarov A. V. «Novaya drama»: poisk literaturovedcheskoi optiki dlya opisaniya metateatral'nykh eksperimentov *("New drama": search for literary optics to describe metatheatral experiments)* // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. No.6. P. 85–89. (In Russian).
16. Meshchanskii A. Yu. Estetika bytovogo absurda v dramaturgii L. Petrushevskoi *(Aesthetics of everyday absurdity in drama by L. Petrushevskaya)* // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No.6–2(72). P. 35–38. (In Russian).
17. Chernoivanenko E. Literaturnyi protsess v istoriko-kul'turnom kontekste. Razvitie i smena tipov literatury i tipov literaturno-khudozhestvennogo soznaniya v russkoi slovesnosti XI – XX vv. *(Literary process in the historical and cultural context. Development and change of types of literature and types of literary and artistic consciousness in the Russian literature of the XI–XX centuries)*. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/chernoiv/ (Accessed:15.09.2017). (In Russian).
18. Epshtein M. Proto-, ili Konets postmodernizma *(Proto-or the End of Postmodernism)* // Znamya. 1996. No. 3. P. 196–210. (In Russian).

УДК 8-1751

Е. Ж. Мнацаканян

ПУТЕШЕСТВИЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА НА КАВКАЗ, АНТОЛОГИЯ «ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ» И ОВАНЕС ТУМАНЯН

В настоящее время, когда открываются новые перспективы для русско-армянской литературно-культурной коммуникации, естественно возникает необходимость переосмысления некоторых историко-культурных ценностей.

Одним из событий, имеющих важное значение в истории культур двух народов, стала встреча армянского поэта Ованеса Туманяна со знаменитым русским мыслителем Валерием Брюсовым. В данной статье мы попытались по возможности многоаспектно и всеобъемлюще рассмотреть проблему. В особенности, мы остановились на путешествии Брюсова на Кавказ, связанном с подготовкой сборника «Поэзия Армении», лекциях писателя, в которых он высоко оценил армянскую многовековую поэтическую культуру и, в общем контексте, творчество Туманяна, на личном общении двух писателей, откликах о сборнике в армянской и русской печати и на других вопросах.

Обращаясь к армянской поэзии нового периода, Брюсов с особой любовью говорит об Ованесе Туманяне, называя его “патриархом” новой поэзии, подчеркивает в поэте дар раскрытия национального облика армянского народа, глубинных слоев и оттенков его мировоззрения и психологии. Брюсов видит исключительность армянского поэта почти во всех областях: фольклор, детская литература, публицистика и т.д. и дает формулировку, характеризующую его творческий мир: “В целом, поэзия Туманяна есть сама Армения”.

Ключевые слова: Ованес Туманян, Валерий Брюсов, «Поэзия Армении», осознание ценности, перевод, культурные связи.

E. J. Mnatsakanyan

THE CAUCASIAN TRIP OF VALERI BRYUSOV, THE ANTHOLOGY OF ‘’ARMENIAN POETRY” AND HOVHANNES TOUMANYAN

The meeting of Armenian poet Hovhannes Toumanyan and Valeri Bryusov carries a special weight in the history of national culture. More than a century their short-time but meaningful private and creative friendship has not lost its literary-historical meaning and is rightly understood by Armenian and Russian nations and a symbol of long time connections and spiritual-cultural closeness.

Today, when new priorities are opened for Russian-Armenian literary-cultural communications there is need to reevaluate the historical and cultural clues. This study attempts to look at this issue in light of a multidimensional and a more complete approach. The article particularly focuses on the Caucasian trips of Brusov connected with the preparation of the collection “Armenian Poetry”, Brusov’s lectures of the Armenian century-long culture, the general background and Toumanyan’s appraisals on it, their private ties, the reflections in Russian and Armenian media, and other questions in the framework of these questions.

Addressing the values of the modern Armenian poetry, Bryusov comments on Toumanyan with a special affection naming him the “father” of the Armenian poetry. He highlights the poet’s talent in revealing the national characteristics, understanding of life and the deep layers and shades of the national psychology. Brusov values Toumanyan’s exceptional talent in almost all spheres: rhetoric, child literature, public speaking, and so on. He states the rule describing Toumanyan’s creative world. That is: “On the whole, the poetry of Toumanyan is Armenia itself”.

Key words: Valery Brusov, Hovahannes Toumanyan, “Armenian Poetry”, appraisal of works, translation, cultural connections.

В истории национальных культур нередки случаи, когда личное общение их выдающихся представителей, в силу обстоятельств, приобретало ценность важного культурного события. Это в полной мере можно отнести к встрече армянского поэта Ованеса Туманяна с русским

мыслителем Валерием Брюсовым во время кавказского путешествия последнего.

С первого же знакомства между поэтами возникла некая неподдельная духовная связь, которая спустя короткое время переросла в сердечную дружбу, выдержавшую испытание трудными годами, наполненными общественно-политической, литературно-культурной суматохой. Это свидетельствует о том, что личная близость этих выдающихся представителей двух народов проистекала из глубинного родства двух национальных культур. И не случайно, что многие исследователи, при обращении к русско-армянским литературно-культурным взаимоотношениям, рассматривали связь Брюсов – Туманян как важный литературно-исторический феномен, осмысливая его с точки зрения собственных исследовательских задач.

До личного знакомства с Брюсовым Туманян был отлично знаком с его творчеством, несмотря на то, что они имели разные литературные предпочтения, а Брюсову были известны только некоторые труды армянского поэта в переводе на русский язык. Во время работы над антологией, переводя в числе других некоторые из произведений Туманяна, Брюсов открыл для себя мир армянского поэта – с его глубокой, неповторимой красотой и прелестью. Пребывание Брюсова в Тифлисе стало лишь благоприятным поводом для личного знакомства и сближения двух поэтических душ, которые издали уже стали друг другу родными.

В 1915 году, после резни западноармянского населения в Турции, Московский комитет армян, при поддержке «Общества свободных эстетов», в качестве моральной поддержки армянскому народу, предпринял издание сборника армянской поэзии – с древнейших времен до первого десятилетия 20-го века – в русском переводе. Созданный с этой целью комитет обратился к Максиму Горькому с просьбой взять на себя руководство по составлению и редактированию сборника. Он отказался, поскольку был уже занят подготовительными работами «Сборника армянской литературы», и посоветовал обратиться к Валерию Брюсову. Из-за невладения армянским языком Брюсов поначалу сомневался в принятии предложения, но в конце концов дал согласие. Три месяца подряд он изучал армянский язык и литературу, на разных языках читал литературу, относящуюся к истории и культуре Армении. К работе были привлечены и вместе с Брюсовым осуществляли переводы многие из видных русских писателей: К. Бальмонт, М. Горький, Ф. Сологуб, И. Бунин, Ал. Блок, Ю. Верховский, Ю. Балтрушайтис и другие. На всех них армянская поэзия произвела неизгладимое впечатление.

Интерес русской интеллигенции к сборнику возрастал с каждым днем. Идя навстречу этому интересу, 15 октября 1915 года «Общество свободных эстетов» организовало в Москве специальный вечер, на котором В. Брюсов выступил перед армянской и русской интеллигенцией с обширной лекцией о древней, средневековой и новой армянской поэзии. Лекция получила резонанс, в особенности, в армянских литературно-общественных кругах Закавказья. Печатались статьи, доклады, в которых освещались звучавшие на вечере выступления, переводы и оценки. Издававшаяся в Тифлисе на армянском языке газета «Оризон», к примеру, представляя некоторые подробности вечера, приводит цитату из доклада Брюсова: «Несколько месяцев, как я занимаюсь армянской поэзией. Раньше я понятия не имел о ней, если не считать маленькие отрывочные переводы из Гамара-Катипы и других, которые не могли составить общего художественного впечатления. Но сейчас, когда я ознакомился с Нарекским (Нарекаци), Ахтамарским, Кучаком Наапетом, Саят-Новой, Туманяном, Исаакяном, Цатуряном, Иоаннисианом, Терьяном и другими армянскими поэтами, сейчас я понял, какие жемчужины были сокрыты от нас, и русское общество не имело о них никакого представления. Мне кажется, что перед нами была закрыта дверь, ведущая в прелестный рай, о существовании которого нам не было известно» [6].

Как признается докладчик, для него стали откровением глубина и богатство армянской литературы, и он выражает уверенность, что «армянский народ является великим культурным народом, что он был культурным еще в те времена, когда Европа не знала ни французской, ни английской и ничьей иной культуры» [5]. Брюсов особо подчеркивает, что армяне являются древними не только как народ, но и древними в своеобразных формах литературно-художественного творчества: «Армянская поэзия не похожа на доныне известные нам поэзии. Она отличается глубокостью, гибкостью, тонкостью своей фантазии и способами выражения. До сегодняшнего дня подобные формы и способы, мне хотя бы, не были известны» [5].

В печати сообщалось также, что в конце вечера звучали переводы из произведений армянских поэтов, в ряду которых почетное место занимали некоторые произведения Туманяна. Газета «Оризон» свидетельствует, что В. Иванов, переводивший произведения Туманяна, с восторгом говорил о поэте: «Я совершенно восхищен его яркими красками, его пылом,

его цветами, его гибким языком. И я бы желал, чтобы мои слова дошли до армянского поэта. Передайте ему, что я его очень люблю, всем сердцем выражаю ему свое восхищение. Мои сердечные приветствия почтенному армянскому поэту» [6].

После этого вечера, на заседании от 21 ноября 1915 года, Бакинское общество любителей армянской словесности решило пригласить Брюсова для повторения лекции в Баку. Поэт принял приглашение и в январе 1916 года, до выхода в свет антологии, прибыл на Кавказ. Первую лекцию в Баку он прочел 7 января. Затем посетил Тифлис, Ереван, Эчмиадзин.

Первая тифлисская лекция Брюсова под заголовком «Армянская поэзия», состоялась 13 января 1916 года. Дочь Туманяна – Нвард Туманян, вспоминает: «январские холодные дни 1916 года в жизни и в литературе остались как праздничные теплые дни – брюсовские дни, а в жизни Брюсова – как тифлисские ясные дни. Впервые видный деятель русской великой культуры говорил столь теплые слова и давал высокую оценку армянской литературе» [11, с. 140].

В Тифлисе Брюсов был повсеместно окружен сердечной заботой Туманяна. Не случайно признание Иоанны Брюсовой о том, что в ее памяти самыми яркими из тифлисских встреч являются воспоминания, относящиеся к Туманяну: «Все лица, были затмены перед неизгладимым обликом незабвенного поэта» [13, с. 694].

Во время лекций в Тифлисе широкий резонанс как в армянской, так и в русской печати, нашла высокая оценка Брюсовым духовной культуры армянского народа. Газета «Оризон» в нескольких своих номерах обстоятельно представляет содержание и основные положения первой лекции Брюсова. В частности, цитируется образное выражение лектора во время представления стихотворения Туманяна «Перед картиной Айвазовского»: «Ованес Туманян тот чародей, тот Айвазовский, который с кистью в руке кричит на стихию и подчиняет ее себе» [7]. После этих слов Брюсов, прочитав свой перевод стихотворения, добавляет: «Глас народа снова звучит и виднеется в его творчестве. В его блистательном стихотворении выступает сам армянский народ – со своими переживаниями и мудростью. Туманян – целый народный роман, эпопея» [7].

Кавказские лекции Брюсова об армянской поэзии были непревзойденным событием в армянской культурной жизни того времени и оставили неизгладимый след в воспоминаниях современников, присутствовавших на лекциях. Так, писатель-педагог Г.Месьян, из ближайшего круга Туманяна, вспоминает: «…прочитал из Туманяна одно маленькое стихотворение, маленькое, но характеризующее огромный дар Туманяна, – «Перед картиной Айвазовского». Зал в окаменении слушал. Перевод был удачным. Брюсов воодушевленно подчеркнул:

«Ни с места!», – воскликнул, палитра в руках, –
Старик-чародей...

В зале не было звука. Он закончил стихотворение. Зал разразился аплодисментами. Брюсов встал со своего места и, протянув руку к сидящему в первом ряду Туманяну, сказал общественности:

– Ему аплодируйте, вот он старик-чародей. – И, в свою очередь, он сам начал аплодировать Туманяну. Нужно было видеть, какая улыбка умиления играла на лице Брюсова, и мне казалось, что он этим своим восхищением акцентировал величие прирожденного дара Ованеса Туманяна» [13, с. 630].

Другой современник, поэт-переводчик и филолог А. Амбарцумян, который присутствовал на встрече с Брюсовым в доме Туманяна, рассказывает, что, когда речь зашла об интересе русских поэтов к Кавказу, Туманян заметил, что они превосходно описали Кавказ, а затем начал читать известное стихотворение Лермонтова:

Хотя я судьбой на заре моих дней
О, южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

Когда он закончил декламацию всего стихотворения, Брюсов восхищенно воскликнул: «О, превосходно, превосходно! Видный поэт Армении прекрасно воспроизвел бессмертные строки русского видного поэта. …Я бесконечно рад, рад, видя мощную силу памяти мощного поэта» [13, с. 699].

И московская лекция Брюсова об армянской поэзии, и та готовность, с которой он принял приглашение посетить в середине зимы Кавказ с повторными лекциями, были не случайными. Как многократно указывалось в арменоведении, он, будучи главным редактором, хотел до издания сборника «Поэзия Армении» с помощью лекций и непосредственного общения с армянской творческой интеллигенцией проверить, уточнить свои догадки, подходы и умозаключения.

Для Брюсова наиболее продуктивным и впечатляющим оказалось близкое общение с Туманяном. Русский поэт был очарован не только творчеством, рассуждениями и советами армянского поэта, но и его благородными человеческими качествами. Об этом сохранились непосредственные свидетельства Брюсова. В январе 1916 года, после возвращения в

Москву из кавказского путешествия, он отправил Туманяну в подарок четырехтомный сборник своих сочинений – с душевной надписью и стихотворением «Посвящение»: «Ивану Фадеевичу Туманяну – Поэту, блистательнейшей звезде светлого трехзвездия армянской поэзии от сердечно преданного автора.

Да будет праведно возмездие
Судьбы – и в годах и в веках!
Так! Создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.
Пусть звезды – малые и крупные,
Вокруг тебя пронзают тьму;
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему !.... [4].

С большой теплотой и искренностью написано также письмо Брюсова от 13 апреля, адресованное Туманяну: «…Все это время я был занят, поглощен, увлечен именно нашим Армянским сборником. Таким образом духовно я все время был с Вами, – и с Вами лично, так как вдумывался в Вашу поэзию, переводил Ваши стихи, писал об Вас, и со всем тем миром армянских поэтов прошлого, который Вам так дорог. И, хотя я не написал Вам ни одного письма, не проходило дня, чтобы я по многу раз и помногу не думал об Вас, невольно вспоминая, с сердечной признательностью, и Ваш облик, насколько я успел Вас узнать в те, незабвенные для меня тифлисские дни... Воспоминания о моей встрече с Вами остаются – и всегда останутся – в числе самых дорогих мне. Увы, не так часто приходится и мне встречаться в сей жизни с поэтом, в полном, в прекрасном смысле этого слова» [1, с. 195,197].

В том же письме Брюсов с благодарностью сообщает также, что «еще до выхода в свет книги, она возбудила в широких кругах русских читателей интерес к армянской поэзии» [1, с. 196].

Этот общественный интерес во многом был обусловлен лекциями Брюсова, прочитанными в Москве, Баку и Тифлисе: восторг лектора от армянской классической, новой и новейшей, а также народной поэзии, данные им высокие оценки были неожиданностью для русского читателя. Интерес русского поэта-переводчика к армянской поэтической культуре, ее почитание еще более возросли, когда в Тифлисе он познакомился и в течение нескольких дней сблизился с Туманяном. Беседы с армянским поэтом пробудили у Брюсова такой большой интерес к армянской истории, что вскоре он подготовил и прочитал в Москве специальную лекцию на тему «Исторические периоды Армении и развитие армянской поэзии» (позднее, в 1917 году, Брюсов издал книгу «Летопись исторических судеб армянского народа», посвященную вопросам армянской истории).

Кавказские встречи с армянской интеллигенцией, в особенности, с Туманяном, еще больше воодушевили Брюсова, и по возвращении в Москву, он, по собственному признанию, с головой посвятил себя работе по ускорению издания сборника. Наконец, в начале августа 1916 года в Москве была издана антология «Поэзия Армении» – под редакцией, с примечаниями и обширным предисловием Брюсова, основные положения которого он уже сформулировал во время кавказских лекций.

Как и ожидалось, антология получила большой отклик не только среди армянской, но и русской интеллигенции, а также в широких читательских кругах. В печати были опубликованы многочисленные статьи, очерки, развернулась интересная полемика, звучали различные точки зрения, замечания, в которых так или иначе давалась высокая оценка сборнику как важному культурному событию. Например, в статье «Поэзия народа-художника» за подписью Батюшкова, читаем: «В данном труде В. Брюсов выполнил роль Вергилия, который ведет нас в тот прелестный цветник, где благоухают цветы ароматной поэзии Востока, орошенные деталями восточной культуры… этот сборник является находкой целого народа. Когда читаешь чередующие друг друга страницы, в которых объединены разные степени магического развития фольклорных произведений старины, начиная с самых простых народных песен, поэзии ашугов, с древних веков и средневековья до начала двадцатого века, тогда кажется, что перед вами лишь одно лицо – в разных выражениях, одно собирательное единство – армянский народ, как целостный независимый организм – в формировании своего зародыша, развитии и высоком творчестве, как в поэзиях народного ашуга Саят-Новы, всенародного поэта Патканяна и поэзии «трех звезд армянского литературного неба» – Иоаннисиана, Туманяна и Исаакяна» [8].

Туманян не принимал непосредственного участия в работе по составлению и редактированию сборника, но издали старался всячески способствовать тому, чтобы армянская поэзия была представлена русскому читателю в высококачественных переводах.

До выхода в свет сборника, в 1915 году, в сентябрьском номере журнала «Русская Мысль» было напечатано несколько песен Наапета Кучака и Саят-Новы – в брюсовском переводе. В 266-ом номере «Оризона» за тот же год Туманян публикует о них статью «О пере-

воде Наапета Кучака и Саят-Новы на русский язык». В статье он прежде всего выражает благодарность за эти переводы, воспринимаемые как дань уважения и сочувствия армянскому народу, подвергшемуся вследствие войны ужасным бедствиям. Армянского поэта глубоко тронули слова Брюсова в предисловии к переводам: «Современная война вновь поставила на очередь вопрос о судьбах народа, бывшего в течение почти двух тысячелетий «авангардом Европы в Азии». Никто не сомневается, конечно, что армяне заслуживают сочувствия в силу тех невыразимых страданий, которые они испытывают уже ряд веков под турецким игом. Но у армянского народа есть высшее право на внимание – право нации высококультурной в лучшем смысле слова. Армянская литература, насчитывающая свыше полутора тысяч лет существования, – лучшее тому доказательство. Армянская поэзия – истинный, по выражению Фета, «патент на благородство» армянского народа…» [12, с. 197–198] (здесь Брюсов использует первую строку стихотворения «На книжке стихотворений Тютчева» – «Вот ваш патент на благородство»).

Высоко ценя переводы Брюсова, Туманян делает ряд сугубо профессиональных замечаний, которые относятся не столько к переводчику, сколько к авторам подстрочников. Сам являясь искусным переводчиком, армянский поэт отлично знал, что качество художественного перевода в большей степени обусловлено правильным прочтением подлинника, особенно в том случае, когда переводчик не владеет языком оригинала. Тем самым Туманян просил авторов подстрочного перевода армянских подлинников быть внимательнее и представлять русским переводчикам сверенные и уточненненые тексты переводов.

Писатель-переводчик К. Микаэлян, который вместе с В. Терьяном и П. Макинцяном участвовал в работах по переводу сборника, поставил Брюсова в известность о замечаниях Туманяна. «С радостью берется за каждое исправление и слушает замечания, – пишет он Туманяну. – Неизмерима его добросовестность по отношению к начатому делу» [4] (сравнение вариантов брюсовских переводов стихотворений Наапета Кучака и Саят-Новы, напечатанных в журнале и сборнике, показывает, что переводчик, действительно, учел замечания Туманяна и внес соответствующие поправки).

Возвратившись в Москву из кавказского путешествия, Брюсов не спешил сразу сдавать сборник в печать, несмотря на то, что в конце 1915 года он был отредактирован и готов к изданию. Ему необходимо было время для внесения в книгу некоторых поправок и корректировок, на основании услышанных во время кавказских встреч замечаний и предложений. Так же требовалось время для окончательного редактирования и изложения обширного предисловия. Опытный ученый-поэт понимал, что оценка многовековой поэтической культуры целого народа и представление ее русскому читателю на надлежащем уровне – дело огромной ответственности. И сейчас, спустя столетие, можно уверенно сказать, что Брюсов блестяще проделал свою работу. Его тонкие наблюдения, касающиеся внутренней логике армянского стиха и на сегодня не утратили своего научного значения.

Обращаясь к достоинствам армянскй поэзии нового периода, Брюсов с особой любовью говорит о трехзвездии Иоаннисиан – Туманян – Исаакян, с чьими именами связано возрождение и развитие в конце 19-го и начале 20-го века тысячелетних народных традиций.

В частности, Брюсов пишет о Туманяне: «Ованес Туманян (род. в 1869 г.) представляет сравнительно с Иоаннисяном тип поэта более страстного, более непосредственного. Уроженец горного Лори, во многих отношениях автодидакт, человек огромной, но не систематической начитанности, влюбленный в армянскую старину и близкий духом ко всему укладу народной жизни, Туманян как бы олицетворил собою тип южанина, в котором причудливо сочетаются два начала: кейф и гений. Ныне уже почти «патриарх» новой поэзии, так как уже успело вырасти новое поколение поэтов, принесших с собой новые идеалы, Туманян является центром всей армянской литературной жизни в Тифлисе. Популярность Туманяна, как поэта, огромна и особенно растет благодаря тому, что им написано много детских книжек, – сказок, легенд, рассказов, большей частью в стихах, – которые с жадностью читаются детьми. Таким образом, подрастающее поколение учится любить слово и поэзию по страницам Туманяна, и через его стихи впитывает в себя любовь к родному языку» [9, с. 77–78].

Очевидно, что русский поэт мог написать об армянском поэте так просто, непосредственно и метко только после близкого общения с ним в Тифлисе. Характеризуя творчество Туманяна, Брюсов дает краткие, образные оценки; его, казалось бы, мимолетные наблюдения, содержат в себе очень глубокие умозаключения. Например, его мысль о том, что поэтический талант Туманяна, который внешне не подчиняется какой-либо системе, струится как весенние воды, «подчиняясь лишь прихотливому вдохновению художника» [9, с. 78]. В сущности, здесь речь

идет о творческом методе армянского поэта, который до сих пор является предметом разногласия исследователей.

Тем не менее, Брюсов не разделял мнения, что поэзия Туманяна не шлифовалась, не проходила пути эстетического совершенствования. В качестве примера он вспоминал поэмы поэта, в которых его талант проявляется с исключительной силой, мастерство достигает высочайшего уровня, открывая глубинные пласты и оттенки национального облика, мировоззрения и психологии народа: «Наибольшей мощи поэзия Туманяна достигает в лирических поэмах, где сказывается всестороннее знание народной жизни и живое проникновение в глубь народного духа. Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна (например, с его «Ануш») дает больше в познании современной Армении и ее жизни, чем могут дать толстые томы специальных исследователей. Поэт, в резких и ярких чертах, воссоздает быт родного народа, но делает это как художник, вызывая к жизни незабывающиеся образы, не столько индивидуализованные, сколько типические» [9, с. 78–79].

Обобщая свою мысль о Туманяне, Брюсов продолжает: «В целом, поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером. В детских сказках Туманян дал образцы наивной безыскусственности и светлого юмора понятного и близкого детям. Наконец, сделано Туманяном и несколько стихотворных переводов с русского (отрывок из былины, баллады Пушкина и т. п.), в которых пленяет изумительное проникновение в дух оригинала, способность угадать самую сущность переводимого произведения» [9, с. 79].

Имея в виду эти наблюдения В. Брюсова, приблизительно три десятилетия спустя армянский литературовед А. Тертерьян пишет: «Величайшей ценностью Туманяна Брюсов считает реализм его творчества, то обстоятельство, что его произведения родственно передают армянскую жизнь, воплощая последнюю в незабвенных типах и образах» [10, с. 136]. Здесь отразился стереотип господствовшей в те времена идеологии, согласно которому, правдивое изображение действительности в литературе является привилегией реализма. Наблюдения Брюсова имеют более широкое и емкое содержание, т.е. высочайшей целью всех искусств, в том числе – и литературы, является раскрытие правды жизни, которая по своей сути всегда частна; ее выявление, познание и переосмысление как художественной истины, которая, принадлежа области прекрасного, носит более обобщенной характер. Просто каждое из направлений достигает этого собственным путем и своими художественно-выразительными средствами. Уместно вспомнить знаменательные слова западноармянского поэта, жертвы геноцида Даниела Варужана (1884–1915): «Я всегда считал нелогичным деление на литературные школы. По мне, красота не имеет школы… Если художественные школы реализуются в разных формах выражения прекрасного, мне кажется, что единственное правильное выражение красоты природы и души – изображать их такими, какие они есть. Возможно, меня назовут реалистом, я это приму, но реализм – самая прямая линия для достижения прекрасного. В реализме нужно искать все остальные школы… Вот почему принятие реализма в качестве особой школы мне кажется смешным, а непринятие его, при принятии лишь его подразделов, – сужением искусства, замедлением дыхания» [2, с. 527–528].

Туманян, как всякий настоящий художник, нашел собственный путь достижения истины, замеченный и охарактеризованный Брюсовым, который не посчитал нужным причисление этого пути к какому-либо известному литературному направлению, глубоко осознавая, что всякий истинный творец сам собой уже являет неповторимую школу. Хочется вспомнить и другого рано ушедшего из жизни западноармянского поэта – Мисака Мецаренца (1886–1908). Некоторые критики считали его простым подражателем французскому символизму. Отвечая им, находящийся при смерти поэт пишет: «Каждый человек, кто осознает свою индивидуальность и достоинство, сам собой составляет школу» [3, с. 276]. Оценки, данные Брюсовым Туманяну как творческой личности, подтверждают именно эту мысль.

Антология «Поэзия Армении» вышла в свет спустя восемь месяцев после кавказских лекций Брюсова. Но в Тифлисе еще были свежи впечатления от брюсовской «праздничной недели». В духе этих же впечатлений Туманян написал свои размышления о сборнике. Это не обычная рецензия, в которой, как принято, пишут о достоинствах и недостатках книги, несмотря на то, что армянский поэт знает, что «хороший перевод… – роза, которая поставлена под стеклом. Иными словами, увидишь форму, но аромата не почувствуешь. Сколько дарования необходимо, чтобы показать не только близкую форму, но и придать самостоятельный аромат! И вместе с дарованием – сколько любви!..» [12, с. 471]. Именно за это дарование и любовь Туманян признателен создателям сборника. От имени армянского народа он обращается с

речью «к лучшим нашим близким и друзьям», кто воплотил этот великолепный труд, преодолев зачастую непреодолимые препятствия: «И вот за все это я чувствую обязанность отправить им, наилучшим сыновьям России, братский поцелуй, тем, кто ищет, находит и любит в жизни самое лучшее. Наконец-то появилась долгожданная книга «Поэзия Армении» – стихотворение к Армении. Те из русских и русскоязычных армян, которые слышали только о бедствиях Армении, знали о резне и ужасах, сейчас увидят и ее поэзию и полюбят. Не могут не полюбить, поскольку она вся любовь, а, говоря словами нашего неподражаемого Саят-Новы, «Любовь порождает любовь» и «Язык ашуга красноречив, несет благословение, нет проклятия…» [12, с. 472].

Огромной любовью, теплотой и болью проникнута статья В.Брюсова, опубликованная в 14-ом номере журнала «Красная Нива» за 1923 год в связи с кончиной Туманяна. Здесь он также, как и в предисловии к сборнику, представляет своего близкого друга как глубоко образованного поэта, детского писателя, переводчика, общественного деятеля и, наконец, как армянина, который всю свою сознательную жизнь посвятил своему народу. «Поэт подлинный, поэт по призванию, поэт во всем, – пишет Брюсов, – в стихах и в жизни, Туманян насыщал свою поэзию родными преданиями, народными поговорками, отзвуками народных песен, описаниями национальных обрядов и обычаев. Туманян был поэтом для всех: и для армянина-интеллигента, знакомого с западными литературами, и для едва грамотного читателя – крестьянина... Читатель-армянин в стихах Туманяна, полных и веселости, и грусти, и серьезных раздумий, и тонкого юмора, находил все близкое себе, знакомое, дорогое...» [1, с. 181–182].

Таким образом, антология «Поэзия Армении» и связанная с ее изданием кратковременная, но полная смысла личная и творческая близость Брюсова и Туманяна, спустя столетие не утратили своего литературно-исторического значения и в настоящее время по праву воспринимаются как один из выразительных символов вековых связей и духовно-культурного родства армянского и русского народов.

Литература

1. Брюсов В. Об Армении и армянской культуре. Ереван: АН Армянской ССР, 1963. 247 с.
2. Варужан Д. Сочинения. Ереван: Советский писатель, 1984, 575 с. (на арм.).
3. Мецаренц М. Полное собрание сочинений. Ереван: АН АрмССР, 1981, 276 с. (на арм.).
4. Музей литературы и искусства. Фонд Туманяна. №912.
5. Мшак. 1915. №239. (на арм.).
6. Оризон. 1915. №243. (на арм.).
7. Оризон. 1916. №23. (на арм.).
8. Оризон. 1917. №46. (на арм.).
9. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней / под ред. В. Брюсова. М.: Московский Армянский Комитет, 1916. 543 с.
10. Тертерьян А. Валерий Брюсов и армянская культура, Ереван: Айпетрат, 1944, 173 с. (на арм.).
11. Туманян Н. Воспоминания и беседы. Ереван: Луйс, 1969. 334 с. (на арм.).
12. Туманян Ов. Полное собрание сочинений. Т. 7, Ереван: НАН РА «Наука», 1995. 718 с.
13. Туманян в воспоминаниях современников. Ереван: АН АрмССР, 1969. 998 с.

References

1. Brjusov V. Ob Armenii i armjanskoj kul'ture *(On Armenia and Armenian Culture).* Erevan: AN ArmSSR, 1963. 247 p. (In Armenian).
2. Varuzhan D. Sochinenija *(Compositions)*. Erevan: Sovetskij pisatel', 1984, 575 p. (In Armenian).
3.Mecarenc M. Polnoe sobranie sochinenij *(Complete Collection of Compositions).* Erevan: AN ArmSSR, 1981, 276 p. (In Armenian).
4. Muzej literatury i iskusstva *(Museum of Literature and Arts)*. Fond Tumanjana. №912. (In Russian).
5. Mshak. 1915. No. 239. (In Armenian).
6. Orizon. 1915. No.243. (In Armenian).
7. Orizon. 1916. No.23. (In Armenian).
8. Orizon. 1917. No.46. (In Armenian).
9. Pojezija Armenii s drevnejshih vremen do nashih dnej *(The Poetry of Armenia Since Ancient Times to Our Age)* / ed by V. Brjusov. Moscow: Moskovskij Armjanskij Komitet, 1916. 543 p. (In Armenian).
10. Terter'jan A. Valerij Brjusov i armjanskaja kul'tura *(Valeri Brusov and the Armenian Culture).* Erevan: Ajpetrat, 1944, 173 p. (In Armenian).
11.Tumanjan N. Vospominanija i besedy *(Memories and Conversations)*. Erevan: Lujs, 1969. 334 p. (In Armenian).
12. Tumanjan Ov. Polnoe sobranie sochinenij *(Complete Collection of Compositions).* Vol. 7, Erevan: Nauka, 1995. 718 p. (In Armenian).
13. Tumanjan v vospominanijah sovremennikov *(Toumanyan in the Memory of Contemporaries).* Erevan: SA ArmSSR, 1969. 998 p. (In Armenian).

УДК 81-11

Н. В. Нагамова, И. В. Чепурина

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ВЕРБАЛИЗАТОРА ЭСТЕТИЧЕСКОГО СМЫСЛА

В данной статье рассмотрены общие принципы вербализации эстетического в поэтическом тексте как форме художественного дискурса, которые позволяют образоваться и функционировать художественному смыслу в тексте поэтического произведения, и способов его интерпретации и декодирования читателем. Описаны основные подходы к анализу различных уровней реализации поэтического художественного смысла: поэтической эвфонии, включающей инструментовку, метрику и мелодику; ноэматико-семантического наполнения, представляющего собой сочетание поэтической темы, тропических явлений и символьности поэтического слова; поэтического синтаксиса, состоящего из фигур речи, параллелизма, анафорики, инверсивных конструкций и др. Усвоение схем действования при интерпретации поэтического текста несет в себе как опасность закостенелости в восприятии и потери в распредмечивании многомерных эстетических смыслов, так и потенциальную возможность выстраивания верной стратегии восприятия. Делается вывод о поэтическом языке как двуаспектной системе, где содержанием является некая совокупность элементов смысла разного рода, их относительная реляция к фактам реальной действительности в преломлении через авторскую эстетическую интенцию, а форма проявляется в расположении содержательных компонентов в строгой определенной последовательности и особой упорядоченности структуры.

Ключевые слова: поэтика, эстетический смысл, символизм в языке, рифма, метр, мелодика.

N. V. Nagamova, I. V. Chepurina

FUNCTIONAL AND TRANSLATIONAL SPECIFICS OF POETIC TEXT AS AESTHETIC SENSE VERBALIZATION

The article discusses the general principles of aesthetics verbalization in the poetic text as a form of literary discourse, which allows a fictional sense to exist and function in poetic compositions, and the ways of its interpretation and decoding by the receptor. It considers the basic approaches to analyzing different levels of the poetic artistic sense implementation: poetic euphony including instrumentation, metrics and melody, noematic and semantic content which is a combination of poetic themes, rhetorical phenomena and symbolism of the poetic word, poetic syntax made up of figures of speech, parallelism, anaphors, inverted structures, etc. Scheme of acting digestion by the interpretation of literary text sustains the risk of reception rigidity and sense losses in the multidimentional aesthetic meaning, but also can cause the potential of adequate reception strategy building. It is concluded that the language of poetry is a dual system where the content is presented by a certain set of elements of different semantic meanings, their relative relatedness to the facts of reality interpreted by the author's aesthetic intention, while its form is manifested in the strictly defined sequence of content components and the special ordering of the structure.

Key words: poetics, aesthetic sense, symbolism of the language, rhyme, meter, melody.

Поэзия является одним из основных родов художественной литературы. Функциональная специфика именно художественных текстов различных родов и жанров все чаще становится объектом пристального внимания лингвистов. Одной из важнейших характеристик языковедческих изысканий является то, что как языковые, так и речевые особенности создания текстов с эстетически значимыми характеристиками анализируются и в интраязыковом, и в экстраязыковом аспектах. Языковые средства для вербализации смысла, правильное декодирование смысла текста, наиболее эффективный и адекватный иллокутивным и

перлокутивным задачам выбор языковой репрезентации – подобные вопросы на настоящий момент находятся в сфере внимания лингвистов.

Исследовательская задача в нашем случае состоит в описании принципов, которые позволяют в поэтическом тексте образоваться и функционировать художественному смыслу, и способов его интерпретации и декодирования читателем. Другими словами, функциональная стилистика поэтического текста изучает текст с тех позиций, каким образом он «осуществляют передачу эстетической информации» [8, с. 18].

По схеме коммуникативного акта Романа Якобсона, критерии лингвистического изучения текста включают: канал передачи информации от продуцента к реципиенту, использующему определенные правила инкодирования разных видов информации, которые при этом должны соответствовать условиям реализации коммуникативного акта. Контекстуальное оформление как горизонтальное, так и вертикальное дает возможность реципиенту в рамках нужной «схемы действования» воспринять и однозначно декодировать информацию. Что относится и к коммуникативному акту поэтического текста.

Анализ поэзии, как любого вида искусства, требует четкой дефиниции ее материалов и специфических приемов создания художественных произведений данного рода. Поэтическое произведение существенно отличается от любого нехудожественного своей поэтикой. Поэтика – это область исследования граничащая с литературоведением и лингвистикой, в основе которой лежит типизация фактов языковой системы, которую предоставляет лингвистика. Если принимать языковые знаки за материальный базис поэзии, то взаимоотношения собственно лингвистического и лингвопоэтического могут быть представлены следующим образом:

1. Фонетической системе языка будет соответствовать поэтическая эвфония в рамках поэтики. Звуки поэтического произведения имеют четкий порядок и организацию; именно специфический отбор звукокомплексов и их особое взаиморасположение отличают поэтическую и прозаическую речь. Внутри данной области поэтики можно вычленить несколько групп фонетических явлений – инструментовку (особое сочетание консонантных и вокалических звуков), метрику и мелодику (просодические явления, интонирование).

2. С семантикой языковых единиц можно сопоставить исследование слова в качестве поэтической темы, тропические явления (изменение значения слова на основе метаформческого и метонимического переносов), символьность поэтического слова. Каждая лексема, имеющая денотативное значение, может служить для продуцента поэтической темой, т.е. неким приемом реализации художественного перлокутивного эффекта (в отличие от общего, отвлеченного понятия в языке науки, например), ведь, по сути, представление «индивидуально-авторских аномальных конструкций, которые собственно и являются основным текстообразующим компонентом такого рода текстов» [2, с. 574] и есть задача поэзии.

3. Синтаксису языка соответствует синтаксис поэтический (фигуры речи, параллелизм, анафорика, инверсия и т.д.). Синтаксис как раздел поэтики рассматривает способы эстетического, художественного употребления синтаксических форм.

Языковая система конкретного исторического периода является для продуцента ассоциативной системой социально-исторических пластов, обладающих различной концептуальной валерностью для поэта – «смысл конкретного элемента существует лишь при наличии других элементов системы (общего структурированного ряда)» [1, с. 167], а потому способных реализовывать разную художественную действенность. Например, просторечные формы, архаизмы, окказионализмы, неологизмы, диалектизмы могут использоваться продуцентом в качестве художественного приема. При этом необходимо учитывать, что используемые в этом процессе языковые средства (как лексические, так и синтаксические) являются чрезвычайно сложными для интерпретации по объективной причине – «они еще не имеют зафиксированных значений в словарях и их значение выводится лишь из контекста, однако и использование горизонтального контекста не всегда приводит к верным решениям» [1, с. 167]. Изобразительные и функциональные потенции этих пластов лексики в эстетическом тексте являются предметом исследования лингвопоэтики.

Перечисленные выше разделы поэтики в узком смысле этого слова являются единым учением о поэтическом языке, собственно, поэтической стилистикой. Стилистика поэзии и будет разделом поэтической лингвистики, «которая рассматривает факты; общей лингвистики в специальном художественном применении» [5, с. 49].

Поэтическая организация художественной речи обладает рядом характерных признаков.

Общеизвестно, что каждое поэтическое произведение имеет определённый ритм, который выражен в стихосложенческих законах: метрических единицах и в их разнообразных комбинациях. По мнению Г. Р. Гачечиладзе интонации стихотворного произведения всегда присуща нота музыкальности, при этом музыкальность стиха не есть музыка как таковая. Она появляется не в отвлечённости звучания слова, а в единстве и взаимодействии звучащей формы и смысла, именно комплексное восприятие позволяет «учитывать и вертикальный контекст, а также использовать правильные акты интендирования при интерпретации и воспроизведении имманентного многомерного смысла» [1, с. 167]. Даже музыкальные элементы речи, например, аллитерация, приобретает значение только в том случае, когда помогает более точному выражению мыслей и способствует усилению эстетического художественного впечатления. Вся специфика поэтического опирается на музыкальные аспекты слова, все компоненты поэзии (как характерные, так и схожие с другими аспектами творчества) обращают внимание на музыку стиха. Музыка поэзии базируется на ритмическом строе, а ритм в поэзии зависит уже не от синтаксиса, как это бывает в прозе, но сам оказывает сильное влияние на синтаксический строй с помощью метрики. [4, с. 90].

Синтаксис поэзии разительно отличается и от синтаксиса разговорной речи, и от синтаксиса прозаического. Закономерным и вполне оправданным в нем считается нарушение привычного порядка слов. Приближение же к прозаическому синтаксису с соблюдение других норм поэтики часто может расцениваться как признак особого мастерства поэта, но возможны и другие случаи, когда прозаический синтаксис упрощает и примитивизирует стих, нивелирует его специфический возвышенный характер, и, снижая его музыкальность, создает ритмическую прозу (RP), создает другой вид художественного творчества.

Специфические художественные поэтические приёмы характеризуются несравненно большей лаконичностью, символьностью и условностью, чем прозаические. Безусловно усвоение схем действования при интерпретации поэтического текста несет в себе как опасность закостенелости в восприятии и потери в распредмечивании многомерных эстетических смыслов, «каждая из схем действования, полученная без привлечения феноменологической рефлексии в сложном типе текста, теряет свою актуальность с априорностью принятия положения о неузуальности каждой конкретной естественно развивающейся системы и системы взаимодействия ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ в частности» [3, с. 458].

В рамках осуществления и критики поэтического перевода необходимо придерживаться сходных методологических основ с прозаическим переводом, но жанровая специфика привносит своеобразие в методику перевода поэтического текста. Основной характеристикой поэтического перевода в сравнении с переводом прозаическим можно считать достаточно свободный характер. Строгая композиционная оформленность и символьная условность поэтического слова гораздо чаще, чем в процессе перевода прозы, не предоставляют возможности нахождения прямых соответствий – не только языковых, но и метрических соответствий, хотя главным признаком классических твердых форм поэзии, как организованных форм речи, служит именно метр. Не меньшей проблемой в процессе поэтического перевода является передача системности рифмы.

Своеобразие композиционного строя в поэтическом произведении, которое опирается на стойкий ритмический строй, говорит, что для выбора определенного «стилистического ключа» к подлиннику необходимо, в первую очередь, разобираться в метре и ритме. Ритм каждого поэтического произведения всегда имеет две стороны, с одной стороны он привязан в процессе перевода к содержанию произведения, с другой – к интонациям, соответствующим содержанию. Все эти компоненты и представляют собой стиль стихотворного произведения, а метр поэтики организует стих.

Оригинал поэтического произведения представляет некоторую условную художественную действительность, отображаемую в переводе, которая обретает форму специфической поэтической ткани. Стихосложение предельно связано с природой самого языка: длиной слова и парадигмой словоизменения в системе языка, типом ударения, ритмами лингвокультуры (традиционно сложившимися в веках) и с ментальностью этноса-носителя языка, при интерпретации и переводе поэтического произведения неизбежно происходит «расщепление некоторых текстовых категорий экспликации (языковых категорий, репрезентирующих прагматическую доминанту, концептуально-валерную систему переводчика-интерпретатора)» [2, с. 574]. Всё это в купе с другими характерными элементами, придаёт стихотворчеству ярко выраженный этноспецифический характер, обуславливает взаимосвязь стихосложения с

фонетикой разговорной живой речи, с особенностями синтаксиса и ритмико-интонационными средствами. Необходимо отметить, что даже в общем базисе стихосложения можно выявить различия, которые обуславливаются особенностями самой языковой системы. Произведенное нами сравнение на материале разноструктурных языков позволяет сделать вывод о том, что различия создаются не только на основе языкового материала, но и систем стихосложения в целом. Многие аспекты зависят от физического объёма и звучания слова в конкретном языке.

Определяющим аспектом поэтического языка видится его художественная функциональность, отражающая специфические эстетически значимые и эмоционально нагруженные, перлокутивно маркированные в преобразовании когнитивно-валерной системы реципиента компоненты.

Я. Мукаржовский отмечал «эстетическу и поэтическую» функции как единственный и постоянный признак поэтического языка, которые автор определет как «направленность поэтического выражения на само себя» [7, с. 286] «... Тем самым поэтический язык ставится; в один ряд с многочисленными иными функциональными языками, каждый из которых означает приспособление языковой системы к какой-то цели выражения; цель поэтического выражения – эстетическое воздействие. Однако, эстетическая функция, которая таким образом доминирует в поэтическом языке (будучи в других функциональных языках только сопутствующим явлением), делает центром внимания сам языковой знак, выступая, следовательно, в качестве прямой противоположности действительной ориентации на цель, каковой в. языке служит сообщение» [7, с. 59].

Поэтический язык безусловно является составной частью общей языковой системы, как некий устойчивый код, обладающий собственными принципами закономерного развития, как один из важнейших факторов общего развития человеческой способности к языку. В рамках этого утверждения не подлежит сомнению и возможность поэзии реализовывать и коммуникативную функцию, информировать о внешних по отношению к текстовой реальности действительности.

Главная особенность языка поэзии в отличие от обыденного языка состоит в возможности наделения смыслом любых языковых структур (фонетических, словообразовательных, грамматических, ритмических и т.п.), служащих своего рода материальным реализатором построения новых эстетически значимых языковых объектов, «многомерный смысл < … > высказыва ния, основой которого является символизм и языковая игра, имеет в качестве базовых интерпретативных характеристик вертикальный контекст и интенциальную амфиболию» [1, с. 170].

Я. Мукаржовский в своей работе выявляет два лингвистических аспекта поэтического языка: звуковой и смысловой, и рассматривает их с позиций структуры языкового знака и включенности отдельных компонентов в порождении поэтического текста. К звуковому аспекту поэтического языка относится: звуковой состав в материальной репрезентации, т.е. общее соотношение отдельных звукокомплексов; и их последовательная оформленность: рифмованность, ритм, интонация и слог, графически выраженная пунктуацией и делением. Сюда можно отнести просодику: ударение, окраску голоса или тембральные характеристики и темп речи, которые определяют длительность ритмических отрезков и паузацию. Смысловые аспекты представлены следующими компонентами поэтического языка: морфемами, представляющими внутреннюю структуру поэтического слова, лексикой поэта (выбор лексем), поэтической номинацией, лексико-семантической направленностью и динамикой смысла. Художественно-эстетический материал порождения поэтического текста представлен самой часто кодифицированной системой поэтического языка, находящей свое «отражение в характеристиках творимости и окказиональности смысла художественного произведения» [2, с. 574].

Естественный язык в его обыденном проявлении представляет собой первичную моделирующую систему (исходную языковую картину мира), поэтический же язык выполняет роль «вторичной моделирующей системы» [6, с. 94], в которой языковой знак непосредственно моделирует свое собственное содержание. Иногда намеренная обыденность поэтического высказывания может восприниматься как форма реализации особого эстетического эффекта в рамках прогнозирования неожиданного и витиеватого выбора средств.

Из всего вышесказанного следует, что в поэтическом произведении содержанием является некая совокупность элементов смысла разного рода, их относительная реляция к фактам реальной действительности в преломлении через авторскую эстетическую интенцию, а форма проявляется в расположении содержательных компонентов в строгой опреде-

ленной последовательности, поэтическому произведению свойственна также и особая упорядоченность структуры (строфа, рифма, ритм и др.).

Литература

1. Бредихин С. Н. Трансляционные возможности символа и языковой игры: интерпретативное смыслопорождение // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. №6. С. 167–170.
2. Бредихин С. Н., Аветисов Р. М. Индивидуально-интерпретационная деятельность в процессе вторичного опредмечивания языковой игры // Современные проблемы науки и образования. 2014. №5. С. 574. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=15021 (Дата обращения: 12.06.2017).
3. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. С. 458. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=13920 (Дата обращения: 12.06.2017).
4. Гачечиладзе Г. Р. Стихосложение и поэтический перевод // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С. 88–99.
5. Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб: Азбука-классика, 2001. 496 с.
6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха: Пособие для студентов. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
7. Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. М.: Языки рус. культуры, 1996. 497 с.
8. Толочин И. В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии. СПб: СПБГУ, 2012. 96 с.

References

1. Bredikhin S. N. Translyatsionnye vozmozhnosti simvola i yazykovoy igry: interpretativnoe smysloporozhdenie *(Symbolic and language game translation possibilities: interpretative sensederivation)* // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2013. No. 6. P. 167–170. (In Russian).
2. Bredikhin S. N., Avetisov R. M. Individual'no-interpretatsionnaya deyatel'nost' v protsesse vtorichnogo opredmechivaniya yazykovoy igry *(Translation-individual and interpretative activity in the process of the language play secondary subjetivization)* // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. No. 5. P. 574. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=15021(Accessed: 12.06.2017). (In Russian).
3. Bredikhin S. N. Skhemopostroenie v ramkakh metaedinits germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii *(Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation)* // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. No. 4. P. 458. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=13920 (Accessed: 12.06.2017). (In Russian).
4. Gachechiladze G. R. Stikhoslozhenie i poeticheskiy perevod *(Versification and poetic translation)* // Poetika perevoda. Moscow: Raduga, 1988. P. 88–99. (In Russian).
5. Zhirmunskiy V. M. Poetika russkoy poezii *(Poetics of Russian poetry)*. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2001. 496 p. (In Russian).
6. Lotman Yu. M. Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stikha *(Poetic text analysis: Verse structure)*. Leningrad: Prosveshchenie, 1972. 271 p. (In Russian).
7. Mukarzhovskiy Ya. Strukturalnaya poetika *(Structural poetics)*. Moscow: Yazyki rus. kul'tury, 1996. 497 p. (In Russian).
8. Tolochin, I.V. Metafora i intertekst v angloyazychnoy poezii *(Metaphor and intertext in English poetry)*. SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2012. 96 p. (In Russian).

УДК 81-111

В. П. Ходус, А. Г. Багдасарян

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА ДРАМ А. П. ЧЕХОВА НА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Т. УИЛЬЯМСА

В статье подвергается анализу язык драматургических, мемуарных и публицистических текстов американского драматурга Теннеси Уильямса в призме влияния и коррелляции с языком драматургических произведений и семиотикой творчества А.П. Чехова, изучены особенности чеховских произведений и их влияние на идиостиль Т. Уильямса. Основная гипотеза базируется на утверждении, что языковые структуры драм Уильямса отражают структурно-семантическое своеобразие пьес А.П. Чехова. Новаторство Уильямса, анализируемое с позиций новаций в языке пьесы, языке театра и языке кино соотносится с семиотикой языка театра Чехова, реализованного и в языке пьес, и в языке театральных постановок. Ключевая общность и преемственностью в языке драматургии определяется через интенции языкового выражения сближения театра и жизни, языковое выражение включения описания конкретной бытовой ситуации в широкий социально-исторический и общефилософский контекст, в результате чего семиотически означивается символизм как художественно-эстетическая категория и в этой категории обыденность как символический знак. Анализ воздействия чеховского драматургического текста на структурно-семантическую организацию драмы Т. Уильямса анализируется как в поле собственно драматургического текста, так и текстов автодескриптивных, подтверждающих исследовательскую гипотезу, проецирующих интенции авторского творческого сознания Уильямса в поле языковой организации чеховских пьес.

Ключевые слова: язык драмы, язык Чехова, язык Уильямса, структурно-семантическая организация драмы, семиотика драмы и театра.

V. P. Khodus, A. G. Bagdasaryan

THE INFLUENCE OF A. P. CHEKHOV'S DRAMA LANGUAGE ON THE STRUCTURAL-SEMANTIC ORGANISATION OF T. WILLIAMS' DRAMATIC TEXTS

The article analyzes Tennessee Williams' dramatic and journalistic texts as well as his memoirs regarded in correlation with the language of A. P. Chekhov's plays and the semiotics of his works; it provides an examination of peculiarities of Chekhov's works and their impact on Williams' idiostyle. The main hypothesis is based on the statement that the linguistic structures of T. Williams' dramas show structural-semantic originality of A. P. Chekhov's plays. Williams' innovation, being analysed from the position of novelties in the language of plays, theatre and cinema, correlates with the semiotics of Chekhov's theatrical language, reflected in the language of his plays. The key community and succession in the drama language is detected through the intentions of linguistic expression of approaching of theatre to the life, linguistic expression of including of everyday situations in a wider socio-historical and philosophical context. As a result, symbolism is becoming semiotically meaningful and in this category everyday life is regarded as a symbolic sign. The analysis of Chekhov's influence on structural-semantic organisation of Williams' drama is conducted both in the plays and in the autodescriptive texts proving the above stated hypothesis.

Key words: drama language, Chekhov's language, Williams' language, structural-semantic organisation of a drama, the semiotics of drama and theatre.

Проблема влияния драматургии А. П. Чехова на драматургический и театральный процесс XX века обсуждается активно в различных исследовательских полях: литературоведении, семиотике, искусствоведении, эпитсемологии. Интересен подход к влиянию языка произведений русского драматурга на языковую организацию и языковые способы выражения определенных тематических планов или концептуальных доминант в пространстве драма-

тургических текстов выдающихся драматургов XX века. Интересным и перспективным является изучение влияния языка драм Чехова на стиль мышления драматургов, однако в настоящем фрагменте исследования эта проблематика будет лишь обозначена. По сути, предлагаемая статья является подходом к изучению вопроса влияния языка художественного произведения на стиль мышления писателей.

В этой связи перспективным видится изучение как автодескриптивных данных, которые семиотчисеки означивают и ограничивают поле исследования, не позволяя привнести измышлений исследователя, но находится только в поле интенций двух авторов-создателей. На следующем этапе необходим переход к корреляции собственно языковых элементов текста.

Стоит отметить, что вопрос влияния на драматургию Теннесси Уильямса пьес Чехова обсуждается давно, однако, и в отечественной, и в зарубежной филологии анализ языковых средств только намечен. Подавляющее большинство работ ориентировано на изучение сюжетных сходств, фабульных коллизий и тематических сходств.

Автодескриптивные данные, проявленные при изучении мемуарных текстов Т. Уильямса свидетельствуют о том, что в 1935 году Уильямс открывает драматургию А. П. Чехова, который повлиял на него как на личность и как на драматурга: «Тем летом я влюбился в манеру письма Антона Чехова, по крайней мере, во многие его короткие рассказы. Они познакомили меня с литературной чувствительностью, с которой в тот момент я ощутил близкое родство. Теперь я осознаю, что он слишком многое хранит в запасе. Я все еще влюблен в тонкую поэтичность его письма, и я считаю, что «Чайка» все еще величайшая из современных пьес за возможным исключением «Мадам Кураж» Брехта» [12, p. 40–41]. В 1981 году в Университете Британской Колумбии Уильямс представил свою версию «Чайки» – «Записная книжка Тригорина». По мнению Т. Уильямса, в оригинале «Чайки» слишком много неясного, поэтому его соотечественники не понимают А. П. Чехова. Таким образом, он попытался перевести знаменитый чеховский подтекст, не всегда понятный театральной Европе, в обычный текст. В результате, в «Записной книжке Тригорина» смысл, скрытый в чеховском «подтексте», выведен Уильямсом на поверхность. Следует отметить, что после смерти драматурга исполнительница завещания Т. Уильямса относительно его литературной собственности – Мария Бритнева-Сент-Жюст (Marie Britneva St. Just) – запретила ставить и даже показывать кому-либо пьесу, поскольку, будучи русской актрисой, почитала А. П. Чехова и уильямсовскую «Записную книжку Тригорина» рассматривала как надругательство над святыней. И лишь после ее смерти в 1994 запрет был аннулирован, однако это не способствовало широкому распространению пьесы [3, p. 177]: на русском языке нет печатного перевода этого произведения.

Корреляция текстов Уильямса и Чехова выразилась не только в «переводе» «Чайки», но и в имплицитной связи чеховского «Вишневого сада» и уильямсовского «Трамвая Желание». Заглавия обоих произведений основаны на символах, отражающих главные идеи текстов. В обеих пьесах в центре находятся женские персонажи – г-жа Раневская и Бланш Дюбуа, которые приезжают к родственникам вследствие личного несчастья, испытывают разочарование в результате неоправдавшихся надежд и отправляются в никуда. И в «Вишневом саде», и в «Трамвае Желание» женским образам, жестко противопоставлены мужские начала – Лопахин и Ковальски, – выражающие физическое, материальное начало. Причем если в драме А. П. Чехов имплицитно на уровне «подтекста» семиотически означена борьба материального и духовного миров и победа первого через ремарки, содержащие описание звуков вырубающего сад топора, то у Т. Уильямса эта борьба эксплицитна – описание физическое насилие Стенли Ковальски над Бланш. Таким образом, в обоих случаях мы наблюдаем разрушение внутреннего духовного мира героинь в результате насилия со стороны сильного пола, знаменующего собой материализм. Привлекают внимание и другие аллюзии на чеховское произведение. Например, сад в имении главной героини Бланш (фр. – «белый»), а также белый цвет, который в «Вишневом саде» выступает как символ чистоты, ностальгии по прошлому и в то же время предстоящей гибели, в «Трамвае Желание» используется драматургом как своего рода семантический оксюморон, поскольку далеко не целомудренная Бланш предстает в начале пьесы вся в белом, как бы пытаясь этим цветом скрыть свое небезупречное прошлое. Кроме того, как и у Чехова в пьесе Уильямса белый цвет символизирует скорое разрушение призрачного мира героини и, как следствие, ее самой. Эта гибель отражена в белом цвете могильных плит в «Вишневом саде» и в белых халатах медработников, пришедших забрать Бланш в «Трамвае Желание».

В публицистических текстах Т. Уильямса автодескриптивный код расширяет указание на воздействие А. П. Чехова.

В статье «Birth of an Art (Anton Chekhov and the New Theater)» (Рождение искусства (Антон Чехов и новый театр) (1937) Уильямс анализирует творчество Чехова, в частности, пьес «Вишневый сад», «Дядя Ваня» и «Чайка». Т. Уильямс означивает, что А. П. Чехов относится к тем редким мастерам своего дела, которых характеризует «признак гения», заключающийся в глубоком и революционном влиянии на искусство своего времени: Чехов был поэтом, создателем настроения и атмосферы, глубоким аналитиком человеческой души [11, p. 247–248]. Также Т. Уильямс также дает общую характеристику чеховского диалога. Он пишет, что в диалоге А. П. Чехов отклоняется от традиционного принципа «хорошо сделанной пьесы». Уильямс утверждает, что если бы чеховские реплики глубоко анализировались, то выяснилось бы, что сорок или пятьдесят процентов этих реплик не относятся непосредственно к сюжету. Они используются автором с целью описания или создания атмосферы. В хорошо сделанной пьесе, напротив, каждая строчка направлена на «продвижение фабулы». По мнению драматурга, даже в произведениях Г. Ибсена нельзя найти избыточных речей. Хотя Ибсен был «старшим мастером» по отношению к Чехову, он так и не достиг того абсолютного реализма, который присутствует в чеховских пьесах. По Уильямсу, именно очевидная избыточность реплик является причиной «магического эффекта» жизненности и правдоподобия в пьесах Чехова. При этом Уильямс отмечает, что русский драматург был избирательным в плане написания реплик: «Каждая строчка находится на своем месте, и каждая из них вносит свой вклад в общее содержание и действие картины» [11, p. 253]. То есть Уильямс защищает обилие реплик в чеховских пьесах, более того, он считает их источником эффекта реализма в них. Следует отметить, что именно из-за стремления к «магическому эффекту» реализма Уильямс сам использовал большое количество реплик в своих драматургических текстах.

Еще одной отличительной чертой чеховской «новой драмы» является чуждый классической драме «подтекст» или «подводное течение». Так, если у Островского герои целиком и полностью реализуются в слове, лишенном двусмысленности, то у героев Чехова, напротив, смыслы слова размыты, здесь важен скрытый душевный подтекст, вкладываемый в слова персонажей. Так призывы трех сестер «В Москву! В Москву!» не означают конкретный адрес в столице, а лишь безуспешные попытки героинь вырваться в другую жизнь, в другое общество. А Нина Заречная называет себя чайкой, сравнивая таким образом себя и свою жизнь с подстреленной Треплевым птицей: «Я – чайка. Нет, не то… Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил…» [2].

В связи с этим необходимо отметить и языковое воплощение символизм в пьесах Чехова, который позже наблюдается и у Уильямса. Так, в «Трех сестрах» Маша говорит Вершинину: «Какой шум в печке. У нас незадолго до смерти отца гудело в трубе. Вот точно так», – и в конце пьесы действительно предзнаменование сбывается – погибает на дуэли барон Тузенбах. Таким образом, шум в печи является в произведении своеобразным символом смерти. Что касается Уильямса, в пьесе «Ночь игуаны» привязанная игуана является олицетворением дедушки главной героини Ханы, который мучается от того, что не может закончить свою последнюю поэму и обрести вечный покой.

Шеннон. А можете вы посмотреть мне прямо в глаза и честно сознаться, что это пресмыкающееся, привязанное там внизу, не беспокоило бы вас так, если бы его мучения не напоминали бы вам, мисс Джелкс, предсмертные усилия вашего дедушки закончить свою последнюю поэму?! [10] [Здесь и далее выделено нами. – *В. Х., А. Б.*]

И как только игуана оказывается на свободе, дедушка, наконец, завершает свое произведение и спокойно умирает. Следовательно, освобождение ящерицы является символом освобождения человеческой души.

В пьесах Чехова на первый взгляд простые и незамысловатые реплики выстроены в сложную стилистическую систему тропов, риторических вопросов, инверсий, повторов, эллипсов и т.д.:

Чебутыкин (тихо напевает). Тара… ра… бумбия… сижу на тумбе я… *(Читает газету).* **Все равно! Все равно!**

Ольга. **Если бы знать, если бы знать!**

Лопахин (прислушивается). Вот, кажется, **едут**...

Дуняша. **Едут!** Что ж это со мной... похолодела вся.

Лопахин. **Едут**, в самом деле. Пойдем встречать. Узнает ли она меня? **Пять лет не видались**.

Дуняша (в волнении). Я сейчас **упаду**... Ах, **упаду**!

Также в «Трех сестрах» на протяжении всей пьесы Кулыгин повторяет «**Я люблю Машу. Я доволен**», Чебутыркин утверждает «**ничего нет на свете, нас нет, мы не существуем, а только кажется, что существуем…**», а Вершинин надеется, что «**через двести – триста, наконец, тысячу лет, – дело не в сроке, – настанет новая, счастливая жизнь**» [2].

Однако наибольший интерес для Чехова представляют сравнения, активно используемые им на протяжении всего творческого пути. Причем драматург постоянно стремится разнообразить формы и виды сравнений, создавать оригинальные, авторские сравнения, при этом, не отказываясь от сравнений-штампов. Например:

Лопахин. Очень уж ты нежная, Дуняша. **И одеваешься как барышня**, и прическа тоже. Так нельзя. Надо себя помнить.

Любовь Андреевна. Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (Плачет.) **И теперь я как маленькая**... (Целует брата, Варю, потом опять брата.) **А Варя по-прежнему все такая же, на монашку похожа**. И Дуняшу я узнала... (Целует Дуняшу) [2].

Тем не менее, чеховские ремарки также восхищают читателей и привлекают внимание исследователей своим богатством и выразительностью. Так, М.К. Милых в своей монографии «Прямая речь в художественной прозе» выделяет неполные предложения ремарки, в которых отсутствует сказуемое (глагол говорения) в случаях, когда «основное действующее лицо сцены оказывается говорящим. Глагол речи может быть употреблен один раз при введении первого высказывания, а следующие реплики того же лица могут вводиться описанием действий без глагола речи, например: «Он лежал в люльке, а Липа отходила к двери и говорила, кланяясь: «Здравствуйте, Никифор Анисимыч!»... И бежала к нему опрометью, и целовала. Потом отходила к двери, кланялась и опять: «Здравствуйте, Никифор Анисимыч!»» [1]. Новаторство драматургии Чехова проявляется и на уровне формы, и на уровне содержания пьес.

Т. Уильямс в своей «новой драме» уделял больше внимания языковому воплощению таких пластических элементов, как музыка, декорации, освещение, внешний вид актеров. Пьесы американского драматурга отличаются сценической завершенностью, которая передается через авторскую речь. В произведениях Уильямса ремарки дают нам подробную информацию о месте, времени действия и героях (внешность, одежда, характер, речь), раскрывая полную картину происходящего. Например:

SCENE ONE

The exterior of a **two-story corner building** on a street in New Orleans which is named Elysian Fields and runs between the L & N tracks and the river. **The section is poor** but, unlike corresponding sections in other American cities, **it has a raffish charm. The houses are mostly white frame, weathered gray,** with **rickety outside stairs and galleries and quaintly ornamented gables**] [4].

He [*Brick*] stands there in the bathroom doorway drying his hair with a towel and hanging on to the towel rack because one ankle is broken, plastered and bound. **He is still slim and firm as a boy. He has the additional charm of that cool air of detachment that people have who have given up the struggle.** But now and then, when disturbed, something flashes behind it, like lightning in a fair sky, which shows that at some deeper level he is far from peaceful [5].

Такие конструкции, как *two-story corner building, poorsection, raffish charm, white frame and weathered gray houses, ricketyoutside stairs and galleries and quaintly ornamented gables* относятся к категории ремарок описания места. Следующие ремарки дают описание внешности и внутреннего мира героев *He is still slim and firm as a boy. He has the additional charm of that cool air of detachment that people have who have given up the struggle.*

Однако необходимо отметить, что и у предшественника Уильямса – Чехова – наблюдается описание места действия в ремарках. Так, в «Чайке» приводится следующее изображение парка и столовой Сорина: «Часть парка в имении Сорина. **Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно. Налево и направо у эстрады кустарник. Несколько стульев, столик.** Столовая в доме Сорина. **Направо и налево двери. Буфет. Шкаф с лекарствами. Посреди комнаты стол. Чемодан и картонки, заметны приготовления к отъезду.** Тригорин завтракает, Маша стоит у стола». Тем не менее, из данных примеров мы видим, что чеховское описание места действия весьма лаконичное, не такое детальное, как у американского драматурга.

Новаторство драматургического языка Уильямса также наблюдается в применении такого пластического элемента, как «избирательное освещение», с помощью которого создается особый рисунок действия, особое

видение пьесы и, в результате, произведение приобретает иное значение. Если до XX века было принято, чтобы вся площадка сцены была залита светом, то после Уильямса свет фиксировался на каком-либо наиболее значимом предмете, определенном герое или группе лиц, мизансцене и т. п. Например:

DIM OUT

Before **the stage is lighted**; the violent voices of Tom and Amanda are heard. They are quarrelling behind the portieres. In front of them stands Laura with clenched hands and panicky expression. **A clear pool of light on her figure throughout this scene** [6].

Ремарки **DIM OUT, the stage is lighted, a clear pool of light on her figure throughout this scene** призваны помочь режиссерам-постановщикам правильно (в направлении творческого мышления драматурга) использовать освещение – либо затемнять сцену, либо ярко освещать, выделяя того или иного героя.

Следующим аспектов новаторства языка американского драматурга является использование лексико-тематического поля «музыка» в качестве сильного эмоционального воздействия на зрителя. По мнению Уильямса, в каждой пьесе должна быть своя сквозная мелодия, которая эмоционально подчеркивает соответствующие эпизоды. Например:

A corresponding air is evoked by the **music of Negro** entertainers at a barroom around the corner. In this part of New Orleans you are practically always just around the corner, or a few doors down the street, from a tinny piano being played with the infatuated fluency of brown fingers. **This «Blue Piano» expresses the spirit of the life which goes on here.**

She stares fearfully at Stella, who pretends to be busy at the table. **The distant piano goes into a hectic breakdown.**

The piano fades out.

The barely audible «blue piano» begins to drum up louder. The sound of it turns into the roar of an approaching locomotive. Blanche crouches, pressing her fists to her ears until it has gone by [4].

Так, в произведении «Трамвай Желание» музыка «синего пианино» сопровождает героев на протяжении всего действия пьесы, то затихая, то становясь громче, то замедляясь, то ускоряясь в зависимости от событий, происходящих в драме. Таким образом, «игра черных музыкантов в баре за углом» является вспомогательным средством передачи авторского посыла, своеобразной подсказкой и фоном основного действия.

Другим новшеством Т. Уильямса в области театральных постановок является применение экрана, принцип действия которого заключается в проецировании фонарем на часть театральной декорации, которая в остальное время ничем не выделяется. При помощи экрана автор подчеркивает значение определенного эпизода, усиливает намек, помогает доступно и легко донести до зрителя необходимую мысль, заключенную в репликах. На экране может выводиться либо надпись, либо образ, причем . В произведениях экран обычно отмечается выражением «LEGEND ON SCREEN» (надпись на экране) или «SCREEN IMAGE» (образ на экране). Например:

LEGEND ON SCREEN: «YOU THINK I'M IN LOVE WITH CONTINENTAL SHOEMAKERS?»

LEGEND ON SCREEN: «SOUVENIR».

LEGEND ON SCREEN: «WHAT HAVE YOU DONE SINCE HIGH SCHOOL?»

LEGEND ON SCREEN: «AH!»

SCREEN IMAGE: JIM AS HIGH-SCHOOL HERO BEARING A SILVER CUP.

SCREEN IMAGE: BLUE ROSES.

SCREEN IMAGE: GLAMOUR MAGAZINE COVER.

SCREEN IMAGE: YOUNG MAN AT DOOR WITH FLOWERS. [6].

Итак, новаторские элементы в языке драмы Т. Уильямса, отражаемые в ремарках и направленные на эмоциональное воздействие на зрителя, стали неотделимой частью современной мировой драматургии.

Таким образом, анализ автодескриптивных данных и изучение воздействия на язык произведений Т. Уильямса позволяет говорить о достаточных основаниях для изучения и анализа текстов американского драматурга в диалоге с текстами пьес А. П. Чехова. Т. Уильямс сознательно обращался к творчеству А. П. Чехова, подходил к его произведениям с аналитических позиций, изучал структурную и смысловую организацию текстов, творчески переосмысливал и расширял горизонты драмы, что способствовало созданию особого идиостиля драм Т. Уильямса, в котором новаторские интенции языка драм Чехова развивались через обращение к новым выразительным средствам, обнаруженным в среде кинотекстов и в пространстве семиотически гетерогенных текстах современных автору визуальных и театральных видов искусств.

Литература / References

1. Милых М.К. Прямая речь в художественной прозе. Ростов н/Д: РГУ, 1958. 38 с.

Milyh M. K. Prjamaja rech' v hudozhestvennoj proze *(Direct speech in artistic prose).* Rostov on Don: RSU publ., 1975. 38 p. (In Russian).

2. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1982.

Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem *(Complete works and letters):* In 30 Vols. Moscow: Nauka, 1974. (In Russian).

3. Kolin Ph. C. The Tennessee Williams encyclopedia. Greenwood Press, 2004.

4. Williams T. A Streetcar Named Desire. New York: New Directions Publishing, 1947.

5. Williams T. Cat on a Hot Tin Roof. New York: New Directions Publishing, 1954.

6. Williams T. The Glass Menagerie // The Theatre of Tennessee Williams. Vol. 1. New York: New Directions Publishing, 1971.

7. Williams T. The Night of the Iguana // The Theatre of Tennessee Williams. New Directions Publishing, 1993. Vol. 4. Williams, T., Bak, J. New Selected Essays: Where I Live. New York: New Directions Publishing, 2009.

8. Williams T., Waters J. Memoirs. New York: New Directions Publishing, 1975.

УДК 811.161.1’37

Д. В. Шейко

СМЫСЛОВЫЕ ГРАДАЦИИ В РАМКАХ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ГРУППЫ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «НЕПРОВЕРЕННАЯ, НЕДОСТОВЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ»

В статье рассматриваются особенности синонимических отношений внутри группы слов со значением «непроверенная, недостоверная информация». В качестве доминанты ряда выделяется лексема «сплетня». В ходе сравнения словарных дефиниций и контекстов бытования лексем названной группы уточняется семантический объем единиц, что позволяет раскрыть особенности речемыслительной деятельности человека, поскольку объем зафиксированных единиц в словаре и контекстах оказывается разным. Исследования в области лексическо-семантической парадигматики представляются актуальными, так как позволяют увидеть взаимосвязь и взаимоопределение лексических единиц, а шире – правильно интерпретировать создаваемое ими смысловое пространство.

Анализ смысловых отношений производится автором на материале, полученном при изучении Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: синонимия, квазисинонимы, синонимический ряд, денотат, сигнификат, лексема «сплетня», Национальный корпус русского языка.

D. V. Sheiko

MEANING GRADATIONS IN A SYNONYMIC GROUP OF WORDS “UNRELIABLE INFORMATION”

The article is devoted to complicated synonymous relations within the group of words «unreliable information». The dominant of a synonymic row is lexeme «gossip». In the course of comparing the dictionary definitions and the contexts actualizing the lexemes of the above mentioned group, the semantic volume of units is specified, which makes it possible to disclose features of human speech activity, since the volume of fixed units in the dictionary and contexts is different. Studies in the field of lexical-semantic paradigmatics are relevant because they allow us to see the interconnection and the mutual determination of lexical units, and, more broadly, to correctly interpret the semantic space that they create.The analysis of semantic relations is carried out on the materials of XIX century Russian literature and National Corpus of the Russian Language.

Key words: synonymy, quasi-synonymy, synonymic row, referent, significatum, lexeme «gossip», National Corpus of the Russian Language.

Синонимия – такой тип семантических отношений языковых единиц, который заключается в полном или частичном совпадении их значений [3]. Как семантическое явление она присуща лексической, фразеологической, словообразовательной и грамматической системам языка, но наиболее функционально разнообразной является синонимия лексическая.

Возникновение синонимов в языке – процесс динамичный. Это связано, прежде всего, с тем, что носитель языка стремится охарактеризовать уже известный предмет (явление) окружающей действительности как можно точнее, выделяя, на его взгляд, самые значимые в данный момент признаки. Эти актуализированные признаки получают новое наименование, которое может полностью или частично совпадать с уже имеющимся. Возникновение синонимов связано также с проникновением в язык заимствованной лексики и активностью словообразовательных процессов.

По мнению Ю. Д. Апресяна, «отношение синонимии, будучи разновидностью эквивалентности, дает разбиение всего словаря на непересекающиеся классы лексических единиц – так называемые синонимические ряды» [2, с. 216–220]. Каждый ряд имеет свою доминанту – слово, семантически наиболее простое,

стилистически нейтральное и синтагматически наименее закреплённое.

С точки зрения семантической близости можно выделить следующие виды синонимов:

1) полные (не имеют семантических различий);

2) квазисинонимы (различия затрагивают денотативный и сигнификативный слои значения);

3) стилистические синонимы (обнаруживают различия в прагматическом слое значения);

4) синтаксические (различия затрагивают синтаксический слой значения).

Синонимический ряд лексемы ***сплетня***, которая является доминантой в этом ряду, обширен. В словаре З. Е. Александровой зафиксированы в качестве синонимичных следующие лексемы – *злословие, толки; разговоры, суды да пересуды, перетолки, звон, трезвон* («разг.»); *сплётки* («прост.»); *злоречие, злоязычие, худославие* («устар.»); *комеражи* («устар. разг.») [1, с. 477].

В отличие от З. Е. Александровой, которая акцентирует внимание на стилистической окраске слова, А. П. Евгеньева показывает различия в сигнификативном слое значения лексем, входящих в синонимический ряд [10, с. 477]. Так, выделяя общее для слов ***сплетни***, *пересуды* («разг.»), *толки, злословия, шушуканье* («разг.»), *трезвон* («прост.»), *звон* («прост.») значение «обсуждение чего-либо, основанное на заведомо неверных сведениях, домыслах» она указывает, что *пересуды* в отличие от ***сплетен*** характеризуются более детальным обсуждением объекта (предмета) ***сплетни*** (*«Весь смысл вертелся на местных деревенских интересах, намеках, сплетнях и пересудах».* Е. А. Салиас «Фрейлина императрицы» [4]), в слове *злословие* подчеркивается злая оценка, язвительное отношение к объекту (предмету) сплетни (*злословие* – «злая оценка, осуждение», *злословить* – «зло, язвительно говорить о ком-, чём-л. [6, с. 613] («<…> *заниматься* ***сплетнями*** *и злословием, и продолжаю считать суды христианским учреждением и себя судьей и христианином»* Л. Н. Толстой «В чем моя вера?» [4]), в слове *шушуканье* явственно проступает тайный характер сообщаемых сведений (*шушукаться* – «сплетничать, судачить по секрету» [9, с. 738] (*«Может быть, без вашей сплетни да шушуканье в и не догадался бы никто, и все было бы смирно да ладно!»* М. Е. Салтыков-Щедрин «Сатиры в прозе» [4]), слова *трезвон* и *звон* «указывают на широкое распространение, открытый характер сплетен, слухов, пересудов» [10, с. 477] (*трезвон* – «пересуды, толки, сплетни, связанные с шумом, скандалом [9, с. 403] (*«Цветы, конфеты, разговоры, ну ручку там поцелуют, а недобрые языки вмиг трезвон разведут»* Б. А. Лавренев «Встреча» [4]). Рассмотренные лексемы представляют собой квазисинонимы.

Слово *толки* можно выделить в качестве полного синонима к ***сплетне*** (*толки* – «разговоры о ком-, чём-л., основанные на неверных, неточных сведениях» [10, с. 477]. *«Да, кончайте эту скучную процедуру скорее, будут толки, сплетни <…>»* А. Ф. Писемский «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына» [4]; *«…как эти «толки и* ***сплетни****» влияют на суждения о деле, заставляя даже людей <…> читать <…> совсем не то, что в нем написано».* В. Г. Короленко «Приносятся ли вотяками человеческие жертвы? Письмо в редакцию «Нов. времени» [4].

Помимо зафиксированных в словаре синонимических единиц, при работе с художественными и публицистическими текстами русской литературы XIX века в качестве синонимических к слову ***сплетня*** нами были выделены следующие лексемы: *слухи, инсинуации, наветы, клевета, небылицы, легенды, пустяки, дрязги, разговоры кумушек, суеты, ложь, кляуза, дрянь, пасквиль, выдумки, басни, наушничество, судаченье, сказки, росказни, нелепости, передразнивания, болтовня, переносы*.

Все выделенные нами синонимы выступают в роли квазисинонимов и обнаруживают различия в денотативном и сигнификативном слое значения.

Слухи – «молва, известие о ком-, чем-н. (обычно еще ничем не подтвержденное)» [5, с. 665]. Ни в БАС, ни в МАС данное значение лексемы не зафиксировано. <…> *Федор Павлович ничего не мог подобного сам видеть, говорил лишь по старым слухам и* ***сплетням****, которые кое-как припомнил»* Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы» [4]; *«Во избежание скандала и* ***сплетней*** *брат согласился с Рубинштейном распустить слух, что я болен, еду за границу, а жена едет вслед за мной»* П. И. Чайковский «Переписка с Н. Ф. фон-Мекк» [4]; *«<…> вам бы только* ***сплетни*** *развозить да слухи распускать — вот и досплетничались!»* М. Е. Салтыков-Щедрин «Сатиры в прозе» [4]; *«Сквозь все это пронесся дух* ***сплетней****, пустых поверхностных выводов, глупейших слухов, односторонних и ничтожных заключений»* Н. В. Гоголь «Выбранные места из переписки с друзьями» [4]; *«Раздражение питалось ежедневными слухами,* ***сплетнями****, рассказами о лицах, коим приписывались небывалые действия и слова*

о разных готовящихся мерах и т. п» К. П. Победоносцев «Письма к Александру III» [4].

Пасквиль – «произведение оскорбительного, клеветнического характера [9, с. 28]. ***Сплетня*** предполагает устный характер бытования, пасквиль – письменную (В словарной статье МАС дается следующий пример словоупотребления: *«Радикальные критики приняли роман как злостный пасквиль на молодое поколение»* И. С. Боровский «Тургенев как общественный деятель» [9, с. 28]). *«Совсем тем товарищи его, руководимые чутьем самосохранения, отгадали в нем врага и обратили на него свое обычное оружие–клевету, **сплетню**, диффамацию, пасквиль»* П. В. Анненков «Литературные воспоминания» [4].

Небылица – «то, что не соответствует действительности, вымысел, выдумка» [7, с. 424]. Для того чтобы ***сплетня*** достигла цели необходимо, чтобы она имела как можно более правдоподобный характер или казалось такой для участников «ситуации ***сплетни***». Небылица же изначально не предполагает достоверности в сообщаемых фактах. Кроме того, в значении лексемы небылица отсутствует сема «злой умысел». *«Воронова, вы собираете **сплетни**, вы **выдумываете небылицы** и в то же время вы притворяетесь неустрашимым бойцом и великодушным героем»* М. А. Антонович «Промахи [4]; *«Раз при нем одна уже довольно почтенных лет родственница, славившаяся в Тамбове своею страстью к **сплетням**, рассказывала разные небылицы, утверждая, что уж если об этом говорят, то верно уж что-нибудь есть»* Б. Н. Чичерин «Воспоминания» [4].

Такие же особенности свойственны лексемам *выдумка, басня, сказка*. *Выдумка* («разг.») – «то, что не соответствует действительности, вымысел, измышление» [6, с. 254]; басня («разг.») – «выдумка, вымысел, небылица»; сказка («разг.») – «выдумка, небылица» [6, с.102]. *«<…> построенное на тех же умозаключениях и лишь пополненное с избытком баснями и **сплетнями**»* П. А. Александров «Речь в защиту Сарры Модебадзе» [4]; *«Он сперва было сконфузился; но Варвара Павловна так кокетливо-почтительно обошлась с ним, что у него ушки разгорелись, и выдумки, **сплетни**, любезности медом потекли с его уст»* И. С. Тургенев «Дворянское гнездо» [4]; *«<…> глупою выдумкой и пустыми **сплетнями**»* Д. Д. Благово «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово» [4]; *«Соберите все глупые **сплетни**, сказки и не-сплетни и не-сказки, которые распускались и распускаются в Москве <…> выйдет хроника прелюбопытная»* П. А. Вяземский «Старая записная книжка» [4].

Также в качестве квазисинонимов к лексеме ***сплетня*** выступают лексемы *клевета, навет* и *инсинуация*.

Клевета – «ложное обвинение; заведомо ложный слух, позорящий кого-л., а также распространение таких слухов» [7, с. 56]. *«**Сплетни**, ссоры, клеветы, – пояснила Лиза. –А!»* Н. С. Лесков «Некуда» [4]; *«Столько лжи, клевет и самых недостойных **сплетен**, пущенных в упор <…>»* М. Е. Салтыков-Щедрин Гг. «Семейству М. М. Достоевского, издающему журнал «Эпоха» [4]; *«Самая простая и вместе с тем самая действительная манера поднимания ноги – это **сплетня** и клевета <…>»* М. Е. Салтыков-Щедрин «Сатиры в прозе» [4]; *«<…> что она умрет со скуки без московских **сплетней**, шушуканья, злословья и клеветы, в которых даже нет ничего и забавного?»* М. Н. Загоскин «Искуситель» [4].

Навет – «ложное обвинение, клевета» [7, с. 332]. *«**Сплетни**, лживые наветы / Не могли посеять злобы / И раздора между ними…»* И. А. Бунин «Песня о Гайавате. VI. Друзья Гайаваты» [4].

Инсинуация («книжн.») – «клеветнический вымысел, имеющий целью опорочить кого-л, клевета» [6, с. 669]. *«О ней ходили разные грязные **сплетни**, измышлялись инсинуации<…>»* А. Н. Анненская «Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность» [4].

Клевета, навет и инсинуация, исходя из их лексического значения, предполагают кроме «заведомо ложного слуха, позорящего кого-л., а также распространение таких слухов» выдвижение обвинения кого-л. в чем-л. (обвинение – то, что вменяется кому-либо в вину, то есть ответственность за нарушение или преступление. Обвинение, как правило, носит открытый характер и субъект обвинения, в отличие от субъекта ***сплетни***, известен).

Наушничество («разг») – «наговоры, клевета, донос» [7, с. 410]. *«В самом деле <…> не терзали бы паскудные предположения о наушничестве, судаченье и **сплетнях**»*. М. Е. Салтыков-Щедрин «Письма о провинции» [4]; *«Наушничества и **сплетни** дворни сделали то, что сестрица, ненавидевшая братца, возненавидела и экономку <…>»* В. В. Крестовский «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Части 1–3» [4].

Если сплетня подразумевает широкий характер распространения, то наушничество локально. Предполагается, что ложная информация передается непосредственно от одного лица (*«шептать на ухо»*) другому, при этом субъекты состоят в доверительных (дружественных) отношениях.

Стилистическим синонимом лексемы ***сплетня*** является лексема *судаченье*.

Эта лексема в МАС и БАС не зафиксирована. Судаченье – действие по глаголу судачить («разг»): «заниматься пересудами, сплетничать» [5, с. 586]. *«В самом деле <…> не терзали бы паскудные предположения о наушничестве, судаченье и **сплетнях**».* М. Е. Салтыков-Щедрин «Письма о провинции» [4]. Оно употребляется в стилистически сниженном контексте и подчеркивает бытовой характер ***сплетни***. Как правило, судаченьем занимаются кумушки в провинциальных городах (Ожегов – «кумушки судачат»).

Как пишет Ю.Д. Апресян, в число квазисинонимов попадают не только «идеографические синонимы», но и тематически близкие типы слов («аналоги»). К этой группе относятся лексемы *легенда, пустяк, суета, нелепость* и *болтовня*.

В значении лексемы *легенда* присутствуют интегральные семы «выдумка», «вымысел» (сплетня – «слух о ком-, чем-л, основанный на неточных или заведомо неверных, нарочито измышленных сведениях»), что позволяет использовать ее в качестве синонима к слову ***сплетня***. *«Но московские легенды всегда слишком близко граничат со **сплетнею**»*. А. В. Амфитеатров «Отравленная совесть» [4].

В русской национальной картине мира закрепилось отрицательное отношение как к ***сплетне***, так и к лицу, ее распространяющему. Подобное понимание феномена ***сплетня*** находим в ряде текстов первой половине XIX в., в которых в силу этого оказывается возможным синонимизация в тексте лексем ***сплетня***, пустяк («вздор, нелепость, глупость» [8, с. 563]), *суета* («нечто пустое, ничтожное, не имеющее ценности, тщета [9, с. 303]), *нелепость* («лишенный здравого смысла, разумных оснований, бессмысленный» [7, с. 452]), *дрянь* («о ком-, чем-л. плохом, скверном [6, с. 450] в определенных контекстах (подчеркивается негативное отношение к ***сплетне*** как социальному феномену). *«Пустяки, **сплетни**! – категорически успокоил его Николай Леопольдович»* Н. Э. Гейнце «В тине адвокатуры» [4]; *«Что за нелепости, что за **сплетни**!»* Ф. Ф. Вигель «Записки» [4]; *«<…> гаснул с приятелями, слушая толки, **сплетни**, передразниванье, злую и холодную болтовню, пустоту, глядя на дружбу, поддерживаемую сходками без цели, без симпатии…»* И. А. Гончаров «Обломов» [4]; *«**Сплетни**, пересуды, дрязги, раздоры, грязь и всякая дрянь – есть везде; в город приедешь – отдохнешь!»* Г. И. Успенский «Письма с дороги» [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что в силу своей многосторонности и сложности такое социальное явление, как сплетня, не может покрываться лишь одним наименованием. Необходимо привлечение синонимических средств языка, которые способны реализовать в тексте семантические функции уточнения, замещения, а также стилистическую функцию.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 2001. 568 с.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская Энциклопедия, 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les. (Дата обращения: 14.08.2017).
4. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru. (Дата обращения: 14.08.2017).
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 816 с.
6. Словарь русского языка: В 4 т. Т.1: А–Й. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
7. Словарь русского языка: В 4 т. Т.2: К–О. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
8. Словарь русского языка: В 4 т. Т.3: П–Р. М.: Русский язык, 1987. 752 с.
9. Словарь русского языка: В 4 т. Т.4: С–Я. М.: Русский язык, 1988. 796 с.
10. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 2: М–Я / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель; АСТ, 2003. 680с.

References and Internet resources

1. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka *(Dictionary of synonyms of the Russian language)*. Moscow: Russkii yazyk, 2001, 568 p. (In Russian).
2. Apresyan Yu. D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka *(Lexical semantics. Synonyms of the language)*. Moscow: Nauka, 1974. 368 p. (In Russian).
3. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' *(Linguistic Encyclopedic Dictionary)* / ed by V. N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les (Accessed: 14.08.2017). (In Russian).
4. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka *(National Corps of the Russian language)*. URL: http://www.ruscorpora.ru. (Accessed: 14.08.2017). (In Russian).

5. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka *(Dictionary of the Russian language).* Moscow: Russkii yazyk, 1984. 816 p. (In Russian).
6. Slovar' russkogo yazyka *(Dictionary of the Russian language):* in 4 vol. Vol. 1V: A–I, Moscow: Russkii yazyk, 1985. 696 p. (In Russian).
7. Slovar' russkogo yazyka *(Dictionary of the Russian language):* in 4 vol. Vol. 2: K–O. Moscow: Russkii yazyk, 1986. 736 p. (In Russian).
8. Slovar' russkogo yazyka *(Dictionary of the Russian language):* in 4 vol. Vol. 3: P–R. Moscow: Russkii yazyk, 1987. 752 p. (In Russian).
9. Slovar' russkogo yazyka *(Dictionary of the Russian language):* in 4 vol. Vol. 4: S–Ya. Moscow: Russkii yazyk, 1988, 796 p. (In Russian).
10. Slovar' sinonimov russkogo yazyka *(Dictionary of synonyms of the Russian language):* in 2 vol. Vol. 2: M–Ya. In A.P. Evgen'evoi (eds.), Moscow: Astrel'; ACT, 2003. 680 p. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(37)

А. П. Беликов

НОВЫЙ ПОЛЕЗНЫЙ УЧЕБНИК.
Рецензия на учебное пособие Никишина В. О. «История Древнего Мира. Древний Рим: учеб. пособие для академ. бакалавриата». М.: Изд-во Юрайт, 2017. 299 с.

Статья – рецензия на новый учебник по истории древнего Рима, написанный известным учёным, кандидатом исторических наук, старшим преподавателем кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова В. О. Никишиным.

История Древнего Рима представляет собой заключительный этап древней истории Средиземноморья. К началу новой эры сложилась мощная мировая держава, объединившая в своих границах обширные территории Восточного и Западного Средиземноморья – Римская империя, вобравшая в себя колоссальное культурное наследие древних средиземноморских цивилизаций. Древнеримское общество аккумулировало и синтезировало, чтобы затем передать следующим поколениям величайшие достижения античной культуры на высшем этапе её развития, чем объясняется исключительное значение Древнего Рима в мировой истории.

Автор даёт достаточно подробный анализ учебника, и приходит к выводу, что он написан просто блестяще, однако нуждается в расширении некоторых разделов.

Ключевые слова: История Рима, авторский учебник, специфика римской цивилизации, культурное наследие древнего Рима.

A. P. Belikov

NEW USEFUL TEXTBOOK.
Book review: Nikishin V. O. Ancient world history. Ancient Rome: Textbook for academic baccalaureate. Moscow: Yurayt Publishing House, 2017. 299 p.

The article is a review of a new textbook on the history of ancient Rome, written by a famous scientist, candidate of historical sciences V. O. Nikishin, senior lecturer at the Department of Ancient History at the History Faculty of Moscow State University.

The history of Ancient Rome is the final stage of the ancient history of the Mediterranean. By the beginning of the new era, there was a powerful state that united within its borders the vast territories of the Eastern and Western Mediterranean – the Roman Empire, which absorbed the colossal cultural heritage of ancient Mediterranean civilizations. Ancient Roman society accumulated and synthesized in order to then transmit to the next generations the greatest achievements of ancient culture at the highest stage of its development, which explains the exceptional importance of Ancient Rome in world history.

The author gives a fairly detailed analysis of the textbook, and comes to the conclusion that it is written just brilliantly, but needs to expand some sections.

Key words: history of Rome, author's textbook, specific features of Roman civilization, cultural heritage of ancient Rome.

Древний Рим стал тем фундаментальным базисом, на основе которого развивалась европейская средневековая цивилизация, в свою очередь, существенно повлиявшая на всю последующую историю человечества.

Поэтому вполне закономерен тот неиссякаемый интерес, который проявляют не только историки, но и политологи, социологи, искусствоведы, юристы, культурологи к этой важнейшей части мировой истории. Источни-

ковая база непрерывно расширяется за счёт археологических раскопок и введения в науку новых артефактов, появляются новые эпиграфические источники, требующие анализа и обобщения. Количество научных работ и научно-популярных публикаций растёт год от года. И каждое новое поколение исследователей пытается дать своё осмысление римской истории. Которое определяется не только их личным восприятием, но и теми особенностями социально-экономической эпохи, в которой живут они сами.

Это в полной мере проявляется и в университетских учебниках по истории древнего Рима. И особенно это заметно в нашей стране, где за последние сто лет удручающе часто происходят радикальные перемены.

До октября 1917 года отечественное антиковедение развивалось в общем едином поле с мировой наукой, в том числе и в учебной литературе. Реформа образования привела к тому, что всеобщую историю практически исключили из изучения. Только в 1934 году было восстановлено её преподавание в школах и высших учебных заведениях. Потребовались новые учебники, написанные в соответствии с концепцией марксизма-ленинизма, каковую задачу и поставили перед учёными. Но для этого потребовалось много времени.

Правда, ещё в 1922 и 1923 гг., учитывая спрос на научную литературу по истории древности, и необходимость заменить ею старые «неправильные» книги, было опубликовано два очень небольших, всего по 120 страниц, и популярно написанных труда известного антиковеда С. А. Жебелёва [3, 4].

Одновременно вышла научно-популярная книга В. С. Сергеева [19]. К сожалению, попытки «втиснуть» древность в ещё слабо разработанную методологию формационного подхода к изучению истории, привели к тому, что автор усматривал в Риме наличие феодализма и «торгового капитализма». Поэтому его критиковали за недостаточное понимание основ марксизма-ленинизма, а книга была признана неудачной. Через три года она была переработана и переиздана [20], хотя и продолжала не вполне соответствовать идеологическим установкам партии.

В 1938 году В. С. Сергеев, с учётом критических замечаний, опубликовал в двух томах «Очерки по истории древнего Рима» [21], которые и стали главным советским учебником по римской истории на ближайшие десять лет. Впрочем, по своему качеству, если отбросить идеологическую составляющую, эта работа не утратила своего значения и по сей день. Это был, по сути, первый большой советский учебник по истории Рима, подробно рассматривающий внутреннюю жизнь римского государства, уделяя особое внимание социально-экономическим аспектам, что впредь и стало основополагающим моментом для любой отечественной учебной литературы.

Изданные позже два учебника А. В. Мишулина [16, 17] написаны скучно и неинтересно, слишком схематично, чрезмерно абсолютизировали материальные, социальных факторы и роль классовой борьбы. По этой причине они не пользовались популярностью, не могли составить конкуренцию яркому и живому изложению В. С. Сергеева, и были быстро забыты.

И, наконец, почти одновременно появились два университетских учебника, по которым обучались несколько поколений советских историков. Н. А. Машкин издал свою «Историю древнего Рима» [13], которая до сих пор остаётся хорошим подспорьем для глубокого изучения, прежде всего, социально-экономической истории, но вопросам культуры, быта и нравов уделено слишком мало места. Годом позже появился учебник С. И. Ковалёва [9], вне всяких сомнений – одна из лучших работ такого рода даже в мировой учебной литературе. Это строго академический учебник, но написанный так увлекательно, что он читается, как интереснейший исторический роман. Основное внимание автор уделил политической истории Рима, дал яркие психологические портреты его виднейших деятелей, здесь показан человек на фоне истории, а не сухая схема «исторического развития». Хорошо раскрыты особенности культуры, религии, социальных движений и положения провинций в составе Римской империи. Не отрицая несомненных достоинств книги Н. А. Машкина, переизданной уже в 1949 году [14], студенты, однако, всегда предпочитали готовиться к экзамену именно по учебнику С. И. Ковалёва.

Эти очень добротные учебники имели ещё один плюс – тогда издательства ещё не ограничивали их объём, поэтому обстоятельный и подробный труд Н. А. Машкина насчитывает 679 страниц, С. И Ковалёва – ещё больше. И они не устарели ни структурой подачи материала, ни оригинальными наблюдениями и выводами их авторов. Однако после 1953 года они мгновенно устарели из-за вынужденного цитированию И. Сталина, а затем – и вследствие появления новых взглядов на специфику римской истории. По этой причине работа Н. А. Машкина, очищенная от «недостатков»,

была переиздана в 1956 году [15]. Меньше повезло учебнику С. И. Ковалёва, переработанное издание которого объёмом в 742 страницы переиздано только в 1986 году [10]. Оно стало настолько востребованным, что в 2002 году под редакцией одного из ведущих отечественных антиковедов, профессора Э. Д. Фролова, заведующего кафедрой истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского университета – вышло третье издание [11], исправленное и дополненное, в котором в текст дополнительно вставлены фрагменты из произведений античных авторов.

В 1971 году вышел новый учебник, написанный коллективом авторов под редакцией А. Г. Бокщанина и В. И. Кузищина [5]. Так начался долгий период коллективной работы над учебниками по истории Рима. Книга неоднократно переиздавалась [6], четвертое издание под редакцией В. И. Кузищина опубликовано в 2005 г. [7], и стала базовым учебником для университетов страны. Последнее, переработанное и исправленное издание, вышло в 2013 году, уже после смерти Владимира Ивановича Кузищина, скончавшегося 28 февраля 2013 г. [8].

Особенностью последних лет стало возвращение к авторским учебникам. В этом есть свои плюсы, поскольку такой текст выражает личное восприятие исторических реалий одним человеком, и, на наш взгляд, имеет больше концептуального единства изложения.

Прежде всего, отметим превосходную работу одного из ведущих отечественных специалистов по истории Рима, профессора кафедры истории древнего Греции и Рима Санкт-Петербургского университета Алексея Борисовича Егорова [2]. К сожалению, она издана столь малым тиражом, что остаётся практически недоступной студентам и массовому читателю.

Важным событием стал новый учебник по истории древнего Рима, написанный известным антиковедом, кандидатом исторических наук, старшим преподавателем кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова – Владимиром Олеговичем Никишиным [18]. В основе учебника лежит многолетний опыт преподавательской и научной работы автора. В. О. Никишин обобщил новейшие достижения отечественного и зарубежного антиковедения, и дал во многом новаторскую работу. Его труд сочетает в себе все достоинства предыдущих советских учебников, но выгодно отличается от них отсутствием идеологизированности, жесткого отношения к римлянам, как к завоевателям; сбалансированным вниманием ко всем сторонам жизни Рима, в том числе – к личностям выдающихся политических деятелей, и культуре римлян. Уместны и очень «иллюстративны» краткие цитаты из произведений античных авторов, хорошо вписывающиеся в само изложение событий.

Структура учебника традиционна, она содержит систематическое изложение истории Рима от зарождения древнеримской цивилизации до падения Западной Римской империи. Но автору удалось наполнить текст новым содержанием и дать своё собственное видение основных проблем римской истории.

Очень органично с текстом учебника сочетаются многочисленные примечания, поясняющие термины, отдельные события, факты – что позволило избежать перегруженности самого изложения фактическим материалом, но дало более объёмное понимание специфики римской истории. Каждая глава заканчивается вопросами и заданиями – их немного, не более 6–8, но почти все они касаются не столько фактического материала, сколько его осмысления и оценки, что, безусловно, способствует развитию мышления студентов. С той же целью в конце каждой главы приводятся небольшие отрывки из произведений античных авторов, которые, с одной стороны, дополняют материал, а с другой – требуется их проанализировать и ответить на вопросы по ним.

Рецензируемый учебник состоит из Предисловия, 18 тематических глав, снабжённых примечаниями, а также помещёнными в конце вопросами и заданиями для закрепления материала, включая выдержки из письменных источников, и библиографического списка.

В первой главе [18, с. 9–21] подробно раскрыта тема «Природа и население» Италии, что представляется совершенно оправданным, поскольку эти специфические особенности Апеннинского полуострова в значительной степени объясняют всю дальнейшую историю римлян. Кроме того, именно Италия всегда оставалась становым хребтом римской державы и государственности, события в ней часто становились определяющими для самой судьбы и Республики, и Империи.

Специальный раздел посвящён обществу и культуре этрусков, оказавших заметное влияние на становление и развитие римской цивилизации. Касаясь остро дискуссионной проблемы происхождения этрусков, автор даёт аргументированный и взвешенный вывод, что «В настоящее время наиболее плодотворным представляется взгляд на этногенез этрусков

как на сложный процесс» [18, с. 11], в котором принимали участие, с одной стороны, местные, автохтонные элементы, а с другой – пришлые, прибывшие морем с Востока, скорее всего, из Малой Азии. На наш взгляд, здесь можно было бы добавить результаты новейших генетических исследований, которые подтверждают несомненную связь этрусков с древним населением Малой Азии.

Очень хорошо раскрыта такая сложная тема, как «Царский Рим (753–510 гг. до н. э.)». Остаётся лишь сожалеть, что в ней не нашлось места интереснейшим легендам о происхождении Ромула и Рема, и – что ещё важнее – о похищении сабинянок. Поскольку последняя раскрывает особенности римского уважительного отношения к женщинам, т.к. реально значительная часть женского населения раннего Рима появилась в нём в результате похищений и захватов во время набегов на соседей, и чтобы «чужие» женщины стали хорошими жёнами, требовалось привязать их к себе вниманием, заботой, бережным и добрым отношением. Что, в конечном счёте, и стало традиционным для римлян.

Большая вторая глава рассматривает проблемы становления и формирования римского полиса [18, с. 20–40]. Сразу отметим нестандартный подход автора – он начинает главу с анализа экономики Италии в VI–III вв. до н. э. Обычно такие вопросы рассматриваются только с окончания Периода Великих Завоеваний, и в результате студенты имеют самые смутные представления о том, что представляла из себя экономика Италии в предшествующую эпоху. Добротно, но без чрезмерной перегруженности изложения фактическим материалом, излагаются такие сложные темы, как борьба патрициев и плебеев, и государственное устройство Ранней республики. Глава завершается взвешенным выводом: несмотря на усиление демократических тенденций, Республика имела ярко выраженный аристократический характер [18, с. 39–40].

Третья глава посвящена завоеванию Римом Италии и образованию Римско-италийского союза [18, с. 41–51]. Здесь безупречно чётко, логично и последовательно излагаются события одного из важнейших периодов римской истории. Правда, хотелось бы увидеть здесь более подробное описание войны с Пирром, поскольку она наглядно продемонстрировала одну из главных особенностей римлян: умение «держать удар» и не впадать в панику даже при самом неблагоприятном положении дел. Впоследствии это помогло им выстоять в ещё более тяжёлой для них Второй Пунической войне.

Совершенно оправданно следующая отдельная глава рассматривает борьбу Рима с Карфагеном с 264 г. до н.э. по 201 г. до н. э. [18, с. 52–69]. В отличие от многих других учебников, разделяющих между собой изложение Первой и Второй Пунических войн, такой подход позволяет добиться более полного осмысления хода, последствий и значения этих войн не только для Рима, но и всего Средиземноморья. Отдельно отметим, что автор даёт убедительный ответ на вопрос, который долго оставался дискуссионным – почему после Первой Пунической войны больше никто и никогда не использовал в морских сражениях знаменитый римский «ворон» - штурмовой трап для абордажа вражеских судов, установленный на носу кораблей. Значительный вес «ворона» негативно сказывался на мореходных качествах римских судов, которые теряли устойчивость и легко опрокидывались во время шторма. Этим обстоятельством современные исследователи склонны объяснять, в частности, огромные потери римского флота, понесённые из-за бурь в 255 и 249 гг. до н. э. [18, с. 55, прим. 6].

В прекрасно написанной главе, однако, вызывает некоторое возражение мнение автора, что Ганнибал, отказавшись от похода на Рим сразу после Канн, безвозвратно упустил свой единственный шанс победоносно завершить войну, и прямым следствием этой фатальной ошибки великого полководца стали полная утрата им стратегической инициативы [18, с. 65]. В современной историографии преобладает мнение, что Ганнибал, не имеющий ни осадной техники, ни подкреплений, в любом случае не смог бы взять хорошо укреплённый Рим, и полностью отдавал себе в этом отчёт.

Добавим, что гениальный полководец, не имеющий себе равных в полевых сражениях, на наш взгляд, не обладал ни способностями полиоркетика, ни «вкусом» к длительной осаде городов или их стремительному штурму. В Испании он слишком долго осаждал Сагунт, а в Италии почти все захваченные города были взяты им либо хитростью, либо просто открыли перед ним ворота. Создаётся впечатление, что он просто избегал осад и штурмов городов, ибо сам чувствовал, что это не соответствует его склонностям или способностям.

Кроме того, не совсем понятно, почему из событийной канвы совершенно выпали Иллирийские войны Рима 230–229 и 219 гг. до н. э. Мы продолжаем настаивать на том, что они в контексте изучаемых событий имели колоссальную важность, поскольку явились первыми шагами Рима в его Восточной экспансии.

Они же привели к конфликту с Македонией, к карфагенско-македонскому союзу и последующим войнам на Балканах. И, наконец, эти войны, особенно Вторая Иллирийская война, напрямую связаны с подготовкой обеих враждующих сторон – Рима и Карфагена, ко Второй Пунической войне [1, с. 45–63].

Пятая глава, и опять-таки, совершенно оправданно, объединяет Римские завоевания на Востоке и «малые войны» в Испании 200–133 гг. до н. э. [18, с. 70–78]. Обычно их излагают отдельно, что не позволяет студентам увязать воедино римскую политику в масштабах всего Средиземноморья. Хорошо показана связь внутренней политики с внешней, и разногласия внутри правящего слоя Республики, переходить ли к провинциальному устройству государства, или же сохранять изжившую себя систему внешней клиентелы [18, с. 60–61].

В изложении Третьей Македонской войны, однако, представляется небесспорной авторская оценка Персея, – «амбициозный, энергичный и коварный, стал проводить антиримскую политику» [18, с. 65]. Представляется, что на самом деле Персей всеми силами пытался избежать конфликта с могучим Римом, но понимал, что в покое его всё равно не оставят. И на всякий случай готовился защищаться. На наш взгляд, единственная «вина» Персея перед Римом заключалась в том, что он хотел сделать своё царство сильным, а это напрямую мешало римским интересам на Балканах. Показательно, что сенат не смог предъявить ему никаких серьёзных доказательств его антиримской деятельности. Македонское посольство в Риме легко отвело от него все обвинения: –Царь изгнал иллирийского вождя Абруполиса за набеги на Македонию, он сам сообщил об этом сенату, и тогда сенаторы сочли его действия справедливыми, как не порицали они его и за союз с Этолией (App. Mac. XI. 6–7). «Царь ни в чем не виноват и готов ответить на любое обвинение» (App. Mac. XI. 8). Сенату нечего было возразить на эти справедливые слова, и он... велел послам немедленно покинуть город - «у римлян давно решено было воевать» (Polyb. XXVII. 6.3; Liv. XLII. 48; App. Mac. XI. 9).

Глава логично заканчивается Третьей Пунической войной и уничтожением Карфагена, присоединением Пергама и – концептуально важным параграфом об устройстве и управлении римских провинций [18, с. 83–87].

Шестая глава, одна из лучших в учебнике, хотя и довольно краткая – посвящена экономике и сословно-классовой структуре римско-италийского общества во II–I вв. до н. э. [18, с. 89–94].

Седьмая глава, Социально-политическая борьба в римско-италийском обществе 138–121 гг. до н. э. [18, с. 95–104] – тщательно разбирает такие сложные вопросы, как первое восстание рабов на Сицилии, и реформы братьев Гракхов. Хорошо показаны причины, по которым римские нобили, ставившие личные корыстные интересы выше государственного блага, всячески препятствовали проведению аграрной реформы, и в конечном счёте убили обоих братьев, чтобы не терять государственные земли, незаконно захваченные нобилями.

Восьмая глава – Римская республика в 121–88 гг. до н. э.: внешняя политика и «партийная» борьба [18, с. 105–119] выгодно отличается от некоторых других довольно кратких глав подробным изложением важнейших, и даже судьбоносных для Республики событий. Очень удачно раскрыты Югуртинская война, военная реформа Гая Мария, вторжение кимвров и тевтонов на территорию Республики и блестящий разгром их орд Марием, Союзническая война. Убедительно сформулирован итог всех этих событий – «Людские потери были огромны, в разорённой и обескровленной Италии наступил экономический упадок, кредит был подорван, деньги обесценились. Кризис в экономике сопровождался обострением социально-политических противоречий в римском обществе. Во внешней политике в это время также возникли серьёзные осложнения… В 88 г. до н. э. Рим вступил в новый период глубоких внутренних потрясений и кровопролитных внешних войн» [18, с. 118].

Девятая глава – Гражданские войны и диктатура Суллы (88–79 гг. до н. э.) [18, с. 120–131] посвящена детальному анализу одного из самых драматических периодов римской истории: страшным гражданским войнам, происходящим одновременно с крайне тяжёлой для государства Первой Митридатовой войной. Одолевший всех своих политических противников Сулла получил абсолютную власть, сродни царской.

Проведённые им реформы существенно изменили внутреннее устройство Республики, однако, «парадокс заключается в том, что формально Сулла, выступая с позиций консервативного реформатора, восстановил олигархическую республику, но объективно, действуя, как революционер и тиран, он подготовил все условия для её окончательного низвержения и грядущего абсолютного торжества монархического принципа» [18, с. 129]. Следует так же согласиться с блестящей характеристикой, данной этому незаурядному и сотканному из

противоречий политическому деятелю автором – «Этот прагматик, циник и мизантроп, прекрасно образованный, неплохо говоривший по-гречески аристократ и вместе с тем до крайности суеверный, грубый и необузданный в своих страстях поклонник роскоши и чувственных удовольствий, расчётливый, жестокий и коварный, в политике был неисправимым идеалистом» [18, с. 129].

Десятая глава «Кризис Поздней республики» [18, с. 132–163] подробно рассматривает очень широкий круг событий 78–72 гг. до н. э. Несмотря на непродолжительность этого периода, в него вместилось очень много такого, что и предопределило всю дальнейшую историю Рима: войны на Востоке, образование Первого Триумвирата, завоевание Цезарем Галлии, политическая борьба популяров с оптиматами, усиление влияния Помпея и создание предпосылок новой гражданской войны.

Следующая, одиннадцатая глава «Гражданские войны 49–30 гг. до н. э. и падение республиканского строя» [18, с. 163–182] излагает ход почти непрерывных военных столкновений между крупнейшими римскими политиками за власть. Эта война «всех со всеми» прервалась всего на один год краткосрочной диктатуры Цезаря. После его убийства заговорщиками прямо в здании самого сената – что было бы просто немыслимо прежде, но нравы римлян заметно изменились, а политическая борьба приобретала всё более и более острые формы – кровопролитие продолжалось вплоть до 30 г. до н. э. В итоге далеко не самый талантливый, но наиболее расчётливый и коварный «Октавиан, 33-летний приёмный сын Цезаря, на целых 43 года стал единоличным хозяином Римской средиземноморской державы (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.)» [18, с. 181].

Двенадцатая глава «Римская культура III–I вв. до н. э.» [18, с. 183–213] содержит в себе слишком краткий обзор изменений в римской идеологии после падения Республики, объёмное и просто блестяще выполненное изложение римской религии, достаточно подробно раскрытые римское право и литература, и не очень пространный раздел об архитектуре и скульптуре. К сожалению, отсутствует материал об изобразительном искусстве, фресках, мозаике, мелкой пластике, ювелирном искусстве.

Тринадцатая глава «Принципат» [18, с. 214–244] начинается с описания той системы власти, которую установил в государстве Октавиан Август. По сути это была неограниченная монархия, маскирующаяся под видимость республики. Подробно характеризуется внутренняя и внешняя политика принцепса. После смерти Августа в 14 г. н. э. начинается череда правителей, объединяемых под названием Юлии-Клавдии. Их всех сближает между собой разная степень психического нездоровья. Тиберий, о котором Дион Касий писал – «это был человек со многими хорошими и многими плохими качествами, и когда он проявлял хорошие, то казалось, что в нём нет ничего плохого, и наоборот» [18, с. 221]. Гай Цезарь Калигула - непредсказуемый в своих поступках и реакциях психопат с отталкивающей внешностью дегенерата, наделённый всевозможными пороками и одержимый манией величия [18, с. 223]. Своему коню Инцитату Калигула присвоил римское гражданство, затем сделал сенатором и, наконец, занёс в списки кандидатов на пост консула. После убийства Калигулы Инцитату урезали жалованье. В результате конь не смог пройти ценз и был выведен из состава сената [18, с. 224, прим. 3]. Клавдий, который с детства считался чудаком и недотёпой, смешным, нелепым и непрактичным. А как правитель Клавдий был игрушкой в руках своих жён и вольноотпущенников. Четвёртая по счёту жена Агриппина отравила его, и новым императором стал её 17-летний сын от первого брака, усыновлённый Клавдием – Нерон Клавдий Цезарь [18, с. 226]. Нерон приказал убить Агриппину и свою первую жену, лично убил вторую жену, после чего погряз в бесчинствах и оргиях. Остаётся лишь удивляться, как такие правители не довели страну до гибели. Но в результате их правления держава оказалась в таком состоянии анархии, что после свержения и самоубийства Нерона в ней вспыхнула новая кровавая гражданская война. После непродолжительного правления династии Флавиев Рим, наконец, обрёл достойных правителей в лице династии Антонинов, правление которых справедливо считается «Золотым веком» Римской империи.

Четырнадцатая глава «Культура Римской средиземноморской державы в I–III вв. н. э.» [18, с. 245–257], на наш взгляд, может быть расширена. Но и в нынешнем состоянии она даёт очень добротное описание особенностей и достижений культурной жизни державы данного периода.

Пятнадцатая глава «Раннее христианство (I– III вв. н. э.)» насчитывает всего 5 страниц [18, с. 258–262], что следует признать непропорционально малым для изучения такого сложного и исторически значимого события, как возникновение и распространение христианства.

Зато шестнадцатая глава «Кризис III века» [18, с. 263–274] даёт практически исчерпывающее изложение одного из самых тяжёлых периодов римской истории. Автору удалось чётко раскрыть предпосылки, причины, итоги и последствия этого явления.

Семнадцатая глава Оформление системы домината (284–337 гг.) занимает страницы 275–284. Начинается она с обстоятельного изложения правления Диоклетиана, заложившего основы домината. Традиционно он получает крайне негативную оценку в историографии, но сейчас эта тенденция меняется, и автору удалось, не впадая в крайности, показать как заслуги этого императора, так и его ошибки.

Прекрасно изложено правление Константина Великого, завершившего оформление системы домината. Значительное внимание уделено его реформам. Очень хорошо раскрыта его религиозная политика [18, с. 281–282], что является важным дополнением к довольно краткой пятнадцатой главе.

Последняя, восемнадцатая глава «Распад и гибель Римской империи (337–476 гг.)» подробно останавливается на правлении Юлиана Отступника, что совершенно оправданно и даже необходимо, учитывая как выдающуюся личность императора, так и его безуспешную попытку восстановить языческую религию. Далее характеризуются причины распада державы на Западную и Восточную римские империи. Очень чётко, хотя и кратко, изложены события, приведшие к гибели Западной Римской империи.

Завершается глава кратким анализом поздней римской историографии и права, что является вполне оправданным. Но, возможно, имело смысл добавить ещё одну главу, специально посвящённую римской, а по сути своей – средиземноморской культуре IV–V вв., и её влиянию на культуру средневековой Европы.

Подведём итог. Учебник создан на самом высоком научном и методологическом уровне. Издание его и своевременно, и полезно. Безусловно, он будет востребован не только славным российским студенчеством, но и читателями, интересующимися древней историей. Ещё и по той причине, что написан он прекрасным литературным языком, что вообще свойственно всем работам Владимира Олеговича.

Учитывая высочайшее качество представленного учебника, здесь едва ли уместно говорить о замечаниях, но можно высказать ряд пожеланий. Современные издатели ограничивают «листаж» учебников, сейчас сложно опубликовать их объёмом в 600–700 страниц, как это было раньше. Но при переиздании работы хорошо бы расширить некоторые разделы. Видимо, было бы полезным добавить хотя бы краткие отдельные главы по источникам и историографии.

На странице 299 в списке новых изданий по дисциплине «История Древнего мира» и смежным дисциплинам совершенно оправданно присутствует фундаментальная, полезная и ничуть не устаревшая монография И. М. Кулишера «История экономического быта Западной Европы». Т. 1. Средневековье (2016). Но, вероятно, там же следовало бы отметить, что это переиздание книги, впервые опубликованной в 1909 году [12], иначе у студентов может возникнуть впечатление, что И. М. Кулишер (1878–1933) – наш современник.

Литература

1. Беликов А. П. Рим и эллинизм. Основные проблемы политических, экономических и культурных контактов: дисс. … докт. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2003. 422 с.
2. Егоров А. Б. История Рима. СПб.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2016. 289 с.
3. Жебелёв С. А. Древний Рим. Ч. 1. Республика. Пг.: Наука и школа, 1922. 120 с.
4. Жебелёв С. А. Древний Рим. Ч. 2. Империя. Пг.: Наука и школа, 1923. 120 с.
5. История Древнего Рима / ред. А. Г. Бокщанин и В.И. Кузищин. М.: Высшая школа, 1971. 379 с.
6. История Древнего Рима / ред. В. И. Кузищин. М.: Высшая школа, 1981. 394 с.
7. История Древнего Рима / ред. В. И. Кузищин. 4-е изд. М.: Высшая школа, 2006. 398 с.
8. История Древнего Рима / ред. В. И. Кузищин и И.А. Гвоздева. 5-е изд., переработанное и дополненное. М.: Высшая школа, 2013. 412 с.
9. Ковалёв С. И. История Рима. Л.: ЛГУ, 1948. 723 с.
10. Ковалёв С. И. История Рима. 2-е изд. Л.: ЛГУ, 1986. 742 с.
11. Ковалёв С. И. История Рима. Переработанное и дополненное издание. СПб.: Полигон, 2002. 864 с.
12. Кулишер И. М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. 468 с.
13. Машкин Н. А. История древнего Рима. М.: ОГИЗ, 1947. 679 с.
14. Машкин Н. А. История древнего Рима. 2-е изд. М.: ОГИЗ, 1949. 679 с.
15. Машкин Н. А. История древнего Рима. 3-е изд., исправленное и дополненное. М.: ОГИЗ, 1956. 612 с.
16. Мишулин А. В. Античная история Греции и Рима. М.: Типогр. Высш. парт. школы, 1944. 312 с.
17. Мишулин А. В. История древнего Рима. М.: Типогр. Высш. парт. школы, 1946. 195 с.
18. Никишин В. О. История Древнего Мира. Древний Рим: учеб. пособие для академического бакалавриата. М.: ЮРАЙТ, 2017. 299 с.

19. Сергеев В. С. История Древнего Рима: Культурно-исторический очерк в научно-популярном изложении. Пг.: «Наука и школа», 1922. 127 с.
20. Сергеев В. С. История древнего Рима. 2-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1925. 197 с.
21. Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. Т. 1-2. М.: ОГИЗ, 1938. Т.1. 316 с. Т. 2. 264 с.

References

1. Belikov A. P. Rim i jellinizm. Osnovnye problemy politicheskih, jekonomicheskih i kul'turnyh kontaktov *(Rome and Hellenism. The main problems of political, economic and cultural contacts)*: thesis. Stavropol': SSU publ., 2003. 422 p. (In Russian).
2. Egorov A. B. Istorija Rima *(History of Rome)*. St. Petersburg: NESTOR-ISTORIJa, 2016. 289 p. (In Russian).
3. Zhebeljov S. A. Drevnij Rim *(Ancient Rome)*. Part. 1. Respublika (Republic). Petrograd: Nauka i shkola, 1922. 120 p. (In Russian).
4. Zhebeljov S. A. Drevnij Rim *(Ancient Rome)*. Part. 2. Imperija *(Empire)*. Petrograd: «Nauka i shkola», 1923. 120 p. (In Russian).
5. Istorija Drevnego Rima *(Ancient Rome history)* / ed by A. G. Bokshhanin, V. I. Kuzishhin. Moscow: Vysshaja shkola, 1971. 379 p. (In Russian).
6. Istorija Drevnego Rima *(Ancient Rome history)* / ed by V. I. Kuzishhin. Moscow: Vysshaja shkola, 1981. 394 p. (In Russian).
7. Istorija Drevnego Rima *(Ancient Rome history)* / ed by V. I. Kuzishhin. 4th ed. Moscow: Vysshaja shkola, 2006. 398 p. (In Russian).
8. Istorija Drevnego Rima *(Ancient Rome history)* / ed by V. I. Kuzishhin, I. A. Gvozdeva. 5th ed. Moscow: Vysshaja shkola, 2013. 412 p. (In Russian).
9. Kovaljov S. I. Istorija Rima *(History of Rome)*. Leningrad: LSU publ., 1948. 723 p. (In Russian).
10. Kovaljov S. I. Istorija Rima *(History of Rome)*. 2th ed. Leningrad: LSU publ., 1986. 742 p. (In Russian).
11. Kovaljov S. I. Istorija Rima *(History of Rome)*. Pererabotannoe i dopolnennoe izdanie. St.Petersburg: Poligon, 2002. 864 p. (In Russian).
12. Kulisher I. M. Lekcii po istorii jekonomicheskogo byta Zapadnoj Evropy. St. Petersburg: Brokgauz-Efron, 1909. 468 p. (In Russian).
13. Mashkin N. A. Istorija drevnego Rima *(Ancient Rome history)*. Moscow: OGIZ, 1947. 679 p. (In Russian).
14. Mashkin N. A. Istorija drevnego Rima *(Ancient Rome history)*. 2th ed. Moscow: OGIZ, 1949. 679 p. (In Russian).
15. Mashkin N. A. Istorija drevnego Rima *(Ancient Rome history)*. 3th ed. Moscow: OGIZ, 1956. 612 p. (In Russian).
16. Mishulin A. V. Antichnaja istorija Grecii i Rima *(History of ancient of Greece and Rome)*. Moscow: Tipogr. Vyssh. part. shkoly, 1944. 312 p. (In Russian).
17. Mishulin A. V. Istorija drevnego Rima *(Ancient Rome history)*. Moscow: Tipogr. Vyssh. part. shkoly, 1946. 195 p. (In Russian).
18. Nikishin V. O. Istorija Drevnego Mira. Drevnij Rim: ucheb. posobie dlja akademicheskogo bakalavriata *(Ancient world history. Ancient Rome: Textbook for academic baccalaureate)*. Moscow: JuRAJT, 2017. 299 p. (In Russian).
19. Sergeev V. S. Istorija Drevnego Rima: Kul'turno-istoricheskij ocherk v nauchno-populjarnom izlozhenii *(History of Ancient Rome: Cultural and historical essay in a popular scientific presentation)*. Petrograd: Nauka i shkola, 1922. 127 p. (In Russian).
20. Sergeev V. S. Istorija drevnego Rima *(Ancient Rome history)*. 2th ed. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. 197 p. (In Russian).
21. Sergeev V. S. Ocherki po istorii drevnego Rima *(Essays on the history of ancient Rome)*. Vol. 1-2. Moscow: OGIZ, 1938. Vol.1. 316 p. Vol. 2. 264 p. (In Russian).

УДК 929 /908

А. Ю. Рощупкин

Рецензия на книгу

Тропина Н. А. «Н. А. Ридингер – калужский полицмейстер середины XIX века». Воронеж: Научная книга, 2017. 72 с.

Рецензируемая монография елецкого историка Н. А. Тропина является третьей книгой из серии публикаций о жизни и творчестве Николая Александровича Ридингера (1825–1894), известного как исследователя региональной истории и статистики Орловской губернии. Книга подготовлена преимущественно на материалах Государственного архива Калужской области. Актуальность заключается в возможности изучения процесса становления провинциальной исторической науки в середине XIX в. в губерниях Центральной России. Научная новизна состоит в выявлении корпуса документов, благодаря которым стало возможным изучить биографию Н. А. Ридингера и обнаружить его первые публикации. В центре внимания находится калужский период его службы в должности полицмейстера и формирование его как исследователя русской провинции.

Ключевые слова: Н. А. Ридингер, калужский полицмейстер, Калужская губерния, региональная история, статистика, декабрист Г. С. Батеньков, адмирал М. Н. Станюкович, адмирал А. П. Авинов, губернатор Д. Н. Толстой, губернатор В. А. Арцимович.

A. Yu. Roshchupkin

Book review

Tropin N. A. «N. A. Ridinger – kaluga police in the middle of the XIXth century». Voronezh: Scientific book, 2017. 72 p.

The book by Yelets historian Nikolai Tropin continues the study of the life and scientific activities of Nikolay Aleksandrovich Rüdinger (1825–1894). The book is written based on archival documents. The importance of the research lies in the possibility to study the process of developing the provincial historic science in the middle of the XIXth century in Kaluga province. Scientific novelty of the work consists in revealing a number of documents which made it possible to study N. A. Rüdinger's biography and his manuscripts. N. A. Rüdinger was a member of the noble family famous in the military history of Russia. He was not a professional historian, he was an officer, a veteran of the Caucasian campaign of 1853–1854, who haning been wounded continued his service as a chief of police in Kaluga, Oryol, Elets, St.-Petersburg and got the rank of general-major. His manuscript heritage is large. It is represented not only by archives and his two published books, but also by some publications in province newspapers and in the press of the capital.

Key words: N. A. Rüdinger, the chief of police of the Kaluga city, Kaluga province, historical science in the province, statistics, decembrist Gabriel Baten'kov, admiral M. Stanyukovich, admiral A. Avinov, governor Tolstoy, governor V. Artsimovich.

Монография Н. А. Тропина «Н. А. Ридингер – калужский полицмейстер середины XIX века» является третьей книгой из серии публикаций о жизни и творчестве Николая Александровича Ридингера, известного как исследователя региональной истории и статистики Орловской губернии.

В центре внимания находится время службы Н. А. Ридингера в должности полицмейстера в губернском г. Калуга (1857–1859 гг.), после чего он был переведен на службу в соседний губернский центр г. Орел (1859–1862) и в дальнейшем, в уездный Елец Орловской губернии (1862–1867 гг.). Орловский и елецкий периоды службы Н. А. Ридингера, а также научное наследие, ранее получили освещение в монографических исследованиях [7; 8] и серии статей [2; 3]. Калужский период службы и время его становления как исследователя русской провинции, оставались до недавнего времени неизвестными.

В рецензируемой монографии отражены основные вехи биографии Н. А. Ридингера, в прошлом офицера, ветерана Кавказской войны 1853–1854 гг., полицмейстера с 1857 г. Более детально исследуется калужский период службы и формирование его как исследователя русской провинции, оставившим богатейшее научное и публицистическое наследие.

Книга подготовлена на материалах Государственного архива Калужской области (ГАКО), однако в ней используются также документы из государственных архивов Орловской, Липецкой областей, РГВИА, РГАЛИ, РГИА, РГБ и РНБ [5; 9].

Первые две главы книги имеют общий, обзорный характер. В первой главе исследуется происхождение рода Ридингеров, сведения о предках и родителях. Во второй главе рассматриваются основные вехи военной службы Н. А. Ридингера с момента окончания в 1844 г. в Гатчине школы прапорщиков и кавалерийских юнкеров, в дальнейшем участие в военных действиях на Кавказе в 1853–1854 гг., полученные ранения и исполнение обязанностей коменданта Бахчисарая (1854–1855), в дальнейшем служба в штабе Кронштадского военного губернатора (1855–1856).

Более ранние публикации автора об этом времени удачно дополняются новыми архивными находками, свидетельствующими о родстве Н. А. Ридингера с адмиралом М. Н. Станюкович, что объясняет взлет офицера по карьерной службе [10, с. 14]. Н. А. Ридингер приходился адмиралу зятем. Брак с дочерью адмирала, Екатериной, был первым браком Н. А. Ридингера. Второй брак после смерти первой жены был с дочерью адмирала А. П. Авинова Александрой. Несмотря на обзорность изложения, первые главы дают хорошее представление о предмете исследования.

Основная, третья, глава посвящена калужскому периоду службы. Особенность этого времени заключалась в том, что Н. А. Ридингер еще не имел опыта работы, возглавив полицейское управление и пожарную часть города. Этим автор объясняет трудности службы и нарекания со стороны губернаторов Д. Н. Толстого и В. А. Арцимовича. Конфликт с В. А. Арцимовичем послужил причиной перевода его в г. Орел.

В Калуге Н. А. Ридингер начал формироваться как исследователь. Н. А. Тропин формулирует две причины к этому. Первая причина: вероятность влияния ссыльного декабриста Гавриилы Степановича Батенькова на увлечение историей и статистикой молодого полицмейстера. Г. С. Батеньков был амнистирован в 1856 г. и переехал жить в Калугу, занимаясь литературной деятельностью. Некоторое время он находился под надзором молодого полицмейстера. Между ними сформировались дружеские отношения. Вторая причина: согласно должностным обязанностям, Н. А. Ридингер составляет статистические отчеты и это становится его увлечением [10, с. 16–18]. В ГАКО сохранился его отчет по г. Калуга за 1858 г. А в январе 1859 г. Н. А. Ридингер становится автором пяти публикаций в «Калужских губернских ведомостях», в основе информации которых лежат сведения о деятельности городской полиции. Проанализировав эти публикации, Н. А. Тропин выделяет характерные черты ридингеровской публицистики, как прямолинейность, назидательность, громоздкий стиль изложения [6].

Важную часть книги составляют шесть приложений, представляющие публикацию архивных документов, связанных с Н. А. Ридингером и воссоздающих атмосферу того времени. В первом приложении – Дело о калужском пожаре 1857 г. Документы содержат информацию о масштабах пожара, о мероприятиях по укреплению пожарного дела, в том числе о его финансировании, о характере переписки между инстанциями. Документы информируют об опыте, приобретаемом молодым полицмейстером майором Н. А. Ридингером, на поприще нового руководителя пожарного дела в Калуге. В этой связи важны распоряжение и инструкция губернатора Д. Н. Толстого о мерах по совершенствованию пожарной части. Этот опыт Н. А. Ридингер в полном объеме учтет в орловский период службы и напишет в дальнейшем свою объемную инструкцию для пожарной части [7, с. 25–26].

Во втором приложении частично публикуются материалы статистического описания г. Калуги за 1858 г., авторство которого связано с Н. А. Ридингером. Это его первый опыт в служебной деятельности, который в дальнейшем будет продолжен в г. Орел и г. Елец. Статистическое описание Калуги отличается краткостью, лаконичностью изложения.

Третье приложение является воспроизведением публикаций Н. А. Ридингера в «Калужских губернских ведомостях». Это первые газетные статьи исследователя, они отражают сведения о деятельности калужской полиции.

В четвертом приложении впервые публикуется письмо Н. А. Ридингера в газету «Русский дневник» от 22.04. 1859 г. Подлинник письма хранится в Отделе рукописей РНБ. По своему содержанию он описывает опыт работы ка-

лужской полиции в сфере делопроизводства. В нем – размышления автора и статистические данные.

Пятое приложение – письмо Н. А. Ридингера из г. Орел от 18.12.1860 г, адресованное Г.С. Батенькову. По содержанию письмо личного характера, с информацией о новостях в Санкт-Петербурге и Орле. Письмо публикуется повторно, подлинник хранится в НИОР РГБ [4].

В шестом приложении впервые публикуется значительная часть документов о проверке губернатором В. А. Арцимовичем пожарной команды в период с декабря 1858 г. по июль 1859 г. Они представляют значительный интерес для изучения истории пожарного дела в Калуге. Н. А. Тропиным обращается внимание на то, что проверка осуществлялась с «пристрастием» с целью уличить в служебных нарушениях молодого полицмейстера. Очевидно, что между ними возник конфликт. Как известно, В. А. Арцимович, губернаторствуя, не считался ни с какими авторитетами и неуклонно проводил свою административную линию, вызывая и одобрение, и ненависть в провинциальном обществе, пользуясь Высочайшим авторитетом у императора [1].

Важно отметить, что текст книги сопровождает подборка иллюстраций с видами губернской Калуги, литографии и фотографии исторических лиц, а также копии документов, воссоздающие образ того времени. До появления публикаций Н. А. Тропина о Н. А. Ридингере почти ничего не было известно. В настоящее время можно констатировать, что неизвестная фигура необычного полицмейстера, занимающегося исследованиями, благодаря архивным изысканиям, постепенно приобрела реальные очертания. Значение наследия Н. А. Ридингера трудно переоценить. В конце 1850-х – 1860-х гг. он стоял у истоков исторических региональных исследований в Орловской губернии, а в калужский период службы формировались предпосылки его как исследователя.

Литература

1. Иванов В. Образцовый губернатор. Жизнь и тяготы Виктора Арцимовича // Родина. 2009. №6. С.101 – 102.

2. Ляпин Д.А. К вопросу о становлении провинциальной исторической науки в 1860-гг.: рукописное наследие Н.А. Ридингера о Елецком крае // История: факты и символы. 2015. №3 (4). С.47 – 55.

3. Тропин Н.А. Н.А. Ридингер: необычный полицмейстер в среднерусской провинции середины XIX в. // История: факты и символы. 2015. №3 (4). С.94 – 1 21.

4. Тропин Н.А. Калужский полицмейстер Н.А. Ридингер и декабрист Г.С. Батеньков: неизвестное письмо // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 4. История. 2015. №2(32). С.71 – 78.

5. Тропин Н.А. Елецкий полицмейстер Н.А. Ридингер и П.И. Бартеньев: неизвестное письмо // История: факты и символы. 2016. №1 (6). С.102 – 107.

6. Тропин Н.А. Н.А. Ридингер: просветительские взгляды полицейского чиновника Российской империи // Filo Ariadne. Электронный научный журнал. 2016. №4. URL: filoariadne.esrae.ru/6-92 (Дата обращения: 29.10.2016).

7. Тропин Н.А. Губернский город Орел середины XIX века взглядом полицмейстера. Воронеж: Научная книга, 2015. 91 с.

8. Тропин Н.А., Ляпин Д.А. Н.А. Ридингер – елецкий полицмейстер и краевед (1862 – 1867). Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. 184 с.

9. Тропин Н.А. Николай Александрович Ридингер: полицмейстер и исследователь Орловского края. По материалам Государственного архива Орловской области // Вестник архивиста. 2017. №2. С.169 – 184.

10. Тропин Н.А. Н.А. Ридингер – калужский полицмейстер середины XIX века. Воронеж: Научная книга, 2017. 72 с.

References

1. Ivanov V. Obrazcovyj gubernator. ZHizn' i tyagoty Viktora Arcimovicha (Exemplary Governor. Life and the hardships of Viktor Artsimovich) //Rodina. 2009. No. 6. P. 101–102. (In Russian).

2. Lyapin D. A. K voprosu o stanovlenii provincial'noj istoricheskoj nauki v 1860-gg.: rukopisnoe nasledie N.A. Ridingera o Eleckom krae (On the formation of the provincial history of science in the 1860s.: the manuscript heritage of N. Rüdinger about Yelets region) // Istoriya: fakty i simvoly. 2015. No. 3 (4). P. 47–55. (In Russian).

3. Tropin N. A. N. A. Rüdinger: neobychnyj policmejster v srednerusskoj provincii serediny XIX v. (N. Rüdinger: an unusual chief of police in the Central Russian province of the middle XIX century) // Istoriya: fakty i simvoly. 2015. No. 3 (4). P. 94–121. (In Russian).

4. Tropin N. A. Kaluzhskij policmejster N.A. Rüdinger i dekabrist G.S. Baten'kov: neizvestnoe pis'mo (The police chief of the city of Kaluga Rüdinger and the Decembrists Baten'kov: unknown letter) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. 4. Istoriya. 2015. No. 2 (32). P. 71–78. (In Russian).

5. Tropin N. A. Eleckij policmejster N. A. Rüdinger i P. I. Barten'ev: neizvestnoe pis'mo (The police chief of the city of Yelets Rüdinger and P. I. Bartenev: unknown letter) // Istoriya: fakty i simvoly. 2016. No. 1 (6). P. 102–107. (In Russian).

6. Tropin N. A. N. A. Rüdinger: prosvetitel'skie vzglyady policejskogo chinovnika Rossijskoj imperii (N. Rüdinger: educational views of the police officials of the Russian Empire) // Filo Ariadne. EHlektronnyj nauchnyj zhurnal. 2016. No. 4. URL: filoariadne.esrae.ru/6-92 (Accessed: 29.10.2016). (In Russian).

7. Tropin N. A. Gubernskij gorod Orel serediny XIX veka vzglyadom policmejstera (Gubernia town Oryol of mid – 19th century as seen by the chief of the police). Voronezh: Nauchnaya kniga, 2015. 91 p. (In Russian).

8. Tropin N. A., Lyapin D. A. N. A. Ridinger – eleckij policmejster i kraeved (1862–1867) (N. A. Rüdinger, Yelets Polizeimeister and local historian: 1862–1867). Yelets: Yelets state university named after I. A. Bunin, 2015. 184 p. (In Russian).

9. Tropin N. A. Nikolaj Aleksandrovich Rüdinger: policmejster i issledovatel' Orlovskogo kraya. Po materialam Gosudarstvennogo arhiva Orlovskoj oblasti (Nikolai Rüdinger: police and researcher of the Oryol region. According to the materials of the State archive of Orel region) // Vestnik arhivista. 2017. No. 2. P. 169–184. (In Russian).

10. Tropin N. A. N. A. Rüdinger – kaluzhskij policmejster serediny XIX veka (N. A. Rüdinger – Kaluga police in the middle of the XIXth century). Voronezh: Nauchnaya kniga, 2017. 72 p. (In Russian).

ЮБИЛЕИ

УДК 929

Н. А. Трапш, В. П. Трут

«АРХЕОЛОГ ФАКТА» И «ПРИЛЕЖНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ» ДОНСКОЙ ИСТОРИИ: К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА АГАФОНОВА

Представленная статья может рассматриваться как инициативное исследование, связанное комплексным анализом научного и общественного наследия выдающегося донского историка Анатолия Ивановича Агафонова. Центральным элементом историографической реконструкции выступает системная эволюция индивидуальной проблематики, рассматриваемой ростовским ученым в контексте значимых социокультурных явлений с синхронной локализацией. Значительное внимание уделено также отдельным научным трудам А. И. Агафонова, раскрывающим имманентные особенности формирующейся авторской методологии, обращенной к обширному и разнообразному фактическому материалу, заимствованному из дифференцированных российских и зарубежных источников и верифицируемому в рамках компаративного привлечения эмпирических данных вспомогательных дисциплин (фалеристика, геральдика, генеалогия, сфрагистика). Особое место отведено фундаментальным работам, посвященным донской истории, составляющим значительную часть творческого наследия выдающегося юбиляра. Отдельную характеристику получила длительная работа А. И. Агафонова, связанная с системной интеграцией научного знания в образовательные практики высшей школы, осуществляемой как в российских условиях, так во французском университетском пространстве, проявившем значительный интерес к демографическим проблемам Юга России. Авторскую оценку получили и личные качества ростовского исследователя, представленного как истинный российский интеллигент, позиционирующий общественные интересы выше собственного блага.

Ключевые слова: казачество, реформы, награды, геральдика, исторический источник, сословия, дворянство, Дон.

N. A. Trapsh, V. P. Trut

«ARCHAEOLOGIST OF FACT» AND «DILIGENT CHRONICLER» OF THE DON HISTORY: TO THE 70TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ANATOLY IVANOVICH AGAFONOV

The article can be considered as an initiative study connected with the complex analysis of scientific and public heritage of the outstanding Don historian Anatoly Ivanovich Agafonov. The central element of historiographic reconstruction is the system evolution of individual problems considered by the Rostov scientist in the context of significant sociocultural phenomena with synchronous localization. A considerable attention is also paid to the individual scientific works of A. I. Agafonov, revealing the immanent features of the emerging authorial methodology, addressed to a vast and diverse factual material, borrowed from differentiated Russian and foreign sources and verified in the framework of comparative attraction of empirical data of auxiliary disciplines (faleristics, heraldry, genealogy, sphragistics). A special place is given to the fundamental works devoted to the Don history, which is a significant part of the creative heritage of the outstanding jubilee. A long-term work of A. I. Agafonov, associated with the system integration of scientific knowledge in the educational practices of higher education, carried out both in Russian conditions and in the French academic framework, which showed considerable interest in the demographic problems of the South of Russia. The personal qualities of the Rostov researcher were estimated as well, he is presented as the true Russian intellectual, positioning public interests above his own blessing.

Key words: Cossacks, reforms, awards, heraldry, estates, nobility, historical source, the Don.

В отечественной историографии заслуженное определение «археолог факта» прочно закрепилось за выдающимся российским ученым конца XIX – начала XX столетия А. С. Лаппо-Данилевским, приобретшим широкую известность не только в качестве крупнейшего специалиста в области научной методологии, но и в образе педантичного и упорного собирателя критически осмысливаемого эмпирического материала. Образное выражение «прилежный летописец» неразрывно связано с творческим наследием блестящего поэта и проповедника Джона Донна, представлявшего так называемую «метафизическую школу» литературного барокко и ставшего известным русскоязычному читателю благодаря блестящим переводам И. Бродского. В одном из сатирических памфлетов английский мыслитель нарисовал органичный образ почти профессионального исследователя, уединившегося в тесной каморке, окруженного множеством разнообразных книг и сторонящегося мирской суеты в желанные моменты творческого озарения. Естественные черты рассмотренных персонажей символично соединяются в мощной фигуре Анатолия Ивановича Агафонова, которая уже приобрела знаковый характер для донской исторической науки.

Жизненный и творческий путь самобытного исследователя неразрывно связан с Ростовским государственным университетом (в настоящее время – Южный федеральный университет), в котором он сформировался как профессиональный историк и педагог. На начальном этапе исследовательская деятельность А. И. Агафонова развивалась под непосредственным воздействием А. П. Пронштейна, выдающегося ученого и творческой личности, вокруг которого сложилась одна из мощнейших региональных научных школ. Молодой исследователь блестяще продолжил масштабный труд собственного учителя, посвященный донской истории XVIII столетия [9], и обратился к последовательному изучению актуальных проблем социально-экономического и политического развития рассматриваемого региона в дореформенный период [7]. Используя широкий круг разнообразных исторических источников, значительная часть которых впервые вводилась в научный оборот, А. И. Агафонов показал системное взаимодействие различных хозяйственных и общественных явлений, олицетворяющих феодально-крепостническую систему и формирующиеся отношения стремительно приближающейся индустриальной эпохи. Талантливый историк рассмотрел кризисные явления в экономической деятельности различных категорий местного населения, связанные с последовательным разрушением традиционного уклада, основанного на натуральном хозяйстве и мелкотоварном производстве, и синхронным становлением рыночной кооперации и интенсивного товарного обмена. А. И. Агафонов выделил наиболее значимые социальные противоречия, связанные как с отживающими сословными отношениями, так и с успешно складывающимися новыми формами общественной дифференциации. Ростовский исследователь рассмотрел также длительную подготовку и системную реализацию масштабной реформы внутреннего управления Войска Донского, осуществленную в 1835 году и отразившей противоречивый характер правительственной политики по отношению к специфическому региону. В частности, А. И. Агафонов обоснованно выделил то существенное обстоятельство, что значительную роль в региональной управленческой практике играли дворянские сословные организации, содействовавшие последовательной реализации самодержавного политического курса.

Длительная работа над избранной темой сформировала у профессионального исследователя закономерный интерес к разнообразным историческим источникам, широко представленным применительно к донской истории. Последовательное обращение к источниковедческой проблематике потребовало синхронного изучения дополнительных вопросов, связанных с практическим использованием локальных данных, формируемых в исследовательской практике вспомогательных исторических дисциплин [6]. Одновременно в реальной сфере научных интересов А. И. Агафонова оказались историографические и краеведческие изыскания, содержащие ценный эмпирический материал, требовавший фундаментального анализа [3, 4, 8]. Длительная работа в избранной предметной области увенчалась в 2002 году блестящей защитой докторской диссертации «История Донского края XVI – первой половины XIX вв.: Теоретические и историко-источниковедческие аспекты», которой предшествовало ожидаемое появление фундаментальной монографии «История Донского края (XVI – первая половина XIX века. Исторические источники и их изучение)» [5]. Опираясь на масштабные разработки в области региональной историографической традиции и широкой использование вспомогательных исторических дисциплин, А. И. Агафонов проделал колоссальную эвристическую и ана-

литическую работу, естественным результатом которой стала обобщающая характеристика сложного комплекса исторических свидетельств, отражающих различные аспекты донской средневековья и Нового времени.

Сложившийся ученый органично пришел к глубоким выводам, имеющим принципиальное значение для последующего изучения региональной истории. В частности, А. И. Агафонов справедливо отметил то существенное обстоятельство, что актовый и делопроизводственный материал, относящийся к историческому прошлому Дона, может быть адекватно осмыслен только при комплексном рассмотрении, исключающем выборочную реконструкцию эмпирического материала на основе субъективных критериев и личных исследовательских интересов. Представленный вывод приобретает особую значимость применительно к сложному комплексу разнообразных документов, объединенных общим названием «Донские дела», качественное изучение которых предполагает последовательный анализ не только содержательных аспектов, но и сложных вопросов, связанных с генетическим и структурными особенностями каждого выделенного источника. Пристальное внимание А. И. Агафонова было обращено и на послужные списки офицерского и генеральского состава Войска Донского, а также на казачьи генеалогические таблицы, рассматриваемые как важнейший источник, характеризующий социально-экономические, политические и культурные аспекты региональной истории. Особое внимание ростовский исследователь уделил картографическим материалам, выделенным как особый объект источниковедческого анализа. А. И. Агафонов показал, что российские и местные карты в отличие от многих аналогичных зарубежных памятников практически не содержат гипотетических и фантастических данных, а включенные в рассматриваемый источник художественные фрагменты требуют дополнительного изучения, опирающегося на последовательное использование специального методологического инструментария.

В последующий период авторитетный исследователь обратился к новой области научного анализа, связанной с комплексным изучением многочисленных наград и пожалований донского казачества, а также изобразительных источников, раскрывающих новые грани региональной истории. А. И. Агафонову удалось обобщить огромный эмпирический материал, находящийся в профильных фондах и открытых экспозициях областных, российских и зарубежных музеев, а также частных собраниях, и показать, что историческое прошло Дона может быть полнее охарактеризовано при систематическом использовании разнообразных данных, формируемых такими вспомогательными историческими дисциплинами как фалеристика, геральдика, генеалогия, сфрагистика. Талантливому историку удалось показать, что исследуемые награды и пожалования донского казачества являются отчетливой иллюстрацией сложного процесса, связанного с последовательной инкорпорацией Войска Донского в российскую и европейскую социально-политическую и культурную среду. Достигнутые результаты нашли масштабное отражение в нескольких фундаментальных монографических исследованиях, среди которых необходимо выделить известные труды «Донские казаки. Грудь в крестах … Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – начало XX вв.» и «Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца» [1, 2].

А. И. Агафонов не только является талантливым ученым, но блестящим университетским профессором, воспитавшим несколько поколений профессиональных историков. Как прекрасный лектор он неизменно привлекает особое внимание студенческой аудитории, умело демонстрируя собственные энциклопедические знания и превращая рутинные дисциплины учебного плана в замечательные источники разнообразной научной информации. А. И. Агафонов всегда остается доброжелательным и требовательным руководителем, вдохновенно работающим с прикрепленными студентами, магистрантами и аспирантами. Педагогический и научный потенциал выдающегося историка получил и международное признание, связанное с длительным участием в международной исследовательской программе по исторической демографии России, финансируемой французским правительством при общей координации Института демографии (INED) при Парижском университете. В рамках указанного проекта ростовский историк ежегодно читает лекционные курсы для местных студентов, высокое качество которых отразилось в заслуженном звании почетного профессора INED.

Научные успехи А. И. Агафонова в значительной степени определяются благоприятной социокультурной ситуацией, развивающейся синхронно с исследовательским процессом. Анатолий Иванович пользуется огромным уважением в рамках студенческого и педагогического коллектива родной кафедры специаль-

ных дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, неизменно оказывает огромную помощь начинающим коллегам и отличается твердой и принципиальной позицией в разнообразных жизненных и творческих коллизиях. Он пользуется широкой известностью далеко за пределами донского научного сообщества, но предпочитает использовать безусловный авторитет для успешного решения кафедральных и университетских задач. Славный юбилей – это небольшая остановка на прекрасном научном пути, долгого продолжения которого хочется пожелать в связи со знаменательной датой.

Литература

1. Агафонов А. И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2011. 388 с.

2. Агафонов А. И. Донские казаки. Грудь в крестах … Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – начало XX вв. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2009. 552 с.

3. Агафонов А. И. История Дона и Северного Кавказа в трудах А. П. Пронштейна // История. Научные поиски и проблемы (Памяти А. П. Пронштейна. 1919–1998 гг.). Ростов-на-Дону: РГУ, 2000. С. 83–100.

4. Агафонов А. И. История Дона эпохи феодализма в современной советской исторической литературе // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1990. №3. С. 63–80.

5. Агафонов А. И. История Донского края (XVI – первая половина XIX века. Исторические источники и их изучение). Ростов-на-Дону: Приазовский край, 2001. 386 с.

6. Агафонов А. И. Картографические материалы и географические известия XVI – начала XVIII в. как источник по истории Донского края // Исторические этюды. 2001. №4. С. 36–53.

7. Агафонов А. И. Область Войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов-на-Дону: РГУ, 1986. 192 с.

8. Агафонов А. И. Становление и развитие исторического краеведения на Дону в XVIII – начале XX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Дикаревские чтения (6). Краснодар: ГУП «Кубанькино», 2000. С. 53–58.

9. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону: РГУ, 1961. 377 с.

References

1. Agafonov A. I. Donskie generaly v Voennoj galeree Zimnego dvorca *(Don generals in the Military Gallery of the Winter Palace).* Rostov on Don: SFU publ., 2011. 388 p. (In Russian).

2. Agafonov A. I. Donskie kazaki. Grud' v krestah … Iz istorii pozhalovanij, nagrad i znakov otlichija donskogo kazachestva. XVI – nachalo XX vv. *(The Don Cossacks. Breasts in crosses ... From the history of awards, awards and decorations of the Don Cossacks. XVI – the beginning of XX centuries).* Rostov on Don: SFU publ., 2009. 552 p. (In Russian).

3. Agafonov A. I. Istorija Dona i Severnogo Kavkaza v trudah A.P. Pronshtejna *(The history of the Don and the North Caucasus in the writings of A. P. Pronshtein)* // Istorija. Nauchnye poiski i problemy (Pamjati A.P. Pronshtejna. 1919-1998 gg.). Roston on Don: RSU publ., 2000. P. 83–100. (In Russian).

4. Agafonov A. I. Istorija Dona jepohi feodalizma v sovremennoj sovetskoj istoricheskoj literature *(The history of the Don of the epoch of feudalism in modern Soviet historical literature)* // Izvestija SKNC VSh. Obshhestvennye nauki. 1990. No. 3. P. 63–80. (In Russian).

5. Agafonov A. I. Istorija Donskogo kraja (XVI – pervaja polovina XIX veka. Istoricheskie istochniki i ih izuchenie) *(History of the Don Territory (XVI – the first half of the XIX century. Historical sources and their study).* Roston on Don: Priazovskij kraj, 2001. 386 p. (In Russian).

6. Agafonov A. I. Kartograficheskie materialy i geograficheskie izvestija XVI – nachala XVIII v. kak istochnik po istorii Donskogo kraja *(Cartographic materials and geographical news XVI – early XVIII century as a source on the history of the Don region)* // Istoricheskie jetjudy. 2001. No. 4. P. 36-53. (In Russian).

7. Agafonov A. I. Oblast' Vojska Donskogo i Priazov'e v doreformennyj period *(Area of the Don Army and Priazovye in the pre-reform period).* Roston on Don: RSU publ., 1986. 192 p. (In Russian).

8. Agafonov A. I. Stanovlenie i razvitie istoricheskogo kraevedenija na Donu v XVIII – nachale XX v. *(Formation and development of historical local lore on the Don in the XVIII – early XX century)* // Itogi fol'klorno-jetnograficheskih issledovanij jetnicheskih kul'tur Kubani za 1999 god. Dikarevskie chtenija (6). Krasnodar: GUP «Kuban'kino», 2000. P. 53–58. (In Russian).

9. Pronshtejn A. P. Zemlja Donskaja v XVIII veke *(The Don land in the XVIII century).* Roston on Don: RSU publ., 1961. 377 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багдасарян Ани Гегамовна – преподаватель английского языка ЧУОДО «Инглиш Хаус» (Ставрополь) / ani120887@yandex.ru.

Беликов Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / abelikov@rambler.ru.

Борисов Аркадий Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / arka.dij@mail.ru.

Боташева Лейла Эмербековна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / botasheval@gmail.com.

Венков Андрей Вадимович – доктор исторических наук, заведующий лабораторией «Казачество» Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону) / Petrakis_hist@bk.ru.

Гладышева Анна Сергеевна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва) / zhurslav@gmail.com.

Головко Николай Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры русской речи гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / nvgolovko@inbox.ru.

Грушевская Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / kff-kubsu@yandex.ru.

Гусаренко Сергей Викторович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой культуры русской речи гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kaf.KRR@yandex.ru.

Гущян Лусинэ Степановна – научный сотрудник высшей категории Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) / medievist@yahoo.com.

Диреганова Ангелина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / direganova@yandex.ru.

Дудайти Альберт Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и политологии исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ) / adudaiti@mail.ru.

Зайцева Евгения Сергеевна – аспирант кафедры истории Древнего мира и средних веков, Уральский Федеральный университет (Екатеринбург) / zajceva-evgeniya@list.ru.

Захарченко Ольга Николаевна – аспирант кафедры археологии и всеобщей истории гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / okabyaka@mail.ru.

Золоева Зарина Тамерлановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (Владикавказ) / 4noiabria@mail.ru.

Кабылкина Наталья Сергеевна – аспирант кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / zahobeska@rambler.ru.

Кажаров Артур Гусманович – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (Нальчик) / artur-kazharov@yandex.ru.

Каменский Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / stavdev@mail.ru.

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и исторической политологии исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета (Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru.

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / igory5@yandex.ru.

Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (Нальчик) / kir-kbsu@mail.ru.

Култышев Павел Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / halchard@mail.ru.

Купреева Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой и отечественной литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 88888888_87@mail.ru.

Лиховид Андрей Александрович – доктор географических наук, кандидат биологических наук, проректор по научной работе и стратегическому развитию, профессор кафедры экологии и природопользования института математики и естественных наук Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / alikhovid@ncfu.ru.

Любушкина Елена Юрьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / luybyshkina@rambler.ru.

Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (Нальчик) / mamsirhb@mail.ru.

Мнацаканян Ева Жораевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института литературы им. М. Абегяна Национальной академии наук Армении (Ереван, Армения) / MnacakanyanEva@mail.ru.

Моисеева Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии, социологии и сервиса Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / moiseevaen@rambler.ru.

Нагамова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / rgya-mk@yndex.ru.

Островская Инна Валериевна – научный сотрудник Музея героической обороны и освобождения Севастополя (Севастополь) / ostrov-33@mail.ru.

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / pantyukhina@rambler.ru.

Покотилова Татьяна Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / t.pokotilova@gmail.com.

Романова Нина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / history_d03@mail.ru.

Рощупкин Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, преподаватель Ростовского государственного университета путей сообщения (филиал в г. Елец Липецкой области: Елецкий техникум железнодорожного транспорта) / alex.roschupkin@rambler.ru.

Рыженков Анатолий Яковлевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкого государственного университета (Элиста) / 4077778@list.ru

Сердюкова Алина Игоревна – аспирант кафедры экологии и природопользования Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / aserdiukova@ncfu.ru.

Скворцов Артём Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета (Челябинск) / Artyom-skvorcov@yandex.ru.

Смирнов Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / dmi197526@yandex.ru.

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, директор Государственного архива Ростовской области, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / tirpizn@sfedu.ru.

Трофимов Максим Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Sim-pai@mail.ru.

Трут Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории XX – XXI вв. института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / trut.vladimir@rambler.ru.

Ходус Вячеслав Петрович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / xodusvp@yandex.ru.

Цолоев Тамерлан Султанович – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (Нальчик) / konadmpravo@mail.ru.

Чепурина Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / rgya-mk@yandex.ru.

Чомаев Заур Абдулкеримович – преподаватель кафедры восточных языков и культур Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / zaurak1976@ mail.ru.

Шальнев Виктор Александрович – доктор географических наук, профессор, профессор кафедры физической географии и кадастров института математики и естественных наук Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / likhovid@rambler.ru.

Шейко Дарья Владимировна – аспирант кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / dashejko@yandex.ru

Шишкин Владимир Александрович – судья Буденновского городского суда (Буденновск) / navasardova@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bagdasaryan Ani – Teacher of English in EF English First (Stavropol) / ani120887@yandex.ru.

Belikov Alexandr – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Foreing History, Political Science and Foreign Affairs of North Caucasus Federal University (Stavropol) / abelikov@rambler.ru.

Borisov Arcady – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute Department, Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / arka.dij@mail.ru.

Botasheva Leila – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / botasheval@gmail.com.

Venkov Andrej – Dr. of Historical Sciences, Head of Laboratory «The Cossacks», Southern Scientific Centre of RAS (Rostov on Don) / Petrakis_hist@bk.ru.

Gladysheva Anna – junior research associate, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow) / zhurslav@gmail.com.

Golovko Nikolai – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of Culture of Russian speech, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / nvgolovko@inbox.ru.

Grushevskaya Elena – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of English Philology, Kuban State University (Krasnodar) / kff-kubsu@yandex.ru.

Gusarenko Sergei – Dr. of Philology Sciences, Head of Culture of Russian speech Department, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kaf.KRR@yandex.ru.

Gushchian Lusine – Scientific associate, Russian ethnographic museum (St. Petersburg) / medievist @yahoo.com.

Direganova Angelina – PhD in Law, Associate Professor, Chair of theory and history of state and law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / direganova@yandex.ru.

Dudaiti Albert – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of General history and political science, North-Ossetian state University (Vladikavkaz) / adudaiti@mail.ru.

Zaitseva Evgeniya – Post Graduate, Chair of Ancient world and the Middle Ages, Ural Federal University (Ekaterinburg) / zajceva-evgeniya@list.ru.

Zaharchenko Olga – Post Graduate, Chair of Foreing History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / okabyaka @ mail.ru.

Zoloeva Zarina – senior Teacher of Chair of Theory and History of State and Law, at North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / 4noiabria@mail.ru.

Kabylkina Natalia – Postgraduate of the Chair of Roman-German Linguistic and Cross-cultural Communication, Institute of Humanities, North-Caucuses Federal University (Stavropol) / zahobeska@rambler.ru.

Kazharov Artur – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism of the Kabardino-Balkar State University (Nalchik) / artur-kazharov@ yandex.ru.

Kamenskii Michael – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / stavdev@mail.ru.

Koibaev Boris – Dr. of Political Sciences, Professor, Head of Chair of New and Recent History, the North Ossetian State University (State Technological University) (Vladikavkaz) / koibaevbg@mail.ru.

Kryuchkov Igor – Dr. of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of North Caucasus Federal University (Stavropol) / igory5@yandex.ru.

Kuz'minov Petr – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, Kabardino-Balkar State University (Nalchik) / kir-kbsu@mail.ru.

Kultyshev Pavel – PhD in Historical Sciences, Senior Teacher, Chair of Russian History of the Institute of History and International Relations, Sothern Federal University (Rostov on Don) / halchard@mail.ru.

Kupreeva Irina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, National and World Literature Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / 88888888_87@ mail.ru.

Likhovid Andry – Dr. of Geographical Sciences, PhD in Biological Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and Strategic Development, Professor of the Department of Ecology and Nature Management of the Institute of Mathematics and Natural Sciences of the North Caucasus Federal University (Stavropol) / alikhovid@ncfu.ru.

Lyubushkina Elena – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Russian history, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / luybyshkina@rambler.ru.

Mamsirov Khamitbi – Dr. of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of General History, Kabardino-Balkar State University (Nalchik) / mamsirhb@mail.ru.

Mnatsakanyan Eva – PhD in Philological Sciences, Senior Research Assistant, Institute of Literature after M. Abeghyan, National Academy of Sciences RA (Yerevan, Republic of Armenia) / MnacakanyanEva@mail.ru.

Moiseeva Ekaterina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor Chair of History, Political Science, Sociology and Service, Saratov State Law Academy (Saratov) / moiseevaen@rambler.ru.

Nagamova Natalya – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / rgya-mk@yndex.ru

Ostrovskaya Inna – researcher, Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol (Sevastopol) / ostrov-33@mail.ru.

Pantyukhina T. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of North Caucasus Federal University (Stavropol) / pantyukhina@rambler.ru.

Pokotilova Tatyana – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / t.pokotilova@gmail.com.

Romanova Nina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of North Caucasus Federal University (Stavropol) / history_d03@mail.ru.

Roshchupkin Aleksej – PhD in Historical Sciences, lecturer, Rostov State Transport University, Yelets of the Lipetsk region: Yelets technical school of railway transport / alex.roschupkin@rambler.ru.

Ryzhenkov Anatolij – Dr. of Legal Science, Professor, Chair of Civil Law and Process, Kalmyk State University (Elista) / 4077778@list.ru

Serdyukova Alina – postgraduate student, Chair of Ecology and Nature Management, North Caucasus Federal University (Stavropol) / aserdiukova@ncfu.ru.

Skvortsov Artem – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History and Foreign Countries, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk) / skvorcov@yandex.ru.

Smirnov Dmitrij – Dr. of Legal Science, Professor, Head of Chair of Administrative and Financial Law, Director of the Law Institute of North Caucasus Federal University (Stavropol) / dmi197526@yandex.ru.

Trapsh Nikolay – PhD in Historical Sciences, Director of the State Archive of the Rostov Territory, Associate Professor, Chair of Special Historical Disciplines and Documentation, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / tirpizn@sfedu.ru.

Trofimov Maxim – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Sim-pai@mail.ru.

Trut Vladimir – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of National History of the XX–XXI, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / trut.vladimir@rambler.ru.

Khodus Vyacheslav – Dr. of Philology, Professor, Head of Chair Russian Language, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / xodusvp@yandex.ru.

Coloev Tamerlan – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Constitutional and administrative Law, Kabardino-Balkar State University (Nalchik) / konadmpravo@mail.ru.

Chepurina Irina – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / rgya-mk@yandex.ru.

Chomaev Zaur – teacher, Chair of Oriental Languages and Cultures, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / zaurak1976@ mail.ru.

Shalnev Viktor – Dr. of Geographical Sciences, Professor, Chair of Physical Geography and Cadastre, Institute of Mathematics and Natural Sciences, North Caucasus Federal University (Stavropol) / likhovid@rambler.ru.

Shejko Darya – post-graduate, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / dashejko@yandex.ru.

Shishkin Vladimir – judge of the Budennovskiy Town Court (Budennovsk) / navasardova@yandex.ru.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2017. № 4

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 26.12.2017

Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 28,71 Уч.-изд. л. 28,19

Бумага офсетная Заказ 213 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2